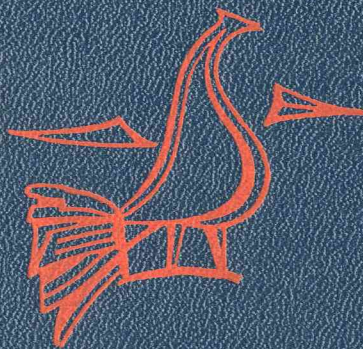

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

ФОЛЬКЛОР
И ЭТНОГРАФИЯ
РУССКОГО
СЕВЕРА

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т Э Т Н О Г Р А Ф И И и м . Н . Н . М И К Л У Х О - М А К Л Я

Ф О Л Ъ К Л О Р
И Э Т Н О Г Р А Ф И Я
Р У С С К О Г О
С Е В Е Р А

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
Л Е Н И Н Г Р А Д 1 9 7 3

Ответственные редакторы
Б. Н. ПУТИЛОВ, К. В. ЧИСТОВ

Ф $\frac{0162-1103}{042(02)-73}$ 135—73

© Издательство «Наука» 1973

О Т Р Е Д А К Ц И И

Русским Севером обычно называют северные области европейской части СССР. При этом имеют в виду преимущественно районы, заселенные русскими. С точки зрения диалектологической — это районы, в которых проживают носители севернорусских диалектов. С точки зрения этнографии — территория, на которой был распространен комплекс севернорусской традиционной бытовой культуры, по своей географической конфигурации весьма сходная с зоной севернорусских диалектов.¹

Русский Север давно привлекает внимание ученых. Без детального изучения истории заселения этих районов выходцами из Новгородской и Ростово-Суздальской земель нельзя понять многих процессов, сыгравших важную роль в социально-экономической истории нашей страны. Не затронутые татаро-монгольским нашествием в XIII—XV вв. и не охваченные наиболее жестокой — помещичьей (частновладельческой) формой крепостного права в XVII—XIX вв., севернорусские области сформировались как естественное хранилище народных бытовых традиций и народной художественной культуры. Они прославились замечательными образцами народной архитектуры, вышивки, резьбы, отчасти росписи. Здесь были открыты всемирно известные русские эпические песни (былины), записано большое количество старинных народных песен, причитаний и сказок, отличающихся неповторимым своеобразием и высокими художественными достоинствами.

И все же многие проблемы изучения истории и культуры Русского Севера еще ждут своей разработки. На очереди прежде всего комплексное исследование проблем представителями различных исторических, филологических и искусствоведческих дисциплин и прежде всего этнографии, фольклористики, этномузыкологии, искусствоведения.

Сборник, предлагаемый вниманию читателей, представляет собой один из первых опытов именно такого — комплексного, раз-

¹ Характеристику основных черт севернорусского комплекса см.: Народы европейской части СССР, т. I. М., 1964, стр. 143—147; Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967.

ностороннего рассмотрения проблем этнографии и фольклора Русского Севера, которые разрабатывались в последние годы. В статье Т. А. Бернштам, открывающей сборник, излагаются некоторые вопросы формирования севернорусского населения на его раннем этапе (IX—XV вв.). В статьях И. В. Власовой, И. Н. Ухановой, М. Л. Мазо и Г. С. Масловой рассматриваются проблемы расселения, жилище, одежда, народная песня и народное искусство сравнительно ограниченного и весьма интересного в историческом отношении Верхнедвинско-Сухонского бассейна. В своей совокупности они составляют, в сущности, небольшую по объему фольклорно-этнографическую монографию, впервые в нашей науке посвященную району, сыгравшему значительную роль в истории европейского Севера СССР.

К этой группе статей примыкают работы А. В. Сафьяновой и А. А. Лебедевой, рассматривающих некоторые формы традиционной культуры севернорусских областей и их отражение в быту русского населения Сибири.

Статья К. Д. Лаушкина представляет собой попытку интерпретации деревянной фигурки, найденной при раскопках в Старой Ладоге.

В сборник вошли статьи, освещающие некоторые актуальные проблемы изучения фольклора Русского Севера в целом (К. В. Чистова — о наследии крупнейшей русской сказительницы XIX в. И. А. Федосовой, Б. Н. Путилова — об отношении севернорусской былины к древнерусскому эпосу, Г. Г. Шаповаловой — о севернорусской легенде об олене).

Две статьи — А. Ф. Некрыловой и Н. И. Савушкиной — посвящены малоизученным проблемам истории народного театра в двух очень разных по своему социальному и культурному облику севернорусских районах — бывшей столичной Петербургской губернии и отдаленном — по р. Онеге.

И, наконец, в сборнике публикуется статья известного советского фольклориста проф. В. Я. Проппа. В ней анализируются связи древнерусской живописи и фольклора на примере сюжета змеборчества Георгия, пользовавшегося широкой популярностью в севернорусских областях. Статья В. Я. Проппа извлечена из архива замечательного ученого, скончавшегося в 1970 г. В мае 1970 г. он прочитал свой последний доклад, который был посвящен этой теме, на заседании восточнославянского сектора Института этнографии АН СССР в Ленинграде.

Т. А. Бернштам

**РОЛЬ ВЕРХНЕВОЛЖСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ
В ОСВОЕНИИ РУССКОГО СЕВЕРА
(IX—XV вв.)**

Автор настоящей статьи в течение ряда лет занимается этнографическим изучением поморов — особой группы севернорусского населения, живущего на побережьях Белого и Баренцева морей. Советские этнографы, основываясь на своеобразии культурно-хозяйственного уклада жизни поморов, а также на существующем в науке мнении о новгородском происхождении приморских жителей, выделили поморов в особую, внутренне однородную этническую группу севернорусского населения.¹ Тем не менее при отсутствии монографического описания поморов до сих пор остается открытым вопрос о степени этнической однородности компонентов, участвовавших в формировании приморских жителей Русского Севера. В результате проведенных исследований автор пришел к выводу, что в сложении поморов принимали участие различные группы пришлого и местного аборигенного населения, разнотничные по составу, так как между поморскими жителями разных территорий имеются антропологические,² этнографические и иные различия.

Поморы вызывают большой этнографический интерес: выделяясь в среде севернорусского населения по ряду хозяйственно-культурно-бытовых признаков уже по крайней мере с XVI в., поморы в то же время органически входили в состав всего русского населения Севера, что до сих пор проявляется в основных чертах их материальной и духовной культуры. Поэтому вывод об этнической неоднородности населения, на базе которого сложились поморы, привел меня к необходимости исследования истории освоения этого края пришлым, главным образом восточносла-

¹ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 31; Народы европейской части СССР, т. 1. М., 1964, стр. 145.

² Д. А. Золотарев. Антропологические данные о великорусах побережья р.р. Сухоны и Сев. Двины. Ежегодник русского антропологического общества, т. VI, Пгр., 1916, стр. 72; Л. Л. Капица. Антропологические данные о поморах Кемского и Онежского уездов. Там же, стр. 148.

вянским, населением, сыгравшим решающую роль в формировании существующего ныне населения.

В последнее время продвинулось вперед накопление различного рода материала, показывающего сложность этнического состава населения Русского Севера, а сам характер материала заставляет ученых обращать большее внимание на ту роль, которую в заселении северного края сыграли славянские и неславянские элементы из Верхневолжского бассейна.³ Антропологические и историко-этнографические работы М. В. Витова,⁴ статьи диалектологов,⁵ этнографические параллели в материальной культуре севернорусского населения и населения Поволжья,⁶ исследования А. М. Астаховой географии севернорусского фольклора⁷ и другие материалы говорят об этнических связях определенных групп населения Русского Севера с народами Поволжья, прослеживающихся по крайней мере с XV по XX в. Археологические исследования, развернувшиеся на Севере в последнее время, дают материал, показывающий, что этнические связи населения указанных районов могут оказаться еще более глубокими, чем это представляется в настоящее время: в бассейне Вычегды, близ Великого Устюга, в Пинежском районе на поселении Явроньга I, на нижней Двине, в Каргопольском озерном крае и на беломорском побережье⁸ обнаружены неолитические комплексы волго-окского типа.

Все эти данные смежных с этнографией наук подсказывали, что следует обратить особое внимание на ту роль, которую играло население Верхневолжского бассейна в освоении Севера в древнейший период русской истории (IX—XV вв.).

В настоящей статье на основании анализа главным образом летописных сообщений и древних актов делается попытка:

а) определить (насколько позволяют источники) время, когда могло происходить самое раннее передвижение на Север населения из верхневолжских областей Древнерусского государства, и ту территорию, которую эта колонизация охватила;

³ Под Верхневолжским бассейном, или верхневолжскими областями, автором статьи понимаются земли, расположенные по Верхней Волге с притоками до впадения Оки с притоками, и земли в волго-окском междуречье.

⁴ М. В. Витов. 1) Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. История СССР. 1964. № 6; 2) Этнические компоненты русского населения на Севере (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.). М., 1964 и др.

⁵ В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина. Из истории диалектных границ в Северной России. Вопросы языкознания, 1968. № 6, стр. 109—119.

⁶ Русские. Историко-этнографический атлас. т. I. М., 1967.

⁷ А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966.

⁸ Г. М. Буров. 1) Археологическое изучение торфяников в Северодвинском бассейне. В сб.: Археологические открытия 1966 г. М., 1967. стр. 7; 2) Первые исследования в бассейне Пинеги. В сб.: Археологические открытия 1968 г. М., 1969. стр. 7; А. А. Куратов, Изучение неолита в Архангельском Беломорье. Там же, стр. 12.

б) поставить вопрос о соотношении новгородской и верхне-волжской колонизации Севера на раннем этапе;

в) выделить возможные этнические компоненты в составе населения, шедшего на Север из бассейна Верхней Волги.

Историко-хронологические границы исследования — вторая половина IX—XV в., т. е. от первых летописных сообщений о размещении славянских и иноязычных племен⁹ на территории Севера до включения Новгорода (и всех новгородских земель) в состав централизованного Русского государства, ядром которого явились северо-восточные княжества Верхней Волги. Оговорим, что под термином «Русский Север», или «Север», подразумевается территория, северной границей которой являются моря Северного Ледовитого океана, южной — бассейн левобережья Верхней Волги, западной — Белое море и восточной — р. Печора.

Как известно, летописные источники фиксируют на территории Севера во второй половине IX в. несколько племен: «заволочьскую чудь», самоедь, югру, печору, емь, лопь. Русскими и зарубежными исследователями разных поколений внесен огромный вклад в историческую и этнографическую науку по сбору материала и решению вопросов формирования этнических общностей, восходящих к перечисленным летописным племенам. Особо следует отметить вышедшие в последнее время обобщающие историко-этнографические труды и отдельные статьи по этнической истории древних аборигенов Севера, при написании которых ученые используют данные археологии, этнографии, антропологии, языкознания и фольклора.¹⁰ Хуже обстоит дело с «заволочьской чудью». Это название появляется в летописи только один раз в перечне различных народов, «сидящих в Афетове части».¹¹ Далее ни в одной из известных нам летописей или каких-либо других письменных источниках (XI—XIII вв.) «заволочьская чудь» не встречается. Многих ученых интересовала загадочная «заволочьская чудь», места ее обитания, этническая связь с финскими племенами, расположенными южнее, на пространстве от Балтийского моря до бассейна Волги. Но, как спра-

⁹ Слово «племя» я употребляю условно для обозначения неких общностей северного населения, отмеченных летописцем, так как неясно, существовала ли под летописным названием действительно единая и устойчивая единица типа племени или союза племен, или эти названия были скорее географическими.

¹⁰ Л. П. Лашук. 1) Очерк этнической истории Печорского края. (Опыт историко-этнографического исследования). Сыктывкар, 1958; 2) «Сиртя» — древние обитатели Субарктики. В сб.: Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии, М., 1968, стр. 178—193; В. Чернецов. К вопросу о месте и времени формирования уральской (финно-угросамодийской) общности. Congr. Intern. Finno-Ugristarum Budapestini Habitus, Budapest, 1963, p. 405—415; Г. М. Буров. Вычегодский край. Очерки древней истории. М., 1965; Л. В. Хомич. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.—Л., 1966.

¹¹ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. I, СПб., 1846, стр. 2; т. V, СПб., 1848, стр. 82; т. VII, СПб., 1856, стр. 261.

ведливо заметил Л. П. Лашук, «исследователям предстоит еще немало потрудиться над тем, чтобы раскрыть сложную чудскую проблему, хотя бы в более узком плане „чуди заволочьской“, но во всех ее возможных аспектах».¹² Вопрос о «заволочьской чуди», как мне кажется, необходимо решать в тесной связи с вопросом о чуди западной, прибалтийской, и Заволочье. Разумеется, в данной статье невозможно даже поднять вопрос во всей его сложности, так как это огромная проблема, требующая всестороннего, глубокого исследования. Историко-этнографические труды и статьи финно-угорских языковедов и топонимистов¹³ показывают сложность этнических скрещиваний и напластований на Севере до прихода туда носителей славянской культуры; пока, по утверждению языковедов, считается доказанным, что последний по времени пласт субстратной топонимики на Севере (перед русским) образуют прибалтийско-финские и саамские элементы, и нерешенным остается вопрос, кого считать более древним аборигенным населением этого края — какие-то группы пермского или угорского происхождения.

Теперь обратимся к славянским и неславянским племенам, обитавшим в области, откуда шло дальнейшее заселение Севера, главным образом восточнославянским населением, а именно к южной, пограничной с Севером территории, в направлении с запада на восток, от побережья Балтийского моря до волго-окского междуречья.

О расселении словен, «седоша около озера Илмена и сделаша град Новгород», говорится и пишется много, причем письменные памятники подкрепляются археологическим материалом. Основное место их обитания и этническая принадлежность к славянам не вызывают сомнений. Однако вопрос о времени появления словен у Ильменя и их проникновение в Приладожье требует дополнительного исследования. Курганы-сопки VI—X вв. и древние отложения на городище Старая Ладога VII—IX вв., рассматривавшиеся ранее как древнейшие памятники славян на Севере,¹⁴ ныне, после проведенного анализа материала, не признаются археологами как бесспорные памятники древних славян.¹⁵ Древней-

¹² Л. П. Лашук. Чудь историческая и чудь легендарная. Вопросы истории, 1969, № 10, стр. 216.

¹³ Н. В. Подольская. О некоторых группах речных наименований Двинской земли. В сб.: Мовознавство, т. 14, Київ, 1957; Г. Я. Симина. Дославянская топонимия Пинежья. Вопросы географии, 1962, № 58; М. В. Витов. Севернорусская топонимия XV—XVIII вв. Вопросы языкознания, 1967, № 4; Б. А. Серебреников. О потенциально возможных названиях рыб в субстратной гидронимике Русского Севера. Советское финно-угроведение, 1967, № 3; А. К. Матвеев. Пермские элементы в субстратной топонимике Русского Севера. Там же, 1968, № 1.

¹⁴ П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. Изд. 2-е. М., 1953.

¹⁵ Г. Ф. Корзухина. 1) О времени появления укрепленного поселения в Ладоге. Советская археология, 1961, № 3, стр. 76—84; 2) Этнический состав населения древнейшей Ладоги. Тез. докл. II научн. конфер.

шие археологические памятники словен в Приильменье датируются VIII—IX вв., а в Приладожье не ранее чем X в.¹⁶ Считается общепризнанным, что племя кривичей, «иже седять на верх Волги, и на верх Двины, и на верх Днепра, их же град есть Смоленск», — славянского происхождения,¹⁷ несмотря на то что с полной определенностью вывести их славянское происхождение из летописи нельзя,¹⁸ на что обращают внимание некоторые авторы. Археологические исследования последних лет на территории летописных кривичей заставляют археологов предположить, что длинные курганы, приписывавшиеся древним кривичам, являются сложноэтническими памятниками, в которых наряду со славянскими присутствуют и неславянские элементы культуры.¹⁹ На запад и юго-запад от новгородских словен располагались племена чуди, в районе Белоозера — веси, в Верхневолжском бассейне — мери. Первые пока известные письменные свидетельства об этих племенах относятся к VI в.: среди целого ряда этнических названий на Севере, перечисленных Иорданом,²⁰ присутствуют *Thiudos, Vas, Merens, Mordens*, которые вполне определенно расшифровываются как чудь, весь, меря, мордва. Соединение этих этнических названий с «непонятными» словами (*Thiudos Inaunxis, Vasinabroncas, Merens Mordens Imniscaris*)²¹ указывает на какие-то, пока не выясненные, определители этих племен, смысл которых может быть самым разнообразным. Слово «*Inaunxis*» было разделено рядом исследователей (Коскинен, Мюлленгоф и др.) на «*in Aunxis*», т. е. «чудь в *Aunuxsen-maa*», где-то на территории между Ладожским и Онежским озерами.²²

по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии. М., 1965, стр. 12—14; И. И. Ляпушкин. Археологические памятники славян лесной зоны Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII—IX вв.). В сб.: Культура древней Руси. М., 1966, стр. 131, и др.

¹⁶ М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. В сб.: Проблемы всеобщей истории. Л., 1967, стр. 65—69; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. Л., 1968, стр. 111—118, рис. 1—4.

¹⁷ П. Н. Третьяков. 1) Восточнославянские племена; 2) Финноугры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 296 и др.; Я. В. Станкевич. Памятники славянской культуры середины I тыс. н. э. в верхнем течении Зап. Двины. Краткие сообщ. Инст. истории матер. культуры, вып. 72, 1958; В. В. Седов. Кривичи. Советская археология, 1960, № 1, и др.

¹⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 5—6; т. II, СПб., 1843, стр. 236.

¹⁹ Е. А. Шмидт. Длинные курганы у деревни Слобода Глушица. В сб.: Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1963, стр. 185—188; М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян... стр. 65; И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы... стр. 177, 172.

²⁰ Иордан. О происхождении и деянии готв. М., 1960, стр. 89.

²¹ Ф. Браун. Разыскание в области гото-славянских отношений. СПб., 1899, стр. 255.

²² Совершенно неизвестно, почему В. Ф. Каховский (В. Ф. Каховский и Мордово-чувашские отношения по данным материальной и духовной культуры. В сб.: Этногенез мордовского народа, Саранск, 1965, стр. 171).

К этому следует добавить, что на карте, составленной в начале XVII в. Ф. Б. Годуновым, р. Свирь между Ладожским и Онежским озерами носит название «Aunisma».²³ Если принять вышеуказанное разделение слова «Inaunxis» и его перевод, то возникает чрезвычайно интересная гипотеза, что где-то на большой территории, западной границей которой является Балтийское побережье, а северо-восточной — район Онежского озера (а может быть, и далее), в IV в. (Иордан фиксирует расположение племен во времена Германариха) существовал большой этнический массив, носящий название «Thiudos». Русская летопись сообщает на IX в. два названия чуди: просто «чудь» и «чудь заволочьская», причем земли, по крайней мере Заонежья, входят в область, известную нам позднее как Заволочье. Не был ли этот единый этнический массив чуди разбит вклинившимся в него населением в районе Ладожского озера: с юга славянами или с севера норманнами?²⁴

Относительно веси, которая «сидит на Белоозере»,²⁵ дает дань Руси²⁶ и находится в рати Олега,²⁷ имеется монография В. В. Пименова,²⁸ в которой на основании письменных, археологических, фольклорных и иных источников делается попытка обрисовать ареал расселения этого племени в IX в. и позднее и связать его в этническом единстве с современными вепсами. Для бесспорного признания ряда выдвинутых автором положений об этническом происхождении и географическом распространении древней веси, мне кажется, имеется недостаточно убедительных доказательств, хотя надо учесть, что проблема сложна и ее постановка сама по себе — немаловажная заслуга автора.

Тема о дославянском населении волго-окского междуречья очень важная, а в ней первое место занимает вопрос о мере. К этой теме не раз подходили еще дореволюционные историки, археологи, лингвисты. Оформились две основные концепции о природе мерянского племени — финская (Кастрен) и угорская (Европеус). Было ясно осознано значение этого населения в формировании великорусской народности (В. О. Ключевский, А. А. Спицын) и сделаны попытки выявить некоторые этнические черты аборигенного населения, «сидевшего», по летописям,

трактует слово «Imniscaris» как «черемисы»: в переводе текста Иордана (стр. 89, на которую ссылается автор статьи) об этом не сказано ни слова. Также не упоминаются черемисы и в прим. 367 (стр. 265—266) к этому отрывку.

²³ Сказания современников о Дмитриии Самозванце, ч. III. Записки Маржерета и президента де-Ту. СПб., 1832. карта.

²⁴ Говоря о норманнах, я имею в виду пересмотренную ныне рядом археологов хронологию заселения славянами северо-запада, в том числе и Приладожья (см. выше о словенах).

²⁵ ПСРЛ, т. I, стр. 5; т. II, стр. 236; т. V, стр. 84; т. VII, стр. 236.

²⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 5; т. V, стр. 84; т. VII, стр. 264.

²⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 10, т. II, стр. 238.

²⁸ В. В. Пименов. Вепсы. (Очерк этнической истории и генезиса культуры). М.—Л., 1965.

в IX в. «на Ростове и на Клещине озере».²⁹ О том, как далеко простирались пределы «мерянской» земли, источники не сообщают, но следы мери, или так называемого мерянского комплекса, сейчас археологи находят на огромной территории, соответствующей пяти современным областям: Ярославской, Костромской, Ивановской, Владимирской и отчасти Московской. Поэтому вслед за И. А. Тихомировым исследователь древнейшего прошлого волго-окского междуречья в целом археолог Е. И. Горюнова считает вполне правдоподобным, что имя «меря» отражает не одно определенное племя, а союз родственных племенных групп.³⁰

Из многочисленных археологических работ, подкрепленных данными письменных источников, наше небольшое введение можно заключить следующим: 1) на территории европейского Севера от Белого моря до Уральских гор и от Баренцева моря до верховьев Волги в IX в. летопись не помещает ни одного славянского племени; 2) на пограничной с севером территории от Балтийского моря до волго-окского междуречья славяне ранее всего появляются в Приильменье — в IX в., образуя в середине IX в. союз племен («словене новгородские»); 3) в Приладожье славяне как серьезный этнический компонент появляются лишь в X в.; 4) территория волго-окского междуречья в VIII—IX вв. безусловно занята финно-угорскими племенами, ведущее положение среди которых занимает меря; для этого времени здесь не зафиксировано ни одного славянского археологического памятника;³¹ в X—XI вв. подавляющее количество памятников на территории Верхневолжского бассейна смешанного, славяно-финского происхождения с преобладанием финского элемента и незначительного скандинавского элемента.³²

Таким образом, по данным современной исторической науки, проникновение славян в иноязычную среду волго-окского междуречья началось не ранее конца IX в., а примерно в середине X в. идет уже интенсивное освоение славянами этого края. Поскольку в настоящее время вопрос о славянском происхождении кривичей является спорным, а появление славянского населения в междуречье Оки и Волги невозможно отнести только за счет новгородских словен, необходимо обратить большее внимание на возможность продвижения сюда славян с юго-запада, из бассейнов Днепра, Десны, Оки, Западной Двины и других мест. Употребляя выражение «славянское освоение края», я имею в виду ведущую роль, может быть и немногочисленного по срав-

²⁹ ПСРЛ, т. I, стр. 5; т. V, стр. 84; т. VII, стр. 263.

³⁰ Е. И. Горюнова. Этническая история волго-окского междуречья. Материалы и исследования по археологии СССР, № 94, М., 1961, стр. 39.

³¹ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы, стр. 112, рис. 4.

³² Е. И. Горюнова. Этническая история...; М. В. Фехнер. 1) Тимеревский могильник. В сб.: Ярославское Поволжье X—XI вв., М., 1963, стр. 17; 2) Петровский могильник. Там же, стр. 23; Н. Г. Недошвина. Михайловский могильник. Там же, стр. 31.

нению с местным населением, славянского элемента в экономической и социальной жизни этого края. Но этнографу нельзя забывать о постоянно сложном составе такого движения, в котором могли принимать участие самые, казалось бы, неожиданные компоненты. Здесь будет уместно привести мнение одного из крупнейших советских языковедов Б. А. Серебrenникова: «Основной путь проникновения на Север шел из Средней Руси. Южнорусские степи всегда служили ареной передвижения значительных масс населения, которые время от времени теснили население средней части России, заставляя его частично или полностью продвигаться к Северу. Так называемое „давление степи“ было всегда постоянно действующим фактором».³³ Ведущая же роль славянского населения в продвижении на северо-восток сказалась прежде всего в формировании населения сложившихся в Верхневолжском бассейне во второй половине XI в. русских княжеств (в первую очередь Ростово-Суздальского) и в формировании русского населения на обширной территории Севера.

Теме «новгородского» освоения европейского Севера и различным проблемам, связанным с нею, посвящено такое количество работ, что в данной статье нет необходимости приводить даже некоторые из них. Результатом многочисленных общих и частных исследований явилось общепризнанное мнение, выраженное в обобщающих трудах по истории СССР и школьных учебниках, что владения Великого Новгорода простирались далеко на восток, вплоть до Каменного пояса (Уральских гор) уже в XII—XIII вв.³⁴ Необходимо отметить, что такому утверждению немало способствовало огромное количество сохранившихся разнообразных письменных источников новгородского происхождения с XII по XV в., т. е. периода постоянной деятельности Новгорода на северной территории. Считая бесспорным факт действительно огромного значения Великого Новгорода в деле освоения и заселения Севера, мне хочется все-таки подвергнуть сомнению утверждение о размерах Новгородской земли в XII—XIII вв. И в этом сомнении я опираюсь в первую очередь на основательную монографию А. Н. Насонова,³⁵ в которой он на огромном и тщательно проверенном материале убедительно доказал границы новгородской областной территории на Севере в XII в. На его карте главная для нашей темы граница — восточная, по-видимому, все-таки проходит по среднему течению Северной Двины с Вагой,³⁶ т. е.

³³ Б. А. Серебrenников. Почему трудно разделить проблему происхождения верхних слоев севернорусской гидронимии? Вопросы языкознания, 1970, № 1, стр. 45.

³⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. Новая серия, т. II, М., 1966, стр. 22.

³⁵ А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М., 1952.

³⁶ На карте граница Новгородской земли здесь прерывается (А. Н. Насонов. Русская земля, стр. 96 (карта)).

там, где имелись крайние постоянные погосты и становища и где остановилась новгородская колонизация того периода. Восточнее, а тем более в областях Мезени, Печоры, по среднему и верхнему течению р. Пинеги, в Югре постоянных новгородских погостов не было. Необходимо также отметить следующее: наличие восточной границы уже в XII в. не означало, что к западу от нее шли сплошь новгородские владения, они могли существовать в виде островков, расположенных вокруг становищ и погостов или помимо них, так как более или менее массовая колонизация и захват земель новгородским боярством и монастырями происходил в течение XIV—XV вв.

Одним из последствий татаро-монгольского нашествия было массовое истребление русских городов, при котором погибли ценнейшие древнерусские законодательные и актовые памятники. Этим объясняется отсутствие актовых материалов по истории Ростово-Суздальского, Киевского, Черниговского и других русских княжеств XII—XIII вв. Поэтому особое значение приобретают летописные источники, благодаря которым учеными определены основные земли, входившие в состав Ростовской земли или тяготившие к Ростову в XI—XII вв. В 70-х годах XI в. в состав Ростовской области входило Белоозеро, а по Волге от Ярославля и по Шексне лежал ряд погостов; по известиям 90-х годов XI в. ростовская областная территория охватывала Поволжье от Ярославля до р. Медведицы, а р. Сить, по мнению А. А. Спицына, составляла западную окраину Ростово-Суздальского княжества.³⁷ Несмотря на то что в XII в. поднимается значение двух городов в междуречье — Владимира и Суздаля, Ростов остается пока главой «области»: в первой половине XII в. Ростов назывался «Ростов Великий», а из событий 70-х годов XII в. следует, что владимирского князя именовали «великим князем всея Ростовския земли».³⁸ В Новгороде Ростовскую землю называли именем Суздаля («Суждаля»), одна из новгородских летописей XV в. словом «Суздальщина» называет Ростово-Суздальское княжество во второй половине XII в., смердов Ростово-Суздальского княжества — «суздальскими смердами».³⁹ С середины XII в. появляются в летописях первые сведения о действиях ростово-суздальских князей, связанных с Заволочьем, причем эти события тесно сплетены с действиями новгородцев в том же крае. В 1149 г. суздальцы хотели перехватить новгородских данников и бились с ними;⁴⁰ и, хотя мы не знаем, куда или откуда направлялись эти данники, более поздние данные, по которым ростовцы или суздальцы неоднократно бьют или «изымают» новгородских данников, шедших в Заволочье, позволяют и этот факт связать с Заволочьем. Хожде-

³⁷ А. Насонов. «Русская земля»..., стр. 179; В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII в. История СССР, 1969, № 2.

³⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 160; т. II, стр. 316.

³⁹ ПСРЛ, т. XXX, М., 1965, стр. 197.

⁴⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 151.

ние в 1166 г. «за Волок» князя Мстислава, сына Андрея Боголюбского,⁴¹ вызвало, по-видимому, события следующих лет: в 1169 г. «двиняне» (другой вариант — «Заволочье») отказались платить Новгороду дань и передались на сторону Андрея Боголюбского, на Двину из Новгорода послан Даньслав Лазутинич с дружиной, суздальская рать пытается преградить ему дорогу, но в конце концов новгородцы попадают в Заволочье и берут «дань на суздальских смердах»,⁴² после чего князь Андрей посылает войско на Новгород и осаждает его.⁴³ Эти события убедительно показывают, что как новгородцев, так и суздальцев в равной мере волновали дела в Заволочье: в 1187 г. здесь снова избиты новгородские данники⁴⁴ (либо местным населением, либо своими ростовскими противниками); в 1196 г. на Двине «изыманы» новгородцы великим князем Всеволодом,⁴⁵ в этом же году князь Ярослав, поссорившись с новгородцами, занимает новгородскую волость на Волоке Торжок и берет дань «на смердах за Волоком»⁴⁶ (вероятно, берет дань с новгородских смердов, а не со своих, иначе зачем бы летописцу было сообщать об этом факте?).

Несомненно новый этап в дальнейшем продвижении на Север, в Заволочье, князей волго-окского междуречья начался с возникновением и укреплением на Двине Великого Устюга (начало XIII в.).⁴⁷ С самого момента существования Устюг теснейшим образом связан с Ростовом: после разделения епархии в 1216 г. на Ростовскую и Владимиро-Суздальскую Устюг остается в составе Ростовской епархии;⁴⁸ устюжане и ростовцы хотят вместе воевать Болгарскую землю в 1220 г.;⁴⁹ при разделе «отчины» между братьями Дмитрием и Константином первому достались «Углич Поле да Белоозеро», второму — «Ростов да Устюг».⁵⁰ В то же время Устюг с определенного времени становится довольно независимым северным центром, опиравшимся, по-видимому, на сочувствие и поддержку каких-то групп северного населения, явно враждебных Новгороду, так как с начала XIV в. предпринимает самостоятельные действия против новгородцев: в 1322 г. «устюжане заратились с новгородцами и избili новгородцев, ходивших на Югру». К несчастью для устюжан, новгородцы в это время действовали заодно с князем Юрием Даниловичем Московским, посланная ими в 1323 г. рать взяла «на щит Устюг» и пошла на Двину. Чрезвычайно интересен факт, что раз-

⁴¹ ПСРЛ, т. V, стр. 9.

⁴² ПСРЛ, т. III, СПб., 1841. стр. 14, 15; т. IV. СПб., 1841. стр. 12; т. V, стр. 9.

⁴³ ПСРЛ, т. II, стр. 19; т. IV, стр. 17.

⁴⁴ ПСРЛ, т. III, стр. 23; т. IV, стр. 18.

⁴⁵ ПСРЛ, т. II, стр. 23; т. IV, стр. 18.

⁴⁶ ПСРЛ, т. I, стр. 185; т. VII, стр. 119.

⁴⁷ ПСРЛ, т. I, стр. 185; т. VII, стр. 119.

⁴⁸ ПСРЛ, т. I, стр. 185; т. VII, стр. 119.

⁴⁹ ПСРЛ, т. VII, стр. 127.

⁵⁰ ПСРЛ, т. I, стр. 227; т. IV, стр. 44; т. V, стр. 201.

битые устюжские князья посылают послов на Двину не к новгородцам, а к Юрию Даниловичу, целуют ему крест и заключают договор по-старому!⁵¹ Дескать, ошиблись, не вели казнить. Спустя шесть лет вновь окрепшие устюжане снова избивают новгородских данников, шедших на Югру.⁵² Не говорят ли эти факты как о древней привязанности Устюга к ростовским, владимиросуздалским и позднее к московским князьям, так и о каких-то своих интересах в Заволочье, в силу которых активная данническая деятельность новгородцев им была, мягко говоря, неприятна?

Не имея возможности останавливаться на целом ряде летописных сообщений, имеющих отношение к затронутой проблеме, я все же должна отметить три очень важных факта: 1) по данным летописи, активная новгородская и ростово-суздальская деятельность в Заволочье начинается одновременно (в середине XII в.), и их постоянные столкновения говорят о том, что каждая из сторон имела какие-то «особые» права на северную территорию в течение XIII—XV вв.; 2) о более раннем проникновении Новгорода в Заволочье мы узнаем не из летописных, а из иных источников (Устав 1137 г. и др.), которые, к сожалению, отсутствуют для Ростово-Суздальского княжества того же времени по причине, указанной выше; 3) несмотря на это, даже по известным нам документам новгородского происхождения конца XIII в. можно в общих чертах уяснить степень раннего утверждения в Заволочье князей северо-восточных княжеств, опиравшихся на поддержку определенных слоев населения. Документом, позволяющим объединить все имеющиеся ранние источники по этому вопросу, мне кажется, является знаменитая «Духовная грамота» — завещание Ивана III 1504 г.⁵³

В «Духовной грамоте» великого князя Ивана Васильевича идет перечисление всех земель, входивших к этому времени в состав Московского княжества, которые он завещает своему сыну Василию. Вот в каком порядке идет перечисление ряда завещанных земель на огромной северной территории: «Да с(ы)ну же моему Васил(ь)ю даю город Белоозеро с волостями, и с путми и з селы, и со всеми пошлинами, со всем с тем, как было при мне, город Вологду с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, да Заозерье, и с Кубеною, и с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Устюг и со всеми волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, да Вычегду, и Вымь, и Удору, и Сысолу, и со всеми их месты, да в Заволотцкой земле Ростовщину, Пинега, и Кегрола, и Чакола, Пръмьские, Мезен(ь), Немьюга, Пил(ь) и Горы, Пинешка, Вяя, Тоима, Кирьи Горы, Емъскаа Гора на Вазе со всем, и Онтонова Перевара, Кор-

⁵¹ ПСРЛ, т. III, стр. 73; т. IV, стр. 49; т. V, стр. 216; т. VII, стр. 199.

⁵² ПСРЛ, т. III, стр. 74; т. IV, стр. 51.

⁵³ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950, стр. 353—364.

болской Остров, Шогогора, Керчела, Сура Поганаа, Лавела и с ыными месты, что к тем волостем потягло, да Югру и Печору со всем, да Пермь Великую со всем, да город Кострому (разрядка моя, — *Т. Б.*)».⁵⁴ Таким образом, завершая большой круг в восточной части европейского Севера, перечисление доходит до Поволжья. Упомянув города и волости в Поволжье, где, кстати, отдельно указывается Ростов, в Московском княжестве и т. д., Иван III перечисляет земли в западной части Севера: «Да сыну Василью до Корелскую землю всю, Корелской город с волостьми, и с погосты, и со всеми пошлинами, со всем тем, что х Корелской земле потягло, и с Лоп(ь)ю лешю, и с дикою Лопью. Да с(ы)ну же своему Василью даю Заволотцкую землю всю, Онего, и Каргополе, и все Поонежье, и Двину, и Вагу, и Кокшенгу, и Велской Погост, и Колмогоры, и всю Двинскую и Заволотцкую землю (разрядка моя, — *Т. Б.*)».⁵⁵

Текстологический анализ первого отрывка начиная со слов «да в Заволотцкой земле Ростовщину» наталкивает на мысль об употреблении термина «Ростовщина» в широком смысле, перекрывающем и включающем в себя перечисленные далее названия, т. е. даю сыну Ростовщину, а Ростовщина — это Пинега, Кегрола, Чакола и т. д. Такое предположение основано на разнице в падежах между первым названием «Ростовщину» (винительный) и последующими «Пинега, Кегрола и т. д.» (именительный), как будто все последующие названия раскрывают содержание первого. Второй отрывок, а также и другие перечисления, не интересующие нас в данный момент, построены таким же образом, причем в большинстве случаев стоящее первым географическое название раскрывается следующими за ним. В грамоте Ивана IV, полностью повторяющей текст завещания Ивана III, но дошедшей до нас в позднем списке начала XIX в., сохранен порядок перечисления географических названий,⁵⁶ но здесь все они стоят в одинаковом падеже (винительном): «Ростовщину, Пенету,⁵⁷ Керчму и др.», что ставит «Ростовщину» в один ряд и наравне с другими следующими за ней волостями. Эта, казалось бы, на первый взгляд частная проблема оказывается при детальном изучении очень важной и ключевой для решения вопроса о хронологических и территориальных границах колонизации Севера или Заволочья из северо-восточных княжеств Верхневолжского бассейна.

В «Духовной грамоте» термин «Заволотцкая земля» упоминается два раза: «в Заволотцкой земле Ростовщину» и «Заволотцкую землю всю». Если считать, что «Заволотцкой землей» (Заволочьем) — термином новгородского происхождения — назы-

⁵⁴ Там же, стр. 356.

⁵⁵ Там же, стр. 357.

⁵⁶ Там же, стр. 426—444.

⁵⁷ В грамоте Ивана IV все названия написаны неправильно,

валась в то время территория, попавшая в сферу государственной деятельности Новгорода на Севере,⁵⁸ представляется странным тот факт, что отдельные области одной и той же «Заволотцкой земли» объединены в две группы, разделены другим текстом и тем самым как бы противопоставлены друг другу. Смысл такого разделения областей в «Заволотцкой земле» как будто бы стал ясен в результате подробного исследования этих двух отрывков.

Начнем со второго отрывка («Заволотцкую землю всю»), так как ясно включение в это понятие следующих за ним географических названий и их территориальное размещение: Онего, Каргополе, все Поонежье, Двина, Вага, Кокшенга, Великий Погост, Колмогоры. Не останавливаясь на детальном разборе содержания каждого из перечисленных названий (это сделано другими исследователями), можно вполне определенно считать, что в целом «вся Заволотцкая земля» — это территория распространения древнейшей новгородской дани на Онеге, в Каргополе или «Олонци», на Северной Двине и Ваге в XII в.⁵⁹ и земли, захваченные новгородским боярством и монастырями в Важском крае в XIV—первой половине XV в.⁶⁰

Теперь обратимся к первому отрывку — «в Заволотцкой земле Ростовщину». Поскольку до сих пор не существует специального исследования о землях, скрывающихся под географическими названиями этого отрывка, то в настоящей статье необходимо установить содержание всех географических названий и причину, по которой они объединены в одну группу и их перечисление идет после слова «Ростовщина». Эти названия легко разбиваются на три подгруппы по территориальному признаку: а) Пинега, Кегрола, Пермские, Мезень, Немьюга, Пильи Горы, Пинешка, Выя, Сура Поганая, Лавела; б) Тойма, Кыры Горы; в) Емская Гора на Ваге, Онтонова Перева, Корбольский Остров, Шогогора, Керчела. Оставив в стороне таинственную «Ростовщину», географическое расположение которой пока неизвестно, но название каким-то образом связано с именем Ростова Великого, начнем детальный разбор отрывка с первой выделенной территориальной подгруппы.

1. Пинега, Кегрола, Чакола, Пермские, Мезень, Немьюга, Пильи Горы, Пинешка, Выя, Сура Поганая, Лавела. Эти волости

⁵⁸ «В XII в. новгородская власть прочно утвердилась в Заволочье. Так называлась страна, расположенная за волоком между Бельм и Кубенским озерами. Вначале Заволочьем обозначались все новгородские владения, лежавшие за волоком к северо-востоку от Новгорода. Впоследствии это название применялось главным образом к району Онеги и Сев. Двины» (Очерки истории СССР. Период феодализма, IX—XV вв., ч. I. М., 1953, стр. 337).

⁵⁹ Памятники русского права, вып. 2. М., 1953, стр. 117—118. «Погосты эти вытянулись длинной лентой вдоль пути от Онежского озера к р. Онеге и к Белому морю с ответвлением за р. Онегой в сторону пути в Вельско-Важский край» (А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля»..., стр. 99).

⁶⁰ А. Н. Н а с о н о в. «Русская земля»..., стр. 115.

в основном расположены по р. Пинеге;⁶¹ пока нет прямых свидетельств, кому они издавна принадлежали, но зато уверенно можно сказать, что это была одна из самых древних «спорных» областей на Севере между Новгородом и владими́ро-московскими князьями. По «Уставу Святослава Ольговича» новгородцы в XII в. имели на Пинеге два становища-погоста, являвшиеся центрами сбора дани: в «Пинезе» и в «Кегроле».⁶² Напомним, что Пинега была связана с «Печорской стороной», как называли либо земли по р. Печоре, либо земли по пути к Печоре — по рекам Кулюю, Мезени, Пинеге и Поморье. В первой половине XIV в. московский князь Иван Калита отдает в ведение своих людей «Печорскую сторону» и погост Кегрольской волок, как это было при его дядях «и при брате старейшем», т. е. как было по крайней мере во второй половине XIII в.⁶³ Это подтверждается жалованной грамотой Ивана Калиты того же времени «об освобождении печерских сокольников от даней и повинностей»⁶⁴ и грамотой великого князя Дмитрия Иоанновича второй половины XIV в. «о пожаловании Печорою некоего Андрея Фрязина».⁶⁵ Таким образом, земля или волости по р. Пинеге, по-видимому, со второй половины XIII в., а может быть и ранее, были ареной северной деятельности владимирских, а затем и московских князей. Три документа 1471 г. говорят довольно убедительно о том, что перечисленные пинежские волости, лежащие на пути в «Печорскую сторону» или являвшиеся ею, видимо, со второй половины XIII в., стали владениями владими́ро-суздальских князей, так как, развив свою захватническую деятельность на севере в XIV—XV вв., Новгород «отнимает» и волости на Пинеге. В «Коростыньском договоре Великого Новгорода с великим князем Иваном Васильевичем о мире» 1471 г. говорится: «... что наши братья новгородцы покупили земли ростовские и белозерские, или даром понимали, и нам, обыскав тех земель, вам, великим князьям, отступитися».⁶⁶ В историко-правовом обзоре этого текста сказано,

⁶¹ Следует проверить, что имеет в виду грамота, говоря о «Мезени» и «Немьюге», так как известны, например, р. Немьюга — приток р. Кулюя, впадающего в море, и три речки Немьюги — левые притоки р. Пинегы в среднем течении.

⁶² Местоположение Вихтуя, который А. Насонов считает третьим погостом на р. Пинеге (дер. Вихтовская, в 53 км к юго-востоку от г. Пинегы), мне кажется сомнительным, так как он в тексте «Устава» стоит впереди двух несомненно пинежских погостов, хотя естественно его было поместить после названия «в Пинезе» (А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 105).

⁶³ Акты, собранные археографической экспедицией (далее: ААЭ). Т. I, СПб., 1836, стр. 1.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, стр. 3 («А вам, печеряне, ходить по пошлине, как было при моем дяде, при князе при великом Иване, и при моем дяде, при князе при великом при Семене, и при моем отци, при князе при великом при Иване»).

⁶⁶ Памятники русского права, стр. 257.

что здесь речь якобы идет о землях ростовских и белозерских князей на реках Двине и Ваге.⁶⁷ Такое объяснение не является исчерпывающим, так как определенно известно, что в это время владения ростовских князей находились не только в области Двинско-Важского бассейна (см. ниже), но, как только что говорилось, владения северо-восточных князей (среди которых могли быть и ростовские князья) существовали и на р. Пинеге. «Отказная новгородская грамота на Двинскую землю» 1471 г. подтверждает это положение: «...тые земли на Пинезе, Кегролу, и Чаколу, и Пермския, и Мезень, и Пильи Горы, и Немьюгу, и Пинежку, и Выю, и Суру Поганую поймали за себе наши братья ноугородци: ...ино то земли осподы наших великих князей».⁶⁸ «Список Двинских земель» уточняет время, когда новгородцы «поймали» эти волости «за себя»: «... Немьюгу до Пильи Горы еще при великом князи при Василии новгородцы отняли»,⁶⁹ «новгородци, пришед на сем лете, городок Кегрольский сожгли, а с Чякольского городка окуп взяв ... а те волости все поотоймали за себя» (имеются в виду Кегрола, Чакола, Пермские, Мезень).⁷⁰ В 1471 г. новгородцы «привели за себя» волости Выю и Пинежку. Все эти земли в том же году новгородцы отдают великому князю московскому. Так обстоит дело с волостями пинежскими.

2. Тойма, Кирья Горы. На Севере существуют две реки с названием «Тойма» — Нижняя Тойма и Верхняя Тойма — правые притоки Северной Двины в ее среднем течении.

«Устав Святослава Ольговича» знает новгородское становище «в Тойме», которое, судя по всему, было на Нижней Тойме.⁷¹ «Список Двинских земель» в числе земель великого князя на Двине упоминает «половину Тоймы Верхние». К сожалению, мы не имеем никаких других прямых или косвенных свидетельств о том, кому — Новгороду или Москве — принадлежала другая половина Верхней Тоймы, но какая-то волость Тойма все-таки являлась владением московских князей, правда, неизвестно с какого времени. О волости Кирья Горы, находящейся где-то севернее от волости Тойма, вниз по течению Северной Двины,⁷² известно, что она тоже с определенного времени была собственностью владими́ро-московских князей и была захвачена, видимо, в первой половине XV в. новгородцами, которые в 1471 г. наряду с другими волостями отдали ее великому князю.⁷³ Ясно, что обе волости представляли собой «спорную» территорию.

в) Емская Гора на Ваге со всем, Антонова Перевара, Корбольший остров, Шогогора, Керчела. Изучение «Списка Двинских

⁶⁷ Там же, стр. 271.

⁶⁸ ААЭ, т. I, стр. 72.

⁶⁹ Там же, стр. 74.

⁷⁰ Там же, стр. 74—75.

⁷¹ А. Н. Насонов. «Русская земля»... стр. 109; ААЭ, т. I, стр. 8.

⁷² ААЭ, т. I, стр. 75.

⁷³ Там же, стр. 8.

земель» показывает, что Емская Гора — волость в бассейне нижней и средней Ваги и средней Двины, в состав которой входили многие неупомянутые «Духовной грамотой» населенные пункты, в том числе и перечисленные названия: Онтонова Перевара, Корбольский Остров, Шогогора, Керчела. Из того же списка явствует, что к волости Емская Гора «тянули» земли по р. Колуй и волок от Кокшеньги (Верховажье); это для нас важно, так как в «Духовной грамоте» сказано: «... и с ыными месты, что к тем волостям потягло». Думается, что к числу мест, которые также «тянули» к волости Емская Гора, мы можем отнести земли в Верховажье (по рекам Вели с притоками Шоношей, Подюгой и др., Пежме, Терменге, Двинице, Кокшеньге), а также часть среднего Подвинья (по рекам Кодиме, Юмижу и др.).⁷⁴ На каком основании я выдвигаю такое предположение? Значительная часть земель, составлявших волость Емская Гора (а может быть, и все) и «тянувших» к ней, являлись ко времени составления «Списка» владениями ростовского «князя» Ивана Владимировича. Ряд земель в Верховажье и по Кокшеньге (даже учитывая их спорность и наличие сильной чересполосицы, особенно на Вели, с новгородскими владениями, что отражено и в «Списке») ⁷⁵ принадлежал князю Ивану Александровичу Ростовскому, а земли в среднем Подвинье (по Кодиме, Юмижу) — Федору Андреевичу Ростовскому. Для более успешного хода исследования начиная с этого момента я разбираю вопрос о Емской Горе совместно с «Ростовщиной», стоящей впереди всего перечня «Духовной грамоты».

Таким образом, в районе Двинско-Важского бассейна существовала большая территория, состоявшая из частных владений ростовских князей, образовавшихся не позднее второй половины XIV в. (а судя по ряду косвенных данных, и ранее) и представлявших предмет зависти новгородского боярства, аппетиты которого сильно выросли в течение XIV—XV вв. Действительно, в начале XIV в. они занимают здесь же, в Двинско-Важском бассейне, «ничьи» земли — таковыми, по-видимому, они считают земли, принадлежавшие местной «знати» (старостам, князькам).⁷⁶ Но нет никаких сведений, что они владеют землями в пределах территории, только что определенной нами как владения ростовских князей.

Все исследователи северного края считали, что владения ростовских князей на Двине и Ваге и есть «Ростовщина» завещания Ивана III — образование, позднее по происхождению, связанное с низовской колонизацией захудалых ростовских княжеских родов. Тем не менее каждый из ученых по-разному и довольно произвольно очертил границы своей «Ростовщины». М. Едемский

⁷⁴ Там же, стр. 73—74.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Памятники русского права, стр. 188.

под «Ростовщиной» разумел земли в Двинско-Важском крае, принадлежавшие различным ростовским князьям, жившим в первой половине XV в.⁷⁷ Д. К. Зеленин «Ростовщиной» называет перечень московских земель на правом берегу Сев. Двины, на 40 верст выше впадения в нее Ваги, на р. Кокшеньге и на р. Вели».⁷⁸ С. Ф. Платонов пишет: «В начале XV в. многие из них (ростовские князья, — *Т. Б.*) оказались владельцами большого количества земель на р. Ваге и ее притоках, на Сев. Двине, на р. Емце и Мехренге... Столь счастливое распространение княжеских заимок, конечно, сопрягалось с движением на эти заимки и рабочего люда, подвластного ростовским князьям. Так создавалась на дальнем севере „Ростовщина“ — проводница московского влияния и власти».⁷⁹ Список исследователя можно дополнить, но ничего нового и существенного это дополнение не внесет. Сравним мнения трех упомянутых ученых о «Ростовщине»: для двух из них «Ростовщина» — это в целом земли Двинско-Важского бассейна, у третьего в «Ростовщину» входят еще земли по рекам Емце и Мехренге. Это уже не Двинско-Важский край, а далеко к северу-западу от него. Откуда С. Ф. Платонов это взял? Вернемся снова к «Списку Двинских земель». В «Списке» читаем: «А Шастоозеро, Моржова Гора, Коскошино до устья до Емецкого, городок Емецкий, Чюкчин Конец, погост Емецкий, Ваймуга речка от устья до верховия по обе стороны, по Емце вверх село, Мехренга река от устья до верховия по обе стороны, а за рекою за Двиною Хавры Горы, Задвине, Пингиш, Челмахта, речка Сея; то было княже Костянтиново Володимировича Ростовского (разрядка моя, — *Т. Б.*)»,⁸⁰ т. е. не просто «земли по р. Емце и Мехренге», а громадная территория, охватывающая земли по двум крупнейшим левым притокам в нижнем течении Северной Двины (Ваймуге, Емце с Мехренгой), видимо, земли по левому берегу Северной Двины ниже впадения Ваги (Моржова Гора)⁸¹ и правобережье Северной Двины от Челмахты до Шастоозера. Вот где находились еще владения ростовских князей! Если следовать общепринятому мнению, что «Ростов-

⁷⁷ М. Едемский. О старых торговых путях на Севере. Записки отд. русск. и славянск. археол. Русск. археол. общ., т. IX. СПб., 1913, стр. 49—50.

⁷⁸ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и переходным смягчением задненёбных согласных в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1913, стр. 438.

⁷⁹ С. В. Платонов. Низовская колонизация на Севере. В сб.: Очерки по истории колонизации Севера, вып. I, Пгр., 1922, стр. 49—50.

⁸⁰ ААЭ, т. I, стр. 74.

⁸¹ Объем статьи, к сожалению, не позволяет провести детальный разбор земель, входящих в понятие «Моржова Гора». Видимо, это все же территория между реками Мехренгой и Северной Двиной, где на подробной карте России XIX в. имеется несколько топонимов с названием «Моржовый»: р. Моржовка, впадающая в Северную Двину, оз. Моржовец, Моржегорская пустынь и Моржегорский погост.

щина» — это земли именно ростовских князей, то к владениям Ивана Владимировича Ростовского (Емская Гора «со всем»), Ивана Александровича Ростовского (земли в Верхневажье и на Вели) и Федора Андреевича Ростовского (земли в среднем Подвинье) следует отнести и владения Константина Владимировича Ростовского в бассейне нижней Двины. Тем не менее такому включению мешают два важных обстоятельства.

1. В «Списке Двинских земель» перечень земель Константина Владимировича Ростовского не следует сразу за перечислением земель других ростовских князей, а отделен сообщением о землях московского князя в низовьях Двины и на Пинеге,

2. В «Духовной грамоте» Ивана III Емская Гора «со всем, что к ней потягло» (т. е. владения ростовских князей в Двинско-Важском бассейне) названа отдельно и отделена от «Ростовщины» перечислением пинежских и иных волостей к востоку от Двины. Таким образом, владения Константина Ростовского в документе второй половины XV в. и «Ростовщина» в документе начала XVI в. противопоставляются остальным владениям ростовских князей в Двинско-Важском районе и перечислены в кругу нижнедвинских и пинежских волостей. Естественно предположить: не являются ли владения Константина Ростовского «Ростовщиной» завещания?

Существенное основание для подобного предположения дает еще один интереснейший документ, на 150 с лишним лет старше «Списка Двинских земель», всем известный и многими использованный, но ни разу не прочтенный беспристрастно и внимательно. Речь идет о «Рядной старосты Азики и его „братии“» 1315—1320 гг. (или 1314—1320 гг.).⁸² Новгородский посадник самовольно занимает земли Шенкурского погоста, принадлежащие местным князьям и старостам: «... а боле Шенкурский погост и земли Шенкурского погоста до Ростовских меж до Ваймуги вверх до Яноозера, а от Яноозера прямо в Пезу... А завод тым землям по Семенгу реку, а по другую сторону Ваге выше Паденге по вытеклый рудей, и Паденга река с устья по обе стороне вверх до Сулонской межи по великой камень, а Шенга река с устья по обе стороны вверху до Розмовой, а Понца река по обе стороны (разрядка моя, — Т. Б.)».⁸³ Почему-то все исследователи единодушно считали существование «ростовских меж» на юге, и ни один из них не мог точно сказать, где они проходят.

А. Н. Насонов пишет: «По грамоте 1314—1320 гг. „ростовские меж“ проходили где-то к югу от Паденги и Селенги, что уже

⁸² Памятники русского права.

⁸³ Там же, стр. 188. Наиболее близкое соответствие приведенному в тексте Яноозеру дает Ангозеро, расположенное к востоку от р. Мехреньги; оз. Пеза находится к юго-востоку от Ангозера. Таким образом, условная граница Шенкурского погоста к северу от него шла в направлении с северо-запада (от Ваймуги) на юго-восток (оз. Пеза).

заставляет искать их в районе Устья и Кокшеньги». ⁸⁴ А между тем текст «Рядной» заставляет как раз искать эти «ростовские межи» не на юге, а на севере («до Ваймуги»), что тем более интересно, если мы вспомним о владениях на севере Константина Владимировича Ростовского, в состав которых входила и Ваймуга «речка от устья до верховия». Крайние же владения Шенкурского погоста на юге по «Рядной» простирались до «Сулонской межи», ⁸⁵ к сожалению, правда, неясно, чьи владения она размеживала.

Вполне можно допустить, что «Рядная» начала XIV в., «Список Двинских земель» второй половины XV в. и «Духовная грамота» начала XVI в. говорят об одном массиве земель в бассейне нижней Двины, который во всех документах связан с названием «ростовский»: ростовская межа, ростовский князь, Ростовщина. Допустив эту мысль, вновь проследим по карте перечисленные географические названия первого отрывка завещания Ивана III: «да в Заволотцкой земле Ростовщину, Пинега, и Кегрота, и Чакола, Прьмъские, Мезен(ь), Немьюга, Пил(ь)и Горы, Пинешка, Выя, Тойма, Кирьи Горы, Емская Гора на Вазе со всем, и Онтонова Перевара, Корболской Остров, Шогогора, Керчела, Сура Поганаа, Лавела».

Такая последовательность четка и закономерна: за землями в нижнем Подвинье («Ростовщина») идут волости по Пинеге (Мезени), затем по правым притокам Пинеги, потом земли среднего Подвинья (Тойма, Кирьи Горы) и, наконец, бассейна Ваги (Емская Гора со всем, «тянувшим» к ней). ⁸⁶ Получается замкнутый круг земель, расположенных в восточной части Заволочья, «Заволотцкой земли».

Возникновение «Ростовщины», имея в виду составление «Рядной» в 1314—1322 гг., можно отнести ко второй половине—концу XIII в., т. е. к тому же времени, когда, по-видимому, образовывались «спорные» и бесспорные владения ростовских, владимирских и московских князей на Пинеге и в Двинско-Важском бассейне. Состояние источников не позволяет пока точно определить нижнюю хронологическую границу образования этих владений, но важен сам факт их существования так далеко на севере и в значительно более раннее время, чем то, с которым связывали вообще начало низовской колонизации на Севере — вторая половина XIV—XV в. ⁸⁷

Таким образом, первую и вторую поставленные задачи статьи можно подытожить следующим образом: 1) действия новгород-

⁸⁴ А. Н. Насонов. «Русская земля»... стр. 189.

⁸⁵ Естественной границей, видимо, являлась р. Сулонда.

⁸⁶ Сура Поганая и Лавела — волости на Пинеге — отделены тем не менее от остальных пинежских волостей и стоят в конце всего перечня; причина для этого была, мне думается, в особом «этническом содержании» данных волостей.

⁸⁷ Очерки истории СССР, стр. 134, 137.

цев и ростово-суздальцев в Заволочье начинаются почти одновременно (возможно, новгородцы несколько ранее), примерно на одной территории и протекают при непрерывных столкновениях в течение XII—XIII вв., 2) ряд факторов привел, видимо, уже во второй половине XIII в. к разделу Заволочья на две области освоения: западную — новгородскую — и восточную — верхневолжскую; 3) граница между этими двумя областями проходила приблизительно в направлении с северо-востока на юго-запад, пересекая Северную Двину при впадении в нее р. Пинеги.

Перейдем, наконец, к последнему вопросу, — о возможном этническом составе переселенцев из Верхневолжского бассейна, участвовавших в заселении в первую очередь восточной части Заволочья в XII—XIV вв.

Как известно, летопись почти не фиксировала переселенческих движений позднее X в., и нам было бы трудно представить только по летописным данным даже этнический состав образовавшихся в XI в. в верховьях Волги северо-восточных княжеств. К счастью, это район почти повсеместно исследуется археологами, к основным выводам которых, приведенным в первой части работы, сейчас необходимо добавить следующее. Раскопки показывают, что в X—XI вв. помимо местных финно-угорских племен в волго-окском междуречье и гораздо севернее (на территории современной Вологодской области, в Великоустюгском районе) жили племена, продвинувшиеся сюда с юго-запада, — кривичи.⁸⁸ В то же время на Севере обнаружены поселения дьяковского типа, характерного для волго-окского междуречья,⁸⁹ что говорит либо об этнической общности населения этих районов, либо о продвижении на Север аборигенного населения волго-окского междуречья. По мнению большинства ученых, начиная с XI в. местные финно-угорские племена, обитавшие на территории от Белоозера до Верхневолжского бассейна, частью ассимилируются, частью отходят в иные районы (на восток). Доказывается родственность летописной веси и современных весов, мери и современной мари; следы летописного населения волго-окского междуречья — мери — историки, этнографы, лингвисты ищут в Прикамье, на Средней Волге, на Урале... А нельзя ли поискать эти «исчезнувшие» племена на Севере, хотя бы и в составе смешанного славяно-финского населения, шедшего на Север из Верхневолжского бассейна? Нам кажется, что для этого есть кое-какие основания, прежде всего снова летописные, хотя «хри-

⁸⁸ В. Ф. Генинг. Некоторые проблемы этнической истории марийского народа (о мерянской этнической общности). В сб.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967, стр. 60; А. В. Никитин. Раскопки в Вологодской области. В сб.: Археологические открытия 1966 г., М., 1967, стр. 13—14.

⁸⁹ А. В. Никитин. Раскопки в Вологодской области, стр. 13.

стианское мировоззрение летописца сузило его географический кругозор... заставило опустить в своем труде очень много важных географических и этнографических сведений о нехристианской части Восточной Европы.⁹⁰

Во-первых, восстания 1024 и 1071 гг. в Ростовской земле.⁹¹ Эти восстания народных масс, возглавляемые волхвами, носили несомненно социально-религиозно-этнический характер, так как по крайней мере руководителями восставших были представители местного языческого неславянского населения, выразившие таким образом свой протест против феодальной верхушки и насильственной христианизации края.⁹² Восстание 1071 г., как известно, нашло поддержку в Заволочье, и через несколько лет там был убит новгородский князь Глеб, расправившийся с волхвом — событие, относимое летописцем приблизительно к этому же времени.⁹³

К этому последнему факту интересно добавить чрезвычайно важное наблюдение, сделанное в свое время П. И. Мельниковым (Печерским) в статье «Очерки мордвы» и приведенное Д. С. Лихачевым, о том, что мордовский обряд сбора «на молян» (молебствия в честь мордовских богов) разъясняет «непонятный» способ расправы восставших волхвов со «старой чадью»: «И привожаху к нима сестры своя, матере и жены своя. Она же в мечте прорезавша за плечемь, вынимаста любо жито, любо рыбу».⁹⁴ Сопоставление мордовского обряда, зафиксированного в XIX в., с летописным, интересно, во-первых, тем, что таким образом замечается по крайней мере сходство обрядов мордвы и летописной мери (ведь восстание волхвов происходило в пределах «мерянской земли»), а во-вторых, тем, что это восстание, имевшее такой своеобразный «этнический оттенок», нашло поддержку в Заволочье. По-видимому, в конце XII—XIII в. на территории Севера на базе местного и пришлого населения сложились группы довольно независимого населения: «двиняне», «важане», «пинегжане», «вычегжане»⁹⁵ и др., отличающиеся летописными источниками, например, от собственно новгородского населения, и, как можно заметить, своими названиями отражавшие областные различия.⁹⁶ Этнический состав этих групп населения, по-видимому, не был однозначным, т. е. это не было просто местное или пришлое

⁹⁰ Н. П. Барсов. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885, стр. 5.

⁹¹ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950.

⁹² Русская историческая география. Курс лекций, читанных в Московском археологическом институте в 1907—1908 гг. С. К. Кузнецовым, в. 1. М., 1910, стр. 19; Географический словарь Российского государства, сочиненный в настоящем онаго виде. М., 1807, ч. 5 (Ростовские епископы в X—XI вв.).

⁹³ ПСРЛ, т. IV, стр. 3.

⁹⁴ Повесть временных лет, стр. 117.

⁹⁵ ПСРЛ, т. V, стр. 250.

⁹⁶ Этот факт неоднократно отмечался учеными.

население, назвавшееся по месту (реке), где оно осело. Скорее всего это был какой-то сплав пришлого с местным, в составе которого были славянские и неславянские элементы, и тяготели они к князьям волго-окского междуречья, что прослеживается в течение XII—XIV вв.⁹⁷ Этнографические материалы говорят о сильных и, видимо, древних связях материальной культуры севернорусского населения с верхневолжской. Так, этнографами отмечен ряд «чуждских» элементов поволжских народов — мордвы, мари, коми, карел — в одежде определенных групп севернорусского населения: туникообразный покрой платья, копытообразные и рогатые кички, украшения из бисера, ношение пушков, шерстяной и шелковой бахромы на головном уборе, узорные вязаные изделия, некоторые детали орнаментики (меандр и др.).⁹⁸ При этом исследователи считают, что отмеченное сходство возникло вследствие взаимопроникновения культур в раннее время в междуречье Волги и Оки в результате ассимиляции местного населения славянским и было принесено отсюда на Север. Кроме того, не могли ли эти элементы принести на Север сами носители «чуждской культуры», например исчезнувшие летописные племена мери, которым в какой-то степени была родственна «заволочьская чудь»?

Подробное сравнительное изучение топонимии Русского Севера, всех ее пластов, тоже поможет разобраться в этническом составе населения, со временем ставшего севернорусским. Несколько слов все же хочется сказать относительно Суры Поганой, которая, как мы помним, стоит последней в первом отрывке «Завещания» вместе с волостью Лавела, образуя с ней какую-то единицу, возможно связанную общностью возникновения. На подробной карте России XIX в. в верховьях Пинегы имелись речки Сура и Поганица, сельцо Поганец. Сура может быть сопоставлена с рекой Сурой в Верхневолжском бассейне, где, как нами было уже отмечено, проживало мерянское население, «поганое», т. е. языческое, и в данном случае инородное по отношению к славянскому, и где следы мери прослеживались еще в XV в.

Очень интересно сопоставить данные, полученные при изучении письменных источников, с результатами исследований, проведенных на Русском Севере антропологами и лингвистами.

М. В. Витов на базе собранного им огромного антропологического материала выделил на интересующей нас территории три главных антропологических типа: ильменско-беломорский, верхневолжский и онежский.⁹⁹ Ильменско-беломорский тип распространен среди русского населения и по происхождению, видимо, связан с восточными славянами, хотя и имеет ближайшую аналогию в антропологическом типе, повсеместном среди шведов;

⁹⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 19.

⁹⁸ Русские, стр. 217, 230, 263.

⁹⁹ М. В. В и т о в. Антропологические данные. . . , стр. 96.

в среде финно-угорского населения Севера этот тип отсутствует. Ареал распространения данного типа — пятины Новгородской земли, р. Онега, юго-западное побережье Белого моря и нижнее Подвинье; три точки, в которых зафиксирован ильменско-беломорский тип, находятся также в верхнем Поволжье, на нижней Ваге и на нижней Печоре.¹⁰⁰ Распространение этого антропологического типа М. В. Витов связывает с древней новгородской колонизацией.

Верхневолжский тип по своему происхождению безусловно связан с восточнославянским массивом, хотя иногда встречается и в среде местного финно-угорского населения. Этот антропологический тип широко представлен в бассейне Верхней Волги, на северо-западе РСФСР между р. Великой и южным берегом Ладожского озера, в бассейнах Вятки, Сухоны, Ваги, Пинеги, на средней и частично нижней Северной Двине; всего отмечено 37 точек, обрисовывающих довольно компактную зону.

Третий, онежский, тип по своему происхождению связан с финно-угорским населением Севера, хотя распространен и среди русского населения. Всего отмечено 29 точек, разбросанных преимущественно в северной части европейского Севера.

Надо отметить, что все три типа М. В. Витов выделял по разным антропологическим признакам, и при таком подходе получается, что жители довольно многих из обследованных пунктов принадлежат, как единое целое, не к одному, а сразу к двум из выделенных антропологических типов.

На основании фундаментальной работы М. В. Витова можно, на мой взгляд, сделать следующие выводы.

1. На Русском Севере отчетливо выделяются две группы русского населения, восточная и западная, граница между которыми проходит примерно по нижней Двине, по междуречью верхней части бассейна Онеги и Двины, по нижней Ваге. Эти антропологические группы связаны с двумя истоками славянской колонизации — новгородской и верхневолжской.

2. Обе группы населения тесно связаны между собой: из 24 пунктов, отнесенных М. В. Витовым к ильменско-беломорскому типу, в 11, кстати, отмеченных на территории древней Новгородчины, население имеет признаки ильменско-беломорского и верхневолжского типов.

3. Ильменско-беломорский тип ни разу не зафиксирован в среде финно-угорского местного населения Севера, а финно-угорский, по происхождению онежский, тип не зафиксирован в русских населенных пунктах, отнесенных М. В. Витовым к ильменско-беломорскому типу. В то же время русское население в пяти пунктах верхневолжского типа (в Подвинье и Поволжье) одновременно отнесено М. В. Витовым и к финно-угорскому,

¹⁰⁰ Всего отмечено 24 точки, разбросанные отдельными островами на очень большой территории.

онежскому типу, а три пункта с финно-угорским населением онежского типа одновременно отнесены и к верхневолжскому типу.

Таким образом, оказывается, что русское население, шедшее из Верхневолжского бассейна, по каким-то причинам вступало в более тесные контакты с древним финно-угорским населением Поволжья и Заволочья, тогда как новгородский, ильменско-белозерский, тип остался относительно более чистым, что говорит об ином составе новгородской колонизации. Эти антропологические данные говорят также в пользу высказанного выше предположения о том, что верхневолжская колонизация велась этнически смешанным славяно-финно-угорским населением. К сожалению, антропологические материалы не дают ответа на вопрос о времени сложения двух различных массивов русского населения на Севере; по мнению М. В. Витова, это происходило в пределах XII—XVII вв.

Мне кажется, что для установления более точной хронологии следует привлечь данные диалектологии. В указанной выше статье В. Я. Дерягина и Л. П. Комягиной изложены результаты изучения лексики диалектов Северной России на основании изучения документов XV—XVII вв. и современных данных. Авторы приходят к выводу, что «по крайней мере с XV в. может быть прослежена отчетливая диалектная граница, проходящая по водоразделу Онеги и Двины с Вагой и Пинегой, причем двинско-важские диалекты тесно связаны с диалектами Верхнего Поволжья».¹⁰¹ Конечно, было бы наивным ожидать полного совпадения результатов изучения диалектов и антропологических показателей. Однако определенное сопоставление напрашивается. Если в XV в., по мнению диалектологов, часть Нижнего и Среднего Подвинья относилась к зоне распространения верхневолжских диалектов, значит, интенсивная колонизация этого района относится к более раннему времени, по крайней мере к XIV в. А поскольку на верхнюю и среднюю Двину с Вагой верхневолжское население должно было проникнуть раньше, чем на нижнюю, то, видимо, колонизация бассейна верхней и средней Двины проходила в период XIII—XIV вв. К этому времени, вероятно, относится и начало распространения верхневолжского типа в Верхнем и Среднем Подвинье, отмеченное М. В. Витовым, и образование в восточной части Заволочья областей, тянущих к Верхневолжскому бассейну, в том числе и «Ростовщины».

Так, на основании сравнительного анализа данных истории, диалектологии и антропологии можно сказать, что «верхневолжский» характер населения бассейна верхней, средней и отчасти нижней Двины, а также ее главных притоков Ваги и Пинеги сложился не в результате низовской колонизации второй поло-

¹⁰¹ В. Я. Дерягин, Л. П. Комягина. Из истории диалектных границ в Северной России, стр. 110.

вины XIV—XV вв., перекрывавшей новгородскую более раннего времени, а фиксируется как сложившаяся реальность уже в XIV в., причем в областях, где источники не отмечают издавна существовавших массивов новгородских владений. Все это говорит о раннем времени освоения Севера населением из верхневолжских земель и населением других областей Древнерусского государства, попадавшим на Север через бассейн Верхней Волги и междуречье.

Итак, в XIII—XV вв. русское население Севера было уже сложным по этническому составу. И хотя собственно земли поморов (берега Белого моря) в это время, судя по письменным и антропологическим данным, скорее относятся к области заселения из Новгорода, но, с другой стороны, из ряда исторических документов и диалектологии ясно, что в этот же период сюда проникает население из верхневолжских областей. Этот процесс со временем мог только усилиться; вполне вероятно, что в сложении поморов участвовали разные этнические элементы, и поэтому поморы не являются однородным, новгородским по происхождению населением. Однако выяснению этой проблемы следует посвящать специальные исследования.

И. В. Власова

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ В ВЕРХОВЬЯХ СЕВЕРНОЙ ДВИНЫ И ЕЕ ПРИТОКОВ ПО ПЕРЕПИСЯМ XVIII—ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX в.

В результате колонизации бассейна верховьев Северной Двины и ее притоков (средняя и нижняя Сухона, Юг, низовья Лузы и Вычегды)¹ к XVIII в. на этой территории сложился определенный этнический состав населения. О нем и последующих его изменениях можно судить по источникам более позднего периода. К их числу относятся: для XVIII—первой половины

¹ В дальнейшем для краткости эту территорию мы будем называть «Верхнедвинский бассейн» или «верхнедвинские уезды и волости». Административное деление ее на протяжении рассматриваемого нами периода неоднократно менялось. Еще в XVII в. она составляла один из самых населенных уездов Поморья — Устюжский. По документам XVIII в. эта территория относилась к Устюжской провинции Архангелогородской губернии. После губернской реформы в 1796 г. она разделилась на Устюжский и Никольский уезды, которые вошли в состав Вологодской губернии. В таком виде они существовали до новой губернской реформы 1918 г., когда вместе с соседним Сольвычегодским уездом вошли во вновь образованную Северо-Двинскую губернию. По современному административному делению, это восточные районы Вологодской области (Нюксенский, Великоустюгский, Бабушкинский, Кичменгско-Городецкий, Никольский) и соседние с ними районы областей: Архангельской (Котласский, частично Красноборский), Костромской (Октябрьский, Павинский, Вохомский, Пыщугский) и Кировской (Лузский, Опаринский, Подосиновский, Мурашинский).

XIX в. — ревизские сказки, для конца XIX в. — всеобщая перепись 1897 г., для первой четверти XX в. — переписи советского периода 1920 и 1926 гг.

Интересующие нас вопросы в силу специфических задач переписей освещены в них в различной степени и, конечно, неполно. Но все же удастся получить материал, помогающий выявить древние этнические связи местного населения, и представить себе его дальнейшее состояние, а главное сопоставить население в этническом отношении по различным хронологическим периодам и проследить его изменение за довольно длительное время (два с четвертью века).

Для интересующего нас периода характерно окончание массовых крестьянских передвижений на европейском Севере и этническая устойчивость сложившегося населения. Все переселения крестьян, вызванные внутренним социально-экономическим развитием в тот период — в XVIII в. и даже вплоть до реформы 1861 г., ограничивались перемещениями в пределах уездов или губерний, некоторым отливом на восток за Урал и отходом на работы и промыслы в другие места. Освоения новых территорий не происходило. Значительных изменений этнического состава населения в таких условиях не могло быть.

Экстенсивность социально-экономического развития Севера стала особенно заметной, когда началось снижение удельного веса северных уездов в сельском хозяйстве России (конец XVII—начало XVIII в.). Экономически относительно развитый район, рано вступивший на путь предбуржуазного развития, постепенно остается в стороне от этого процесса. Некоторые изменения начинаются только в послереформенный период — во второй половине XIX—начале XX в., когда в северной деревне утвердился капиталистический уклад и создаются условия для освоения и заселения новых территорий, вновь открывается путь для притока населения извне. Последнее было связано главным образом с проведением столыпинского землеустройства, когда начались переселения в северные губернии. Правда, они совершались не в столь широких масштабах, какие были характерны для периода начальной колонизации европейского Севера, т. е. с XV и до начала XVIII в.

В послереволюционное время значительных переселений снова не происходило. Отход населения также сократился, так как внутреннее развитие деревни было направлено на новое землеустройство и возникновение новых форм хозяйства.

Поскольку население Верхнедвинского бассейна в этническом отношении сложилось уже к XVIII в., для понимания позднейших процессов необходимо затронуть некоторые этапы его ранней этнической истории.

В дославянскую эпоху европейский Север населяли различные этнические группы финно-угорской языковой семьи. Верхне-

двинский бассейн был заселен чудью заволочкой, окруженной с востока пермскими финнами, с юга племенами меря, с запада весью, а северо-запада емью. В конце первого тысячелетия н. э. в Северо-Восточной Европе расселяются восточнославянские племена. По Северу начинают продвижение в область Заонежья и Беломорья ильменские (новгородские) словене, а в близком соседстве от них на верхневолжских территориях идет кривичская колонизация.

Спорадические проникновения новгородских славян в различные северные территории с XII в. сменяются широкой колонизационной волной. Освоив Заонежье, нижнюю Двину, Вагу, они выходят на р. Сухону, где с середины XII в. их встретило движение из междуречья Волги и Оки («снизу»). С этого момента идет соперничество новгородцев и «низовцев» (вначале ростово-суздальцев, а с XIV в. из московских земель) за овладение Севером, продолжавшееся до падения Новгорода в 1478 г. Впрочем, движение колонизационных потоков на Север не прекращалось вплоть до XVIII в. Таким образом, с XII до XVIII в. здесь взаимодействовали три этнических компонента.

Один из них связан с дорусским населением Севера, а два других — с различными потоками восточнославянской колонизации: новгородской и низовской.² Первый был частично ассимилирован вторым и третьим. В центральных районах Севера шло формирование севернорусских групп, а на его окраинах — их нерусских соседей.³

Заселение отдельных районов Верхнедвинского бассейна в это время происходило следующим образом. На Сухоне столкнулись две колонизационные волны: новгородская, идущая с низовьев Северной Двины и с Ваги, и низовская — из Костромского Заволжья к средней Сухоне и далее, обогнув новгородскую Тотму, на Вагу и Кокшеньгу и затем по Сухоне к Устюгу.⁴ Во второй

² М. В. Витов. Этнические компоненты русского населения на Севере (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.). М., 1964, стр. 9.

³ Разные точки зрения об участии нерусского компонента в этногенезе русских высказаны в следующих работах: Н. Полевой. История русского народа, т. I. М., 1829, стр. 62—63; Д. К. Зеленин. Принимали ли финны участие в образовании великорусской народности? Сборник Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, т. I, Л., 1929, стр. 96—107; С. П. Толстов. К проблеме аккультурации. Этнография, 1930, № 1—2; М. Н. Покровский. Образование Московского государства и великорусская народность. В кн.: Историческая наука и борьба классов, вып. 1. М.—Л., 1933, стр. 284; В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. 1. М., 1937 (17-я лекция); С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958, стр. 28; М. В. Витов. Историко-географические очерки Заонежья XVI—XVII вв. М., 1962, стр. 44—45.

⁴ Этот путь описан в работе С. Ф. Платонова «Очерк низовской колонизации Севера» (Очерки по истории колонизации Севера, вып. I. Пб., 1922, стр. 60). А. Н. Насонов предполагает, что ростовцы пришли на Сухону и Устюг не с Костромы и Унжи, а с Шексны (А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., 1951, стр. 194).

половине XII—первой трети XIII в. на пути ростовцев возникают города Унжа, Косторма, Галич в волжских землях и Устюг в двинской.⁵

Севернее Устюга, по верхней Двине и нижней Вычегде, жило население, связанное по своему происхождению с пермскими финнами (предками коми). Ростовцам здесь укрепиться не удалось, так как сюда раньше них с низовьев Двины проникли новгородцы. На нижней Вычегде последние укрепляют свое положение основанием г. Чернигова, недалеко от будущего Сольвыгодска.⁶ И те, и другие, соперничая, вступают во взаимодействие с коми, далекие предки которых появились в бассейне Вычегды еще во второй половине первого тысячелетия, они пришли с Камы и с Вятки, где существовала пермская языковая общность финно-угорской языковой семьи. В начале второго тысячелетия из вычегодских пришельцев сложилась пермь вычегодская — «пермяне», по-видимому непосредственные предки современных коми. Отсюда пермяне расселились на северо-запад и северо-восток⁷ и достигли верхней Двины и даже бассейна р. Юга,⁸ где в XII—XIII вв., как уже указывалось выше, их встретили новгородцы и низовцы. В XIV в. коми в этих местах было довольно много. С этого же времени известен Котлас, возникший на месте их села Пыраз, откуда начинает свою миссионерскую деятельность выходец с Устюга Стефан Пермский.

Таким образом, в сфере русского расселения довольно рано оказывается Сухонский бассейн (с XII в.), Устюг (с XIII в.), верхняя Двина и Вычегда (с XIV в.).

Пришельцы с Верхней Волги направились от Устюга на юго-восток. В XIII в. они начинают осваивать бассейн р. Юга,⁹ где возникают Старо-Георгиевский и Ново-Георгиевский погосты и где у новгородцев был только городок Халазец.¹⁰ Более интенсивное заселение этой территории происходило в XV в., когда московские князья оспаривали у новгородцев их земли,¹¹ но последним удалось основать здесь, в бассейне р. Юга, Анданские Починки, Кичменгский Городок и Подосиновский Городок.¹² Пребывание новгородцев в Южском бассейне ограничилось осно-

⁵ Полное собрание русских летописей, т. XXV. М.—Л., 1949, стр. 110, 111, 116.

⁶ Города Вологодской губернии с уездами. Ежегодник Вологодской губ. на 1912 г., Вологда, 1911, стр. 14.

⁷ Народы европейской части СССР, ч. 2. М., 1964, стр. 401.

⁸ К. Попов. Зыряне и зырянский край. Изв. общ. любит. естеств., антроп. и этногр., Труды этногр. отд., кн. III, вып. 2, М., 1874, стр. 8, 18.

⁹ С. Ф. Платонов. Очерк низовской колонизации Севера, стр. 60.

¹⁰ И. К. Степановский. Вологодская старина. Историко-археологический сборник, Вологда, 1890, стр. 415.

¹¹ А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 195.

¹² В. Попов. Колонизация русскими Вологодской губернии. Памятная книжка для Вологодской губ. на 1861 г. Вологда, 1861, стр. 112, 113.

ванием этих единичных пунктов. Ростовская, а позднее московская, колонизация проникла здесь глубже, были заселены остальные речные бассейны. В частности, в это время (XV в.) заселялся подходящий близко к р. Югу бассейн р. Кемы (приток Унжи). Пути к нему могли идти, как нам кажется, не только со стороны Унжи,¹³ но и с р. Юга.

Не позднее XIV в. заселялась р. Вохма (приток Ветлуги). Сюда также вели пути из бассейна р. Юга. В начале XV в. здесь появились новгородцы, возглавленные неким Анфалом, но вытесненные с Вохмы вятчанами. Они возвратились обратно к р. Югу, где основали упомянутые уже Андангские Починки.¹⁴

К XV же веку относится и заселение русскими Лальского края, где новгородцы основали г. Лальск,¹⁵ вскоре подчиненный, однако, как и весь Север, Москве. Отсюда колонизационные пути московских людей направлялись с Лузы к Моломе, а через Молому к Вятке,¹⁶ куда еще шел путь и со стороны р. Юга, через р. Вохму. На этих путях в XV—XVIII вв. заселялись земли по ветлужским притокам — Моломе, Пыщугу, Медведице, Воче, Шайме. Таким образом, заселение Верхнедвинского бассейна на начальном этапе колонизации связано с соперничеством новгородцев и суздальцев на речных путях. Глубинные районы бассейна заселялись главным образом в XIV—XVI вв. в процессе развития низовской колонизации и утверждения власти московских князей.

Таким образом, к концу колонизационного периода в Верхнедвинском бассейне сложилось русское население. Формируясь в процессе взаимодействия компонентов, связанных с новгородской и низовской колонизациями, в конечном счете оно оказалось по своему физическому облику и особенностям материальной культуры ближе к верхневолжскому населению.¹⁷ Это свидетельствует о том, что здесь возобладала низовская колонизация; возможно, что это стало сказываться особенно отчетливо со второй половины XVI в., когда происходил сильный отлив населения из центральных уездов на Сухону и Вагу.¹⁸ Известные местные

¹³ См. карту в «Очерках по истории колонизации Севера» (вып. I, Пб., 1922). О колонизации Унжи есть два мнения: 1) ростово-суздальцы проникли на нее не со стороны Костромы, а со стороны Галицкого озера (А. Н. Насонов. «Русская земля»... стр. 193); 2) заселение ее шло со стороны Городца из нижегородско-суздальских земель (В. А. Кучкин. Ростово-Суздальская земля в X—первой трети XIII в. История СССР, 1969, № 2, стр. 90). Для XV в., когда со стороны Унжи идет заселение между-речья Кемы и Юга, можно говорить уже о московской колонизации.

¹⁴ В. Попов. Колонизация русскими Вологодской губернии, стр. 112.

¹⁵ Там же, стр. 122.

¹⁶ А. Н. Насонов. «Русская земля»... стр. 195.

¹⁷ М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. История СССР, 1964, № 6, стр. 95—96; Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, стр. 135, 139, 152, 158, 159, 207—209, карты №№ 36, 37, 43.

¹⁸ С. Б. Веселовский. [Рецензия на книгу Ю. Готье «Замосковский край в XVII в.». Журн. мин. нар. просв., 1908, № 2, стр. 430—431;

группы русских в восточных районах Севера — двиняи, устюжан, сухонцев, кокшар, важан, южан, вычегжан — следует считать географическими наименованиями. Но вместе с тем они несколько отличаются друг от друга и в этническом отношении. Например, у двиняи на нижней и средней Двине и важан на нижней Ваге больше черт, связанных с новгородцами. Кокшары в бассейне р. Кокшеньги, считавшиеся некоторыми авторами¹⁹ новгородскими по происхождению, недавними исследованиями отнесены к ростовцам.²⁰ У вычегжан на нижней Вычегде можно предполагать влияние предков коми. Сухонцы в низовьях Сухоны и южане по р. Югу более связаны с суздальцами.²¹ Локальные различия возникли в процессе формирования материальной культуры населения бассейнов Ваги, Двины, Сухоны, Юга, Вычегды²² и т. д.

Итак, Верхнедвинский бассейн (низовья Сухоны, бассейн р. Юга, нижняя Луза, нижняя Вычегда, а с юга волжские притоки) и процессе колонизации оказывается заселен русскими, по своему происхождению более связанными с «низовцами». Кроме немногочисленных коми нерусских народностей здесь нет. В XV в. они уже отошли на восток — ближе к среднему течению Вычегды, Виляди и Лузы. Эта граница их расселения видна на карте, составленной Б. О. Долгих по источнику XV в. — грамоте Ивана III (см. карту). Следы пребывания коми на верхней Двине и в бассейне р. Юга ощутимы и по материалам более позднего времени (см. ниже). В дальнейшем граница расселения русских и коми отодвигается еще восточнее.²³

В XVII в. население этих районов считается русским. Сохранившиеся писцовые и переписные книги того времени не указывали его этнический состав. Составлены они с иными целями. Кроме того, этнические группы финской языковой семьи были уже в значительной степени ассимилированы русскими или отошли на восток, и внимание на них не фиксировалось. Данные, хотя и немногочисленные, об оставшихся здесь еще «чуждых» поселениях

Д. К. Зеленин. Великорусские говоры. СПб., 1913, стр. 441; М. В. Витов. Этнические компоненты..., стр. 7.

¹⁹ М. Б. Едемский. О старых торговых путях на Севере. Записки Отд. русск. и славянск. археол. Русск. археол. общ., 1913, т. IX, стр. 45—49; Д. К. Зеленин. Великорусские говоры, стр. 437; И. К. Степановский. Вологодская старина. Вологда, 1890, стр. 388.

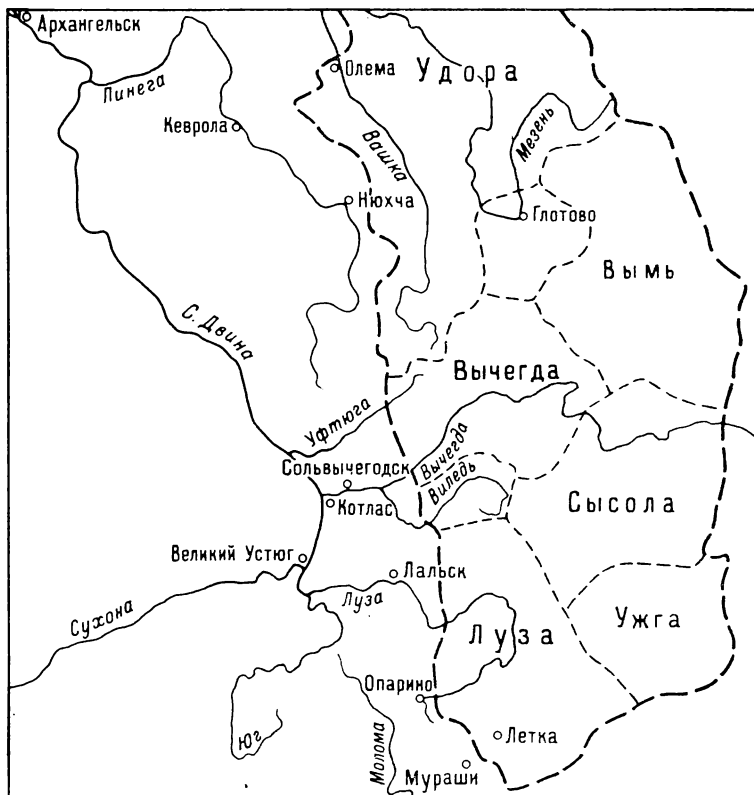
²⁰ А. Н. Насонов. «Русская земля»..., стр. 189; М. В. Витов. Антропологические данные..., стр. 109.

²¹ См. статьи Г. С. Масловой и А. В. Сафьяновой в настоящем сборнике.

²² Русские, стр. 135, 139, 152, 158, 159, 207—209; Г. Г. Громов. География пахотных орудий русских крестьян в XIX в. Докл. ВГО, Отд. этногр., вып. 5, Л., 1967, стр. 41.

²³ К XIX в. она шла от верховьев р. Яренги, по всему течению ее (кроме низовьев — 10 верст), у дер. Межог (в 22 верстах от Яренска), по дороге в Усть-Сысольск, у Ношульской пристани на Лузе, по верховьям Лузы, у Кажимского завода на р. Сыsole (К. Попов. Зыряне и зырянский край, стр. 30).

и «зырянском» населении встречаются главным образом в актовом материале, в житийной литературе, в записанных в XIX—XX вв. народных преданиях.²⁴ Некоторые сведения можно также получить из анализа топонимии и личных имен населения северных территорий, зафиксированных в писцовых книгах.

Бассейн Северной Двины в XV в. Жирной прерывистой линией показана граница расселения коми.

Заканчивая кратко обзор ранних колонизационных этапов, остановимся еще на вопросе о сущности северной колонизации. В основе ее могли лежать этнические или социально-экономические процессы.²⁵ Иногда она осуществлялась в ходе массового переселения крестьян и сопровождалась изменениями этнического состава населения. В других случаях — при боярской или мона-

²⁴ М. В. Витов. Историко-географические очерки..., стр. 46, 47, 66—69; В. В. Пименов. Вепсы. М., 1965, стр. 120, 144.

²⁵ В научной литературе отражено различное понимание сущности колонизации: А. Я. Ефименко, С. Ф. Платонов, А. И. Андреев говорили

стырской колонизации — происходил феодальный захват земель и не было массовых крестьянских переселений. На первых этапах колонизации такого типа существенного изменения этнического состава населения могло и не быть, позднее же шла длительная ассимиляция аборигенного населения. С колонизацией первого типа мы встречаемся на обширной территории Севера — в Приильменье, по Волхову, нижней Двине, Беломорскому побережью, на водоразделе Волги и Сухоны, на Кокшеньге, верхней Ваге, среднем Подвинье, в том числе и в Верхнедвинском бассейне. Колонизация второго типа осуществлялась на окраинных территориях Севера, на водоразделах (у карел, вепсов, у русских по Онеге и отчасти в Прионежье, по Пинеге, Тойме, верхней Сухоне).²⁶

Предложенная дифференциация процессов весьма условна, ибо и в том и в другом случае в какой-то степени происходило переплетение разнородных процессов.

Переходим к характеристике этнического состава населения данной территории по источникам XVIII—первой трети XX в., т. е. периода, когда колонизация Севера закончилась и для заселения его были характерны другие процессы.

Для XVIII в. нами использованы ревизские сказки, сохранившиеся от первых трех ревизий Верхнедвинского бассейна (1719—1721 гг., 1744—1747 гг., 1762—1764 гг.).²⁷ К сожалению, они, как и предшествующие им переписи населения этой территории XVII в., преследовали фискальные цели и не отмечали этнический состав населения. Сведения их по этому вопросу очень отрывочны и коротки. Единственное, что может помочь нам приблизительно представить себе состав населения, — это топонимия района по данным ревизских документов. Здесь мы не останавливаемся на характеристике топонимического материала и его анализе, поскольку он может быть предметом специального исследования. Относительно этнического состава населения топонимический материал ревизий XVIII в. позволил сделать следующие наблюдения.²⁸ 1. Местная топонимия (брались только названия населенных пунктов) связана с историей заселения края. 2. Значительный перевес топонимов русского происхождения уже

о боярской колонизации, М. М. Богословский, А. П. Шурыгина — о крестьянской, А. И. Никитский, А. С. Лапо-Данилевский — о монастырской; о колонизации как процессе расширения государственной территории писал А. Н. Насонов; М. В. Витов разграничивал этническую и социально-экономическую сущность колонизации.

²⁶ М. В. В и т о в. 1) Историко-географические очерки..., стр. 52; 2) Этнические компоненты..., стр. 2, 9.

²⁷ ЦГАДА, ф. 350/3, №№ 4606, 4606-а, 4608, 4609, 4611, 4613—4615, 5236 (I ревизия), 4605, 5234 (II ревизия), 4619—4625, 4627—4629 (III ревизия).

²⁸ Часть из них изложена в нашей статье «Топонимия междуречья Сев. Двины и Волги в XVIII—первой четверти XX в.» в сборнике «Ономастика Поволжья» (Ульяновск, 1969).

в начале XVIII в. свидетельствует о том, что к концу колони-
зационного периода здесь сложилось русское население, а наличие
нерусских (субстратных) топонимов или сочетания топонимов
русского и субстратного происхождения говорит о смене одних
другими и об окончательном воспреобладании русских топони-
мов.²⁹ 3. Нерусские топонимы в большинстве своем произошли от
названий гидронимов (рек, озер), причем названия крупных рек
остаются нерусскими и до сих пор, мелкие же реки получили рус-
ские названия, ибо они были колонизованы позже, уже русским
населением. 4. По рассматриваемым топонимам можно было за-
ключить о наличии на данной территории этнических групп
финно-угорского происхождения — чудь, пермь — и более позд-
них — коми (дер. Чудкое Старое Печище, дер. Пермас, починок
Пермяцкий, дер. Котлас и др.) и различных колониционных
потоков, проходивших здесь в разное время до XVIII в. и свя-
зывающих Верхнедвинский бассейн с другими территориями Се-
вера и соседними волжскими землями (деревни Новгородово, Суз-
далцево, Белозеровица, Южаково, Башкириха и т. д.).

Некоторые сведения об этнических связях населения можно
получить из сообщений ревизских документов о миграциях кре-
стьян. Выше уже указывалось, что массовые крестьянские пере-
селения в конце колониционного периода сменились небольшо-
численными перемещениями на еще незанятые земли внутри
отдельных районов и одиночными выселениями за пределы райо-
нов, что не меняло этнический состав населения в целом. Присе-
ления с соседних территорий были тоже немногочисленны.
В Верхнедвинском бассейне они ограничились в середине XVIII в.
переходом в Устюжский уезд 11 человек из Сольвычегодского
уезда, 8 человек из Тотемского, 9 из Хлыновского, 6 из Вят-
ского;³⁰ во второй половине XVIII в. 6 человек из Вятского уезда,
одного из Соли Камской.³¹ Такие приселения совершались с тер-
риторий, где к этому времени тоже сложилось русское население.

Таким образом, ревизии XVIII в. не характеризуют современ-
ное им население с этнической точки зрения, а только позволяют
выявить его древние этнические связи.

Первичные материалы остальных (4—9-й) ревизий конца
XVIII—первой половины XIX в. по Верхнедвинскому бассейну
не сохранились. Таким образом, до середины XIX в. мы не имеем
сколько-нибудь точных данных об этническом составе населения
верхнедвинских уездов. Подготавливая 9-ю ревизию (1850 г.),

²⁹ Н. В. Подольская. О некоторых группах речных наименований
Двинской земли. В сб.: Мовознавство, т. 14. Київ, 1957; М. В. Витов.
Севернорусская топонимия XV—XVIII вв. Вопросы языкознания, 1967,
№ 4; Г. Я. Симина. Топонимия бассейна р. Юлы. В сб.: Материалы
сплошного топонимического обследования замкнутой микротерритории, Л.,
1969.

³⁰ ЦГАДА, ф. 350/3, № 4605, лл. 409, 419 об., 513, 670 об., 728 об.

³¹ Там же, № 4619, 4620, 4622—4625, 4627—4629, 5233.

П. И. Кеппен обратил внимание на отсутствие подобных сведений по губерниям России и указал на необходимость их сбора.³² В ряде мест это было осуществлено. В архивном фонде П. И. Кеппена сохранились приходские списки губерний,³³ в которых отмечался этнический состав населения. Такие материалы мы находим и по двинским уездам. Они должны были заключать в себе «списки обитаемых мест каждого прихода с показанием официальных и в просторечии употребляемых названий, также вод, при которых они находятся, и числа прихожан обоего пола каждого народа и каждого состояния отдельно» (на 1857 г.).³⁴ Несмотря на такое предписание, население Устюжского и Никольского уездов сплошь показано как русское и нигде не отмечено население иного происхождения, хотя известно, что таковое там в то время было. Описание же соседнего с этими уездами Сольвычегодского содержит сведения и о его нерусском населении (главным образом «зырянах»), которое там, конечно, более многочисленно, чем в первых уездах, и не обратить на него внимания было невозможно.

Спустя два года после этих списков были опубликованы сведения Статистического комитета по Вологодской губернии на 1859 г. («Списки населенных мест»), содержащие материалы 10-й ревизии (1856—1857 гг.).³⁵ В них находим кое-какие указания об этническом составе жителей верхнедвинских волостей. Так, в Никольском уезде отмечено «зырянское» население по р. Лузе,³⁶ что не удивительно, ибо граница расселения коми и русских именно здесь пересекает среднее течение Лузы. Но конкретных данных о местонахождении и численности коми в Никольском уезде в этих «Списках» тоже нет.

Любопытно, что до сих пор здесь уловимы следы чуди. Новые «Списки» называют ее «чудь обрусевшая, перемешанная с русскими».³⁷ По-видимому, в этих местах долгое время сохранялись потомки чуди. Источник локализует их в одном месте — вблизи Кичменгского Городка, построенного когда-то новгородцами в целях обороны от чудского населения. Такие деревни расположены по р. Югу и его притокам Шердугу, Жидоватке, Березовой, Завачугу, Шенге, Кокошихе, Имзюгу: 20 деревень, где считаются чудскими 237 дворов с населением 760 мужчин и 661 женщина. Таким образом, «Списки населенных мест» вскрыли здесь наличие среди подавляющей массы русского населения потомков летописной чуди и потомков коми, к этому времени уже

³² П. И. Кеппен. Ведомость народонаселения России по уездам. СПб., 1850.

³³ Архив АН СССР (Ленинград), ф. 30, оп. 2.

³⁴ Там же, № 11, 1857.

³⁵ Списки населенных мест Российской империи. Т. 7. Вологодская губерния. СПб., 1866.

³⁶ Там же, стр. XXI, XXII.

³⁷ Там же, стр. XXI.

считавшихся русскими. О сохранении отдельных островов чудского населения на Русском Севере еще в XIX в. есть указания в литературе.³⁸ Использованный нами источник по Верхнедвинскому бассейну подтвердил это показание. Конечно, такие сведения о нерусском населении нельзя считать исчерпывающими, ибо нет ни точных подсчетов, ни указаний на наличие его и в других местах, где оно тоже, вероятно, было. Насколько точно источник разграничивает чужд и «зырян», по его лаконичным данным проверить трудно, тем более если наличие тех и других фиксировалось со слов местного населения, нередко смешивавшего эти понятия.

Разработки такого вида в «Списках населенных мест» не были удовлетворительными, и не случайно П. И. Кеппеню снова ставился вопрос об изменении формы переписных листов с включением туда новых вопросов, в том числе и о народности.³⁹ Но такие сведения впервые были получены только после проведения I Всероссийской переписи 1897 г.

Перепись отразила явления, происходившие в пореформенный период развития деревни, для которого была характерна активизация миграционных процессов как внутри губерний, так и между ними. Это было связано с предоставлением крестьянам прав выкупа наделов в личное пользование и покупки недостающих земель в казенных пустующих дачах. Воспользоваться этим правом, по сути, могла только верхушка деревни, концентрирующая землю в своих руках. Другая часть сельского населения искала на стороне источников существования — занималась отходничеством или совсем уходила за пределы своей губернии.⁴⁰ Перепись 1897 г. вскрыла подобные перемещения крестьян, распределив в своих разработках население всех губерний по родному языку или по месту рождения.

В итоговых данных переписи верхнедвинское население сельских местностей изучаемых уездов распределилось следующим образом (см. стр. 40).⁴¹

Таким образом, население, по данным переписи 1897 г., в подавляющем большинстве оказалось русским. Остальные народности представлены незначительно. Из них наибольшее количество — 77 человек — относится к коми. Значит, и к концу XIX в.

³⁸ М. В. Витов. Историко-географические очерки..., стр. 72.

³⁹ П. И. Кеппен. О народных переписях в России. СПб., 1889, стр. 19, 23.

⁴⁰ История земельных отношений и землеустройства. М., 1956, стр. 60—62; Н. М. Дружинин. Государственные крестьяне и реформа П. Д. Киселева, т. 2. М.—Л., 1958, стр. 566—569.

⁴¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Т. 7. Вологодская губерния. Тетрадь 2, СПб., 1901, стр. 66. Часть сведений сохранилась в материалах Комиссии по изучению племенного состава населения СССР (КИПС), хранящихся в Архиве АН СССР (ф. 135/2). Комиссия привлекала сведения 1897 г. для сравнения с материалами 1902 и 1926 гг. Использованы №№ 377, 378, 393, 394, 533.

на этой территории они, хотя в малом числе, еще были. Наличие представителей других национальностей было связано не только с миграционными процессами, повсеместно происходившими в то время, но для Верхнедвинского бассейна еще и с особыми условиями — практикой правительства ссылать сюда осужденных из различных губерний.⁴²

Язык	Устюж- ский уезд	Николь- ский уезд
Беликорусский	131993	225748
Малорусский	21	1
Белорусский	1	—
Польский	18	8
Латышский	2	1
Немецкий	13	6
Английский	1	—
Шведский	1	—
Французский	1	—
Цыганский	18	8
Еврейский	1	29
Татарский	2	8
Черкесский	—	8
Финский	—	3
Эстонский	—	1
Зырянский	37	40
Всего	132109	225831

Итоговые данные переписи не говорят о местонахождении нерусских групп в пределах уездов. А первичные бланки переписи по каждому населенному пункту ничего не сообщают о национальной принадлежности их жителей. Эти сведения можно было бы получить из бланков распределения по родному языку, но нам не представилось возможным полностью их использовать ввиду большого их числа (4704). Интересно, что в последних снова есть данные о чуди в пределах Вологодской губернии.⁴³ Значит, и в конце XIX в. на Севере еще можно было встретить население, считавшее себя чудью.

Для выяснения вопроса о национальной принадлежности населения в Верхнедвинском бассейне в момент переписи 1897 г. можно еще воспользоваться материалами о миграциях, которые свидетельствуют, что миграционные связи данного района ограничивались в этот период в первую очередь верхневолжскими губерниями — Костромской и Вятской, откуда к моменту переписи пришло 13 182 человека, а затем северными — 484 человека — и центрально-промышленными — 339 человек, где также в подавляющей массе население было русское. На долю пришельцев из губерний с нерусским населением (из Прибалтики, Белоруссии, с Украины, из Средней Азии, Крыма и т. д.) приходится несколько десятков человек (не более 40). Этим исчерпываются имеющиеся

⁴² Государственный архив Вологодской области (далее: ГАВО), ф. 276/1, №№ 2244—2250.

⁴³ Архив АН СССР, ф. 135/2, № 393, л. 3; № 382, л. 1.

у нас материалы конца XIX в. об этническом составе местного населения.

В годы столыпинской реакции происходят некоторые изменения. Именно в это время был осуществлен обсуждавшийся в правительственных кругах еще в начале 900-х годов проект переселения крестьян из Прибалтики на вологодские земли.⁴⁴ Наибольшее число прибалтийских переселенцев составляли эстонцы. Всего начиная с 1905 г. в Вологодской губернии поселилось 7000 эстонцев, из них 6000 человек с 1908 г. начали заселять отдельные районы Никольского уезда. Расселились они там хуторами в двух местах на юге и востоке его, кроме одного селения около уездного центра — у г. Никольска. Эстонские крестьянские дворы возникли в Пермасской (35 семей), Павинской (20 семей) волостях, верстах в 10—12 от ст. Староверческая Пермской железной дороги (104 семьи), около ст. Опарино, ставшей центром эстонцев в Никольском уезде (около 200 семей), около ст. Альмеж (100 семей), у р. Моломы (150 семей), в волости Паломница (120 семей).⁴⁵ Большинство эстонцев, переселенных сюда, происходило из района Вырумаа на юго-востоке Эстонии. По своему имущественному положению это были обедневшие крестьяне и батраки, не имевшие своего хозяйства.

Об организации хуторских хозяйств в вологодских землях и приселении туда крестьян из других губерний, в том числе и из тех, где было нерусское население, есть свидетельства еще в документах Вологодской земской управы.⁴⁶ В них указано, что в район Моломы и Шабурских починков в течение 1908—1913 гг. было поселено 435 человек, из них 343 белоруса и прибалта, остальные из соседних северных или из западных русских губерний.

К этому времени начинают затухать перемещения крестьян из верхневолжских губерний (Костромской и Вятской) в междуречье Двины и Волги, осуществившиеся в течение нескольких веков. В этом процессе определенную роль могло сыграть не только запрещение переселений,⁴⁷ но и относительное освоение земель, бывших когда-то свободными. По крайней мере свидетельств о таких перемещениях крестьян с начала XX в. уже нет. Таким образом, население по-прежнему оставалось в подавляющей массе русским, хотя капиталистическое развитие деревни открыло доступ приселениям из других территорий (в данном случае прибалтов и белорусов), что несколько изменяло национальный состав местного населения.

⁴⁴ А. А. Кауфман. Материалы и соображения по вопросу о колонизации свободных земель северо-восточных губерний. СПб., 1902, стр. 328; A. Nigol. Eesti asundused ja asupaigad Wenemaal. Tartus, 1918, p. 36—38.

⁴⁵ A. Nigol. Eesti asundused. . . , p. 36, 37.

⁴⁶ ГАВО, ф. 34, Отд. статистики, № 496.

⁴⁷ ГАВО, ф. 276/1, № 9355.

Все приведенные выше сведения довольно отрывочны. Полных и точных данных о национальной принадлежности населения начала XX в. эти документы не дают. Такой учет его был осуществлен уже в советское время переписью 1920 г. Ей предшествовали изменения в жизни северной деревни. Война и революция сократили масштабы крестьянских переселений. Новое уравнительное землеустройство также тормозило уход из деревень. Приселений из других мест не наблюдалось, кроме возвращения бывших отходников домой в связи с продовольственным кризисом в городах.⁴⁸ Поэтому существенных изменений в национальном составе местного населения не происходило. И действительно, использованные нами материалы переписи 1920 г. не зафиксировали существенных изменений. В сводных таблицах этой переписи, имеющихся в материалах КИПС,⁴⁹ характеризуется численный состав, правда не самого населения, а хозяйств по национальностям:

Хозяйства	Устюжский уезд	Никольский уезд
Белорусские	156715	286455
Украинские	14	19
Белорусские	8	290
Польские	12	93
Немецкие	3	19
Шведские	5	1
Английские	—	1
Румынские	—	2
Австрийские	2	—
Эстонские	13	3657
Латвийские	9	513
Литовские	2	49
Зырянские	130	29
Финские	10	3
Цыганские	—	21
Еврейские	5	29
Татарские	1	—
Китайские	—	1
Всего	156929	291182

Представить себе национальный состав верхнехвинского населения по этим данным вполне возможно. Устюжский и Никольский уезды входили теперь в состав Северо-Двинской губернии. Перепись обнаружила здесь снова преобладание русских. Из населения других национальностей большинство составляли прибалты, белорусы и коми. Первые и вторые, вероятно, оказались здесь со времен столыпинского заселения. О новых приселениях

⁴⁸ Л. И. Лубны-Герцык. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции. М., 1926, стр. 23, 48; С. И. Родионов. Организация и деятельность коллективных хозяйств в первые годы Советской власти. История СССР, 1959, № 5, стр. 87.

⁴⁹ Архив АН СССР, ф. 135/2. №№ 382, 383, 386, 395, 405, 678, 679.

известий нет. Однако число их трудно сравнить с материалами столыпинского периода, поскольку подсчет производился по разному принципу. Но если принять, что материалы начала 900-х годов называют только одних эстонцев в числе 6000 человек, а данные переписи 1920 г. отмечают их в числе 3756 человек⁵⁰ во всей Северо-Двинской губернии, куда кроме изучаемых уездов входил и Сольвычегодский уезд, то можно допустить уменьшение их числа к 20-м годам. Часть переселенцев могла вернуться на родину. Основным районом расселения эстонцев по-прежнему остаются волости Никольского уезда Завражская (в центре уезда), Моломская, Опаринская, Подосиновская, Шестаковская, Щеткинская (на востоке), Паломохинская, Переселенческая и Пермасская (на юге).

Что касается коми, то они расселены были главным образом в Устюжском уезде, где насчитывалось 130 хозяйств (в Никольском только 29). Перепись содержит данные о размещении их в устюжских волостях: Папуловской (1), Ново-Георгиевской (13), Нестеферовской (33), Приводинской (4), Удимской (1), Целяковской (76), Вострой (1), Страдной (1), т. е. в местах, где с XIV в. начинается отход коми на восток и где современная этническая граница коми проходит близко от тогдашней Целяковской и особенно Папуловской волостей. Характерно, что в последней волости (если считать сведения переписи отвечающими действительности) отмечено всего одно зырянское хозяйство. По-видимому, здесь, на этнической границе, селения русских и коми четко разграничивались.

Население других национальностей, оказавшееся в верхне-двинских уездах к моменту переписи 1920 г., могло попасть туда в результате миграционного движения во время первой мировой войны и революции, когда происходил прилив населения в деревни из городов.

В последующие годы не наблюдалось приселения извне, кроме возвращения в деревни отходников и сибирских переселенцев. Последнее было вызвано уравнительным распределением земли и, с одной стороны, существованием и в ряде мест возникновением новых хуторских индивидуальных хозяйств, а с другой — появлением первых коллективных хозяйств, строивших жизнь на новых социалистических началах.⁵¹ Это были русские переселенцы. Национальный состав местного населения, видимо, не изменился, что подтверждается переписью 1926 г., проведенной спустя 6 лет после предыдущей. Ее данные важны тем, что содержат в своих первичных бланках подробные и точные сведения о национальном составе жителей каждого селения. В результате нами были получены данные по территории, охватывающей

⁵⁰ Там же, № 383.

⁵¹ П. Першин. Формы землепользования. В сб.: О земле, вып. 1, М., 1921, стр. 71—72; Статистический ежегодник 1922—1923 гг., в. 1. Труды ЦСУ, т. 8, в. 5, М., 1923, стр. 182.

6964 селений в Верхнедвинском бассейне с населением 483 280 человек (см. таблицу). Преобладающее население — русские. Из других национальностей большинство по-прежнему приходится на прибалтов (2359 эстонцев, 472 латыша и 54 литовца) и белорусов (282), которые все вместе составляют всего 0.63%. Из остальных только «зыряне» насчитывают 110 человек; цыгане 82, поляки 61, а другие национальности — немцы, чехи, украинцы, шведы, евреи, татары, башкиры, вотяки — от 1 до 30 человек.

Поскольку перепись дает сведения по каждому населенному пункту, то можно восстановить географически размещение всех национальностей. Русские, как сказано выше, населяют все рассматриваемые районы. Три района оказываются населены только ими: Нюксенский, Енангский, Рослятинский (ныне Бабушкинский). Это места старого русского заселения начиная с XIV в. и особенно в XV в. В остальных районах есть вкрапления других национальностей. Самые многочисленные — эстонцы, латыши, литовцы и белорусы — находятся в Опаринском районе, где они расселены компактно в местах, отведенных еще в столыпинское время для насаждения хуторских участков. Такими местами явились сельсоветы Алексеевский, Альмежский, Верхне-Кузюгский, Лузский, Моломский, Опаринский, Переселенческий, Поникаровский, т. е. на восточной окраине района и на границе с коми (2965 человек). Остальные сельсоветы района, расположенные по Моломе и ее притокам, заселены русскими. Вряд ли сюда совершались значительные приселения нерусских после столыпинских времен или после революции, об этом нет никаких свидетельств, да и число их здесь с тех пор не выросло.

Другими районами, где встречаются прибалты и белорусы, являются Никольский (143 человека), Вохомский (33 человека), в Кичменгско-Городецком, Лальском, Котласском и Великоустюгском их насчитывается от 1 до 15 человек. В Никольском районе они живут в Завражском, Переселенческом и Пермасском сельсоветах, в Вохомском районе — в Медведевском, Хорошевском, Бельковском, Семеновском, Петропавловском, Покровском сельсоветах, т. е. в местах, где их поселили в столыпинское время и где они живут очень компактно (176 человек). В остальных районах они расселены среди русского населения.

Все другие национальности живут здесь также попеременно с русскими, что обусловлено их малочисленностью. Появление многих из них в этих местах относится к XIX в. и связано, как указывалось выше, с практикой царского правительства ссылатъ сюда осужденных из других губерний (с Украины и западных губерний). Так, например, поляки появились здесь, видимо, после поражения польского восстания 1863—1864 гг.⁵²

Расселение коми, наиболее многочисленных из нерусского населения, также прослеживается по данным переписи 1926 г.

⁵² ГАВО, ф. 276/1, № 2243.

**Национальный состав населения в районах Северо-Двинской губернии
по переписи 1926 г. (в ‰)**

Национальность	Районы											
	Велико-устюгский	Усть-Алексеевский	Котласский	Лальский	Нюксенский	Кичменгско-Городецкий	Енапский	Подошиновский	Рослитинский	Никольский	Вохомский	Опаринский
Русские . . .	99.950	99.990	99.910	90.800	100	99.990	100	99.960	100	99.640	99.890	88.070
Украинцы . .	0.003	—	—	0.030	—	—	—	0.019	—	0.010	—	0.003
Белорусы . .	—	—	—	0.008	—	0.002	—	—	—	—	0.004	1.090
Поляки . . .	0.007	0.010	0.002	—	—	—	—	—	—	0.010	0.004	0.150
Чехи	—	—	0.010	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Эстонцы . . .	0.003	—	—	0.002	—	—	—	—	—	0.050	0.030	9.120
Латыши . . .	0.001	—	0.010	0.010	—	—	—	—	—	0.120	—	1.530
Литовцы . . .	—	—	—	0.020	—	—	—	—	—	0.070	0.002	0.011
Немцы	—	—	0.010	0.002	—	—	—	0.020	—	—	0.006	—
Шведы	0.003	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Коми	0.020	—	0.050	0.050	—	0.008	—	—	—	0.070	0.002	0.019
Вотяки	0.001	—	0.010	0.005	—	—	—	—	—	0.003	—	—
Татары	0.010	—	—	0.002	—	—	—	—	—	0.001	0.006	—
Башкиры . . .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	0.001	—
Цыгане	—	—	—	0.070	—	—	—	—	—	0.030	0.050	—
Евреи	—	—	—	0.005	—	0.004	—	—	—	—	0.004	0.007

Правда, нет ни одной чисто «зырянской» деревни. Коми живут вместе с русскими на верхней Двине в Великоустюгском районе (Красавинский и Юдинский сельсоветы — 16 человек), в Котласском районе (Антоновский, Вандокурский, Печезерский и Приводинский сельсоветы — 18 человек), где их предки жили еще в XIV в. Есть они и в Лальском районе (Вымский, Грибошинский, Залисский, Лузский сельсоветы — 19 человек), граничащем с Коми АССР. В Опаринском же, тоже приграничном районе, отмечено всего 5 человек коми (в Алексеевском сельсовете). Там до начала XX в. были пустующие земли.

Коми в бассейне р. Юга распределяются так: их совсем мало в Кичменгско-Городецком районе (4 человека в Шонгском сельсовете), но зато на юге бассейна, в Никольском районе, их насчитывается 46 человек, все они в Пермасском сельсовете, где, вероятно, также когда-то жили их предки. По крайней мере топонимия этих мест (дер. Пермас, починок Пермяцкий) свидетельствуют о местонахождении здесь в далеком прошлом селений пермян.

Отметим еще одну любопытную особенность размещения коми. Они реже встречаются в местах, где со временем установилась их граница с русскими. Видимо, в этих районах они размежевались. А все вышеуказанные районы, где встречаются коми, оказались местами, откуда они постепенно уходили к современной границе расселения.

Таким образом, рассматривая размещение нерусского населения в изучаемых районах, можно отметить, что наиболее многочисленные из них живут компактными очагами (эстонцы, литовцы, латыши и белорусы) на юго-востоке этой территории, коми — в Верхнедвинском бассейне (и особенно в Никольском районе). Остальные, составляющие совсем маленький процент населения, разбросаны среди русских почти по всем районам.

Рассмотренные нами материалы переписи 1926 г. подтверждают выводы, сделанные из итоговых данных переписи 1920 г. Видимо, за этот короткий промежуток времени изменений не произошло. Материалы переписи 1926 г. позволили конкретизировать эти данные, поскольку они дают национальный состав жителей каждого населенного пункта.

Подводя итог, можно заключить, что результатом колониального периода XIII—XVII вв. явилось расселение и возобладание в верховьях Северной Двины и на ее притоках русского населения. Отдельные миграционные движения в послеколониальный период (начиная с XVIII в.) не привели к сколько-нибудь заметному изменению состава населения, за исключением окончательного определения территории коми в конце XVIII—XIX в., граница которой придвинулась к Верхнедвинскому бассейну (район средней Лузы, Опарино и Верхнего Кузюга), а также размещения нескольких тысяч прибалтов и белорусов в начале XX в., сохранившихся здесь до конца исследуемого периода.

НАРОДНОЕ КРЕСТЬЯНСКОЕ ЖИЛИЩЕ
ВОЛОГОДСКОЙ ОБЛАСТИ

(По материалам экспедиции 1966 г.)

В настоящей работе рассматривается народное жилище районов, расположенных в бассейне Сухоны и верховьев Северной Двины.¹ Исследование велось по двум основным линиям: 1) изучалось традиционное крестьянское жилище второй половины XIX—начала XX в.; 2) выяснялось изменение его и развитие в советский период. Изучаемый район интересен с точки зрения формирования этнического состава его населения. В древности здесь жили угро-финские племена; с X в. появились славяне. Затем в течение длительного периода времени, преимущественно с XII по XVIII в., на этой территории скреплялись два основных потока русской колонизации: новгородской, шедшей с северо-запада, и низовской, ростовской и позднее московской, — из междуречья Оки и Волги. Взаимодействие этих компонентов легло в основу формирования культуры и быта населения данного края.² В связи с этим одной из задач было выделение локальных особенностей в жилище.

На обследованной территории во второй половине XIX—начале XX в. была распространена однорядная застройка крестьянской усадьбы, характерная для северных и среднерусских областей европейской части СССР. Как и в остальных районах Севера, она состояла из избы, сеней и двухъярусного крытого двора.

Жилое помещение здесь повсеместно называлось избой, только применительно к пятистенкам — домом. Крестьянскому населению было известно название «хоромы», употреблявшееся в значении хоршей постройки. В Никольском и Кичменгско-Городецком районах термин этот в том же значении сохраняется до сих пор. В наши дни повсюду преобладает название «дом».

В пределах данного края можно выделить несколько типов жилища. Господствующей во второй половине XIX—начале XX в. во всех изученных селениях, судя по собранным материалам, была изба-двойня, состоящая из двух одинаковых, поставленных рядом срубов под одной крышей (рис. 1). Она была известна в двух основных вариантах. Первый из них, состоящий из избы и хозяйственного помещения — клети, был в основном распространен в Сокольском и Бабушкинском районах; второй — из двух изб,

¹ В Сокольском районе были обследованы селения Чекшино, Мишуткино, Горки, Заречье, в Бабушкинском — Горка, Кулибарово, Будьково, Шилово, Заборье, в Никольском — Фомино и Займище, в Кичменгско-Городецком — Овсянниково, в Великоустюгском — Косарево и Пожарово, входившие в бывшие Кадниковский, Тотемский, Никольский и Велико-Устюгский уезды Вологодской губернии.

² Подробно об этом см. в статье И. В. Власовой в настоящем сборнике.

летней и зимней, более характерен для остальных обследованных районов области. Усложненный вариант избы-двойни отмечен в Бабушкинском районе (деревни Горка и Будьково). Местное население называет его «связкой со срединной». Это постройка из двух срубов с дополнительным между ними помещением — клетушкой (рис. 2, А). Во всех изученных районах была известна так называемая постройка из трех изб: передней избы-двойни, и небольшой низкой избы — зимовки, пристраиваемой к крытому двору с боковой или задней его стороны (рис. 2, В). Особенно широкое распространение она получила в селениях Бабушкинского района, где, по словам старожилов, перед революцией почти все дома были с зимовками, а при больших семьях их было нередко две. При наличии зимовки более состоятельные крестьяне в пореформенное время во второй половине избы-двойни вместо клетки стали устраивать парадную холодную горницу.

В притрактовых селениях Сокольского и Бабушкинского районов примерно в это же время появились двухэтажные избы-двойни, строившиеся по плану одноэтажных («двухжирные», или «двухжитные»). Они состояли из зимней избы и хозяйственного помещения внизу и летней избы и горницы наверху или из двух зимних и летних изб (рис. 2, В). При определенном материальном достатке изба-двойня служила жилищем для одной семьи, однако нередко в таких избах жили две родственные семьи: родных братьев или отца и сына.

Повсеместно на изученной территории встречались одноэтажные постройки, состоящие из одного жилого помещения. Это «одноколок», или «стопка». В конце XIX—начале XX в. такая постройка в основном была жилищем бедняков.

С конца XIX в. во всех исследуемых селениях среди зажиточной части населения начинает появляться пятистенок, состоящий из двух жилых помещений, разделенных капитальной стеной (рис. 2, Г). Он считался более удобным и красивым жилищем, но в дореволюционное время из-за дороговизны его постройки, несмотря на богатство края строительным материалом, пятистенок не получает здесь широкого распространения. Вместе с тем срубить себе переднее жилье в виде пятистенка было заветной мечтой многих крестьян. Однако даже в экономически крепких семьях пятистенок обычно предназначался только для летнего жилья (чтобы сохранить его на более долгий срок) и соответственно своему назначению состоял из летней избы и парадной горницы. Основным местопребыванием семьи оставалась зимовка.

Крайне редкое явление в этих местах — постройка крестовых домов, по-местному «крестовых пятистенков», жилое помещение которых разделялось двумя пересекающимися капитальными стенами. Такие дома принадлежали только самым крупным деревенским богачам.

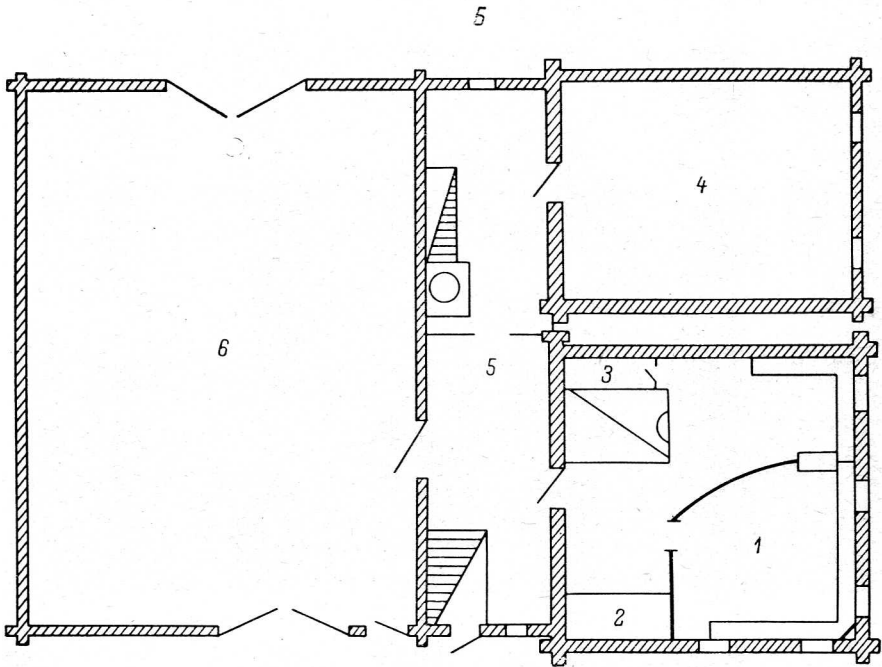

Рис. 1. Изба-двойня (конец XIX в., дер. Шилово).

А — внешний вид; Б — план (1 — летняя изба, 2 — полаты, 3 — вход в подполье (голубец), 4 — горница, 5 — сени, 6 — двор).

А

Б

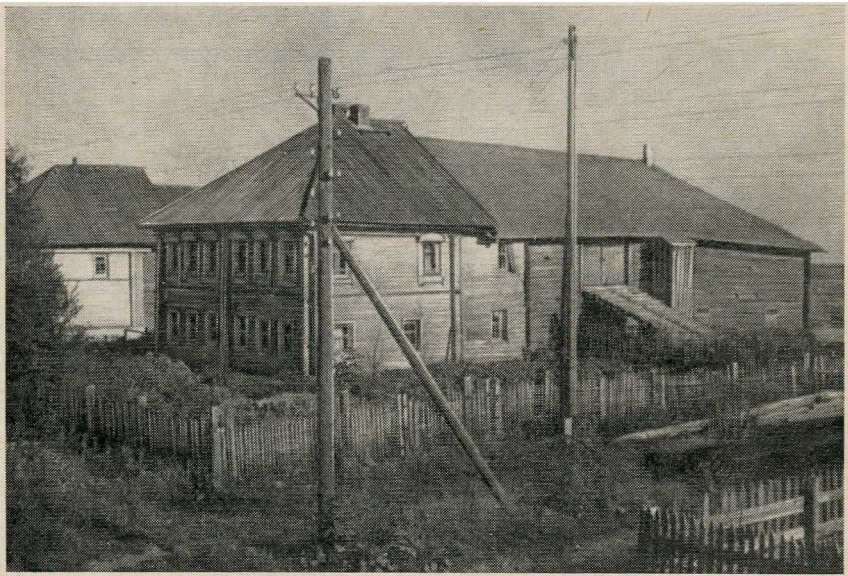
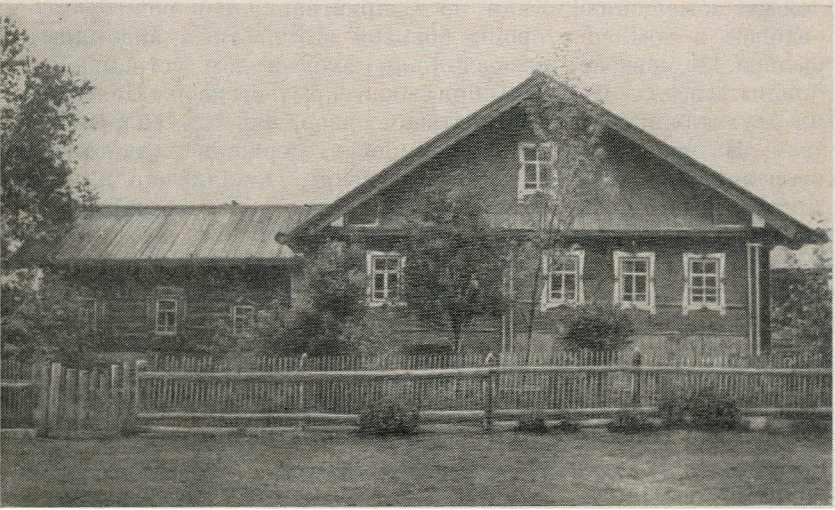

Рис. 2. Типы старинных домов (конец XIX—начало XX в.).
А — изба-двойня «со срединной» (дер. Горка); Б — двухэтажный дом со взвозом (Сокольский район, по дороге на г. Тотму).

В

Г

Рис. 2 (продолжение).

В — дом с зимовкой (дер. Горка); Г — пятистенок (дер. Горка).

Все жилые постройки, кроме пятистенков, ставились торцовой стороной к улице, пятистенки — длинной стеной. Параллельно жилому помещению, сзади него, устраивались сени («мост») с входом в дом со стороны боковой его части в виде крытого крыльца. В «связке со срединной» вход в дом устраивался со стороны фасада. К сеням примыкал крытый двор. Повсюду он был двухэтажный: внизу собственно двор, наверху «повить», или сарай. На повити устраивали сеновал, держали хозяйственный инвентарь, складывали различную утварь, ставили ларь или сусек с мукой, летом спали. Здесь же в особых срубках нередко помещались чуланы — «сенники». В собственно дворе (нижнем помещении) размещались конюшня и хлев для рогатого скота и овец. Нижнее и верхнее помещения двора сообщались между собой через избытые сени и через отверстия, прорубленные в полу повети для спуска корма в ясли. На боковой или задней стороне двора имелись нижние и верхние ворота с «въездом», или «ввозом» (бревенчатым наклонным настилом на 2-й этаж) (рис. 2, Б). У одной из боковых сторон двора обычно устраивали навес для дров и к нему нередко примыкала «стая». В Великоустюгском районе была известна одноэтажная пристройка у передней части двора — «санник» — для хранения саней и телег. Сзади находилась «скотня» — теплая избушка для корма скота. Иногда, особенно бедные семьи, жили в ней зимой. В этом случае она одновременно являлась и зимним жильем, и хлевом (2—3 часа в день, на период кормления скота).

На изученной территории распространены два вида соединения дома и двора: 1) жилище составляет с двором одно целое (севернорусский тип); такой вид соединения преобладал в Бабушкинском районе; 2) крытый двор примыкает к жилищу (среднерусский тип); этот вид встречается во всех селениях данного края.

Однорядная связь дома и двора всегда ставилась параллельно улице и имела значительные размеры, достигая в длину 17—20 м, в ширину 9—10 м. Особенной монументальностью отличались постройки селений Шилово и Кулебарово Бабушкинского района. В селениях, расположенных на территории от Никольска до Устюга (бывшие Никольский, Кичменгского-Городецкий и Велико-Устюгский уезды), крытый двухъярусный двор, в котором располагается основной комплекс хозяйственных построек, нередко сочетался с открытым двором, огороженным «заплотом» из бревен или тынником с калиткой и воротами. В открытом дворе, обычно направо от ворот, располагалась однорядная связь дома и крытого двора, несколько отступая от него — амбар, налево от ворот, параллельно дому — колодец, иногда баня или погреб, в углу — «сельник» (постройка, аналогичная клетю). За домом размещался огород. В Сокольском и Бабушкинском районах амбары, бани, погреба и огороды находились поблизости от дома, но не огораживались. Бани были у каждого домохозяина в Бабушкинском

районе (кроме селений Рослятинского сельсовета). В Сокольском и Никольском районах, по словам старожил, встречались селения, где бань не было и мылись в печи. Амбары, называвшиеся «житенками», были одно- и двухэтажные.

Все жилые и хозяйственные постройки возводились из дерева. Обилие леса позволяло использовать в строительстве кондовую сосну, реже ель. На жилой сруб выбирали старые «сторожевые» деревья диаметром в 40—50 см, на двор — в 20—30 см. По данным Н. А. Иваницкого, еще в конце XIX в. леса занимали $\frac{3}{4}$ всей территории губернии, а обезлесение коснулось только пригородных ее районов.³ Лес рубили зимой или ранней весной (великим постом), обдирали от коры и привозили в деревню. Заготовкой леса занимались сами хозяева, в перевозке бревен участвовали родственники и соседи. Срубленный и ободраный от коры лес складывали на улице для просушки. Зажиточные крестьяне нередко выдерживали его в течение нескольких лет, бедняки — несколько месяцев. Сруб (по-местному «стены») рубили обычно в стороне от места будущей закладки дома, реже — прямо на месте. Для избы-двойни чаще ставили сразу два сруба. Каждый из них рубили по три клетки, состоящей из 5—6 венцов. Зимовка пристраивалась в последнюю очередь. Плотники были местные. При сборке сруба, как и повсюду у русских, устраивались помочи. Рубили дома в простой угол, называвшийся «круглой зарубой». Была известна и техника соединения бревен «в лапу». Ее применяли при строительстве крылец. В селениях Великоустюгского района, по-видимому под влиянием города, эта техника получила широкое распространение в начале XX в. также и в строительстве жилых помещений. По словам старожил, это был более красивый способ рубки, хотя и менее прочный.

Основным плотничьим инструментом был топор, и лишь с конца XIX в. широко стали применяться рубанки, струги, емпели, пилы, долота, стамески и пр.

Основанием постройки служили сосновые, реже лиственничные, стойки «кряжички» или камни-валуны. Для зимней избы камни, как и стойки, углубляли в землю так, что они лежали вровень с поверхностью, под летней избой они выдавались над землей от 10 до 40 см. Деревянные чурбаны для большей прочности обжигали на огне. Камни ставили только под углы дома, посередине стены сруба подпирались столбами. Пространство между ними засыпали землей, и для сохранения тепла снаружи и изнутри делали завалинки. Иногда для тепла в землю закапывали один ряд бревен. В Тотемском и Велико-Устюгском уездах наружную завалинку забивали не землей, а соломой, устраивая ее

³ Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Изв. Общ. любит. естеств., антроп. и этногр. Труды этногр. отд., кн. XI, вып. 1, М., 1890, стр. 1—2.

до самых окон.⁴ Первый венец назывался «окладник». При сборке стен сруба ряды бревен прокладывали мхом. Лучшим считали мох «лывный», росший в заливных местах. Конопатили дома паклей обычно только зажиточные крестьяне, через год-два после окончания постройки. Одновременно с избой рубились сени («мост»). Затем строили скотный двор, нижний его этаж крепился на вертикальных столбах, с горизонтальной закладкой бревен. На сруб для жилья шло от 15 до 18 венцов,⁵ на двор до 20, так как бревна были тоньше. Двухэтажные дома состояли из 24—25 венцов. В зависимости от высоты жилища врубались переводы для пола. В Сокольском, Бабушкинском и Никольском районах это делали на 7—8-м венце, в Кичменгско-Городецком и Великоустюгском — на 5-м. В большинстве домов пол был с накатом, т. е. двойным, как и повсюду в северных районах. Нижний ряд его состоял из кругляков или половинок мелких бревен, сверх которого в XIX в. клали плахи, с начала XX в. — толстые доски — половицы. Более состоятельные хозяева уже в конце XIX в. стали заменять плахи половицами.

В зимовках бедняков, не имевших скотной избушки, в половине избы, прилегающей к двери, сохраняли земляной пол, так как там кормили скот в зимнее время. Под полом избы, с входом из нее, устраивали подполье, под клетью или горницей — подвал с входом со стороны улицы. Обычно в подполье вырывалась глубокая яма, приблизительно в рост человека, для хранения картофеля и овощей. Некоторые хозяева в подполье держали птицу или мелкий скот. В старое время здесь это было широко распространено. Подвал использовался как хозяйственная кладовая и как погреб, где хранились молочные продукты, кадки и бочки с различными соленьями. Часто устраивали дополнительный погреб вне дома «на отлете». Его называли «поклет». Он представляет собой бревенчатый сруб, опущенный в яму, покрытый двускатной крышей. Иногда поклет был двухэтажный, верхний этаж которого использовался как мастерская.

Соответственно высоте жилища прорубались окна. В районах с более низким жилищем — на 8-м ряду, в высоких избах — на 10—11-м.

В курных избах по фасаду делали только одно небольшое «косячатое» окно размером 35×50 см и два «волоковых». По воспоминаниям старожилов, в них вместо стекол в середине XIX в. вставляли слюду.⁶ За печью в потолке или стене вырубали «дымник» — отверстие для выхода дыма, которое затыкалось мешком или соломой. К началу XX в. волоковые окна исчезают, а размеры

⁴ Н. А. Иванецкий. Сольвычегодский крестьянин, его обстановка, жизнь и деятельность. Живая старина, вып. I, СПб., 1898, стр. 7.

⁵ В Кичменгско-Городецком и Великоустюгском районах не свыше 15 венцов.

⁶ Архив Института этнографии АН СССР (далее: АИЭ), ф. 1, оп. 1, ед. хр. 101.

косячатых увеличиваются почти вдвое. Небольшие окна сохранялись только в зимовках. В одноколках делали 4—5 окон, в избах-двойнях — 7—8, в двухэтажных двойнях — 12—14. Рамы были двойные — летние и зимние; в передней части избы нередко делали только летние рамы. Форточек не было. Летние рамы состояли из двух створок, но первоначально одна из них была неподвижной, а другая надвигалась на первую по особым желобкам, находящимся на внутренних боковых краях оконного переплета. Затем в 80—90-х годах XIX в. появились двустворчатые рамы на петлях. В бывших Тотемском и Велико-Устюгском уездах снаружи в окна для сохранения тепла вставляли подушки, набитые куделью, с маленьким отверстием посередине для прохода света.⁷ В XIX в. потолок,⁸ как и пол, набирали из кругляков или из плах. Их укладывали поверх круглой матицы, врубленной в предпоследний венец постройки. Потолок из целых бревен сохраняется до сих пор в двух избах дер. Будьково Бабушкинского района.

В начале XX в., а в состоятельных хозяйствах с конца XIX в., когда потолок стали делать из теса, его сажали «на шкаты», вырубая для укрепления потолочин пазы в череповых бревнах — «черепьях» — и в матице, а последнюю обстругивали с трех сторон. Для горниц был широко распространен способ набирания потолков «в закрой» из гладких плах, выложенных уступами. Со стороны чердака потолок конопатили паклей, а в зимнем помещении, кроме того, заливали раствором глины с опилками и засыпали на 50—60 см землей или песком.

В конце XIX—начале XX в. на всей обследованной территории преобладало двускатное покрытие жилища «вершком». Такая крыша состояла из слег, положенных на «самцы» — постепенно укорачивающиеся бревна фронтона («носом», «кничек»). Обычно укреплялось по шесть слег с каждой стороны, верхняя, 13-я, называлась «князевой». Слеги на небольших избах держались на одних бревенчатых фронтонах. На крупных постройках фронтоны и слеги укреплялись поперечными бревенчатыми врубками, замененными со второй половины XIX в. стропилами. Под стены клали две-три пары деревянных крюков из сучков или корней, служивших опорой для сточных «желобьев». Для двух стоящих рядом срубов «делали связи», т. е. клали проходные бревна для одной крыши. Кровельным материалом был тес, сначала колотый, с конца XIX в. пиленый. Тес накладывался в два ряда — «двое-тес» — и прокладывался берестой — «скалами». Нижние концы тесин упирались в желоб, верхние же прижимали «охлупнем» — выдолбленным желобом бревном, кроме того, нередко «гнетами», т. е. параллельными охлупню толстыми жердями по одной на

⁷ Н. А. Иванецкий. Сольвычегодский крестьянин..., стр. 7.

⁸ В названии потолка в сених нередко сохраняется и сейчас его старейший термин «подволока».

каждом скате, скрепленными друг с другом по фронтому доской. По воспоминаниям колхозников, до революции почти все крыши были с желобьями.⁹ При таком устройстве кровли требовалось меньше гвоздей и было легче ее ремонтировать. Покрытие тесом без единого гвоздя сохранилось на старых постройках в дер. Заборье Бабушкинского района и в дер. Займище Никольского района. Двускатные стропильные крыши с тесовыми фронтонами до революции здесь не получили широкого распространения. В избах с бревенчатыми фронтонами дольше, чем с тесовыми, сохранялось тепло, поэтому крестьяне предпочитали делать бревенчатые фронтоны, а лесных материалов было еще достаточно. Широкий бревенчатый фронтон использовали для устройства светелок, а позднее, под влиянием города, их стали превращать в мезонин («мизимин», «мезомет») с большим итальянским окном и балконом. С четырехскатными стропильными крышами в основном строились двухэтажные избы-двойни. С конца XIX в. появляются трехскатные стропильные крыши. Третий скат с полуфронтоном или светелкой назывался «козырек». Избы с соломенными крышами встречались в селениях Сокольского района, соломенное покрытие на дворах — на всей рассматриваемой территории. Соломой крыли «в настилку». Железные крыши до революции здесь не было; покрытие дранкой (щепой) также было малоупотребительно (домов, крытых щепкою, было не более одного-двух в селении).

На всей обследованной территории выявлен один тип внутренней планировки жилища — севернорусский, при которой печь стоит направо или налево от входной двери с устьем, направленным к противоположной входу стене, а по диагонали от нее расположен чистый угол. Отмеченная на Ваге М. Б. Едемским южнорусская планировка в постройках обследованных селений нам не встретила.¹⁰ В более старых избах печь была отодвинута от стены. Там помещался «голубец» («говбец», «гопчик») — вход в подполье¹¹ — в виде деревянной лежанки с дверцей. Пристройка голбца со стороны входной двери, судя по имеющимся данным, была, по-видимому, более поздним вариантом. Некоторое отклонение от последнего варианта встречено нами в старой курной избе (с печью без дымохода) из дер. Заречье Сокольского района. Голбец и вход в него здесь помещался со стороны входной двери. Печь занимала примерно $\frac{1}{5}$ часть всего помещения. В XIX в. печи были битые, из глины. В конце прошлого века, как показывают полевые и литературные материалы, еще часто встречались «дымные» избы с печами без труб и дымоходов. По бывш. То-

⁹ АИЭ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 101.

¹⁰ М. Б. Едемский. О крестьянских постройках. СПб., 1913, стр. 27—28.

¹¹ Подполье очень часто также называлось «голубец».

темскому уезду они составляли около 50%.¹² Для битья печи обыкновенно созывалась помочь, так как печь должна быть сбита в один день, чтобы не высохла глина. В помочи участвовало 6—8 человек: одни подносили или подвозили глину, другие разминали и размягчали ее тяжелыми деревянными киями, третьи такими же киями били печь, придавая ей нужную форму. Формовка свода печи производилась с помощью «свинки» — двух полукругов из досок, скрепленных поперечными дощечками. Ее укладывали на пол и с трех сторон обкладывали глиной. В глину рядами вбивали булыжный камень для удержания жара. Когда кладка печи была окончена, свинку вынимали или сжигали. Образовавшееся полое пространство являлось тошкой черной печи. Рядом с устьем оставались полукруглые впадины — «печечки» — для загребания пепла и угля. Здесь же сушили рукавицы. Под опечкой («заседкой») зимой держали кур.

Массовая смена черных печей печами с дымоходами происходила в начале XX в. Однако отдельные курные избы просуществовали вплоть до 30-х годов. Одна такая изба, разумеется уже нежилая, встретилась нам во время экспедиции. В скотных избушках и банях в дореволюционное время были только черные печи. Техника изготовления белых печей такая же, с той только разницей, что свод и под печи стали делать кирпичными. Труба выводилась обычно прямая, без колен, глиняная или кирпичная, она называлась «трубкой». Дополнительно, главным образом у состоятельных хозяев, для отопления помещения в зимнюю стужу ставились еще маленькие чугунные, кирпичные или железные печи, соединенные с русской печью железной трубкой. В начале XX в. появляются плиты.

От печного столба под углом к противоположным стенам были протянуты два бруса («воронца»).¹³ На одном из них крепились полаты, другой служил кухонной полкой. Они делили избу на три части: «куть» — помещение перед печью (бабий угол), «сутки»¹⁴ — чистый, или передний, угол, «подпорожье» — место под полатами (рабочее место мужчины). В кути размещались хозяйственные шкафы, полки для кухонной утвари, умывальник, зимой ставили кросна. Шкафчик, одновременно служивший кухонным столом, с тремя-четырьмя полками, глухими створками, расположенный рядом с печью, назывался «залавок», или «судница». Над ним помещались висячие полки — «ложечница» и «наблюдник» для тарелок. Перед печью устраивалась полка для

¹² Д. О с и п о в. Крестьянская изба на севере России (Тотемский край). Тотьма, 1924, стр. 4.

¹³ Местами для этих брусьев еще сохраняется старинное название «грядка».

¹⁴ От слова «стыкаться», «сутыкаться» — там, где сходятся две главные лавки и две поллицы, получается двойной «сутык», отсюда название этой части избы «сутки» (Д. О с и п о в. Крестьянская изба на севере России, стр. 4).

кухонной утвари — «палатцы». С конца XIX в. куть стали отделять от остального пространства избы тесовой перегородкой или просто ситцевой занавеской. В «сутнем» углу перед неподвижными лавками и такими же над ними полками стоял стол, передвигаемый только весной во время тканья к печи. На специальной полочке-божнице помещались иконы. Под полатами обычно ставили деревянную кровать.

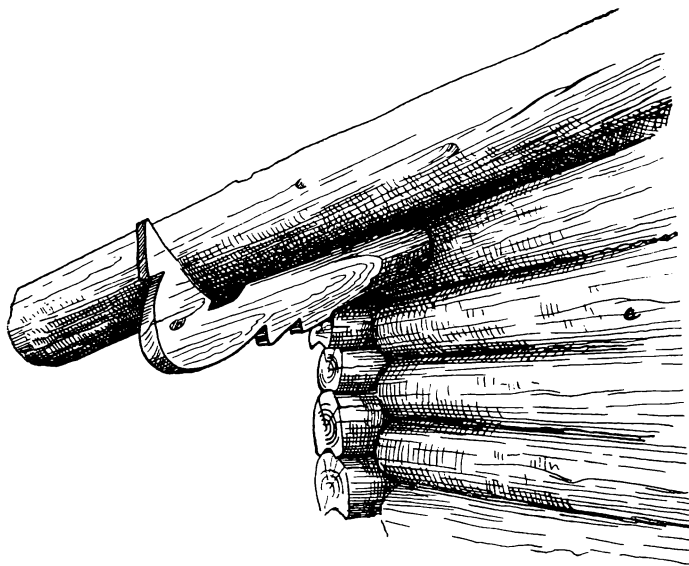
Планировка летней и зимней изб была идентичной. Они отличались только размерами. Особенно мала была зимовка. Однако крестьянская семья, независимо от ее численности, проводила в зимовке значительную часть года, что создавало крайнюю тесноту и скученность. План горницы несколько отличался от плана избы. Русской печи в ней не ставили: она была холодной или отапливалась голландкой; полатей не устраивали. Лавки и половицы также отсутствовали. Подвижная мебель размещалась в следующем порядке: в переднем углу стол, скамьи и стулья, недалеко от стола резной шкаф для чайной посуды, в углу деревянная кровать (здесь обычно тесовой заборкой отгораживали спальню — «чулан»). В крестовых пятистенках выделялись прихожая, спальня и зало. Стены изнутри стесывались и выстругивались, но очень часто над полками, под лавками и за печью бревна оставались круглыми.

Во внутреннем оформлении жилища применялась резьба и роспись. В курной избе из дер. Заречье были расписаны в едином стиле дверь голбца, опечек и залавок. Роспись плохо сохранилась, но, по-видимому, она изображала какие-то жанровые сцены. По воспоминаниям старожилов, в прошлом столетии роспись здесь имела довольно широкое распространение.¹⁵ В интерьере построек Великоустюгского района преобладала долбленая резьба. Она применялась для украшения голбцов и различных шкафчиков. Узоры состояли из солнечных кругов, розеток и других фигур геометрического орнамента. В прошлом некоторые детали интерьера подвергались скульптурной обработке. Излюбленным и очень древним мотивом было изображение конской головы,¹⁶ в виде которой обрабатывали верхний конец печного столба и дверной «коник» (вертикальной доски короткой лавки у входной двери), широко распространенный у восточных славян. Резными конскими головами украшали также сутний угол, располагая их по обе стороны полки-божницы. Они назывались «кобылками».¹⁷ Внешние украшения постройки сосредоточивались в основном на фронтоне. Повсеместно в исследуемом крае конек крыши также обрабатывался в виде конской головы, а крючья, поддерживающие желоб, — в виде головы птицы (рис. 3, А). Традиционными,

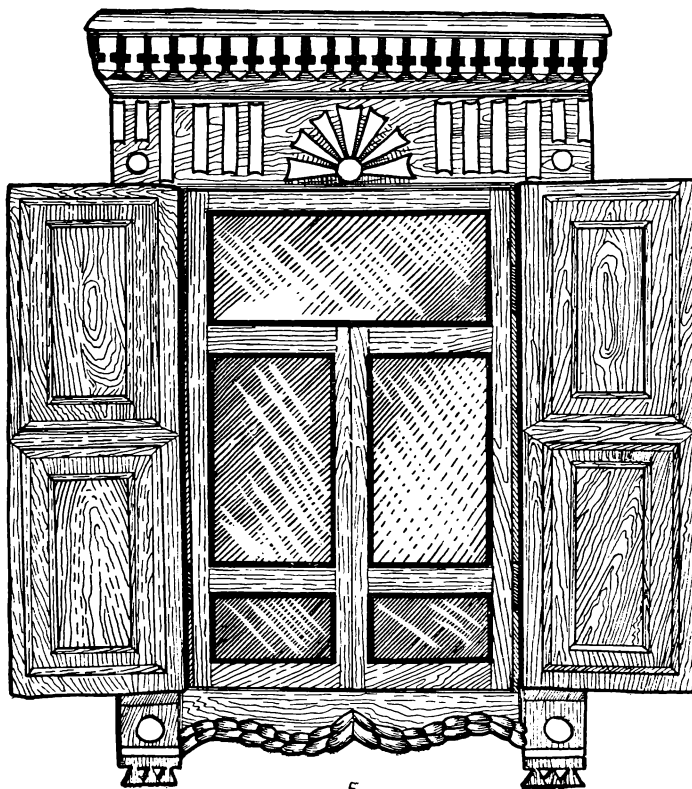
¹⁵ АИЭ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 101.

¹⁶ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Труды Инст. этногр. АН СССР, 1956, т. XXXI, стр. 354.

¹⁷ Г. Н. Потанин. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы. Живая старина, 1899, вып. I, стр. 32.

А

Б

Рис. 3. Архитектурные украшения домов (конец XIX в.).
Рис. Н. А. Юсова.

А — деталь крыши «куруца» (дер. Займище); Б — наличник (дер. Бутьково).

характерными для северных районов, видами резьбы украшались набивные доски — «закрылины», «витренницы», наличники, предохраняющие различные места постройки от проникновения влаги (рис. 3, В). Резьбу выполняли местные мастера. В Бабушкинском районе славились резчики из дер. Сысоево. Большое внимание уделяли оформлению балконов. Они украшались ажурной пропиленной резьбой, имели витые колонки и пилястры, раскрашенные в белый, красный, синий и зеленый цвета. Раскраска, по мнению Д. И. Осипова, распространилась здесь позднее, примерно в 70—80-х годах прошлого столетия, и занесена из других мест (Костромской, Ярославской и других губерний).¹⁸ Кроме фасадной стороны жилища любители украшать также крыльцо, оформление которого было похожем на отделку фронтона дома. Обшивка домов тесом в конце XIX—начале XX в. была характерна только для наиболее зажиточных крестьян (один-два дома в деревне). Обшивка отдельных частей жилища — фронтона, карниза, углов — с начала XX в. получила довольно широкое распространение.

С постройкой жилища и переходом в новый дом у крестьян обследованных районов было связано немало поверий, обрядов и обычаев.¹⁹ Как и повсюду у русских, в передний угол окладного венца полагалось класть деньги. Во все ответственные моменты постройки устраивалось угощение. После укладки первого венца справляли «окладное». При поднятии матицы привязывали к ней лукошко с вином и пирогами. Подняв матицу, пили это вино и ели пироги, чтобы хозяевам в новом доме было что есть и пить. Самое обильное угощение делали при установке крыши. По воспоминаниям стариков, хозяева должны были во всем угождать плотникам, чтобы те не рассердились и не повредили хозяевам. Плотники могли, например, вставить в стену бутылочное горлышко, отчего при ветре в избе стонало и выло, или неплотно подогнать бревна, и в доме становилось холодно и сыро.

Переходить в новый дом можно было только в «счастливые» дни, рано утром, до света, чтобы никто не видел, причем сначала туда впускали петуха или кошку. Из старой избы, чтобы в новой было тепло, переносили горшок с жаром (углями), а к порогу прибавляли старую подковку «для счастья». Хозяйка вносила в новый дом помело и со словами: «Все замела, в новый дом принесла» — бросала его в голбец. Первый ломоть хлеба, отрезанный за первым обедом в новом доме, зарывали в землю в правом углу под избой, приговаривая: «Кормильчик, приходи в новый дом, хлеба здесь кушать и молодых хозяев слушать». Перейдя в новый дом, устраивали новоселье — «влазины». Все эти обычаи здесь были широко распространены в прошлом, и большинство из них исчезло только в советское время.

¹⁸ Д. Осипов. Крестьянская изба на севере России, стр. 15.

¹⁹ АИЭ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 101; Архив Геогр. общ., разр. 7, ед. хр. 15.

В первые годы Советской власти продолжали господствовать традиционные приемы строительства крестьянского жилища, происходили лишь те изменения, которые наметились в начале XX в., а частично еще в XIX в.: распространение пятистенка, увеличение оконных проемов, утверждение стропильной крыши с тесовым фронтоном, наружная обшивка стен тесом и пр. Обследование жилого фонда Вологодского уезда, которое проводилось в 20-е годы Институтом социальной гигиены,²⁰ показало, что крестьянские избы строились, как и в старину, без фундамента, избы были тесными, темными, без вентиляции.²¹ Наряду с двухэтажными домами и большими избами-двойнями имели место одноколлки с соломенными крышами и полуразвалившимися дворами, а также курные избы. Массовый раздел больших семей, происходивший в это время, привел к распространению такого явления, как развоз дома; часть дома (летнее или зимнее помещение) перевозилось на другое место и превращалось в самостоятельное жилище. Строительство новых домов велось тогда еще слабо. Под влиянием города жилое помещение делится на несколько комнат, улучшается и убранство крестьянского жилища, особенно чистой его половины, например появляются занавески на окнах, и т. п.

30-е годы характеризуются резким сокращением размеров хозяйственных построек. Зимовку в это время тоже перестали строить, а те, которые еще сохранились, стали разбирать на дрова. Летним и зимним жилищем стало служить одно помещение. Все это было связано с сокращением индивидуального хозяйства в результате роста и укрепления колхозов.

В эти годы намечаются также те изменения в технике и конструкции построек, в их эксплуатации, внутреннем устройстве и убранстве, которые получают дальнейшее развитие в последующие десятилетия в связи с перестройкой социальной и экономической базы деревни (исключая годы Великой Отечественной войны).

Колхозное жилище наших дней существенно отличается от крестьянских построек дореволюционного времени и первых лет Советской власти. Это особенно проявляется в домах, построенных в последнее десятилетие. Степень интенсивности нового строительства не везде одинакова: имеют значение близость города, экономическое положение колхозов и другие причины. До настоящего времени в обследованных районах ведется главным образом индивидуальное строительство. Как и повсюду, колхозы оказывают помощь колхозникам, предоставляя им строительный материал и транспорт. Сохраняется также традиционная помощь родственников и соседей.

²⁰ Такое обследование намечалось провести по заданию партии и правительства по всей стране с целью улучшения деревенского строительства.

²¹ Г. Синкевич. Крестьянская изба Вологодского уезда. Социальная гигиена, 1923, № 7, стр. 87.

Новые дома обычно пятистенки (рис. 4), реже четырехстенки. Остальные типы жилищ, которые бытовали здесь в прошлом, сохраняются лишь в постройках дореволюционного времени. Жилая площадь новых домов составляет 50—60 м². Обычно в таком

А

Б

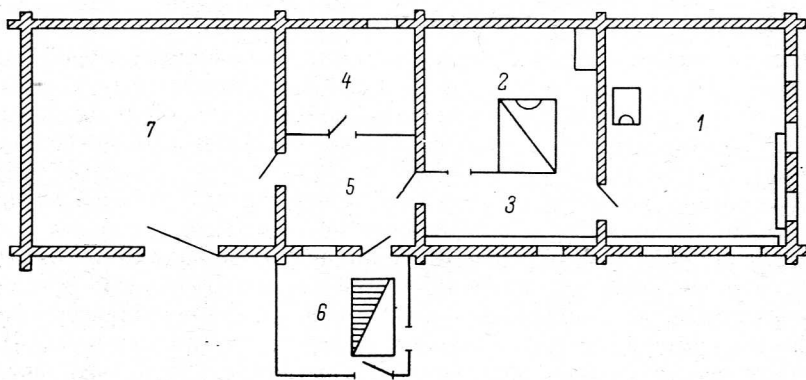

Рис. 4. Пятистенок (постройка 1965 г., дер. Горка).

А — внешний вид; Б — план (1 — горница, 2 — кухня, 3 — прихожая, 4 — кладовая, 5 — коридор, 6 — крыльцо с лестницей, 7 — двор).

доме живет семья из трех—пяти человек, в то время как до революции в избе (свыше 6 месяцев в году в небольшой зимовке) жила семья большей численности. Дома, как и прежде, ставят торцовой стороной к улице. В пятистенке капитальная стена проходит параллельно улице. Вплотную к дому примыкает кры-

тый двор, но теперь его начинают строить одноэтажным. Площадь двора обычно от 20 до 30 м². Такой двор вполне удовлетворяет потребности современного индивидуального хозяйства: там устраивают хлев для свиньи, в стае держат корову. Сохраняется навес для дров, где-нибудь недалеко от дома строится баня. С сокращением личного хозяйства все более широкое распространение получает открытый двор, огороженный дощатым забором, с калиткой и воротами, в котором хозяйственные постройки нередко ставят несколько отступя от дома. Это относится не только к тем районам, где открытый двор бытовал в прошлом, но и где его не было.

Основным строительным материалом остается дерево, преимущественно сосна, диаметром 20—30 см. Применяется традиционный способ рубки «в угол», кроме Великоустюгского района, где окончательно утвердилась техника рубки домов «в лапу». Большинство домов возводится на кирпичном или каменном фундаменте. Сохраняется довольно высокий подклет высотой в пять-шесть венцов. Потолок настилают на балки, заменяющие одну массивную матицу. Все дома конопатят. На жилых постройках повсеместно распространено стропильное перекрытие, нередко в качестве водослива сохраняется желоб с курицами. На дворах имеют место стропильные и самцовые конструкции. Форма крыши двух- и трехскатная. Для кровли применяют дранку, железо, шифер. Окна делают большими, преобладает размер 0,75×1 м. Устраиваются форточки. В 1950-х годах появляется крытое остекленное крыльцо — терраса, или веранда, получившая широкое распространение в наши дни. Сени чаще всего делают дощатыми, и в них отделяют чулан-кладовку, за которым сохраняется прежнее название: «сенник». Распространена обшивка домов тесом, узором «в елочку». Применяется и окраска. Иногда окрашивают весь дом, иногда отдельные части: углы, фронтоны, наличники. Обязательно красят веранду. Наличники и карнизы украшают несложным орнаментом, исполненным техникой выпилки.

Существенные изменения вносятся в планировку и убранство дома. Традиционная планировка севернорусского типа с печью у входа в новых домах встречается теперь редко. Обычно печь ставят несколько отступя от двери и боковой стены и обращают устьем к окну в боковой стене. Такая постройка печи позволяет разделить помещение на три-четыре комнаты. Чаще всего они называются «кухня», «прихожая», «горница» или «зало» (бывает два зала). В пятистенке чистая половина отделяется от кухни и прихожей капитальной стеной (рис. 4, Б). В четырехстенной избе комнаты выделяют тесовыми перегородками («заборками»).

Печь в настоящее время обычно выкладывают целиком из кирпича и для увеличения полезной площади ее делают меньших размеров. Повсеместно распространена русская печь с плитой на шестке, часто с обогревателем. Иногда отдельно ставят небольшую плиту, но соединяют ее с русской печью общим дымоходом.

Голбец и полати теперь не делают, но кое-где они еще сохраняются в старых избах. Начиная с 30-х годов голбец-шкаф стали заменять «западной» — люком в полу, который по традиции помещают за печкой, но чаще перед ее устьем. В кухне часто сохраняется старая традиционная мебель: лавки, полки, стол типа залавка, шкаф. Столовой в обычные дни иногда служит кухня, но чаще прихожая, помещающаяся рядом с кухней, отделенная от нее дощатой перегородкой. Здесь ставят обеденный стол, скамейки, стулья, старинную горку или буфет. Из столовой вход в зало через двустворчатые («вязаные») двери, распространившиеся здесь вместе с пятистенком еще в начале XX в. В зале теперь помещают современную мебель фабричного или местного кустарного производства: стол, диван, гардероб, этажерку или полку для книг. Непременной принадлежностью интерьера являются радиоприемник и швейная машина. Стол всегда накрывают скатертью, на окнах тюлевые занавески, на стенах выше окон портреты, плакаты, репродукции, фотографии в рамках. Ими почти целиком завешивают передний угол, так как по традиции он считается главным и на его украшение обращают особое внимание. Иконы остаются лишь в тех домах, где живут одни старики. Если в доме есть молодые, то иконы обычно переносят в кухню и завешивают занавеской. Там, где живут только молодые семьи, икон вообще нет. В зале выделяется рабочее место для учащейся молодежи, для детей дошкольного возраста оборудуется детский уголок. В последнее время начинают отделять спальню. С 50-х годов стены жилого дома стали оклеивать обоями. Окраска полов — явление также позднее, распространившееся пять-шесть лет тому назад.

Наряду со строительством новых домов ведется и переоборудование старых, относящихся к концу XIX—началу XX в. Их капитально ремонтируют, перебирают бревна, перекрывают крышу новыми кровельными материалами, подводят фундамент, обшивают тесом, перекладывают полы и потолки, прорубают добавочные окна, разгораживают помещение тесовыми перегородками. Во внутреннем устройстве и убранстве домов старой стройки (преимущественно в домах стариков, живущих отдельно от взрослых детей) черты старого традиционного жилища сохраняются в большей степени, но и здесь они изменяются в соответствии с растущими бытовыми потребностями населения.

С каждым годом в жилище сельских жителей появляется все больше общих черт с жилищем городского типа.

Изложенный выше материал позволяет сделать вывод о своеобразии крестьянского жилища бассейна р. Сухоны, которое в известной степени можно объяснить историей заселения края.

Исследуемая территория является областью главным образом севернорусского комплекса жилища.²² Для этого комплекса ти-

²² Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, карты 36 и 37.

пична срубная изба на высоком подклете с деревянным двускатным перекрытием на курицах, двуъярусный крытый двор с бревенчатым въездом, распространение термина «хоромы», севернорусская планировка жилища с голбцем в виде шкафа, нередко расположенным в запечье, северный интерьер и наличие бани. Многие из этих черт, по-видимому, можно связать с новгородской колонизацией.²³

Вместе с тем здесь весьма отчетливо прослеживаются черты среднерусского комплекса жилища, которые возможно связывать с продвижением населения из «низовских» земель.²⁴ Некоторые из этих черт свойственны всей исследуемой территории, другие же — только отдельным местам. Так, для всей территории характерны низкие зимовки, наличие соломенных крыш на хозяйственных постройках, такое соотношение дома и двора, при котором они не составляют единого целого, обыкновение ставить пятистенки длинной стороной к улице, широкое распространение термина «сенник».

Среднерусские черты заметнее выражены на территории от Никольска до Великого Устюга (часть бывших Никольского и Велико-Устюгского уездов). Для жилища этого района характерно понижение подклети (в основном для Кичменгско-Городецкого и Великоустюгского районов), открытый двор, преобладание связи дома и двора, расположенных не по одной оси, распространение «сельника», а местами отсутствие бань. Сокольский район выделяется соломенным покрытием дома и распространением четырехскатной конструкции крыши. В Бабушкинском районе (деревни Горка, Шилово, Кулибарово Кулибаровского сельсовета) среднерусские черты проявляются в меньшей степени. Жилище в этом районе отличается от жилищ на остальной обследованной территории монументальностью, преобладанием слитной связи дома и двора под одной крышей, повсеместным распространением бань.

Изменения, происходившие в крестьянском жилище в конце XIX—начале XX в. под влиянием развития капиталистических отношений, как и в большинстве районов России, были связаны с совершенствованием строительной техники, с заменой черных печей печами с дымоходами, с усложнением планировки жилища: устройством внутренних перегородок, распространением пятистенков и т. п.

Современный колхозный дом отличается от старого архитектурным обликом, строительной техникой, размерами, внутренней планировкой и убранством. В большинстве своем это пятистенки облегченной конструкции, на кирпичном фундаменте, крытый железом, шифером или дранкой, с застекленной верандой, обшитый тесом, целиком или частично окрашенный. Сохраняется традиционная светелка, которая обычно используется для устройства

²³ Там же, стр. 158.

²⁴ Там же.

летней комнаты. Увеличились жилая площадь и число комнат, утвердилось четкое назначение каждой из них. Большие изменения произошли в мебелировке и убранстве сельского дома. Стены домов оклеиваются, полы и окна окрашиваются. Традиционная обстановка уходит в прошлое. Ее вытесняет мебель городского типа. Как и повсюду в стране, отмечается уменьшение числа и размеров хозяйственных построек, что связано с исчезающей необходимостью иметь большое подсобное хозяйство. Все эти изменения связаны не только с повышением материального благосостояния колхозников, но и с ростом их культурных запросов.

Г. С. Маслова

**ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАРОДНОГО КОСТЮМА
НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХНЕДВИНСКОГО БАСЕЙНА
В XIX—НАЧАЛЕ XX в.**

Вопрос об этнографическом районировании Русского Севера сейчас все более привлекает к себе внимание исследователей. Это выдвигает необходимость детального изучения его отдельных микрорайонов. Работы последних лет по изучению Севера весьма значительны, но не все районы или группы населения этнографически достаточно исследованы.

Специфика культуры, в частности материальной, отдельных групп определяется многими причинами. Существенное значение имеет происхождение, историческая судьба той или иной группы населения. В комплексе источников, которые привлекаются для разработки сложной проблемы происхождения отдельных групп населения Севера, этнографические материалы могут сыграть не последнюю роль.

Полевая этнографическая работа, проведенная в 1966 г. Вологодским отрядом комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР в бассейне р. Сухоны и частично верховьев Северной Двины¹ по исследованию материальной культуры русского населения, выявила новые весьма существенные данные. В на-

¹ Кустовым и маршрутным методами были обследованы селения Вологодской области: Сокольский район — Чекшино, Мишуткино, Шадрино, Заречье Двиницкого сельсовета (бывш. Кадниковский уезд Вологодской губернии); Бабушкинский район — Горка, Шилово Кулибаровского сельсовета (бывш. Тотемский уезд); Бутьково Рослятинского сельсовета, Заборье, Дудкино Подболотного сельсовета (бывш. Никольский уезд); Никольский район — Гагарин Починок Теребаевского сельсовета, Кумбисер, Займище; Кичменгско-Городецкий район — Овсянниково Сараевского сельсовета (бывш. Никольский уезд); Великоустюгский район — Асеево, Косарево, Пожарово, Кочурино, Ворохино Усть-Алексеевского сельсовета (бывш. Устюжский уезд). Кроме того, были обследованы коллекции по народному костюму и тканям в Тотемском, Великоустюгском, Сольвычегодском, Вельском районных краеведческих музеях.

стоящей работе народный костюм и его орнамент рассматриваются как исторический источник.²

В народной женской одежде выделяются два различных комплекса, распространенные в середине и второй половине XIX в., а возникшие, по-видимому, значительно раньше.

Комплекс с сарафаном обычен для Русского Севера (рис. 1). В бассейне Сухоны и Северной Двины в этот комплекс входили следующие элементы.

1. Рубаха везде называлась (и называется сейчас) «исподкой» или «исподкой» (словом «рубаха» обозначается лишь мужская сорочка). Ее шили с прямыми поликами — «ластовицами» (рис. 2, А). Верхняя часть исподки называлась «вороток», «воротушка», «воротоцек», реже — «наставка», нижняя, из более грубого льняного холста, — «становина», «становьё», «подстав», «подставка».

Украшения исподки состояли из полос, затканых красной бумагой («белое тцешь, а красным выкладаешь», — объясняли нам старые жительницы дер. Бутьково, ткавшие и носившие в молодости такие исподки). Количество украшений из красных полос на исподке зависело от ее назначения: исподки для молодых женщин и праздничные исподки украшали больше. «Ластушка» украшалась по поликам — ластовицам, ее носили «зався» — ежедневно; «красноборка» была заткана по поликам и по верхней части груди и спины, собранных «борами» — сборками; праздничная «свесоуха» украшалась полосами еще и по верхней части рукавов — ниже поликов; наконец, «перетыканница», или «басауха», вся затканная красной бумагой, включая рукава, была особой — ее надевали по большим праздникам.

В старину праздничные воротушки шили также из «клитцигины», или «узорцины», — белой узорной материи (основа — лен, уток — бумага), тканой в 4—8 цепков. Узор ткани назывался «кружащатый».

Подол исподки украшали «чеканы» — браные геометрические узоры красной бумагой (выполнявшиеся при помощи дополнительного выбирания по счету нитей основы и подкладывания дощечек).

Ворот, как правило, собирали на узкой обшивке, составлявшей воротник («каблук»). Рукава исподки скашивали к кисти при помощи вставки клиньев. Запястья назывались «запёсье» или «накулашники» (дер. Заборье); к обшивке на концах рукавов нередко пришивали оборки из кумача — «грибки». Исподки с чеканами, свесоухи характерны для Бабушкинского района. В Никольском районе рубахи вышивали тамбуром. В Велико-

² В экспедиции исследовались: Г. С. Масловой — народная одежда, вышивка и тканье, А. В. Сафьяновой — постройки (см. ее статью в настоящем сборнике), И. В. Власовой — поселения и М. А. Членовым — пища и утварь. Рисунки выполнялись художником Н. А. Юсовым.

устюгском районе их украшали ткаными геометрическими узорами и изображениями из мелких человеческих фигурок («ефимок»). Рубаху, «нагрудник» (передник) и шейную косынку не-

Рис. 1. Комплекс одежды с сарафаном
(дер. Б. Фомино).

редко шили из одинаковой ткани своего изготовления (иногда яркого — оранжевого, синего цвета) и украшали узорами из разноцветного гаруса. Все это придавало большое своеобразие устюжскому костюму.³

³ И. П. Работнова. Русская народная одежда. М., 1964, стр. 36, рис. 13.

В начале XX в. исподки повсюду стали шить на кокетке — «с блюзой», «с лифтиком», а верхнюю часть — воротушку — преимущественно из фабричной материи (особенно из кумача).

2. Поверх исподки надевался сарафан. В конце XIX—начале XX в. широко бытовал прямой сарафан на узких лямках, он сохранился в ряде мест до настоящего времени.⁴ В зависимости от материала, его расцветки сарафан назывался: «кумашник», «синяк», «тканник» — из пестряди, «ситцевик», «аглицкий ситцевик», «набивник», «печатник», «пецетник» — из набивной ткани. «Гумажными» называли сарафаны из ситца, «из материи» — сшитые из другой фабричной ткани. Обычно сарафан состоял из пяти прямых продольных полотнищ, собранных сверху на узкой обшивке («опушедке») с узкими лямками (рис. 2, Б). В некоторых селениях (Никольского, Великоустюгского районов) сохранились воспоминания о «кошбных», т. е. косоклиньных, сарафанах, которые, как более старая форма, предшествовали прямому сарафану.⁵ В начале XX в. прямой сарафан стали шить «с кушацком» — сзади опушка делалась широкой, а спереди оставалась узкой. Этот покрой можно рассматривать как переходный к типу сарафана с лифом. Последний широко распространился в исследуемой области, особенно в местах бытования полосатой юбки (об этом см. ниже).

3. Пояс составлял обязательную часть как женского, так и мужского костюма. Лишь кое-где нами отмечен обычай (значение и происхождение которого пока трудно объяснить) венчаться в неподпоясанном сарафане (деревни Заборье, Гагарин Починок). В дер. Заборье старые колхозницы рассказывали, что священник не разрешал венчаться с поясом. Однако исподку (под сарафаном) все равно подпоясывали. Ткали пояса на ткацком стане или на бердечке, выбирая узоры; иногда на дощечках («в кружки») и плели.⁶ Праздничные пояса ткали из «аглицкой жицки» — разноцветного (покупного) гаруса;⁷ «завёшники» — повседневные пояса — делали из своей жички или портяные. В Бабушкинском, Нюксенском районах и соседних с ними местах пояса украшали браным геометрическим узором красной, зеленой

⁴ В Бабушкинском, Кичменгско-Городецком районах сарафан — одежда старых женщин, но в Никольском районе он бытует сейчас гораздо шире, составляя одежду не только старых, но и сравнительно молодых женщин, претерпев, однако, существенные изменения. Сверху исподки и сарафана надевается кофта, сшитая из той же ткани, из которой шьется сарафан. Это современные фабричные материи, большей частью светлых тонов (розового, светло-желтого и других цветов).

⁵ О наличии его свидетельствуют архивные, музейные и другие этнографические данные середины—второй половины XIX в.

⁶ Плели способом, за которым утвердилось название «на вилочке». См.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1968, стр. 335, табл. XX, 2, а, б.

⁷ Гарус и ситец по традиции называются «аглицкими», хотя уже давно они отечественного производства.

и другой шерстью. Особенно част мотив косо́го креста с загнутыми концами, по-местному «крюк». В восточной части исследованной области применялись те же способы тканья, но, кроме того, отмечен своеобразный способ плетения «по бреднишному» — при помощи обычной деревянной иглы для плетения сетей (отсюда и название способа: так же плетут бредень). Плели пояс из разноцветного гаруса, концы украшали кистями. В конце XIX—начале XX в. такой пояс был «самым праздничным девичьим поясом», но носили его и молодые мужчины (Кичменгско-Городецкий и Никольский районы).

В Никольском районе узоры пояса составляются не дополнительным выбиранием нитей основы, а путем чередования разноцветных нитей в основе или утке (дер. Займище). Характерны «поперёшные» пояса (своего изделия) с узором из поперечных полос. К этому же типу по характеру узоров примыкают «столбунцы» (Нюксенский район) или «столбовые» (Великоустюгский район) пояса, видимо ремесленно-кустарного производства, распространившиеся через ярмарки гораздо шире обследованных нами районов.⁸ Основа столбунца делалась из льняных ниток, а для утка использовали покупной гарус разных цветов, что и давало узор из поперечных полос. На концах же помещали изображение трех женских фигурок (рис. 3, см. вкл.).

4. На сарафан и исподку одевалась нагрудная одежда в виде безрукавки на лямках («коротёна», «коротенька») или короткой прямой распахнутой кофты под названием «рукава», «нарукавники» (рис. 2, В).

5. Передник — нагрудник (Великоустюгский, Котласский и другие районы по Северной Двине) надевался выше груди. Как поздняя форма известен был и передник, повязывавшийся по талии.⁹

6. Женские головные уборы, входившие в комплекс с сарафаном, весьма разнообразны.

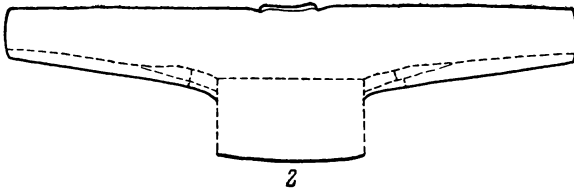
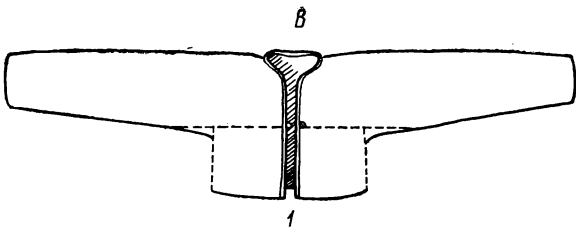
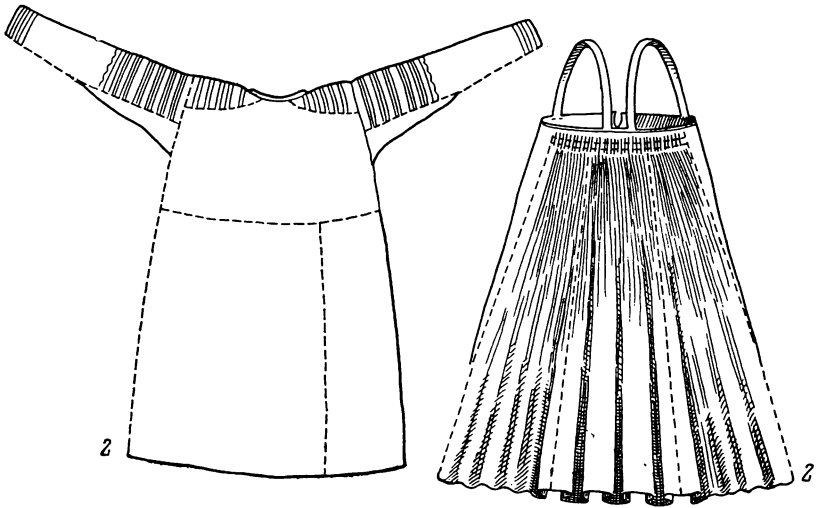
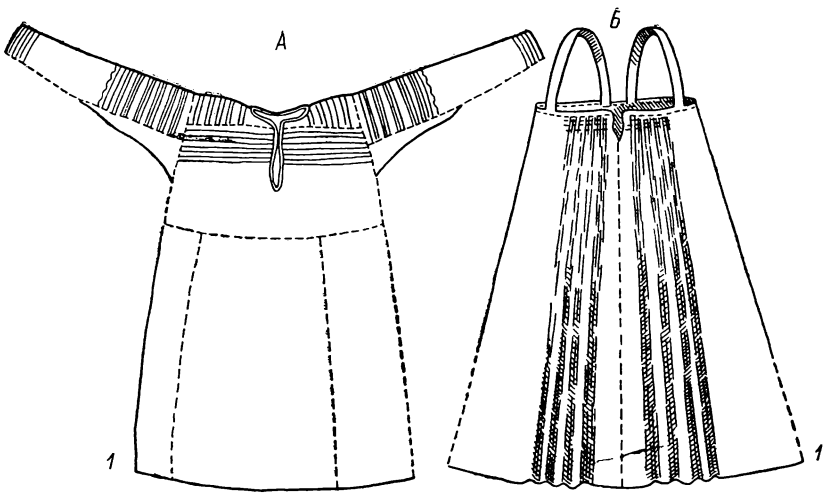
Головным убором невесты был «головодец», или кокошник, в виде полукруглого очелья на твердой основе. Старинный головодец из Тарногского района украшен вышивкой золотого-серебряной нитью (рис. 4), такой же убор из Великоустюгского музея украшен растительным узором, отделанным бисером, вставками цветных стеклышек. Крестьянский кокошник конца XIX в., най-

⁸ В. Н. Белицер отмечает такие пояса у коми-зырян, они их покупали (В. Н. Белицер. Очерки по этнографии народов Коми. М., 1958, стр. 335—336).

⁹ Классификацию передников см. в кн.: Русские, стр. 225—226.

Рис. 2. Составные части комплекса одежды с сарафаном.

А — исподна праздничная «весесоуха» (дер. Бутьково): 1 — вид спереди, 2 — вид сзади; В — сарафан «с кушацком» (дер. Кузнецкая; Тотемский музей, № 17417): 1 — вид спереди, 2 — вид сзади; В — «рукава» (Тарногский район; Тотемский музей, № 18446): 1 — вид спереди, 2 — вид сзади.

денный нами в дер. Заборье, лишь обшит позументом (рис. 5). В этом уборе невеста, покрытая сверху «атласником» — платком с кистями, а затем полотенцем, «ревила», т. е. причитала перед венцом.

Был и другой вид свадебного убора: «коруна» («конура») — венец с выпуклыми стенками (в Тотемском,¹⁰ Сольвычегодском уездах; рис. 6, А). Севернее, вниз по Двине, свадебные венцы делались с пятью или семью заостренными или полукруглыми выступами; одевали венец поверх девичьей перевязки — полосы украшенной ткани.

Головные уборы замужних женщин состояли из так называемых «самшурок», или «сдеришек»; о них вспоминают немногие старые женщины в отдельных селениях.

Судя по ряду данных, здесь носили и кокошник. Он выделен нами как особый тип — сольвычегодский.¹¹

Можно назвать его также северодвинским, так как он характерен для населения бассейна Северной Двины (рис. 6, Б). Разновидностью этого же типа можно считать кокошник более северных, чем обследованная территория, районов. Обе разновидности одевались на нижнюю часть самшуру (кичку) с полукруглым очельем. Нужно отметить также сходство северодвинского кокошника с головными уборами более южных районов — севера Костромской и Горьковской областей, что свидетельствует об исторических и культурных связях населения бассейна Северной Двины с населением Верхней Волги.

В некоторых посещенных нами селениях помнят еще «борушки», или «мархотки», — сборники из парчи или другой ткани с высоким полукруглым выступом над очельем, на твердой основе. Это более поздние уборы, заменившие кокошники. Лучше всего знают сборники (под названиями «колпак», «ковпак», «шлык») из легкой фабричной ткани и платок. Волосы под платком нередко перевязывали косынкой.

Из украшений отметим пушки — шарики из утиного пуха, которые женщины носили на ухах (Кичменгско-Городецкий, Никольский районы).

Комплекс с сарафаном не был идентичен во всех районах, а сильно варьировал по отдельным частям костюма, его деталям, украшениям и орнаментации тканей. Терминология его частей также разнообразна.

Второй выделенный нами комплекс женской одежды — с полосатой юбкой.

1. Исподка не отличалась резко от исподки, входившей в комплекс с сарафаном. Ее также шили с прямыми поликами — «ластовками», украшали по подолу браным узором — чеканами (рис. 7,

¹⁰ «Конура», старинный свадебный убор, поступил в 1916 г. из Миньковской волости Тотемского уезда в Тотемский музей (№ 5764).

¹¹ Русские, карта 54, 11 Г. Имеется в коллекциях Тотемского, Великоустюгского, Сольвычегодского музеев.

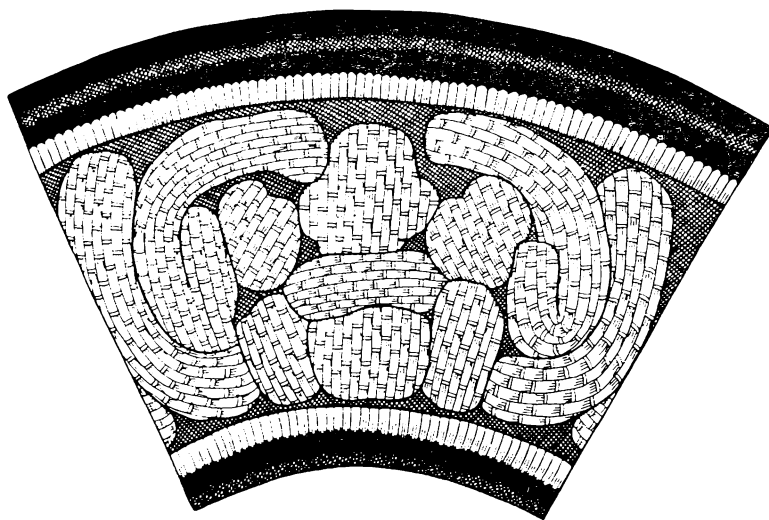
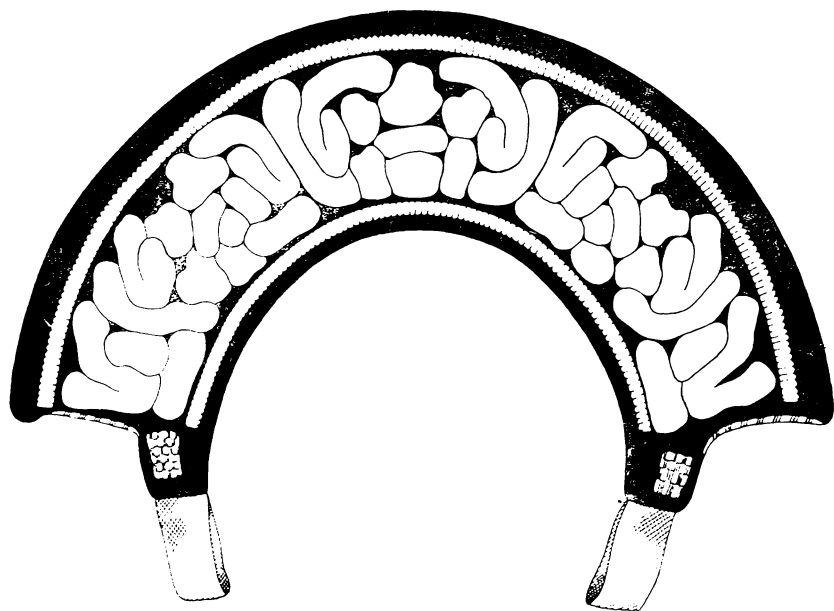

Рис. 4. «Головодец покосной» (Гарногский район;
Тотемский музей, № 5602).

А). Верхняя часть чаще называлась «наставка», нижняя — «становина». В некоторых селениях исподки шили с отложным воротником.¹²

2. Наиболее отличает этот комплекс от вышеописанного юбка, сшитая из шерстяной или полшерстяной яркой полосатой домашней материи (рис. 7, Б, В). Ткань ее весьма специфична: изготавливалась она при помощи четырех подножек («в четыре цепка») шириной 78—80 см. Соответственно бердо и навой ткацкого стана делались широкими.¹³ Шерсть в начале XX в. окрашивали сами, но покупной краской, чередуя белые, красные, синие, зеленые, фиолетовые, черные полосы разной ширины. Варианты расцветок очень разнообразны. Шерстяные юбки «зимники» носили зимой, а летом «портянухи» из холщевой полосатой ткани. Полосатые юбки носили матери, бабушки и прабабушки современных старых женщин. Кое-кто в селении надевает юбки и теперь, но их уже не изготавливают. В дер. Горка В. П. Поздеева (р. 1896 г.) ткала «суконну» юбку в 1930-х годах: пряла шерсть, красила «куксином», ткала и устраивала для этого «супругу» — приглашала других женщин помогать (и угощала их). Несколько ранее, в первые годы после революции, молодые девушки одевали шерстяные юбки в качестве праздничной одежды.

Юбка обычно состоит из одного широкого полотнища, положенного горизонтально и пришитого к пояску или собиравшегося на шнуре (рис. 7, Б). Нередко юбку пришивали к лифу (выкройному или прямой полосе с ляжками), сшитому из другой, легкой, чаще всего фабричной ткани — сатина («ластик»), кумача и т. п. на холщевой подкладке. Лиф иногда украшали вышивкой (крестом по канве) разноцветными нитками. В селениях, где носили юбки, широко распространился в качестве ее поздней замены сарафан с лифом, который шили того же покроя, что и юбка с лифом, но из одной ткани (пестряди или набойки; рис. 8). Сначала, как рассказывают старые жительницы дер. Горки, такие сарафаны носили (их матери и бабки) лишь по праздникам, а затем стали носить и в будни. В 20-х годах текущего столетия сарафан с лифом стали шить из фабричной материи с оборкой, украшая полосами нашитой ткани — «биями» и одевали с исподкой, «с блюзой» (на кокетке).

3. Пояс носили тканый на бердечке, плетеный (способом, о котором упоминалось выше), вязаный и т. д.

4. Передник повязывался на талии.

5. Головные уборы старинного образца не сохранились даже в воспоминаниях населения. Знают лишь платок (иногда под названием «фатка») и сборник — «колпак».

¹² См. исподку из Великодворского сельсовета Тотемского района в Тотемском краеведческом музее (№ 6414).

¹³ Обычно ширина навоя и берда рассчитана на привычную ширину русского холста в 37—38 см.

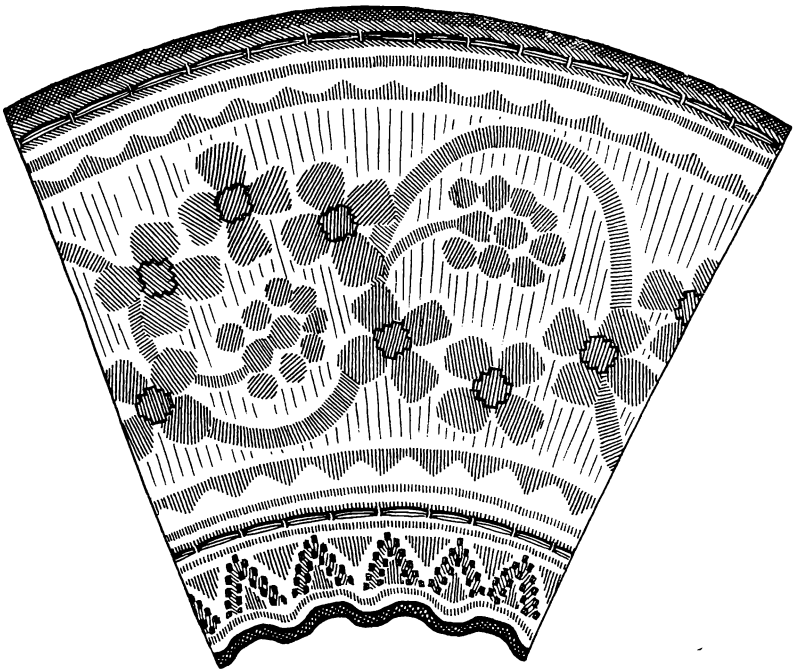
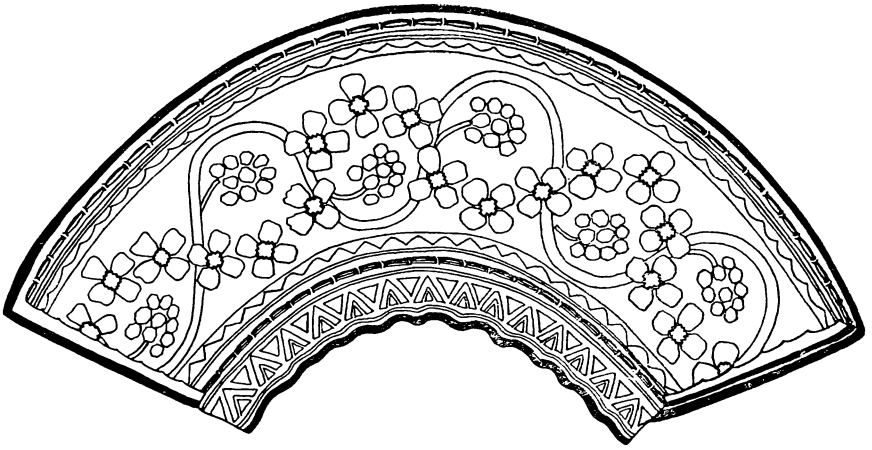

Рис. 5. Кокошник — убор невесты
(дер. Заборье).

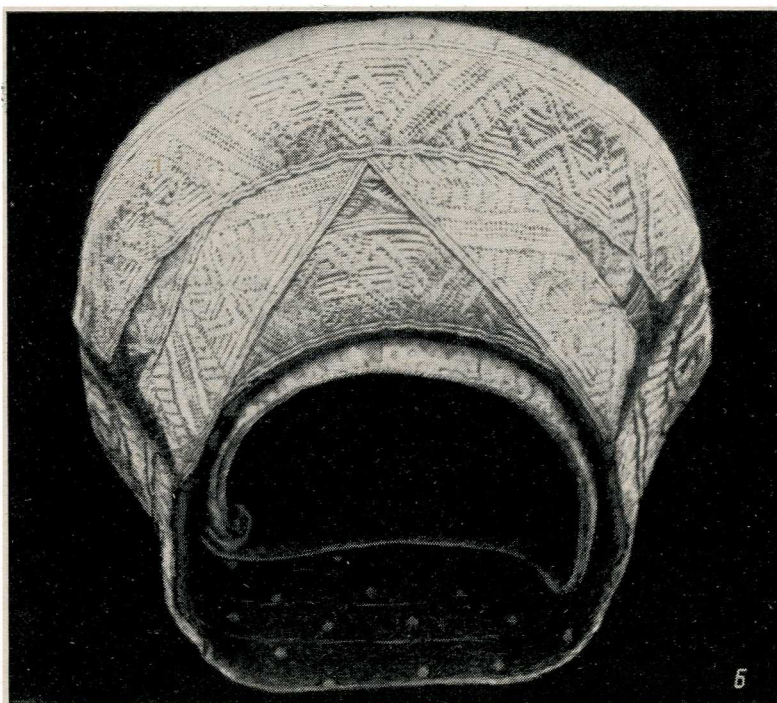

Рис. 6. Головные уборы (Великоустюгский музей, $\frac{8484}{VII 77}, \frac{8506}{1199}$).
А — копура; Б — кокошник с самшурой внизу.

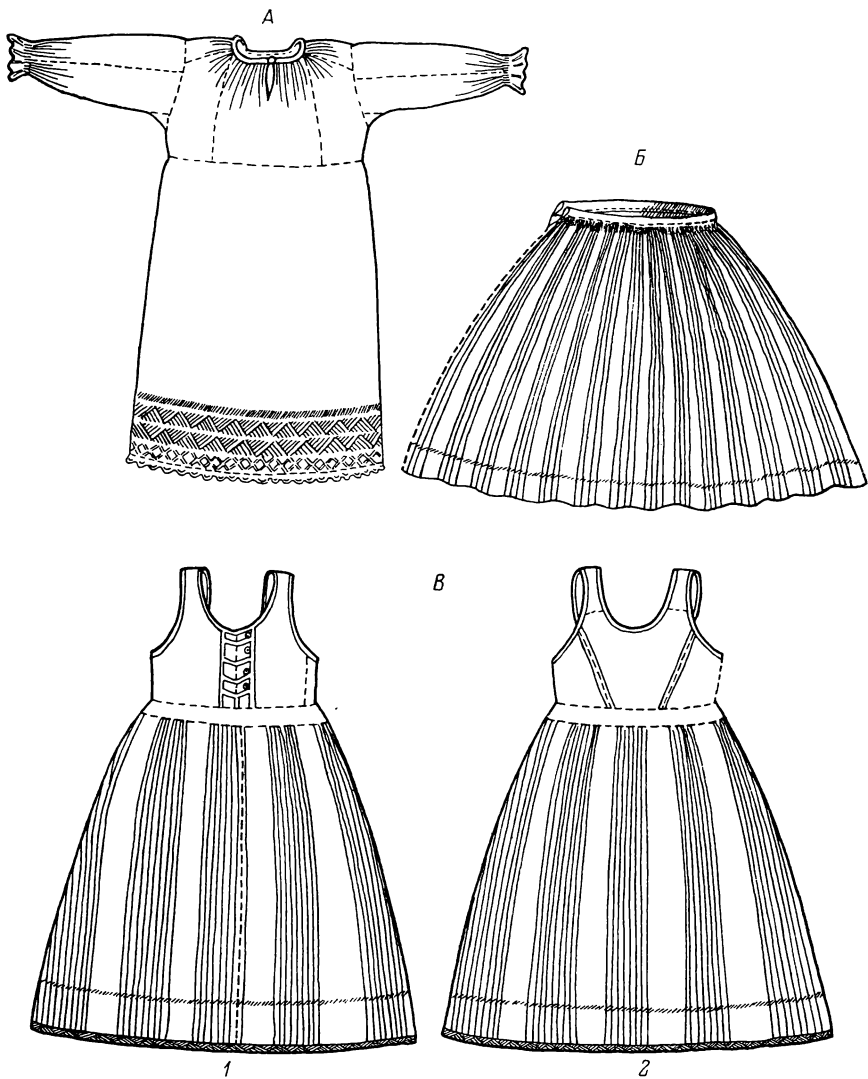

Рис. 7. Части комплекса одежды с полосатой юбкой.

А — исподка (дер. Шилово); Б — юбка (дер. Молоково; Тотемский музей, № 17097);
 В — юбка с лифом выкройным (Тотемский музей, № 16407): 1 — вид спереди, 2 — вид
 сзади.

6. Отметим ожерелье из янтаря у женщин. Если пушки не носили с комплексом полосатой юбки, то янтарь встречался и за пределами ареала комплекса с полосатой юбкой.

Первый выделенный нами комплекс — с сарафаном, известный везде на Севере, на данной территории более характерен для восточной ее части — Никольского, Кичменгско-Городецкого, Великоустюгского, Котласского и других районов. Хотя юбки в этих районах можно считать старой одеждой, но это другой тип юбок, и иного происхождения, чем полосатая юбка, они связаны

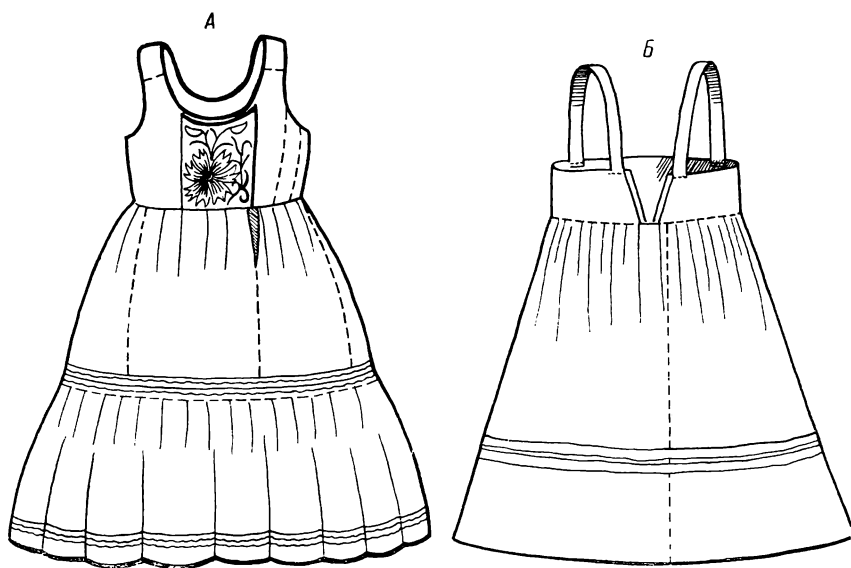

Рис. 8. Сарафаны с лифом.

А — с выкройным лифом (дер. Игнатьево; Тотемский музей, № 17213); Б — с прямым лифом (дер. Сандуга).

с влиянием городского костюма, либо это крестьянские холщовые «подолы», которые рассматриваются нами как нижняя часть (становина) рубахи.

В бывш. Тотемском уезде сарафан наиболее характерен для его северо-восточной части (современные Тарногский и Нюксенский районы). В Вельском, Кадниковском, Шенкурском районах также был комплекс с сарафаном. Но о более точной «географии» сарафана и юбки (т. е. о распределении их по селениям) в этих местах, к сожалению, у нас не имеется сведений.

Комплекс с полосатой юбкой имел значительное распространение в Тотемском уезде. Он, по коллекциям музея и нашим исследованиям, отмечается во многих сельсоветах современного Тотемского и Бабушкинского районов (Медведевском, Пятовском, Кулибаровском, Калининском, Заозерском и др.). Юго-восточная граница

его очень четко прослеживается на стыке бывших Тотемского и Никольского уездов. В Рослятинском сельсовете Бабушинского района, куда вошла бывш. Рослятинская волость Никольского уезда, не знают полосатых юбок. Старые колхозницы из дер. Бутьково рассказывали нам: «В Рослятинской волости не носили полосатых юбок. Их носили в Терехове, Озерове, Бабье, Мамаихе, Горке. У нас же — тканники — сарафаны». Действительно, восточнее Кулибаровского сельсовета комплекс с юбкой не встречается в качестве основного типа женской одежды. Но западнее и севернее этот комплекс выходит далеко за пределы бывш. Тотемского уезда. Полосатую юбку носили в Кадниковском, Вельском, частью Сольвычегодском уездах Вологодской губернии¹⁴ и в значительной части Шенкурского уезда Архангельской губернии.¹⁵ Следы (весьма, правда, нечеткие) бытования этого комплекса есть в некоторых селениях бывш. Грязовецкого уезда¹⁶ и западнее — в бывш. Череповецком уезде,¹⁷ далее они исчезают (во всяком случае данных о его бытовании нет). Северо-восточная граница ареала комплекса с полосатой юбкой отодвигается далеко на северо-восток — к бассейнам Пинеги и Мезени.

Следует вспомнить, что юбка из характерной полосатой ткани с лифом или без него имела сравнительно ограниченное распространение на территории расселения русских и датируется XVI—XVII вв.¹⁸ Комплекс этот был связан с определенной этнической и социальной средой. В середине XIX в. он был характерен (кроме северного района) для: а) западнорусских областей; б) для однодворок южновеликорусских областей из потомков военно-служилого населения, поселенного в XVI—XVII вв. на засечных чертах для защиты южных границ Московского государства; в) для крайнего юго-востока Европейской России (Нижнее Поволжье), где этот комплекс можно связывать главным образом с украинскими, а частью с белорусскими переселенцами позднего времени (XVIII—XIX вв.). Основной, старый район его бытования у русских — западные области (Смоленщина и прилегающие к ней районы), население которых по своей культуре тесно связано с белорусами (для них этот комплекс очень характерен) и украинцами, а также испытало на себе влияние польско-литовских культурных связей.

Каково же происхождение этого комплекса на Севере? Предположение о связи его с дославянской культурой края сразу

¹⁴ Н. Попов. Наряд женского пола, живущего в Кадниковском уезде Вологодской губ. 1856 г. Архив Географического общества (далее: АГО), ф. VII, оп. 27; А. Шайтанов. Верховажский посад 1848/49 года. 1849 г. АГО, ф. VII, оп. 62, и др.

¹⁵ Русские, карта 46.

¹⁶ Упоминание о распространении в Грязовецком уезде в начале XX в. женской одежды юбки с лифом см.: АГО, ф. 24, оп. 105.

¹⁷ Сарафан «долыник» (см. ниже) из этого уезда хранится в Череповецком районном краеведческом музее.

¹⁸ Русские, стр. 201—202.

следует отвергнуть, так как доказано сравнительно позднее происхождение данного комплекса. Не связано ли его появление на Севере с миграциями населения с Запада? К этой мысли приводит прежде всего близость этого комплекса с одеждой русских Смоленщины и с одеждой белорусок. Сходство северных полосатых юбок с лифом и возникшего на этой основе сарафана с лифом с таковыми же из западнорусских, а также белорусских областей поразительно.¹⁹ Многие другие черты западнорусского комплекса одежды обнаружены в разных местах изучаемой области. Безрукавки, надевавшиеся к полосатой юбке, в Вельском районе (рис. 9), аналогичны западнорусским и белорусским шнуровкам и гарсетам.²⁰ Мужская рубаша с плечевыми нашивками и отложным

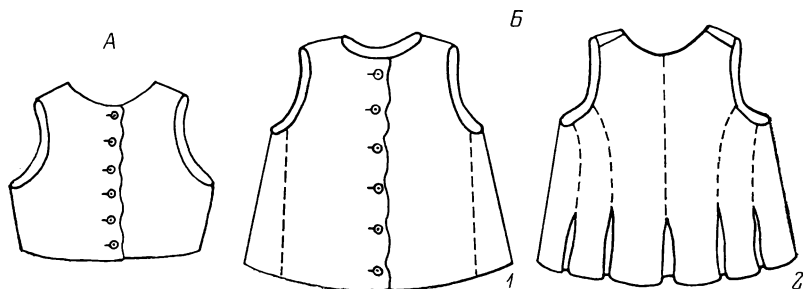

Рис. 9. Безрукавки женские (Вельский музей, №№ 795, 784).

А — из сатина; Б — из кумача на подкладке: 1 — вид спереди, 2 — вид сзади.

воротником (из бывш. Тотемского уезда), нехарактерная для русских северных и центральных областей, а также покроем мужских штанов (из бывш. Кадниковского уезда)²¹ — все эти черты костюма сближают его с западнорусской и белорусской одеждой, а в какой-то мере с украинской. Распространенный в Тотемском и Бабушкинском районах «балахончик» («пониток», «оболодка», «сукман»), верхняя одежда из белого (или светло-серого) сукна, шившаяся с клиньями по бокам, очень напоминает западнорусскую и белорусскую свитку. Сукно ткали на льняной основе, с утком из шерсти («уцили жицкой»). В более восточных районах (Никольский, Кичменгско-Городецкий) та же одежда называлась «камзол», и ее здесь шили и из темной суконной ткани.

Весьма существен факт бытования плетеной обуви так называемого белорусского типа в пределах Вологодской губернии, хотя основная обувь другая.

¹⁹ Л. А. Молчанова. Материальная культура белорусов. Минск, 1968, рис. 47, 48.

²⁰ Восточнославянский этнографический сборник. М., 1956, стр. 649, рис. 52, 1, 2.

²¹ Гос. музей этногр. народов СССР, 704-13, 704-24, 704-59.

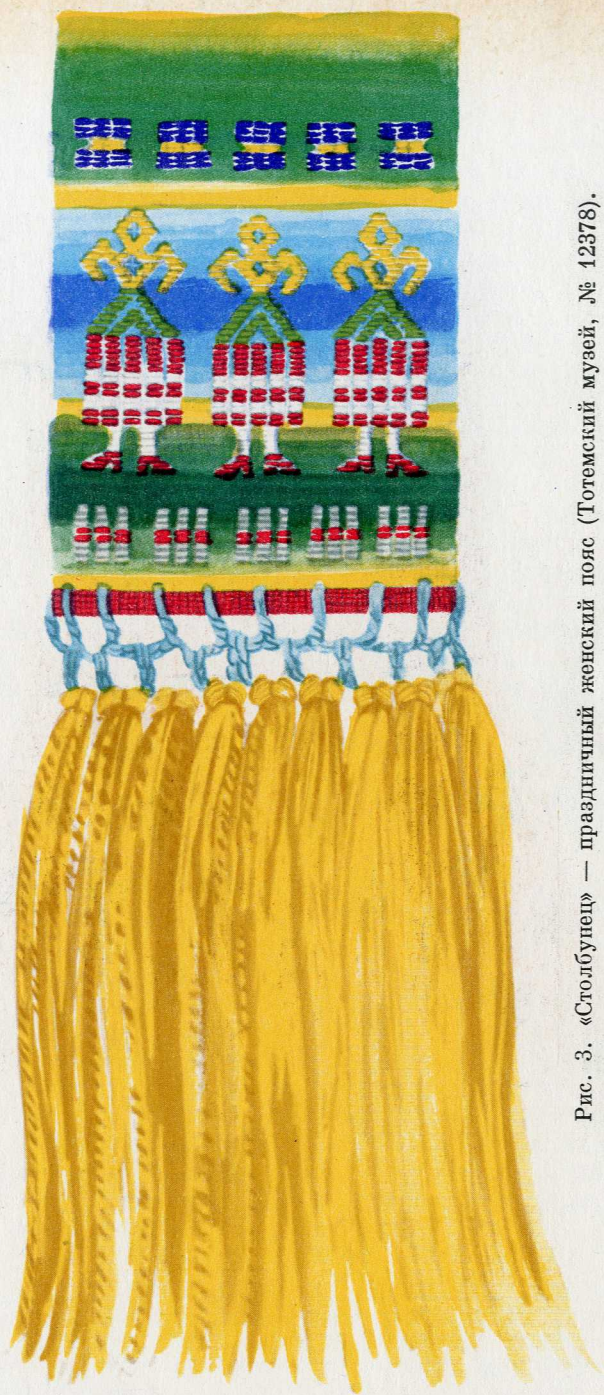

Рис. 3. «Столбунец» — праздничный женский пояс (Тотемский музей, № 12378).

Рис. 14. Тканый узор.
Рукав рубахи
(Великоустюжский район).

Обувь как для одного, так и для другого выделенного нами комплексов шили из кожи или плели из древесной коры — лыка, бересты, из льняных очесов. Плетеную обувь (лапти, ступни и сапоги) изготовляли преимущественно из бересты. Лапти из лыка носили реже. Это определялось местными природными условиями: липа росла не везде. В некоторых селениях липовые лапти были привозными, покупались преимущественно зажиточными слоями крестьянства. Повсеместно был в употреблении берестяной лапоть, местный вариант северного «верзня», косого плетения, с трехугольной головкой, но не имевший высокого задника. Оборы²² продевались в борта. Второй тип, известный на этой территории (в Никольском, Тотемском, Кадниковском уездах), — липовый лапоть так называемого московского типа косого плетения с закругленной головкой (иногда «писаной» — украшенной мелким плетением). Особенность его в том, что, так же как и в берестяном лапте, обора пропускалась под бортами и головкой. Выше упоминалось о лапте белорусского типа — прямого плетения с петлями вместо бортов, для продевания обор. Этот лапоть имеется в коллекциях Вологодского областного музея и Тотемского районного музея, не аннотированных. Однако поскольку коллекции Тотемского музея собраны на территории бывшего уезда, то следует полагать, что лапти белорусского типа приобретены в этом уезде. Они были характерны (в прошлом) кроме белорусов и части украинцев еще и для русского населения западных областей (Смоленской, Псковской и др.).

Характер украшений одежды и декоративных тканей (полотенец и пр.) также имеет свою специфику по районам. В бассейне Сухоны, на большей территории бывш. Тотемского уезда, встретились лишь поздние варианты вышивки, выполненные крестиком по канве. Геометрические узоры на рубахах, полотенцах, поясах ткани браной техникой (рис. 10). В северо-восточной части бывш. Тотемского уезда — в бассейне р. Кокшеньги — отмечены богатое ткачество и вышивка как геометрического, так и сюжетного характера.²³ В юго-восточной части этого уезда, в с. Ландегске, до революции был развит вышивальный промысел тамбуром.²⁴ Тамбурная вышивка встречается и далее, к востоку (в бывш. Никольском уезде). Вышивали красной бумагой по холсту или же цветными нитками по ткани разных цветов. Узоры преимущественно растительно-геометрические, нередко в оригинальной композиции (со своеобразной рамкой, составленной из квадратов; рис. 11, см. вкл.).

²² Обычно из льняных очесов, иногда с добавлением конского волоса.

²³ Здесь мы не касаемся подробно одежды и вышивки этого интересного района; необходимо специальное этнографическое исследование его, которое поможет пролить свет на спорные вопросы происхождения населения бассейна Кокшеньги.

²⁴ Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России, т. V. СПб., 1898, стр. 346.

Для бывш. Устюжского уезда (кроме строчевой и золотошвейной городской вышивки) характерно развитое браное ткачество, но в отличие от монохромного ткачества более западных районов оно было полихромным и изобиловало сюжетными композициями

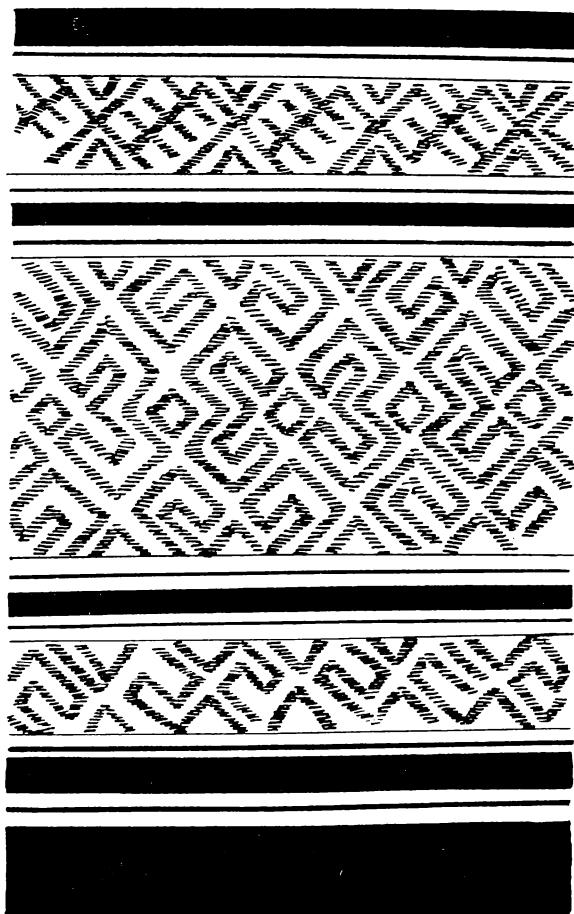

Рис. 10. «Чеканы» — тканый узор исподки (дер. Бутьково).

древнего происхождения и более поздними жанрового характера.

Далее на северо-восток, в бывш. Сольвычегодском уезде, вышивка (золотошвейная, крестом, строчкой), в том числе сюжетная, была очень богата. К северу-западу, в бывших Вельском и Шенкурском уездах, вышивка и ее орнамент также очень разно-

образны. В итоге создается впечатление, что на исследованной нами территории вышивка, особенно сюжетная, была развита преимущественно в местах распространения комплекса с сарафаном. Или же господствовали тканые сюжетные узоры (как в бывш. Устюжском уезде). В селениях, посещенных экспедицией, где был комплекс с полосатой юбкой (в восточной части бывш. Кадниковского и в бывш. Тотемском уездах) вышивка была развита слабее и преобладали геометрические тканые «чеканы».²⁵

Различия выделенных нами двух комплексов прослеживались весьма четко в середине XIX в. и вплоть до начала XX в. О них помнят и сейчас. Однако в результате тесных контактов были неизбежны взаимовлияния. По нашему мнению, под влиянием прямого сарафана появился «дольник» — прямой сарафан на лямках из той же характерной полосатой ткани, из которой шили юбки (в продольную полоску, отсюда его название).

Сарафан с лифом (развившийся, по-видимому, из соединения юбки с безрукавкой) в свою очередь оказал влияние на комплекс с сарафаном, вытеснив в качестве более поздней формы другие, старые типы. Видимо, этим объясняется более раннее и широкое распространение сарафана с лифом в изучаемой области, чем в центральных областях России.

Данные народного костюма и орнаменты служат ценным источником для характеристики основных компонентов, из которых слагалась культура населения бассейнов Сухоны и верховьев Северной Двины. Они согласуются с данными по истории заселения края и позволяют говорить о стыке здесь северной (новгородской) и низовской (ростовской, а позднее московской) колонизации, последняя, по-видимому, преобладала. Это прослеживается в типах женских головных уборов, плетеной обуви и пр. Можно отметить и черты, восходящие, по нашему мнению, к дославянской культуре древнего местного населения. К ним надо отнести некоторые орнаментные мотивы, в частности узор «крючьям», распространенный по всей изучавшейся нами территории (в ткани и вышивке).

Однако в данной статье хотелось поставить вопрос о наличии здесь еще одного компонента, связанного с культурой западно-русских областей России. Нами установлено большое сходство женского комплекса одежды с полосатой юбкой с одеждой западно-русского и белорусского населения. Его происхождение нельзя объяснить переселениями ссыльных крестьян и шляхтичей из западных губерний России, имевших место в Вологодской губернии в 60-е годы XIX в., так как, во-первых, количество

²⁵ Пока нет достаточных данных для суждения о вышивке и ее орнаменте в Вельском и Шенкурском уездах. Необходимо исследовать распространенность по селениям комплексов одежды и ее орнаментации. Исторические судьбы населения обусловили здесь сложное переплетение разных культурных комплексов.

ссылных было невелико²⁶ и расселены они были по семи уездам губернии отдельно и небольшими семьями, которые приселяли к деревням, так что они вряд ли могли оказать большое влияние на давно сложившуюся здесь материальную культуру; во-вторых, комплекс костюма с полосатой юбкой здесь уже был товал в середине (может быть, в первой половине) XIX в.²⁷

Возможно, он связан с белорусскими селениями, которые отмечались в Вологодской губернии — в Кадниковском и Сольвычегодском уездах — в середине—второй половине XIX в.²⁸ Жители их несомненно могли привнести свои элементы в материальную культуру местного населения. Но собранные нами данные о народном костюме выявляют не отдельные, как бы вкрашенные селения с особым комплексом костюма, а значительные массивы этого населения в бассейне рек Сухоны и Ваги (в бывших Тотемском, Кадниковском, Вельском, а также Шенкурском уездах). Происхождение его, по-видимому, надо связывать с интенсивными миграционными процессами, протекавшими в Русском государстве. В XVI—XVII вв. отмечен усиленный прилив населения из северных уездов Замосковского края в Устюжский, Тотемский, Сольвычегодский уезды, в бассейн Сухоны и верхней Ваги.²⁹ Вместе с тем, как отметил Ю. В. Готье, в XVII в. имел место прилив населения с запада не только в Замосковский край, но и в другие места государства, в частности в Вологодский³⁰ и Белозерский уезды.³¹ Это были полоняники и выходцы из-за литовского рубежа — из разоренных войной районов. А. И. Копанев, исследовавший землевладение в Белозерском крае, указывает, что в период 1613—1615 гг., сразу же после изгнания польских интервентов, Московское правительство раздавало в Белозерье черные земли служилым людям, поселяя их сотнями. В 1613 г., как упоминает автор, было помещено в Азатскую и Вочменскую и в «иные волости 230 человек смольнян».³² Из Белозерского края, с Кубени шел приток населения на

²⁶ 50 мужчин, 25 женщин и 55 детей (Ведомость о числе прибывших в Вологодскую губернию для водворения на свободных землях польских переселенцев. Гос. Архив Вологодской области, ф. 276, оп. 1, т. 1, св. 130, № 2243, л. 19).

²⁷ АГО, ф. VII, оп. 27; ф. VIII, оп. 62.

²⁸ ЦГИА, ВЭО, ф. 94, оп. 2, № 815, л. 815; Н. А. Иваницкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. Сборник сведений для изучения быта крестьянского населения России, вып. II, М., 1890, стр. 3.

²⁹ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненёбных согласных в связи с течением позднейшей великорусской колонизации. СПб., 1916, стр. 441; М. В. Витов. Этнические компоненты русского населения Севера. М., 1964, стр. 7.

³⁰ Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М., 1937, стр. 188.

³¹ А. И. Копанев. История землевладения Белозерского края XV—XVI вв. М.—Л., 1951, стр. 73.

³² Там же.

Вагу³³ и на Сухону, в составе которого были, видимо, и выходцы из западнорусских областей, в частности из Смоленской.

Весьма важно для нас упоминание о служилых людях: для женщин из служилого сословия был как раз характерен комплекс с полосатой юбкой (выше упоминалось об однодворческом женском костюме южновеликорусских областей). Эта одежда, как костюм не только крестьянок, но и представительниц социальной верхушки (бывшего служилого сословия), с продвижением населения, надо полагать, распространилась шире расселения первоначального ядра переселенцев с запада, осевших на Севере. Наибольшая концентрация населения, среди которого был распространен комплекс с полосатой юбкой, — это территория как бы треугольника, образованного реками Сухоней, Вагой и Северной Двиной. Наличие данного костюма в бассейнах Пинеги и Мезени вполне объяснимо дальнейшим продвижением населения с Ваги на среднюю Двину, а затем на Пинегу и Мезень, которое имело место в XVII—XVIII вв.

Если наше предположение о связи некоторых особенностей культуры населения Севера с населением западных областей правильно, то этим может быть освещен генезис некоторых черт народного костюма русских Сибири, в частности Восточной — на территории Приангарья, в котором, как отмечалось нами, немало западнорусских и украинско-белорусских особенностей.³⁴ Их принесли выходцы из Западной Руси. «Черкасы» — украинцы — неоднократно упоминаются в документах XVII в. в числе переселенцев в Енисейский край. Однако в составе ранних переселенцев сыграли основную роль выходцы из Поморья, составившие ядро старожильского населения Восточной Сибири (Енисейского края). Были среди них жители восточного Поморья и из бассейна Северной Двины и Ваги.³⁵ Данное обстоятельство, возможно, усилило западнорусские элементы в сибирской одежде. Этим, по-видимому, можно объяснить распространение в женском костюме Восточной Сибири в прошлом юбки³⁶ в большей степени, чем сарафана в его старых формах, мужской рубашки с нашивками на плечах и отложным воротником и пр. Связями населения Сибири с восточнопоморскими областями, возможно, объясняется и раннее широкое распространение в Восточной Сибири сарафана с лифом.

³³ Д. К. Зеленин. Великорусские говоры... стр. 438—439.

³⁴ Г. С. Маслова. Русский народный костюм Восточной Сибири. Этнографический сборник, вып. 3, Улан-Удэ, 1962, стр. 17—18.

³⁵ В. А. Александров. Русское население Сибири в XVII—начале XVIII в. М., 1964, стр. 146—149, табл. 23, стр. 153—154, табл. 24.

³⁶ Л. М. Сабурова. Культура и быт русского населения Приангарья (конец XIX—XX в.). Л., 1967, стр. 141—146; Г. С. Маслова. Русская народная одежда в Приангарье. В сб.: Быт и искусство русского населения Восточной Сибири. Приангарье. Новосибирск, 1971, стр. 179.

Наши данные открывают одну из новых сторон проблемы формирования культуры русского населения Севера. Необходимы дальнейшие совместные исследования этнографов, историков и языковедов, которые важны для изучения культуры Севера и для понимания культуры населения многих областей Сибири.

А. А. Лебедева

СЕВЕРНЫЕ ТРАДИЦИИ В МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ РУССКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В ЗАБАЙКАЛЬЕ

Статья посвящена исследованию вопроса о сохранении традиций Севера в материальной культуре русского населения, переселившегося в сельские местности Забайкалья из губерний европейского Севера. Материалы архивов и наши полевые исследования позволили проследить заселение Забайкалья русскими, определить места выхода наиболее крупных потоков этих переселений и места их компактных или иных типов расселений.¹ Весь ход истории заселения и хозяйственной жизни населения, несмотря на административно-территориальные изменения, позволял исследователям с середины XIX в. и до сегодняшнего времени именовать рассматриваемую нами территорию всем понятным термином «Забайкалье».

До середины XIX в. рассматриваемая территория входила административно в Иркутскую губернию как два уезда — Верхнеудинский и Нерчинский.² С образованием забайкальского казачьего войска из приписанных с 1851 г. в казачество ряда селений крестьян названные два уезда стали именоваться округами и были преобразованы в Забайкальскую область.

По данным первой всеобщей переписи населения России 1897 г., в Забайкальской области преобладающим сословием являлись крестьяне.³ Ко времени всеобщей переписи Забайкальская область была разделена на семь административных округов (Верхнеудинский, Читинский, Нерчинский, Нерчинско-Заводский, Акшинский, Троицко-Савский, Селенгинский). В каждом округе, но в разном процентном соотношении, проживали крестьяне и казаки. По данным переписи, большая часть крестьян проживала в Верхнеудинском и Читинском округах.

Источником жизни как крестьян, так и казаков была земля. Это обстоятельство обусловило сохранение у забайкальского каза-

¹ А. А. Лебедева. К истории формирования русского населения Забайкалья, его хозяйственного и семейного быта (XIX—начало XX в.). В сб.: Этнография русского населения Сибири и Средней Азии, М., 1969.

² М. Н. Баккаревич. Статистическое обозрение Сибири. СПб., 1810.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. СПб., 1904, стр. 74.

чества, сложившегося на месте из крестьянского сословия, многих особенностей крестьянского быта. Материалы полевых и архивных исследований позволяют рассматривать культуру русского населения Забайкалья в целом и лишь отмечать локальные особенности, объясняемые спецификой сложения населения.

Русское население в Забайкалье начинало складываться с конца XVI в. из вольных переселенцев, приходивших сюда на промысел и на жительство, преодолевая долгий путь по рекам и волокам через всю Сибирь из северных губерний Европейской России.⁴ До Забайкалья проходило нередко несколько промежуточных этапов колонизации на сибирских землях. В первой половине XVII в. по водным путям Забайкалья исследователи отмечали односемейные заимки и деревни, состоявшие из двух-трех дворов русских поселенцев, со временем выросшие в большие населенные пункты. В 1675 г. известный путешественник Николай Спафарий в своем дневнике отметил уже большую слободу Ильинскую, состоявшую из 20 дворов, где крестьяне «хлеба пашут много и продают». Первое же известие о принудительном переселении в Забайкалье хлебопашцев относится к 1697 г.⁵

Русский крестьянин шел в Сибирь в поисках вольной жизни, бежал от угнетателей в надежде устроить свою жизнь в новых местах, где нет помещиков, нет крепостничества. Со времени походов Ермака (1585 г.) и особенно с начала XVII в. в быстром заселении Сибири отчетливо прослеживаются две тенденции: стремление уйти подальше от боярских порядков и официальное распространение власти царских воевод на Сибирь.

В первом случае в Сибирь добровольно уходили в «обетованные земли» в надежде на лучшую жизнь. Много уходило в Сибирь старообрядцев и сектантов. В 1653 г. в Сибирь был сослан протопоп Аввакум. Он был направлен в Томск, но через год в связи с его выступлениями против Никона было приказано отправить его в Восточную Сибирь. В 1656 г. он прибыл в Забайкалье, где прожил до 1665 г. Вслед за видными представителями раскола шли в большом количестве раскольники из губерний европейского Севера. Это была религиозная форма протеста против начавшихся гонений на старообрядцев. В 1670 г. воевода из Соли-Камской и Устюга писал в Москву царю, что «многие пахотные крестьяне из Устюжского и Усольского уездов выехали и выезжают в Сибирь в таком множестве, что в этих уездах учинилась великая пустота».⁶

⁴ С. В. Бахрушин. Пути в Восточную Сибирь. В сб.: Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., М., 1928.

⁵ И. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, ч. 4. СПб., 1789, стр. 224; В. И. Шунков. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII—начале XVIII в. М.—Л., 1946, стр. 13.

⁶ Д. Н. Беликов. Старинный раскол в пределах Томского края. Томск, 1905, стр. 1—4.

О значительном увеличении к 1683 г. в Забайкалье раскольников упоминает митрополит Сибирский в письме к селенгинскому игумену.⁷ Литературные данные и наши полевые материалы позволяют говорить, что в эти годы старообрядцами Севера были основаны селения в южной части Западного Забайкалья (села Архангельское, Мало-Архангельское и Тамир).

О дальнейшем запустении крестьянских дворов на Севере свидетельствуют данные писцовых книг, детально изученных П. А. Колесниковым.⁸ Около 10 тыс. только мужского населения учтены в начале XVIII в. выбывшими в сибирские города, но их было фактически больше, говорит П. А. Колесников, так как многие из них попали в группу «безвестно» бежавших. В этот период отмечается и заметный рост численности русского населения в Забайкалье. Причинами, способствовавшими быстрому заселению Забайкалья русскими, были как религиозные гонения, так и социально-экономические условия жизни северного крестьянина.

В Сибирь отправляли мужчин по правительственным указам. Особенно быстро стало расти здесь население с началом разработок в Нерчинском округе серебряных и оловянных руд, а затем и золота (1678 г.). С этого времени правительство принимает срочные меры к заселению края для промышленных работ и для хлебопашества. До конца XVII в. в Забайкалье было построено 9 острогов (Баргузинский, Кабанский, Селенгинский, Нерчинский, Аргунский и др.) и основано 22 русских селения с населением более 7 тыс. человек только мужского пола. Исследователь А. П. Георгиевский, прослеживая заселение Забайкалья, отмечает, что в 1709 г. в Восточном Забайкалье, только в Нерчинском воеводстве, числилось русских 5 тыс. ревизских душ, в 1719 г. — 10 тыс., а в 1775 г. — около 32 тыс.⁹

До середины XVIII в. — до проведения Московского тракта — русское население Сибири, как отмечают исследователи Забайкалья XIX—начала XX в.,¹⁰ было преимущественно севернорусским и по происхождению и по особенностям языка. Проведение Московского тракта, пропешедшего южнее прежней речной дороги, способствовало изменению состава русских переселенцев, но компактные ранние севернорусские заселения сохранили свою

⁷ Арх. Мелентий. Древние церковные грамоты Восточно-Сибирского края (1653—1726). Казань, 1875, стр. 12.

⁸ П. А. Колесников. Миграция поморского крестьянства в начале XVIII в. и ее значение для аграрного развития России. Тез. докл. и сообщ. на XI сессии симпоз. по аграрной истории Вост. Европы, М., 1969, стр. 91.

⁹ А. П. Георгиевский. Русские на Дальнем Востоке, вып. I. Владивосток, 1926. Прил. 6.

¹⁰ П. Я. Черных. Русский язык в Сибири. Иркутск, 1934, стр. 73; А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. I. Иркутск, 1924; Архив Географического общества, ф. 55, оп. 1, № 49, 1819, л. 200—205

этническую специфику и в XIX в. Сохранилась эта специфика и в ранних поселениях русских Забайкалья.

Для жителя северных губерний привычной была жизнь на делянках, отвоеванных у леса. Переселенца Русского Севера не страшил суровый климат Забайкалья и поддерживала надежда на лучшее устройство жизни.

По IV ревизии (1782 г.) в Верхнеудинском уезде русские составляли немногим менее половины всего населения (44.02%).¹¹ Численно преобладали государственные крестьяне, пришедшие как свободные переселенцы, в основном из Вологодской, Олонецкой и Архангельской губерний.¹² Значительный процент в деревнях и слободах составляли также ссыльнопоселенцы. Самой небольшой по численности группой были экономические крестьяне, жившие ранее в монастырях и слободах. Среди ссыльнопоселенцев и экономических крестьян также был немалый процент из этих же губерний (в дальнейшем мы будем называть их северными).

Русские, приходившие в Забайкалье из северных губерний, встречались здесь с привычной им подсечной системой земледелия. Если в северных губерниях подсека уже сокращалась вследствие различных препятствий, которые чинились захвату участков, и становилась лишь дополнением к полевому земледелию, то в местах нового поселения она была основной системой. На подсеке урожай обеспечивался без внесения удобрения несколько лет подряд. Когда участок истощался, его забрасывали, а к этому времени хозяин готовил новую подсеку. Процесс подготовки подсеки в Забайкалье был таким же, как на Русском Севере, и переселенцы использовали в этом деле свои многолетние традиционные навыки. На Севере подсека использовалась как под озимые, так и под яровые культуры. В Забайкалье выращивали лишь яровые культуры, так как озимые здесь при малоснежной и морозной зиме вымерзали. Прослеживается сходство в землеобрабатывающих, уборочных орудиях труда и молотье зерновых на ледяном току. Длительное время в северо-западных районах Забайкалья пахали русской сохой с одним сошником, привезенной, как говорят старожилы, переселенцами из Европейской России. Широко применялась однозубая соха («курашимка») с приваренным отвалом, в рабочей части приближающаяся к плугу. Двухсошниковая вологодская соха в Забайкалье была малоприспособлена. Между сошниками набивались корни стелющейся травы («коврижник») и приходилось часто очищать сошники. Поэтому ради приспособления к местным почвам два сошника были заменены одним.

¹¹ В. М. Кабузан, С. М. Троицкий. Новые источники по истории населения Восточной Сибири во второй половине XVIII в. Советская этнография, 1966, № 3, стр. 23—47.

¹² Там же, стр. 43—55.

Появлению в Забайкалье и в известной степени бытованию разных типов сельскохозяйственных орудий и других предметов крестьянского быта способствовали правительственные указания (с конца XVI в.), обязывавшие крестьян-переселенцев брать с собою соху с принадлежностями для пашни, телегу, сани, хлеба на год и др.¹³

Нельзя забывать и рекрутские наборы, которые способствовали пополнению края мастеровыми людьми. Первый рекрутский набор был произведен в 1761 г. из расчета по одному рекруту с каждых 150 ревизских душ. Годы без рекрутчины были очень редки, а бывало и по два набора в год.

В Забайкалье требовались плотники, столяры и печники, чтобы обеспечивать жильем принудительно присылаемых для работ на рудниках, заводах и для хлебопашества.

К Нерчинским рудникам и заводам в 1797 г. было приписано для исполнения работ, «без которых обойтись невозможно», 14 566 человек. Для крестьян был определен срок обязательных работ 35 лет. Этот срок вынуждал налаживать быт. Крестьяне и мастеровые, пришедшие из северных губерний, приносили в Забайкалье свои навыки в изготовлении необходимых орудий труда, утвари, посуды и других предметов первой необходимости.

Наши полевые исследования 1959—1961 гг. в Забайкалье позволяют сказать, что в ряде русских селений Забайкалья и сегодня еще можно видеть в материальном быту черты, характерные для севернорусских областей. Это совсем не удивляет и объяснение этому простое: в крестьянском быту переселенцев Севера длительно сохранилось то, что было более приемлемо, нужно, удобно, полезно, будь то хозяйственные навыки или орудия труда, жилище, утварь, одежда. Тем более если для этого имелись соответствующие условия.

Первое условие — наличие в Забайкалье лесов, как и в северных губерниях. Жизнь людей среди лесов способствовала выработке навыков использования древесины для хозяйственных нужд. У русских переселенцев в Забайкалье в прошлом, так же как на Севере, широко применялась деревянная посуда, выделка которой нередко отличалась совершенством. В Забайкалье в каждом крестьянском доме имелись долбленные из ствола дерева ступы для обрушивания зерна, толчения волокна конопля, долбленные корыта для муки, долбленные чашки, солонки-«утицы» и большие ковши для полива огородов, бондарной работы кадки для воды, подойники, ушаты, лохани, ведра. Значительную роль играла посуда берестяная разных форм и отделки. Берестяные корбки («рубúшки») и туеса широко бытовали и еще бытуют в селениях Русского Севера и в Забайкалье.

¹³ Н. В. Щеглов. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири 1032—1882 гг. Иркутск, 1883, стр. 51—52.

Прослеживается сходство в способах рубки домов, в элементах архитектурных деталей и их терминологии в Забайкалье и на Русском Севере. Общие принципы деревянного строительства долго оставались старыми, что свидетельствует о большой устойчивости строительных традиций, которые передавались из поколения в поколение. До середины XVII в. не было слова «строить», и употреблялось «рубить». Рубили «по старинке», «по подобию» избы и амбары плотники Русского Севера, вольно или принудительно жившие в Забайкалье. Главным строительным инструментом для них был топор.

Основной конструктивной формой русского деревянного зодчества с отдаленных времен являлся сруб. Постройка начиналась с того, что делали «оклад» (закладывали основание). Сруб, сложенный из горизонтальных рядов бревен — венцов, по углам связывался врубками с небольшими концами — «в обло» или «в красный угол». Приведенные общие моменты возведения сруба типичны для русских построек более широкого ареала, чем рассматриваемые территории. Вполне логично и то, что забайкальский русский дом отличается от северного локальной и сибирской спецификой, выработанной временем и климатическими особенностями. Но есть элементы в крестьянском зодчестве русских Забайкалья, которые, вполне возможно, принесены сюда именно с Русского Севера и получили здесь свое развитие. Так, суровый климат Забайкалья обусловил подъем жилой части избы на четыре-пять венцов от промерзающей почвы, как это (по тем же соображениям) делалось и на Русском Севере. Стены образовывались из накладываемых по четырехугольнику бревен кругляком с прокладкой и проконопачиванием в пазах паклей и высушенным мхом. Проемы окон делались на шестом-восьмом венце сруба.

Стены и углы в избе отесывали специальными топорами. Особенно тщательно отделялся и округлялся передний угол, как на Русском Севере, так и в Забайкалье, где размещалась божница с иконами.

Потолки в избах Забайкалья делали «круглые» (из бревен). В связевых избах круглый потолок делали в рабочей половине, а в горнице «из плах» (из половинок бревен). Здесь еще встречаются избы с круглыми потолками, и четырехстенки, и связевые. Круглые потолки широко были распространены и в крестьянских избах Русского Севера.

Наиболее распространенным покрытием крестьянских построек XVIII и XIX вв. в русских селах Забайкалья была одна из архаичных форм — двускатная крыша «на самцах», типичная и для Русского Севера.¹⁴

¹⁴ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов. Восточнославянский этнографический сборник, М., 1956, стр. 97.

Самцовое покрытие делалось без стропил «на слегах», врубленных в бревна фронтона. Эту остроумнейшую в истории конструктивных систем безгвоздевую кровлю еще можно видеть во всех русских селениях Забайкалья. Для такой формы крыши по окончании стен сруба в высоту продолжали рубку торцовых стенок в виде треугольника, укорачивая постепенно бревна торцовых стенок — «самцы», таким образом срубали из круглых бревен фронтона. Оба фронтона связывали между собою слегами, врубленными в самцы по обе стороны крыши. Верхняя слега в Забайкалье и на Русском Севере называлась «конем».

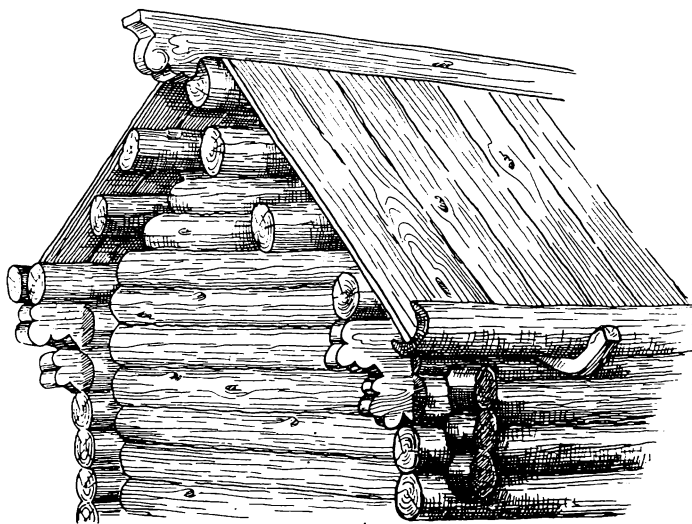
Крыши на Русском Севере и в Забайкалье имели деревянное покрытие. Тес или дранины («дор») ¹⁵ лежали на слегах, упирались в желоба — «водотоки» и прижимались сверху выдолбленным или вытесанным треугольником тяжелым бревном «охлупнем». Охлупень нередко был с корневищем, скульптурно обработанным в форме головы коня или птицы, обращенной к улице. Позднее конец охлупня стали обрабатывать «килевидно». В Забайкалье еще сохранились в русских селениях охлупни разных архитектурных форм. Некоторые старые дома с фигурными охлупнями были зафиксированы нашей экспедицией 1959—1961 гг. в селах Тамир, Архангельское, Сухой Ручей, Ара-Киреть Альбитуй, Бичура и др. (рис. 1, А).

Крыша обычно имела большой свес — выступ — над бревенчатый фронтоном. Свес поддерживали специально выпускаемые верхние бревна боковых стен, называемые «выпуски», «пропуски», «помочи», «повалы». Вся такая конструкция нередко называлась «дом с повалом». Повал ограждал фронтон от сырости, тяжелые бревна фронтона дольше сохранялись. В этой детали усматривается несомненное сходство жилища Русского Севера и Забайкалья.

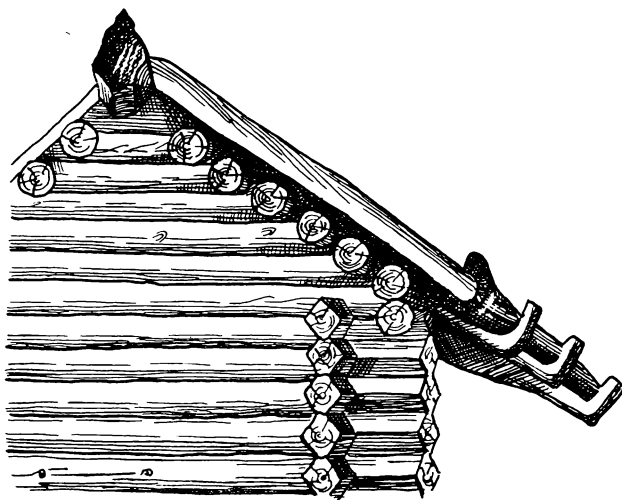
Сходство прослеживается и в декоративном оформлении выпусков — в скульптурной их обработке в форме «капелек», «зубчиков», «пилы», «сережек». На выпусках обычно вырезалась и дата строительства дома, а иногда и имя, отчество, фамилия хозяина дома. Край повала — концы слег — закрывали досками — «причелинами», которые предохраняли слеги от разрушительного действия влаги и украшали фасад, поскольку они также имели резьбу, может быть не такую обильную, как на Русском Севере XIX в., бытовавшую здесь до указанного периода.

Такие конструктивные элементы крыши, как «водотоки» (желоба) и поддерживающие их крюки («курицы»), еще часто встречающиеся в русских селениях Забайкалья, аналогичны по терминологии и конструктивному решению деталей архитектуре

¹⁵ Тес делался топорным тесанием; дранины — дор — делали из ствола дерева, разодрав его на три-четыре части вдоль при помощи специального железного крюка.

А

Б

Рис. 1. Конструкция крыши (с. Альбитуй).

А — фигурный охлупень и резные кронштейны; Б — крюки (курицы) и желоб-водосток.

Русского Севера. Желоба-водотоки, проходившие по двум длинным сторонам и державшие тесины кровли, служили для стока с крыши дождевой и снеговой воды. Делали их из лиственницы, более противостоящей гниению. Желоба поддерживались крюками-курицами, от трех до шести с каждой стороны. На крюк употреблялось небольшое дерево с подходящим корневищем. Крюки врубались в верхние венцы стен и закреплялись под слегы. Крюки, как и охлупень, обрабатывались скульптурно (рис. 1, Б; 2).

Нередко крыша делалась из двух слоев теса, а между ними прокладывалась березовая кора, на Русском Севере и у русских Забайкалья называемая «скала». Прокладка коры защищала от

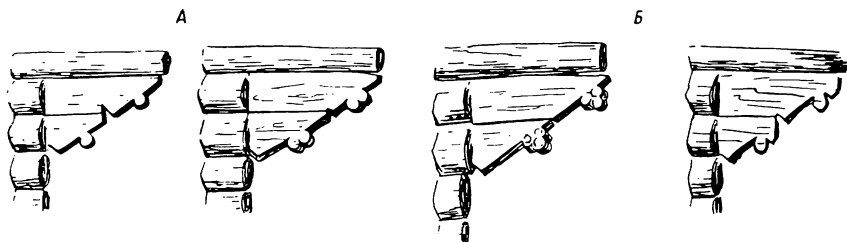

Рис. 2. Типы кронштейнов.

А — с. Хонхолой; Б — с. Хорауз.

проникновения атмосферной воды. Крыши делались с крутыми скатами и обязательно просмаливались как на Русском Севере,¹⁶ так и в Забайкалье. Следует отметить, что в русских селениях Забайкалья осмаливали не только кровлю, но и ворота, калитку, ведущую с улицы во двор. Благодаря строительным особенностям и принятым охранительным мерам постройки из дерева оказывались исключительно прочными.

На сложении жилища в широком смысле этого слова, т. е. на устройстве жилой части усадьбы, ее служб и хозяйственных построек, сильнее всего сказываются общие экономические и природные условия. Необходимо учитывать также и условия семейного быта. Двор и изба всегда строились для одной семьи, но семья в разное время подвергалась сложным изменениям. Большая семья первой половины XIX в., включавшая иногда несколько женатых сыновей хозяина с внуками, в Забайкалье и на Севере по ряду причин сохранялась и в начале XX в. Этим можно объяснить сохранение в Забайкалье больших — связевых — домов. Но здесь были и малые семьи, имевшие соответственно небольшие дворы и дома. Следовательно, провести точ-

¹⁶ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губ. Ч. I. Описание внешнего и внутреннего быта. М., 1877, стр. 17.

ную хронологическую грань в развитии разных типов жилища очень сложно в любых локальных условиях.

Много домов в Забайкалье, как и на Русском Севере, было с высоким подвалом (подклетом). Большой процент составляли двухкамерные жилища — изба и сени.¹⁷ На Русском Севере двухэтажные дома с хозяйственным или жилым подклетом, подызбицей, с вышкой и большим комплексом хозяйственных пристроек имели богатые семьи. Такая же картина прослеживается в Забайкалье, где лишь зажиточные крестьяне строили двухэтажные жилые дома либо по традиционному, широко распространенному в России плану — с внутренними сенями, либо многокомнатные дома смешанного плана. Основная масса русских Забайкалья строила по своим возможностям лишь двухкамерные жилища типа изба—сени. Со второй половины XIX в. здесь начинают строить пятистенки с большими сенями. В сенях обычно отделялась деревянной перегородкой кладовка, где хранили посуду и некоторые продукты. Такого типа кладовки очень типичны и для Вологодской губернии.

Изба (четырёхстенка, связь и пятистенка) к улице выходила торцовой стороной. Вход в избу всегда делался не с уличной, а с боковой стороны дома через высокое крыльцо, в ряде случаев очень сходное с северным крыльцом.

В русских селениях Забайкалья в XIX и начале XX в. широко прослеживались более ранние традиции Русского Севера, когда еще не получили развития крупные постройки, объединяющие жилую часть и хозяйственный двор. На Русском Севере до середины XIX в. бытовали односрубные жилые дома, а более богатые постройки состояли из нескольких односрубных построек, соединенных сенями.¹⁸

На Русском Севере развитие жилища пошло по пути соединения под одной крышей жилого и хозяйственного комплекса. Возможно, что это было связано с обилием осадков. В сельском зодчестве русских Забайкалья наряду с сохранением ранних традиций Севера были выработаны локальные особенности, обусловленные временем, влиянием климата и соседством с другими народами. Здесь жилище развивается изолированно от хозяйственных построек, и даже более того, большие семьи строили на усадьбе два, три, четыре жилых дома двухкамерной планировки и зимовье, где в зимнее время держали ягнят, телят и готовили теплый корм скоту. Такой тип жилой застройки был особенно распространен в Урлукской волости, где в XVII в. компактно поселились крестьяне Русского Севера. Так, в с. Урлук в конце

¹⁷ Архив ЛО Инст. археологии АН СССР (далее: ЛОИА), ф. 29 (К. Романова), д. 376, 1918; И. В. Маковецкий. Архитектура русского народного жилища. Север и Верхнее Поволжье. М., 1962, стр. 10, 67.

¹⁸ Е. А щ е п к о в. Русское деревянное зодчество. М., 1950, стр. 14.

XIX в. хозяйств было 671, а жилых домов 920; в с. Альбитуй хозяйств было 75, жилых домов 115.¹⁹

В Забайкалье преобладает северновеликорусская планировка избы в двух вариантах: с печью в углу и с печью, отодвинутой от стены; во втором случае в образующемся «запечье» устраивался вход в подполье, что характерно и для жилищ Русского Севера. Иногда за печью устанавливали жернов для домашнего размалывания зерна.

В некоторых избах у печи делался «голбец», в котором был ход в подполье. В подполье хранили продукты, а нередко и свободную посуду. В подполье на бревенчатом срубе, который укрепляет земляную утепляющую «завалицу», делали полки для хранения свободной от употребления посуды, кринок с молоком, сметаной.

Печь занимала четвертую часть жилого помещения. Печи раньше делали чаще глинобитные — «битые», реже кирпичные. Изготовление глинобитной печи обходилось дешевле, и считалось, что она дольше сохраняла тепло.

Место против устья печи («куть») отделялось деревянной перегородкой, которая и на Севере и в Забайкалье называлась «заборкой». Кутные заборки иногда украшали резьбой и росписью. Заборка с филичатой росписью, какая имела распространение и на Севере, встретилась нам в зажиточном доме Забайкалья (с. Хонхой). В домах среднего достатка куть отделяли матерчатой занавеской из крашеного холста («крашенины»), пестряди, а позднее из яркого ситца. В этой части избы, считавшейся женской («бабьей»), традиционно хранились на полках или в подвесных шкафчиках и угловиках посуда и женские домашние орудия — прялка, «швейка».

Сохранением традиции Русского Севера являются также полати, которые в Забайкалье делались из гладких досок над дверью во всех избах. В длину полати были равны длине печи. На полати складывали верхнюю носильную одежду; там спали дети в холодное время. В интерьере крестьянского жилища Забайкалья, как и на Русском Севере, преобладала неподвижная, конструктивно связанная со срубом мебель. Форма и размещение ее, выработанные временем, отличались большой рациональностью и простотой. Так же вдоль трех стен располагались неподвижные лавки из довольно толстых широких досок. У четвертой стены ставили единственную в избе деревянную кровать. В переднем углу перед лавками стоял массивный стол. Во время трапезы стол обставляли с двух свободных сторон широкими «белыми» скамейками.

Горницы были гостевыми, праздничными помещениями. Здесь стояли деревянные диваны, шкафы для посуды, кованые и расписные сундуки с праздничной одеждой.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 1290, оп. 6, д. 353.

Рамы в окнах повсеместно (даже в зажиточных домах) делались неоткрывающимися, с мелкими переплетениями, в которые вставляли небольших размеров стекла. Для вентиляции избы прорубались близ печи небольшие «продушины», «душники» (в одно бревно), ранее называвшиеся «дымоволоками», «дымниками». Летом душник был совсем открыт, а зимой и в прохладное время его закрывали деревянной задвижкой и утепляли ветошью. В Забайкалье еще встречаются старые избы с душниками. Исторические источники позволяют отметить и волоковые окошки с внутренней деревянной задвижкой или со стеклом.²⁰ Такое окошко прорубалось к улице рядом с обычными окнами и в Забайкалье называлось «слуховое».

Внешний вид забайкальских изб в XIX в. отличался большой простотой оформления. Украшались охлупни, повалы, причелины, ворота, крыльца и наличники. В общем декоративном оформлении жилища большое внимание уделялось декоративной обработке окна — наличникам. В Забайкалье можно проследить развитие наличников от самой простейшей формы — гладкой обкладки, лишенной всяких украшений, еще встречающейся на избах постройки начала XIX в. Такая форма наличника имеется и в старых постройках Русского Севера.²¹

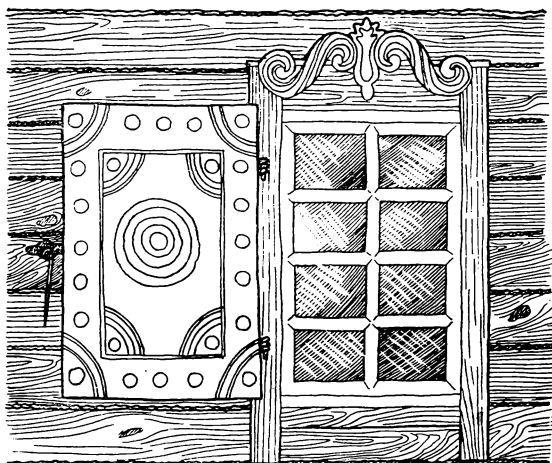
В Забайкалье отмечаются композиционные решения резных наличников, выполненные разной техникой, принесенной переселенцами Русского Севера еще в XVII в. В XVII в. Великий Устюг и Вологда в числе других городов и сел Русского Севера являлись центрами художественного ремесла. Исторические источники сохранили нам данные о больших переселениях на протяжении XVII в. папшенных крестьян Русского Севера в Забайкалье.²² Эти данные и наши полевые наблюдения позволяют говорить о традициях Севера в бытовом орнаменте Забайкалья. Здесь в наличниках на домах постройки первой половины XIX в. еще встречается долбленная глухая резьба «клинчатого» и «желобчатого» типов, сделанная на толстых тесинах при помощи ножа и долота. В этом типе резьбы, подробно рассмотренном Е. Э. Бломквист,²³ в Забайкалье также распространена фигура круга из радиально расходящихся лучей, помещаемая на лобовой доске наличника в разных комбинациях из целых кругов, полукругов и сегментов в четверть круга. Форма веерного круга в Забайкалье украшает также калитки, ворота и является более ранним элементом резных украшений (рис. 3, 4).

²⁰ И. И. Серебрянников. О старинных домах и церквях в Иркутской губернии. Иркутск, 1915.

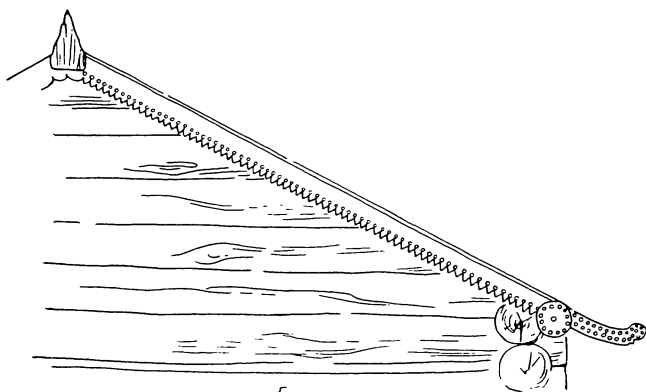
²¹ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки..., стр. 360.

²² Полный свод законов Российской империи, т. 3. СПб., 1830; С. В. Бахрушин. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в. В сб.: Очерки по истории колонизации Севера и Сибири, вып. II, Пгр., 1922, стр. 73.

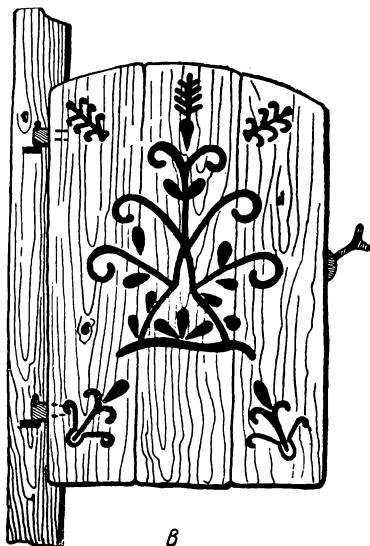
²³ Е. Э. Бломквист. Крестьянские постройки..., стр. 362.

A

Б

В

Рис. 3. Наружное украшение жилища.

А — резной наличник и ставень с росписью (с. Бичура); Б — резная причелина (с. Окино-Ключи); В — ставень с росписью (с. В. Куналей).

В русских селениях Забайкалья можно проследить эволюцию формы от простой к сложной как закономерное повторение и усложнение полюбившегося мотива. Глухие розетки просверливаются круглыми отверстиями при помощи коловорота. Наличники, выполненные этой техникой в комбинации с предыдущей, приобретают новые черты, имеют много различных композиционных вариантов, как и на Русском Севере. В Забайкалье, например, часто встречаются наличники с резьбой полотенчатого мотива, очень распространенной на Русском Севере. Распространены здесь мотивы барокко, занесенные из городской архитектуры

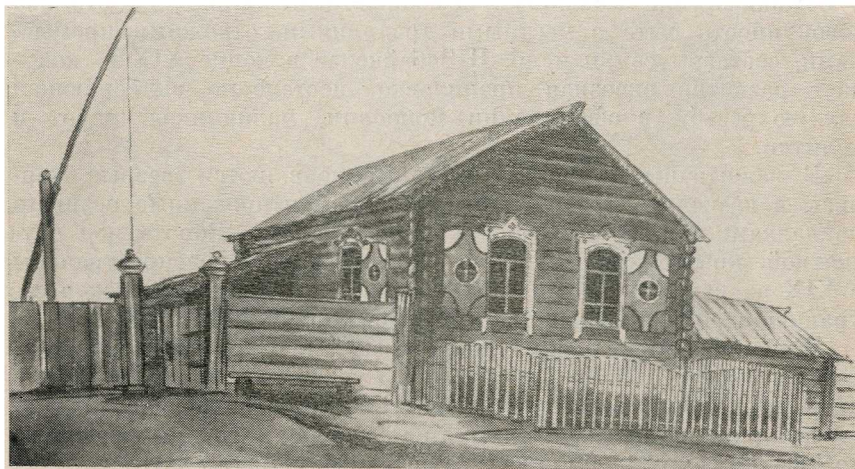

Рис. 4. Дом с резными наличниками и расписными ставнями (с. Сухой Ручей).

и своеобразно переработанные. Развитие в Забайкалье мотивов барокко можно отнести к большому жилищному строительству, которое здесь развернулось в местах поселения декабристов в первой половине XIX в.

Завиток, в разных вариантах часто встречающийся в оформлении наличников Забайкалья, очень близок по мотивам к завиткам, которые встречаются на наличниках сел Лебское (Мезень), Малые Нисгоры (Палощелье) и дер. Верховье Олонецкой губернии.²⁴ Художественные традиции, принесенные русскими переселенцами в Забайкалье, с течением времени изменяются и приобретают новые черты. Специфику орнамента в русских селениях Забайкалья определяет в известной мере близость с коренным населением (эвенками и бурятами). Но здесь следует подчеркнуть, что русские зодчие талантливо перерабатывали

²⁴ ЛОИА, ф. 29, д. 168, л. 121 (рис.); Архив Инст. этнографии АН СССР, д. 37 (III), №№ 1015, 1018, 1019 (фото).

все, что им правилось, никогда не теряя своего национального лица. Изменяется и мотив завитка, иногда напоминающий своим усложненным видом рог барана или сложный завиток, переключаящийся с мотивом, встречающимся в орнаменте коренного населения. Он же встречается у русских Забайкалья и в мебели (резная верхушка шкафа, стула, спинки кровати и т. д.). Местное население называет его «кудри».

Формы общего типа и орнаментации живут очень долго, рядом с более новыми привнесениями, иногда частично влияющими на старую форму, а иногда сосуществующими с ней. Почти в каждом селении формы привносятся, изменяются и живут с большими или меньшими особенностями. Влияет на это вся совокупность быта с местными традициями, отхожими промыслами, составом семьи и др. В Забайкалье в конце XIX в. получает развитие сквозная пропиловка, постепенно вытесняющая глухую резьбу в оформлении причелин, наличников, ворот и калитки.

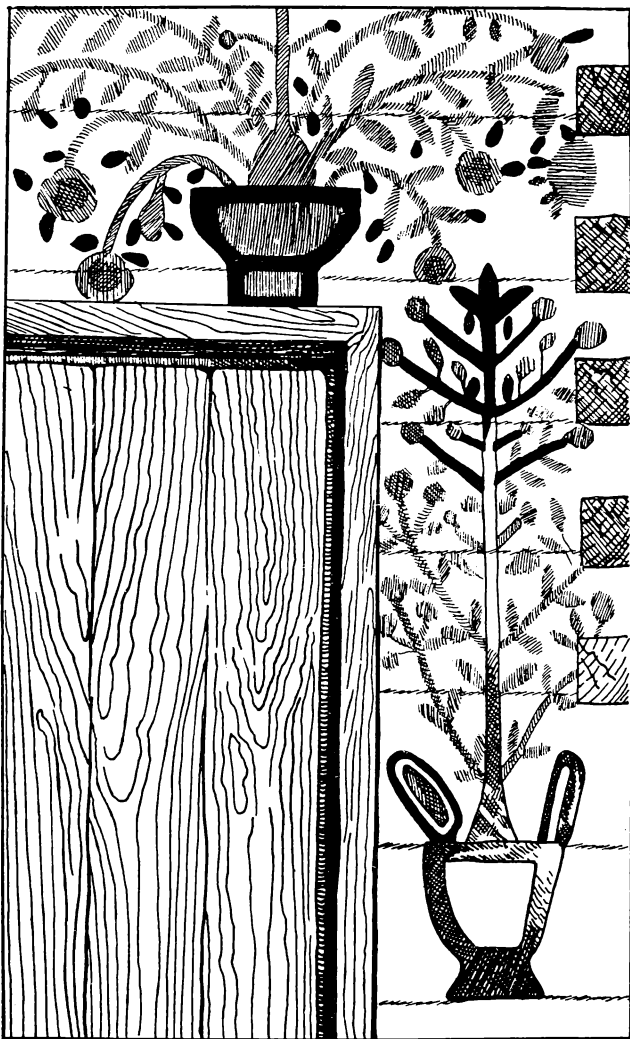
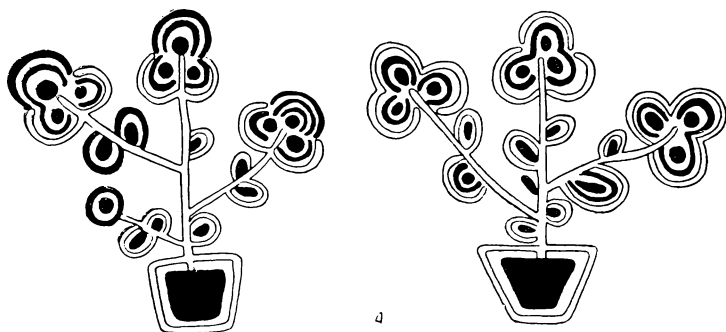
В зажиточных домах Забайкалья появляются резные карнизы в несколько ярусов и пышно орнаментированные резными накладками и прорезью ворота «под кабаном». Ворота под двускатной крышей в Забайкалье были широко распространены в XIX в., как и в Европейской России, и еще встречаются в сохранившихся старых крестьянских ансамблях.

Живописное украшение крестьянской избы было распространено во многих местах Сибири, и эта традиция бытует до наших дней, но она очень мало изучена. В Забайкалье роспись применялась ранее главным образом на ставнях окон и несколько позднее на самом наличнике в зажиточных домах.

Роспись наличников и ставен в Забайкалье распространяется позднее резьбы. Старожилы объясняют это экономическими возможностями (краски были дороже) и тем, что «моды не было». Полихромная роспись наличников и ставен развивается здесь уже в XX в., а в XIX в. была однотонная покраска резных наличников в зажиточных домах.

В основе бытовой росписи Забайкалья и Русского Севера лежала форма живой природы, форма цветка. Самая простая форма — распластанного пятилепесткового цветка — широко прослеживается в живописном орнаменте на ставнях и в интерьере — в росписи двери, заборки, стены, опечка. Цветы рисовали на подвесных шкафчиках, сундуках и кроватях как в Забайкалье, так и на Севере. Утварь была сходна не только по орнаменту, но и по внешнему виду. Стол, стоявший в переднем углу крестьянского дома Приозерного района Архангельской области,²⁵ трудно отличить от многих старых крестьянских столов Забайкалья. Есть также аналогия в формах и характере многоцветного растительного и геометрического орнамента деревян-

²⁵ Архив Инст. этнографии АН СССР, д. 37 (V), № 162.

Б

Рис. 5. Интерьер жилища.

А — роспись печна (с. Урлук); Б — роспись стен (с. Б. Куналей).

ных кроватей, характерных для рассматриваемых далеко отстоящих друг от друга русских селений.²⁶

На стенах и дверях рисовали цветы в горшках. Цветок как бы вырастал на стене от пола или от лавки до потолка; на двери — во всю дверь; на опечке по высоте опечка размещалось несколько цветов, и каждый в глиняном горшке. На оконных ставнях роспись располагалась с внутренней стороны. На день ставни открывались и роспись являлась наружным украшением избы, а когда ставни закрывали, то роспись становилась дополнительным украшением интерьера, просматриваясь через стекла окон. В росписи ставен широко применялись геометрические узоры — круги, геометризованные цветы, розетки, выполненные красной или синей краской по светлomu тону. В XX в. стали изображать на ставнях цветы в горшках и букеты, выполняя композицию разными красками.

В Забайкалье в XX в. не прошла мода на «крашенные» дома, хотя она и не развивалась долгое время по разным причинам. С 50-х годов возрождается наружная роспись домов — в с. Большой Куналей масляной краской полихромно окрашивают фасады домов, резные наличники и ставни. Внутри дома расписывают печки, двери, стены, потолок (рис. 5, 6).

Еще большее развитие в Забайкалье получает наружное оформление дома резбой. Резные причелины, карнизы, наличники и террасы встречаются постоянно в новых домах русского населения Забайкалья. При перестройке дома нередко используются сохранившиеся резные наличники старого дома. Следовательно, вряд ли можно обобщенно говорить о «моде» в оформлении крестьянского жилища. Давняя традиция в сибирских постройках — декоративность в обработке окна, отмечаемая исследователем зодчества Сибири Е. А. Ащепковым,²⁷ жива и поныне.

Нельзя не отметить кованые из железа, очень своеобразные дверные ручки, скобы — «жаковины», которые укреплялись на калитках с уличной стороны как на Русском Севере, так и в Забайкалье. Искусно выполненные ручки являлись также украшением. В Забайкалье они еще украшают калитки и по сей день, и нам удалось сделать зарисовки их во время работы экспедиции 1959 г. Экспедиция ГИМ 1959 г. в Архангельскую область тоже встречала и фотографировала жаковины, очень схожие с забайкальскими. Такие ручки делали местные кузнецы (рис. 7).²⁸

Близость многих элементов забайкальского крестьянского жилища к северному объясняется в первую очередь общностью

²⁶ ЛОИА, ф. 29, д. 169, л. 9.

²⁷ Е. А. Ащепков. Народное зодчество Сибири и особенности его декора. Тез. докл. Научн. конфер. по вопр. изуч. и охраны памятников Сибири и Дальнего Востока, Тобольск, 1969.

²⁸ И. В. Маковецкий. Памятники народного зодчества Русского Севера. М., 1955, рис. 47.

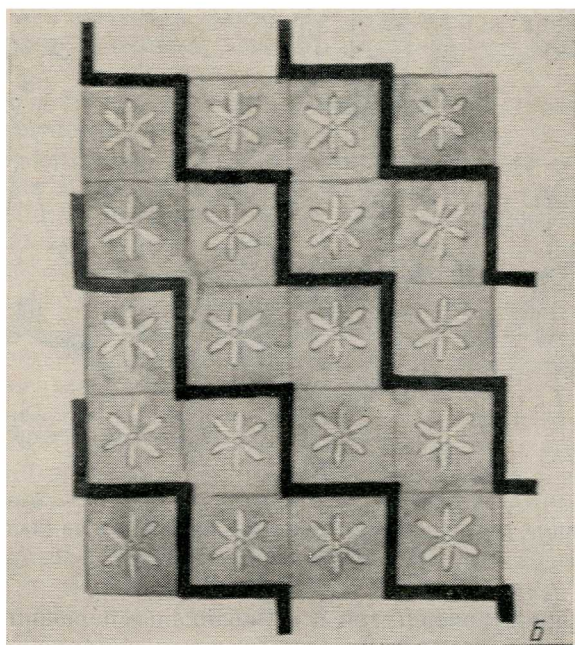
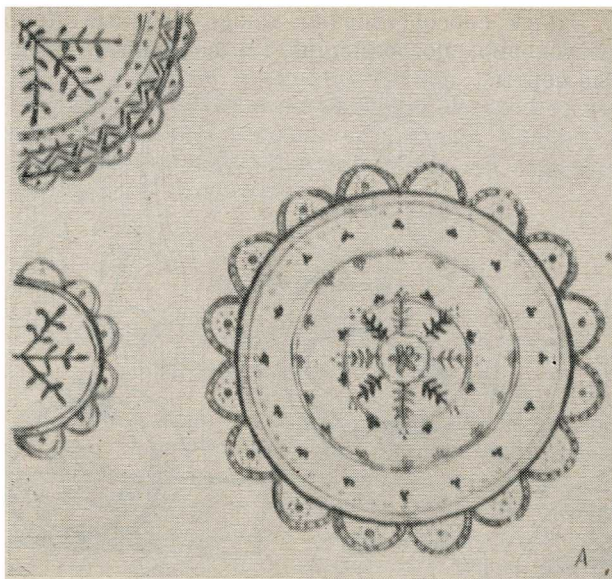

Рис. 6. Роспись потолка (Краеведческий музей г. Кяхта).

А — плафон из цветочных розеток; Б — плафон лепестковый в зигзагах.

источника. Этому способствовали также сходные природно-экономические условия, позволившие им сохранить сходные конструктивные черты.

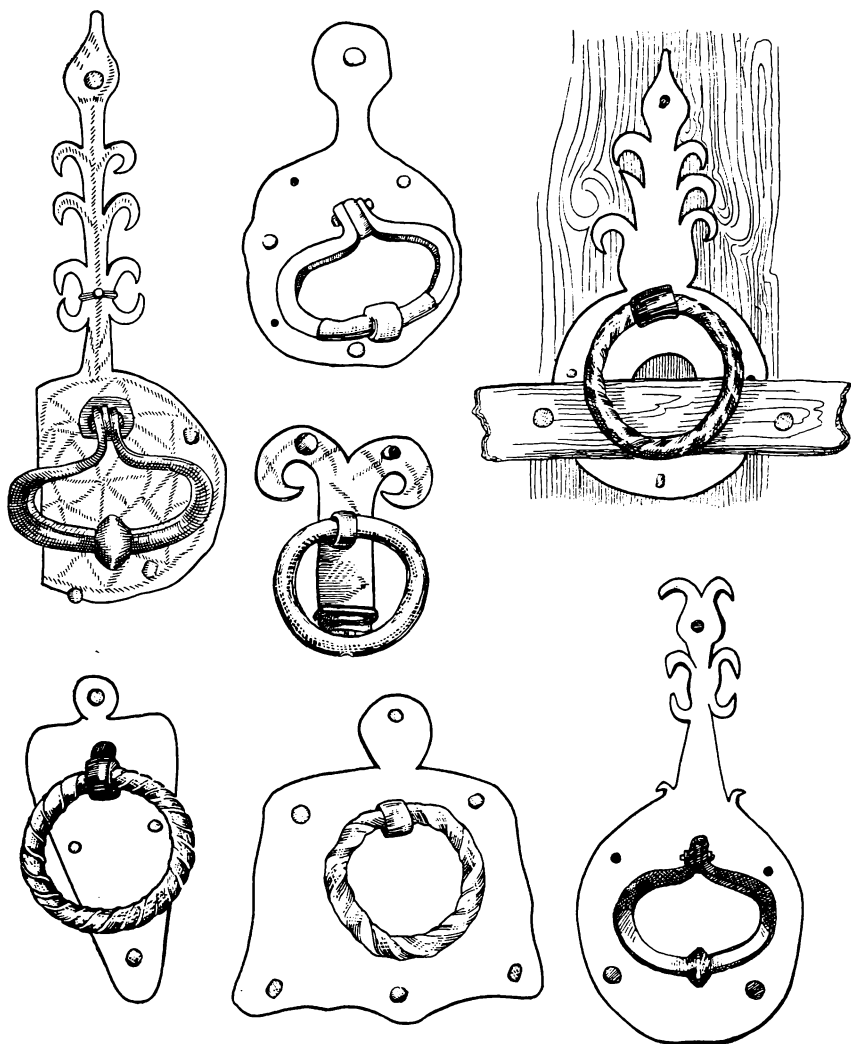

Рис. 7. Кованые металлические кольца — жаковины на калитках домов из с. Большой Куналей.

Деревянное строительство и в Забайкалье пережило уже длительную и глубокую эволюцию. Характер жилища изменяется в процессе взаимодействия исторического наследия и местной среды. В Забайкалье встречаются в крестьянском зодчестве элементы, имеющие аналогии в районах Урала и Украины, но

в данной статье мы не касаемся анализа такого материала. Это может быть предметом самостоятельной работы. Забайкалье представляет собой сложную территорию по этническим связям, но компактные ранние поселения русских Севера позволяют проследить северные традиции в материальной культуре русских переселенцев на этой территории.

И. Н. Уханова

РЕЗЬБА И РОСПИСЬ НАРОДНЫХ МАСТЕРОВ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПОМОРЬЯ

Для населения лесной полосы Европейской России дерево всегда являлось излюбленным материалом для строительства жилых, фортификационных и культовых зданий, а также для изготовления орудий труда и предметов домашнего обихода. Дерево — податливый в обработке материал, который позволял мастерам не только достигать оригинальных форм и конструкций, но и разрабатывать сложную систему художественного оформления. Те предметы, в создание которых вкладывались профессиональное мастерство и фантазия его творца, становились подлинными произведениями народного декоративно-прикладного искусства.

Настоящая статья посвящена характеристике резных и расписных деревянных изделий народных мастеров Терского, Карельского, Поморского берегов, т. е. условно области северо-западного Поморья. В основу работы легли кроме литературных источников музейные материалы и полевые наблюдения в период экспедиционных поездок.

Одной из отличительных особенностей художественного ремесла Русского Севера являлось то, что оно было сопутствующим основным занятиям промыслового населения. Как известно, поморы занимались рыболовством, охотой на пушного и морского зверя, ловом жемчужных раковин, разработкой руд, добычей слюды, соли и пр. На рубеже XIII—XIV вв. птицеводство стало на Терском берегу Беломорья великокняжеской привилегией.¹ Десятая доля всех богатств северных земель шла в казну государства, часть — в пользу монастырей, которые имели там большие земельные наделы. Известными землевладельцами были Троице-Сергиевский, Антониев Сийский, Соловецкий, Трифоновский Печенгский и другие монастыри. Их постройки, как и остроги северо-западного Поморья (Кола, Кандалакша, Кемь, Сумпосад и др.), выполняли роль своеобразных форпостов, укреплявших и защищавших северо-западные границы государства. В XVII в.

¹ И. М. Калинин. Торговые сношения лопарей с русскими в половине XVII в. Изв. РГО, т. LXI, вып. 1, Л., 1929, стр. 59.

немалую роль в общественно-экономической жизни этого края кроме названных поселений играли погосты и деревни Поной, Варзуга, Умба, Ковда, Кереть, Сорока и др. Они были важными промысловыми и перевалочными пунктами на торговых путях, соединявших Север с центральными районами России.

С одной стороны, новгородские, ростовские, московские переселенцы приносили с собой на Север привычную им культуру и художественные традиции, с другой стороны, на новых местах, в иных условиях вырабатывались новые эстетические представления. Несомненным совершенством конструкции и продуманностью форм отличаются жилые, храмовые и крепостные постройки севернорусских плотников — великолепных зодчих и строителей. В литературе этот вопрос освещен достаточно основательно. Причем особый интерес был проявлен к выделению различных типовых групп, характеризующих местную народную культуру. В отношении русского крестьянского жилища отмечалось, что оно «характеризуется разнообразием форм, сложившихся исторически в течение многих столетий. Однако все эти разновидности можно свести к нескольким основным типам, выделенным по совокупности нескольких признаков и особенностей».² Ту же мысль проводят исследователи храмового деревенского зодчества.³ Постройки северо-западных областей Беломорья в достаточной мере разнообразны. Это известные, сохраняющиеся и в наши дни Успенская церковь 1674 г. в Варзуге, Никольская 1651 г. в Ковде, Успенский собор 1712 г. в Кемь, Петропавловская церковь 1759 г. в Вирме и некоторые другие. Они различны, что свидетельствует о выработанных типах сооружений подобного рода. Каждая из построек является образцом высокого искусства севернорусских плотников, резчиков и живописцев, вложивших в их создание весь свой талант и художественное мастерство, сумевших наделить их глубоким смыслом. Многие приемы, выработанные при строительстве и оформлении зданий, использовались мастерами для украшения утилитарных предметов. Поэтому в целом ряде случаев четкая конструктивность формы, согласованность ее с художественной декорацией, высокая профессиональная техничность исполнения позволяют обыденный предмет считать законченным произведением народного, крестьянского искусства. В этой связи не случайно стремление исследователей изучить памятники материальной культуры русского крестьянства по типам и по группам, определить локальные центры их производства и наибольшего распространения, просле-

² Е. Э. Бломквист, О. А. Ганцкая. Типы русского крестьянского жилища середины XIX—начала XX в. В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1967, стр. 131.

³ Б. Н. Федоров. Культурное деревянное зодчество северо-западных земель Русского государства XVI—XVIII веков и его народно-демократические черты. Автореф. дисс. М., 1970.

дить пути их исторического развития, выявить своеобразие местных вариантов.

Из многочисленных деревянных бытовых предметов крестьян северо-западного Поморья, таких как круглые чаши — братины, кары — блюда с узорчатыми прорезями для отварной рыбы, мутовки с резными фигурными ручками и др., выделяются в наиболее самобытную группу вальки с рельефными узорами на верхней нерабочей поверхности, удилица и прылки. Хотя названные предметы, в значительной мере собранные в музеях, относятся к XIX в., многие из них сохранили в обработке древние традиции. Условность и четкая выразительность изобразительного мотива, архаичность вечно живущего орнамента из розеток, ромбов и других элементов, специфика древнейшей по технике трехгранно выемчатой резьбы, понимание цвета, колористических законов — все это свидетельствует о навыках многих поколений, о выработке определенных эстетических норм и представлений (рис. 4).

Примером, который раскрывает нам традиционность художественных вкусов во второй половине XIX в., является работа одного из жителей с. Чавоньга на Терском берегу Белого моря — деревянное удилице для подледного лова (собрание Эрмитажа, № ЭРД-2671). Это небольшая прямоугольная лопаточка с фигурной ручкой — катушкой, на которую наматывается леска, ее конец пропускается сквозь круглое отверстие на рукояти. Лопаточка предназначается для расчистки снега; короткую рукоять легко держать в руке и удобно класть на края лунки. В настоящее время подобные рыболовные снасти в большом почете у молодых поморов, которые пользуются в основном старыми запасами отцов и дедов. Удилище по форме своей необыкновенно просто и конструктивно. Его поверхность покрыта тонкой геометрической резьбой, выполненной с чувством такта и художественной целесообразности. О традиционности исполнения говорит не только отточенность формы и техника резьбы, но и архаичность узоров из звезд, ромбов, розеток, которые связаны с древними мифологическими представлениями.⁴

Языческая в своей основе символика с необыкновенной устойчивостью сохраняется в русском народном искусстве, в частности в творчестве поморов северо-западного Поморья. Характерным примером может служить резной валеk, выполненный в 1805 г.⁵ Это одна из редких датированных и подписных вещей крестьянского искусства. Валеk удлиненной прямоугольной формы, завершающейся ступенчато расположенными остроконечными башенками — зубцами, украшенными розетками и ромбами. В центре наружной поверхности, в одной из больших розет, отчетливо чи-

⁴ Ср.: В. М. Василенко. Русская народная резьба и роспись по дереву XVIII—XIX вв. М., 1960, стр. 73; О. В. Круглова. Северные прылки. Вологда, 1969, стр. 4.

⁵ И. Н. Уханова. Деревянные вальки русской работы XVIII—первой половины XIX века. Сообщ. Гос. Эрмитажа, т. XX, 1961, стр. 12, 13.

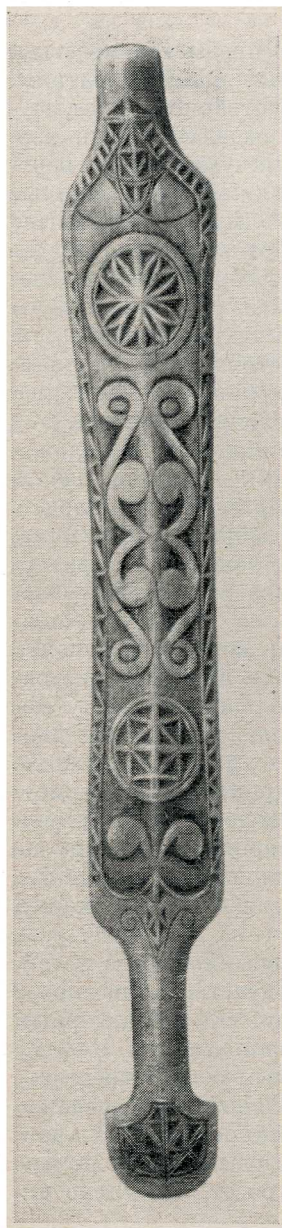

Рис. 1. Валеk XIX в.
(с. Варзуга, Терский бе-
рег).

тается надпись: «Сумьской волости крестиянина Алексея Пашина сия палча 1805 года маяя 23 дня в Тириберк». Гравированная подпись выглядит легким орнаментом, перекликающимся с незатейливой, но очень естественно изображенной тонкой веточкой цветущего растения, как бы случайно отходящей от розетки вблизи ручки валька. Перед нами вновь отражение устойчивых эстетических представлений, вылившихся в строгую систему геометрического узора, исполненного в технике трехгранно выемчатой резьбы. Следует отметить, что в северо-западном Поморье имеются образцы подобного типа резьбы и более раннего периода. В бывш. Сумской волости (ныне Беломорский район Карельской АССР) в с. Вирма имеется Петропавловская церковь 1759 г. Один из ее внутренних опорных столбов декорирован великолепной по узору трехгранно выемчатой резьбой. Сумская волость была не столь велика, чтобы ее жители не знали такого значительного храма. Возможно, и в церквях Сумпосада имелась художественная резьба подобного рода. О ее широкой распространенности говорят многие предметы крестьянского обихода, поступившие в музейные собрания из бывш. Архангельской губернии, с территории Поморского берега. Характерен узор резьбы на вальке 1720 г. из собрания Эрмитажа,⁶ на поморских вальках 1720 и 1798 гг. из собрания Государственного исторического музея.⁷ Особенно совершенно художественное оформление валька 1798 г. Среди гармоничной сети геометрических узоров на нем имеется подпись автора: «Сей каток работал Афонасей Корелской своеручно». Форма же идентична вальку 1805 г. Однако резьба более сочная, более насыщенная, она как

⁶ Памятники русской культуры первой четверти XVIII в. М.—Л., 1966, № 3272, табл. 78.

⁷ А. К. Чекалов. Предметы обихода из дерева. В сб.: Русское декоративное искусство, т. 2. М., 1963, стр. 16, 17, рис. 7, 14, 15.

ковер застилает всю поверхность предмета. Фамилия мастера позволяет предположить, что этот талантливый резчик, возможно, был выходцем из карел или приезжим с Карельского берега. Во всяком случае характер резьбы Афонасия свидетельствует как о его личном таланте, так и о глубоких традициях искусства, связанного в значительной мере с мастерством древних новгородцев — одних из первых русских поселенцев этих мест.

С другой стороны, валеk 1805 г. имеет для исследователей ценность исторического документа из-за «легенды» — надписи мастера, которую он включил в декоративную композицию. Из нее мы узнаем имя мастера, его происхождение, дату изготовления предмета; «легенда» фактически раскрывает перед нами страницы жизни поморов. Охотник на морского зверя, крестьянин Алексей Пашин выполнил свой валеk на становище Тириберихе на Баренцевом море вблизи устья Териберки. Сумляне, как сообщает этнограф С. В. Максимов, промышленяют «по тем же правилам и при тех приемах и условиях, как и все другие поморы, обыкновенно в трех становищах: Гаврилове, Териберихе и в Вайдогубе. Отправляются они туда также в начале марта, прямо на Колу. Из Сумы до Кандалакши едут на лошадях, а от Кандалакши до Колы на оленях. Весь путь совершают в две или три недели... С мурманских промыслов сумляне возвращаются домой после 20-х чисел августа».⁸ Несмотря на суровую обстановку на промыслах, напряженный опасный труд зверобоев, в свободное время поморы часто обращались к искусству резьбы по дереву. На целом ряде прялок сохранились «легенды», свидетельствующие именно об этом. Так, на одной из них читаем: «1899 года месяца апреля 6 дня делана на Зимнем море были под Сосновцем 30 верстах от земли Прялка девицы Овдотьи Лаврионовой Преди Прялку береги За отца бога моли».⁹ Резал ее помор, промышленявший зверя у берегов Кольского полуострова вблизи устья Поноя на о. Сосновец. На другой прялке надпись более сдержанная: «Прялица работан: 1895 год в месяце марта девято на Кукшине работ Никифор Иванов Коворнин». Становище Кукшино находилось вблизи Поноя. Коворнин, как и многие другие поморы, в период «веснования» (с марта по май) — охоты на тюленей, моржей и других морских животных — выполнил свою прялку для невесты, жены, дочери или племянницы. Фамилия Коворниных в наши дни очень часто встречается в Варзуге, реже в других местах Терского берега, но они, как правило, являются выходцами из той же Варзуги.

Прялка 1895 г. имеет ряд характерных особенностей, которые позволяют выделить работы аналогичного порядка в особый тип,

⁸ С. В. Максимов. Год на Севере, ч. II. СПб., 1896, стр. 194, 195.

⁹ Т. А. Бернштам. Об одной художественной традиции на архангельском Севере. Советская этнография, 1965, № 3, стр. 138; Н. В. Мальцев. Орнаментальная резьба по дереву на Онежском полуострове. В сб.: Русское народное искусство Севера, Л., 1968, стр. 70.

в данном случае «терский» тип. Донце прялки гладкое, хотя известны и орнаментированные, в него вставляется стройная вытянутая лопаска с круглыми завершениями вверх и вниз на высокой фигурной ножке — балясине. Лопасть прялки заполнена по обыкновению богатой узорной резьбой; ее наружная поверхность имеет ковчег, подобный ковчегам на древнерусских иконах. Таким образом, центральная часть лопаски подчеркнута выделена — основной узор оказывается окаймленным слегка поднятым бортиком. Узор резьбы геометрический — всевозможные круглые, вихревые розетки, квадраты, ромбы, городки, обычный арсенал элементов, которыми пользуется резчик по дереву. Композиционное построение поражает четкостью, уравновешенностью, гармоничностью. Пластичность резьбы, мягкость линий тонкого рисунка свидетельствуют о таланте и большом мастерстве помора, великолепно чувствовавшего материал, понимавшего его особенности. Эта прялка не единична, она один из удачных вариантов излюбленного, общепринятого на Терском берегу типа. Любопытно отметить и такую деталь: если прялка делалась из цельного куска дерева, из корневища (отсюда название прялок «коренуха»), то место сгиба украшали коньком — скульптурной фигуркой, как бы крепящей ножку прялки с донцем. Порой конек оставался без детальной проработки.

Прялки «терского» типа получили широкое распространение на Терском берегу, отдельные их экземпляры попадали и на Карельский берег, но лишь как привозные. Учитывая, что жители Терского берега, рыболовы и охотники, занимались резьбой различных бытовых вещей с художественной отделкой только для себя и членов своей семьи, на продажу не изготовляли, произведения поморов являются характерными образцами народного искусства определенного локального круга. Прялки «терского» типа имеют своих предшественниц более раннего времени. Они отличаются более округлой пластикой резного рельефа, сквозной резьбой и четкой цветовой гаммой красного и зеленого колера. Конструкция их и в начале XIX в. была той же — донце, ножка, лопаска. Однако большинство их было разборными, трех- или двухчастными, что удобно при переноске. Ножка напоминала фигурную балясину, а лопаска имела прямоугольную либо прямоугольную с кругами на концах форму, с обязательно выделенным бортиком. Интересный экземпляр подобного типа хранится в собрании Музея этнографии народов СССР (№ 2955-1а). В одной из декоративных розеток прялки поставлена дата и инициалы владельца: «1849 КПВ». Лопаска прямоугольной вытянутой пропорции с солнцеподобными розетками-плоскостями сверху и внизу, центральное поле украшено сквозной резьбой сложных переплетений. Ножка фигурная. Прялка окрашена в темно-зеленый и красный цвет. Более изящна разборная прялка «терского» типа из собрания Эрмитажа (№ ЭРК-2671). Общий силуэт тот же. Низкий пластичный рельеф лопаски с различными порезками со-

ставляет сложное переплетение, в центре которого сердцевидная фигура. Верхняя и нижняя розетки покрыты резьбой. Окраска выполнена в два тона: красный и зеленый. Более строгий, грациозный облик прялки, ее тщательно проработанный рельеф, особая мягкая пластичность позволяют считать данную прялку более ранней и датировать ее началом XIX в. (рис. 2). Между нею и прялкой 1849 г. могут быть поставлены прялки с сердцевидными узорами резьбы на лопасках из собрания Эрмитажа и Государственного исторического музея.¹⁰ Так как эрмитажная прялка привезена из Керети, а воспроизведенная в альбоме А. А. Бобринского из Кемпи, можно вновь отметить широкое их бытование на территории северо-западного Поморья в прошлом.

Несколько выпадающей из общего строя прялок является одна, лопасть которой чуть расширена в центре и украшена S-образными резными завитками, вверху и внизу небольшие круглые розетки, причем верхнюю венчает композиция, напоминающая завершение шатровых церквей.¹¹ По существу в ее резьбе наличествуют все элементы резных прялок «терского» типа, с другой стороны, она несет в себе ядро, основной силуэт прялок, декорированных живописной росписью, которые получили распространение на Поморском берегу с небольшим выходом за его пределы во второй половине XIX в. Не есть ли это образцы севернорусского народного творчества, развившего тип древней новгородской прялки XIII—XIV вв., возможно, появившейся в северо-западном Поморье вместе с первыми переселенцами из новгородских земель?¹²

Прялки со сквозной резьбой и тонко проработанным рельефом имеют своим ближайшим прототипом барочную резьбу иконостасов XVII—XVIII вв., сильно переработанную и видоизмененную. Принцип округлого пластического моделирования сложного переплетения S-образных завитков, сердцевидных и иных узоров стилистически сближает между собой архитектурную и бытовую резьбу. Это обстоятельство позволяет датировать прялки «терского» типа временем от рубежа XVIII—XIX вв. до начала XX в.

В плане некоторых уточнений и подтверждений датировок интересно привлечь изделия шведских, норвежских, прибалтийских и других крестьянских мастеров; их вещи хранятся в музеях Вильнюса и Турку, Ленинграда и Стокгольма, Осло и Копенгагена. Прялка как наиболее своеобразный предмет бытового искусства имеет неделимую конструкцию (прялки-коренухи) и разборную (при этом прялку могут использовать как швейку). Вариант разборных прялок принят всеми названными народами. Лопаска обычно вставляется в разнообразные устои, в том числе

¹⁰ А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. VII. М., 1910, табл. 99, рис. 12.

¹¹ Там же, рис. 13.

¹² Б. А. Колчин. Новгородские древности. Деревянные изделия. М., 1968, табл. 66, рис. 6, 7.

и обычный кронштейн. Лопаски всех нерусских прялок поражают декоративной разработанностью сложного геометрического узора, где плоская резьба сочетается с крутым рельефом, постепенно его вытесняя. В литературе отмечается, что начало этого процесса относится к концу XVII в.¹³ Внешний вид и конструкция прялок приводит к выводу о сходстве стиля, о близости эстетических представлений крестьянских мастеров вышеупомянутых народов. Искусство севернорусских, в частности терских, мастеров отличается неповторимой спецификой, которая не имеет абсолютного повторения и совпадения с иноземной. Рассматривая памятники крестьянской резьбы по дереву, мы можем говорить о некоторых общих чертах эстетических представлений, которые выразились, в частности, в идентично развитом узорочье и яркой раскраске чисто бытовых предметов.

Особый тип прялок был выработан русскими мастерами Карельского берега. Число сохранившихся экземпляров, которые несут на себе следы художественной обработки, невелико. Некоторые из них сохраняют в упрощенной форме силуэт прялок «терского» типа, но ничем, кроме ковчега, не украшены (собрание Эрмитажа, № ЭРД—2673). Такого рода прялки еще встречаются в Кандалакше — когда-то большим посаде с острым и монастырем XVI в., разрушенными в середине XIX в. при осаде англичанами.¹⁴ Более интересными оказались прялки-коренухи из Княжой Губы на берегу Кандалакшского залива. Они характерной, несколько грубоватой формы, с широкой лопатообразной лопаской, зауженной вверху и заканчивающейся круглой плоскостью с розеткой в нижней части. Один из экземпляров местной работы конца XIX в. (собрание Эрмитажа, № ЭРД-2678) довольно искусно украшен резным орнаментом из сердцевидных фигур, розеток, зубчиков и окрашен в зеленый цвет с жухло-красными и белыми оживками по узору (рис. 3). Княжая Губа, по свидетельствам местных старожилов ближайшей округи, издавна слыла, в большей мере чем Кандалакша, местом производства прялок. Вполне вероятно, что резчиками были те же мастера, которые участвовали в судостроительном и бондарном деле, развитом в связи с рыболовным промыслом. В Княжой Губе работали русские и карелы. Первые изготовляли прялицы с резьбой и росписью, другие — прялки с колесами на точеных ножках — самопряхи. Любопытно, что самопряха воспета в «Калевале»:

Ты красотка, жил хозяйка,
Суонетар, ты жил богиня,
Ты прядешь прекрасно жилы,
Пряха с стройным веретенцем.

¹³ Sten Granlund. Sweden. Peasant art in Sweden, Lapland and Iceland. In: The Studio. London—Paris—New York, 1910, p. 20, tab. 148—166; A. Stravinskienė. Medžio dirbiniai. Verpimo, aodimo ir skalbimo ir rankiai. Katalogas. Vilnius, 1969, tab. 29, 65, 85.

¹⁴ Г. Г. Кузьмин, Е. Ф. Разин. Кандалакша. Мурманск, 1968, стр. 22—32.

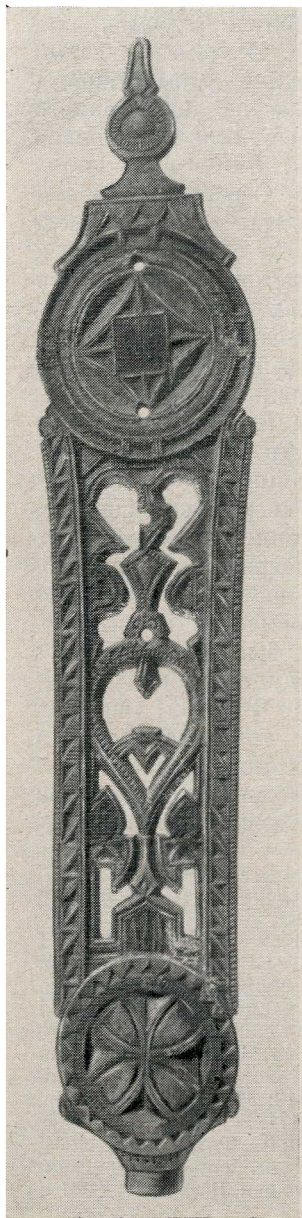

Рис. 2. Прялка начала XIX в. (с. Умба, Терский берег).

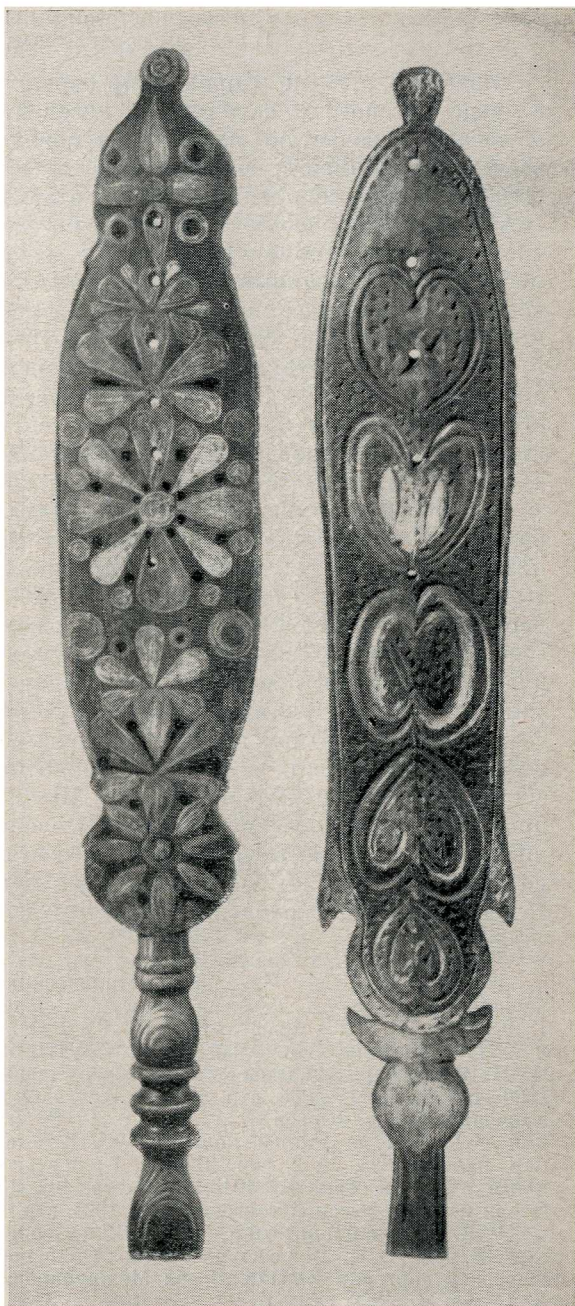

Рис. 3. Прялки XIX в. (Карельский берег).

С медным остовом у прялки,
С колесом ее железным!¹⁵

Известно, что на Карельском берегу особое распространение в среде русского и карельского населения получили самопрялки, называемые зачастую «шведскими прялками». В этом прослеживается однотипность, возможно, и заимствование форм бытовых предметов от соседних народов, с которыми населению западного Поморья приходилось сталкиваться по разным причинам довольно часто. Торговый обмен различными товарами, в том числе и ремесленными изделиями, существовавший на Севере с древних времен, несомненно способствовал проникновению в быт всевозможных элементов культуры из-за рубежа. Не случайно, что и в наши дни в посудных шкафах поморских домов можно видеть английский фаянс 1840—1860 гг. различных фабрик (Spode, Minton, Davenport и др.); сохранились свежие еще воспоминания и о медной шведской посуде, котлах и т. п. В этом нет ничего удивительного, если вспомнить о длительных торговых связях на берегах Студеного моря. Торговать на Беломорье с поморами приходили купцы из Норвегии и Швеции, Дании и Германии, Франции и Голландии, Англии, Испании, Португалии.¹⁶ Примечательно, что вывоз в Швецию холста, пестрой крашенины, деревянной утвари в виде липовых ложек, ставцев, чарок и т. п., гребней, рукавиц, вязаных чулок, ковров, полов, саней, шуб, платков и других предметов преобладал над вывозом сельскохозяйственной продукции. Изделия русских ремесленников, привозившиеся в гостиный двор Стокгольма (он был выстроен специально для русских в 1637 г.), бойко расходились среди городского и крестьянского населения Швеции.¹⁷ В XVIII в. туда приезжало большое количество мелочных торговцев.¹⁸ Если шведы, ближайšie соседи западных земель Поморья, поставляли на русский рынок преимущественно медь и железо, иной раз готовые изделия (колокола, котлы, кумганы, тазы и прочие пред-

¹⁵ Калевала. М., 1949, стр. 153.

¹⁶ А. Семенов. Изучение исторических сведений о российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1859 год, ч. II. СПб., 1859, стр. 17; Г. Гамель. Англичане в России XVI и XVII столетиях. Зап. Акад. наук, т. VIII, кн. 1, СПб., 1865, стр. 51; Н. Н. Бантыш-Каменский. Обзор внешних сношений России (по 1800 год), ч. I. М., 1894, стр. 162; Д. Зеленин. Архангельская губерния в начале XIX в. Юрьев, б. г., стр. 9; Г. В. Форстен. Сношения Швеции и России во второй половине XVII века (1648—1700). Журн. мин. нар. проsv., 1898, № 2, стр. 212; А. Тищенко. К истории Колы и Печенги в XVI в. Там же, 1913, № 7, стр. 102, 103, 112; И. М. Кулишер. Очерк истории русской торговли. Пб., 1923, стр. 132, 171.

¹⁷ Л. А. Файнштейн, И. П. Шаскольский. Тихвин. Л., 1961, стр. 36, 40; И. П. Шаскольский. Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в. В сб.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966, стр. 16.

¹⁸ Г. А. Некрасов. Торгово-экономические отношения России со Швецией в 20—30-х годов XVIII в. В сб.: Международные связи России в XVII—XVIII вв. М., 1966, стр. 265.

меты домашнего обихода), то в Швецию отправляли самые разные товары из Кемпи, Олонца, Ладоги, Тихвина, из отдаленных сел Сермаксинского, Оятского, Оштинского и Мегорского погостов (Ладожское и Онежское озера).¹⁹ Трудно говорить о тех произведениях русского крестьянского мастерства, которые попадали в повседневное пользование к населению зарубежных стран. Можно лишь предположить, что они вошли в быт народов Скандинавии, но сохранились до наших дней, видимо, в чрезвычайно малом количестве, возможно в единичных экземплярах, так же как привезенные когда-то на Север России деревянные изделия иноземных мастеров. Не случайно, что в Стокгольмском музее сохраняются среди деревянной утвари скобары — характерная посуда русского производства.²⁰ Можно полагать, что резные ладьевидные сосуды были распространены у шведов, так же как у русских — большие деревянные долбленые и бондарные кружки с крышкой для пива. Любопытно, что такие кружки за столетия своего существования удержали форму без изменения (новгородские кружки бондарной работы известны с X в., скандинавские — того же периода).²¹ Видимо, в среде первых новгородских переселенцев на Севере посуда местного производства бытовала наряду с привозной из-за рубежа. Ныне сохранилось немало кружек севернорусской работы XIX в. и единицы, относящиеся к XVIII в. Удалось установить, что последние сделаны скандинавскими мастерами. Они в известной мере дополняют наши представления об используемой русскими на Севере деревянной утвари второй половины XVIII в. Таким редким примером является кружка из собрания Эрмитажа (№ ЭРД-687). Кружка цилиндрической формы, на четырех ножках в виде лежащих львов. Крутая изогнутая ручка, украшенная легкой гравировкой, завершается скульптурно проработанной фигуркой льва с короной на голове. На полусферической крышке имеется рельефное украшение — в центре круга лев под короной, стоящий на изогнутой алебарде, вокруг него по краю гирлянда из приспущенных полотенец с тюльпанами. Днище декорировано резной рельефной розеткой, сбоку от нее врезаны инициалы, видимо мастера, — «OPS». Любопытно отметить саму текстуру дерева, из которого выполнена данная пивная кружка, — светло-коричневое с более темными разводами; шведы такое дерево называют бородавчатой березой.²² Подобные деревянные кружки разных типов известны в начале XVII в. в Норвегии, Швеции и Дании.²³ Все они в той

¹⁹ И. П. Шаскольский. Об основных особенностях русско-шведской торговли XVII в., стр. 13.

²⁰ Sigurd Eriхon. Folklig möbelkultur i svenska Bygder. Stockholm, 1938, s. 36, 89, 92.

²¹ Б. А. Ролчин. Новгородские древности, стр. 24, табл. 15.

²² Sven T. Kjellberg. Masur. Kulturen. 1960. Lund, 1961, s. 102.

²³ M. W. Hauerbach. Om og omkring et apostelkrus fra sel. Maihaugen. 1950—1952. Lillehammer—Oslo. 1953, s. 383—430; Guthorm Kavli. Fanden og Ølkannene. Barokk treskjoererkunst i Norge. Kunst-

или иной мере украшались резьбой. Самыми простыми, крестьянскими были те, которые декорировались лишь фигурками львов. Выполняли их профессиональные резчики, связанные с оформлением внутреннего убранства церквей.

Не менее редким экземпляром является кружка из собрания Музея этнографии народов СССР (№ 1338). Крышка и верхняя часть ручки, к сожалению, утрачены. Однако на гладкой поверхности цилиндрического тулова имеется выжженный рисунок. Он как коричневая паутина покрывает корпус сосуда из светлой березы. Композиция имеет три интересных момента. Около ручки под инициалами «PPD» стоит дата — «1793». Центром композиции является вензель из двух переплетенных, зеркально расположенных латинских букв «С» под короной. Кружка имеет четыре ножки в виде фигур лежащих львов. Первое обстоятельство помогает уточнить время появления не только кружек на месте их изготовления, но и возможного их попадания в Россию. Второе — деталь, свидетельствующая об использовании нумизматических материалов XVIII в. в крестьянском искусстве. Об этом же говорит и изображение норвежского королевского льва под короной на ручке первой кружки, и льва на алебарде на ее крышке.²⁴ Третьим элементом, обращающим на себя особое внимание, являются скульптурные фигурки лежащих львов. Они выполнены обобщенно, выразительно. Они характерны для работ крестьянских мастеров, но пришли в их творчество несомненно от ювелиров, местных и зарубежных серебряных дел мастеров.

Монолитные кружки из березы по своему типу являлись более ранними. В XIX в. получили распространение бондарные изделия из плотно пригнанных друг к другу вертикальных дощечек, соединенных вверху и внизу тугими обручами. В Норвегии такого рода жбаны, ведра и т. п. украшались свободной кистевой росписью, иной раз с подчеркнутыми контурным рисунком.²⁵ В этом отношении интересна кружка из собрания Государственного исторического музея с инициалами мастера «YIE» и датой «1779» (III 8806/1208).

Роспись «la rose» относится ко времени от 1700 г. до первых десятилетий XIX в.²⁶ Интерьеры изб, храмов, домашняя утварь, сундуки, поставцы — все расписывали с большим художественным вкусом. В этом отношении можно видеть много общего с севернорусскими мастерами, для которых роспись была существенной частью художественной отделки.

industri Museet i Oslo. Årbok. 1950—1958. Oslo, 1960, s. 31, 62, 68, 69; pl. 6, 30, 31, 32; Sven T. Kijellberg. Masur, s. 102—123.

²⁴ G. A. Norman. Gamle kakejern. Maihaugen. 1953—1956. Lillehammer, 1957, s. 101—150; Axel Steensberg. Danske Bondemøbler. København, 1960, s. 23; Helge Søgaaard, Aarhus, Numismatik og kulturforskning. Maihaugen. 1957—1960. Lillehammer, 1961, s. 81—96, fig. 1, 2, 5, 6.

²⁵ Randi Asker. La peinture sur bois. L'art populaire norvégien. 1954, s. 9, 43.

²⁶ Там же, стр. 10.

Деревянные сосуды свидетельствуют об идентичности подхода к росписи наружной поверхности предмета. Если норвежский мастер Томас Бликс в 1713 г. украсил братину орнаментом, сюжетными изображениями и надписями,²⁷ то на севернорусских братинах XVIII в. имеется роспись аналогичного типа (собрание Эрмитажа, № ЭРД-550). Из числа русских изделий конца XVII в. можно привести деревянное блюдо, расписанное сюжетными и орнаментальными мотивами.²⁸ Та же типологическая близость наблюдается в производстве и оформлении крестьянских жбанов, баклаг, кружек, бочонков и других бытовых изделий XIX в.²⁹ Многие из них украшались росписью: северодвинские миниатюрной, где в четком рисунке воедино сплетались жанровые, сюжетные картинки с растительным орнаментом; вологодские более монументальной сюжетной и орнаментальной; заонежские свободной кистевой, размашистой, с растительными цветочными мотивами, с изображениями роз в различных ракурсах. Роспись декорировала в северных областях России очень многое — мебель, предметы домашнего обихода, орудия труда.

На Поморском берегу Беломорья до недавнего времени роспись сохранялась в интерьерах изб. Как правило, ею украшали внутренние перегородки, створки навесных шкафчиков, подпечные доски, поставцы и т. п.; расписывались прялки — необходимый предмет женского домашнего труда.³⁰ Прялки XIX в. на Поморском берегу зачастую именовались «кемлянками». Они имели широкое гладкое донце, точеную ножку — балясину и веслообразную лопадку — суженный сверху прямоугольник, завершающийся, как принято в северо-западном Поморье, круглыми плоскостями на концах. О силуэте этих прялок уже упоминалось выше в связи с одним экземпляром переходного типа от терских к поморским. Последние во второй половине XIX в. получают широкое распространение от Кемпи до Сумпосада. Единичные, видимо привозные, были встречены в Неноксе. Обычно местные художники окрашивали прялку в красный или зеленовато-голубой цвет, а по нему разбрасывали яркие контрастные по отношению к фону букеты роз и других цветов с белыми оживками. Свободная кистевая роспись характерна для более широкого района, чем только Поморский берег, — она охватывает все Заонежье, частично подходя к Каргопольскому району Архангельской области и к Вологодской области вблизи Вельска. В специальной

²⁷ Там же, стр. 18.

²⁸ М. Н. Каменская. Роспись по дереву. В сб.: Русское декоративное искусство, т. I, М., 1962, стр. 160—164.

²⁹ А. С. Бежкович, С. К. Жегалова, А. А. Лебедева, С. К. Просвирина. Хозяйство и быт русских крестьян. В кн.: Памятники материальной культуры. М., 1959, стр. 193, рис. 170.

³⁰ Т. В. Станюкович. Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища. В кн.: Русские. Историко-этнографический атлас. М., 1970, стр. 78; А. А. Бобринский. Народные русские деревянные изделия, вып. II. М., 1910, табл. 120, рис. 8, 9.

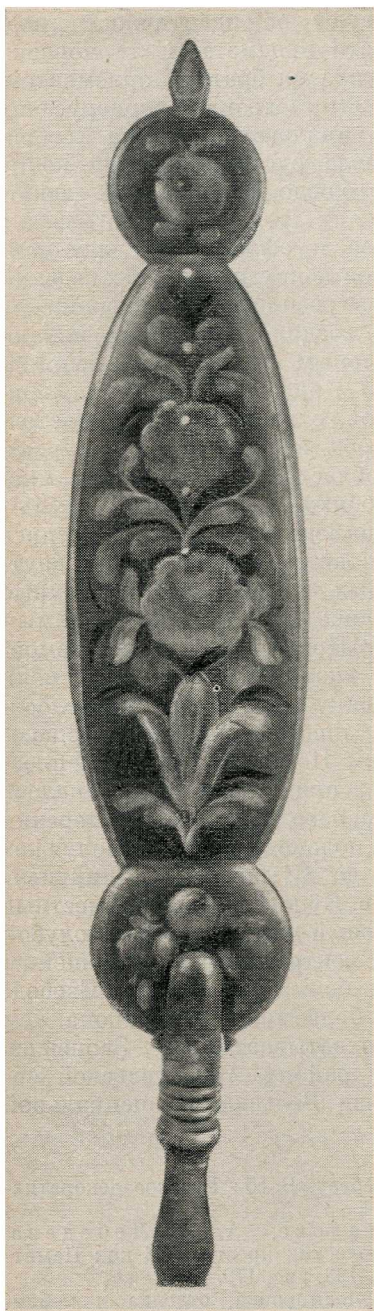

Рис. 4. Прялка (с. Вирма, Поморский берег).

литературе было высказано мнение, что манера свободной кистевой росписи своими корнями уходит в искусство древней Руси, в культуру древнего Новгорода. Позднее, в XVIII в., она была обогащена мотивами красочной книжной миниатюры, получившей свое развитие в монастырских стенах Выго-Лексинского общежительства. После его закрытия в середине XIX в. многие из монастырских художников в одиночку или артелями ушли на заработки. Их искусство вошло в быт русского населения Заонежья, Поморского берега и ближайших к нему районов Архангельской губернии. Учитывая географическое местоположение Выговского монастыря, не приходится удивляться выходу его мастеров в перечисленные районы. Поэтому вполне закономерно, что от Кемского до Онежского уездов во второй половине XIX в. получили распространение прялки с сочным живописным оформлением (рис. 4). Вполне справедливой является мысль о том, что «именно с выгорецкими мастерскими по росписи деревянных бытовых изделий связано происхождение сохранившихся на Севере расписных шкафов XVIII в., которые украшались рисунками птиц-сиренев, коней, львов, единорогов и растительным орнаментом, исполненным в свободной живописной манере».³¹ В музейных собраниях (Государственный исторический музей, Государственный Русский музей, Эрмитаж и др.) сохранились характерные образцы кре-

³¹ В. М. Вишневецкая. Свободные кистевые росписи. В сб.: Русское народное искусство Севера, Л., 1968, стр. 13.

стьянского искусства такого типа. Немало в их числе предметов XVIII в., что свидетельствует о массовости распространения росписи в народном быту от рубежа XVII—XVIII в. до XIX в. Характерным примером работы севернорусских мастеров XVIII в. является шкаф (собрание Эрмитажа, № ЭМБ-510) с рельефной резьбой в виде раскрашенных акантовых побегов на дверных створках и с росписью букетов цветов в вазонах на боковых стенках. Резьба сочетается с красочной нарядной росписью, они вполне гармонично увязаны с формой предмета, состоящего из массивного поставца и укрепленного на нем небольшого шкафчика. Конструкция такого типа была распространена чрезвычайно широко у многих народов, с той или иной художественной окраской. В этом отношении типичен шведский шкаф 1845 г. с характерной цветочной росписью, витыми плетенками и пр.³² В его полуарочном завершении имеется рельефная головка ангелочка с распластанными крыльями. Эта декоративная деталь перекликается с многочисленными резными головками подобных же ангелочков, которые составляют элементы декоративной иконостасной резьбы русских северных церквей. Число сравнительных примеров можно было бы увеличить, но все они приводят к выводу о древних историко-культурных связях между русскими и их северо-западными соседями. Если это положение утвердилось в исследованиях, касающихся русского жилища, то, видимо, предметы материальной культуры в значительной мере его расширяют и конкретизируют. Росписи северо-западного Поморья и в архитектуре и в быту при всей своей близости к декоративно-живописной манере шведов, норвежцев и др. сохраняют свой собственный колорит с узколокальными особенностями.

Приведенные материалы позволяют отметить характерные особенности резьбы и росписи в крестьянском творчестве северо-западного Поморья, выделить отдельные типы памятников народного искусства, свидетельствующие о глубине его традиций, об общности художественных представлений на определенном историческом этапе, о местном колорите, о специфике.

В. А. Фалеева

ЖЕНСКИЙ ПЕРСОНАЖ В РУССКОЙ НАРОДНОЙ ВЫШИВКЕ

Изучение русской народной вышивки архаического типа начато уже давно. Еще в 1872 г. был издан альбом, заключавший более 200 рисунков вышивок, со вступительной статьей В. В. Стасова.

³² The Studio. 1910, London—Paris—New York, tab. 31; Sigurd E r i x o n. Folklig möbelkultur i svenska Bygder, tab. 450.

В. В. Стасов утверждает, что «у народов древнего мира орнамент никогда не заключал ни единой праздной линии: каждая черта тут имеет свое значение, является словом, фразой, выражением известных понятий, представлений».¹ Это положение вполне может быть отнесено и к русской вышивке XIX в. рассматриваемого типа.

Вполне справедливо и второе утверждение, что значение орнаментальных мотивов уже утрачено русскими вышивальщицами в конце XIX в.

Можно лишь оспорить мнение, что русский орнамент не оригинален, что он является только осколком древнего азиатского.

Статья В. В. Стасова не содержит конкретных указаний на происхождение женских образов в вышивках. Он считает все человеческие фигуры изображениями идолов.² Его вводила в заблуждение условность передачи их народными вышивальщицами. Не видя различия между мотивами книжных украшений XIII—XIV вв. и мотивами вышивок XIX в., он называет их «совершенно однородными» и приходит к произвольным сопоставлениям.

Совсем иной метод исследования применен В. А. Городцовым в его замечательной статье «Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве».³ Сопоставление самих вышивок между собой и вышивок с древними памятниками народов, обитавших на территории Европейской России, дало самые плодотворные результаты. Отпали все памятники нерусских народов. Тем самым отпало и утверждение В. В. Стасова о якобы финском происхождении русского орнамента.⁴

В. А. Городцов усматривает некоторые аналогии наших вышивок в скифских древностях, но элементов сарматского иконографического материала в них больше. Удивительные совпадения в сюжетах дают дакийские таблетки — образки. В. А. Городцов объясняет проникновение этих сюжетов и всей композиции их в русский орнамент переселением даков в Приднепровье после победы над ними римского императора Траяна в 107 г.

По мнению В. А. Городцова, посредницей между верховным солнечным божеством и земным миром была великая богиня — мать второстепенных богов и всего сущего. Ей всегда сопутствуют два бога: Перун — бог войны и Стрибог — бог воды и ветра. Богине сооружали храмы, ставили жертвенники под деревьями.

¹ В. Стасов. Русский народный орнамент. Отдел I. Шитье, ткани, кружева, СПб., 1872, стр. XVI.

² Там же, стр. XVIII.

³ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. Труды Гос. истор. музея, вып. I, разр. археол., 1926.

⁴ В. Стасов. Русский народный орнамент, стр. VIII, XI.

Л. А. Динцес в ряде своих работ привлекает обширный материал народного изобразительного искусства, археологии и фольклора.⁵

Во времена В. В. Стасова было собрано еще мало произведений русской народной вышивки. В. А. Городцов пользовался только собранием Исторического музея. В распоряжении Л. А. Динцеса во второй половине 1930-х годов было помимо опубликованного материала большое собрание Государственного Русского музея. Уже в первой указанной работе он ставит под сомнение положение В. А. Городцова о времени восприятия русскими элементов дакийской иконографии. Это мнение впоследствии было поддержано Б. А. Рыбаковым в статье, посвященной изображению женского божества и всадников.⁶

В ряде статей Л. А. Динцес ставит задачу решить отдельные вопросы этой большой темы.⁷ В них автор рассматривает преломление данной темы в народном искусстве ижоры, вепсов и других народностей, населяющих Ленинградскую область, впервые говорит о разновидностях женского божества и выделяет среди них Мокошь — покровительницу женского труда, берегиню с плавниками, связывая ее со стихией воды, и крылатых женских прибогов.

Б. А. Рыбаков в указанной статье проанализировал весь известный археологический материал, характеризующий развитие народного искусства начиная с III в. Он считал своей задачей выяснение всех данных о культе великой богини. И все же мы до сих пор весьма мало знаем об этом культе и о других древних божествах восточных славян. Г. С. Масловой в докладе на юбилейной сессии Института истории материальной культуры в апреле 1969 г. пришлось снова говорить о слабой изученности архаических сюжетов русской народной вышивки.⁸

А. К. Амброз⁹ вновь оперирует сюжетом женского персонажа со всадниками, но в отличие от предшественников пытается показать его развитие во времени. Он, конечно, видоизменялся, и сильно. Что касается схемы развития сюжета, то она построена

⁵ Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка. М.—Л., 1936, стр. 35—37.

⁶ Б. А. Рыбаков. Древние элементы в русском народном творчестве. Советская этнография, 1948, № 1.

⁷ Л. А. Динцес. 1) Народные художественные ремесла Ленинградской области. Советская этнография, 1939, № 2; 2) Историческая общность русского и украинского народного искусства. Там же, 1941, № 5; 3) Дохристианские храмы Руси в свете памятников народного искусства. Там же, 1947, № 2; 4) Мотив московского герба в народном искусстве. Сообщ. Гос. Русск. музея, 1947, № 2; 5) Изображения змеборца в русском народном шитье. Советская этнография, 1948, № 4.

⁸ Г. С. Маслова. Орнамент русской народной вышивки как исторический источник. Тез. докл. на сессии Отд. истории ИИМК АН СССР, Л., 1969.

⁹ А. К. Амброз. О символике русской крестьянской вышивки архаического типа. Советская археология, 1966, № 1, стр. 61—78.

автором умозрительно. Фактического средневекового материала мы не имеем.

А. К. Амброз опровергает предположение Л. А. Диндеса, что на строчечных полотенцах и подзорах изображено древнее божество с плавниками, считая всю композицию «парковой сценой». В этом он прав. Даже техника их строчки по перевити не соответствует обычному для архаических сюжетов двустороннему шитью.

Хотя все авторы, специально занимающиеся данным вопросом, упоминают о наличии второстепенных божеств, фактически все изображения женской фигуры в русской вышивке этого типа связывают именно с великой богиней.

Занимаясь в конце 1940-х годов каталогизацией данного раздела вышивки в Русском музее, я обратила внимание на разнообразие композиций с мотивом женской фигуры и на различия в самих ее изображениях.

Настоящее сообщение ни в коей мере не претендует на исчерпывающее использование материала, тем более на поиски аналогий в памятниках археологии. Его задача ограничивается попыткой установить несколько устойчивых композиций, в которых женский персонаж, как мне кажется, представляет весьма различные образы. Они раскрываются как через атрибуты, непосредственно с ними связанные, так и через сопутствующие им мотивы орнамента.

Рассматриваемые композиции выполнены всегда приемами двустороннего шитья, наиболее древней техники вышивки. Основой служит льняное домашнее полотно. Нитки вышивки хлопчатобумажные, красные. Льняные встречаются как исключение.

Интересующие нас вышивки распространены в равной мере в бывших Архангельской, Новгородской, Псковской, Петербургской, Тверской и Олонецкой губерниях. В последней в особенности в Заонежье с его чисто русским населением. В Вологодской и Ярославской губерниях они имеются в меньшем числе и в более смешанных изводах.

Эти вышивки связаны главным образом с полотенцами. Особенно с теми, которые были предназначены для украшения стен и красного угла избы, так называемые «спичные» или «накрючники». На них помещалось несколько групп или рядов фигур, расположенных друг над другом. Известна важная роль украшенного полотенца в свадебном русском обряде. Это самый распространенный вид вышитых изделий в быту русских крестьян. Те же мотивы орнамента используются в подзорах простынь. Здесь они развернуты в ритмическом повторении. Реже встречаем мы их на предметах одежды. Они украшают преимущественно подола женских рубах.

Женский персонаж двусторонних вышивок изображается в сочетании с мотивами розеток или звезд, коней, птиц, деревьев,

иногда в чередовании с женскими же фигурами, но другого силуэта.

Не берусь решать, разные ли это ипостаси одного божества, или мы имеем дело с разными представителями восточнославянского, а вернее, просто русского пантеона, хотя некоторые определения напрашиваются сами собой. Уместно вспомнить приведенные Л. А. Динцесом слова Люция Апулея: «Я природа... Будучи сама по себе единою, я чтима под столь же разнообразными видами, сколько существ земных».¹⁰

Важно, что перед нами несомненно устойчивые композиции, устойчивые атрибуты, присвоенные именно этому изображению женской фигуры. Так, женский персонаж в виде всадницы почти всегда помещается на птице или на парной птице-ладье, тогда как на конях и конских ладьях — мужские фигуры.

Я не затрагиваю темы богини и всадников. Над ней потрудились крупные ученые, и она разработана с привлечением всего имеющегося в настоящее время изобразительного материала. Замечу только, что Б. А. Рыбакова интересовал извод изображения богини с одним всадником. Г. С. Маслова указала ему на такую композицию в орнаменте волжских карел. Но в русской вышивке (ГРМ, В-334) имеется и этот извод. Г. С. Маслова считает, что композиция с одним всадником является древнейшим вариантом.¹¹

Я остановлюсь лишь на нескольких сюжетах.

Все исследователи отмечают изображения храмов в вышивке: то с фигурой богини, то с кумиром внутри, то с адорирующими человеческими фигурами. В собрании Русского музея прослеживается эволюция еще одной композиции. На концах полотна неизвестного места производства представлен как бы шатер из растительных мотивов с женской фигурой внутри, справа и слева помещено по дереву (рис. 1, А). На подзоре из с. Унежма Онежского уезда Архангельской губернии такие же шатры и деревья перемежаются по всей длине подзора, но внутри шатра вместо женской фигуры — две встречные птицы, и над ними свисает цветочный стебель. Такие же стебли стоят по сторонам деревьев (рис. 1, Б). Имеет ли здесь место замещение женской фигуры цветущим растением или что-то другое, сказать трудно. Несомненно, что такой шатер не является архитектурным сооружением, а скорее соответствует шалашу, который устраивали в первой половине XIX в. воронежские крестьяне на берегу оз. Горохово и ставили в него деревянную или соломенную куклу в праздничном наряде. Около шалаша собирались тамошние жители, принося с собой отборную пищу и питье; в хороводе пели и плясали вокруг этого шалаша, который представлял род капища.¹² Опи-

¹⁰ Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка, стр. 46.

¹¹ Б. А. Рыбаков. Древние элементы..., стр. 92.

¹² Л. А. Динцес. 1) Русская глиняная игрушка, стр. 23; 2) Дохристианские храмы Руси..., стр. 70—71.

сание относится к 1838 г. И в Архангельской губернии существовал обряд, связанный с возведением и последующим разрушением шалаша.¹³

Мотивы таких же точно деревьев изображены еще на двух подзорах — новгородском и архангельском (ГРМ, В-104, В-792). На новгородском они образуют непрерывную цепь шалашей, а на архангельском — ряд свободно стоящих деревьев. На этих четырех примерах можно видеть постепенную утрату первоначального содержания композиции. Как видим, в вещах одного времени и почти одной местности создаются работы с разной степенью приближения к первоначальному источнику.

Следует отметить еще одну особенность фигуры, помещенной в шалаше. Голова ее окружена только короткими городками, голова же богини — лучами. Многие изображения богини имеют ясно выраженный рогатый головной убор. Рисунки рогов разнообразны. Известно, что праздничные женские уборы средней полосы России изобилуют рогами. Достаточно вспомнить рязанские сороки: михайловские с высокими прямыми рожками, сапжковские серповидные. В архаичном костюме с Секирино на голову повязывают два платка, образующих рога. Убор невесты в Заонежье в виде волнистой сетки называется «рога». Примеров можно привести множество. Видимо, рогатый убор чрезвычайно устойчив.

Отсутствие такого убора, равно как и подчеркнутой лучистости (своего рода нимба) вокруг головы, не позволяет видеть в женской фигуре в шалаше образа великой богини. Скорее данная композиция имеет прямое отношение к тому роду обрядов, которые еще в 1920-х годах наблюдались северной экспедицией Института истории искусств под руководством К. К. Романова. В обряд включалось определенное действие; лица, принимавшие в нем участие, являлись ряженными, соответственно своей роли в нем. В рассматриваемой вышивке можно видеть символическое изображение сходного ритуала.

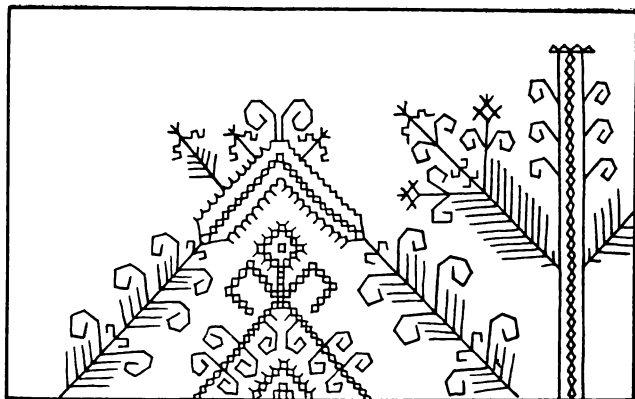
Как уже говорилось, В. В. Стасов принимал все женские фигуры в вышивке за изображение идолов. Л. А. Динцес думал, что форма идола не сохранилась в позднейших памятниках. Тем не менее, хотя и в совершенно условной передаче, и В. А. Городцов, и Л. А. Динцес привели по одному примеру мотива храма со статуей внутри.¹⁴

Уникальной в этом смысле можно считать новгородскую вышивку концов полотенца (рис. 2, А). На них представлены три мотива: женская фигура с птицами в поднятых руках, в рогатом головном уборе, с лучами вокруг головы, звездой внизу на одежде и веточками вокруг; дерево сложной конфигурации

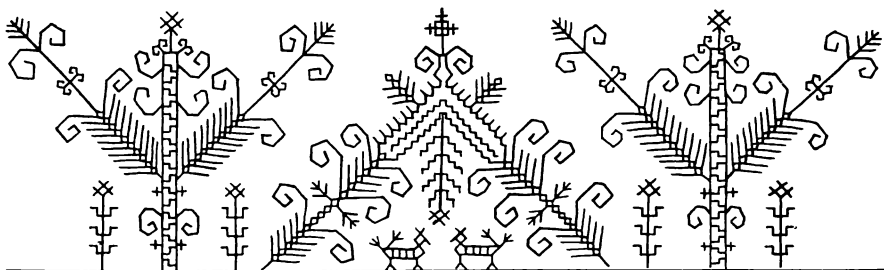
¹³ Сведения об обряде в Архангельской губернии любезно сообщены мне Т. А. Бернштам.

¹⁴ В. А. Городцов. Дако-сарматские религиозные элементы... рис. 13; Л. А. Динцес. Дохристианские храмы Руси..., рис. 17.

(этот мотив интересен, но выпадает из данной темы) и столбовидная фигура с головой более округлой, нежели женская, но с таким же крестовидным заполнением лица, с лучами и сильно удлиненной шеей. С одной стороны имеется рудимент руки, на нем помещена птица с высоким гребнем.

А

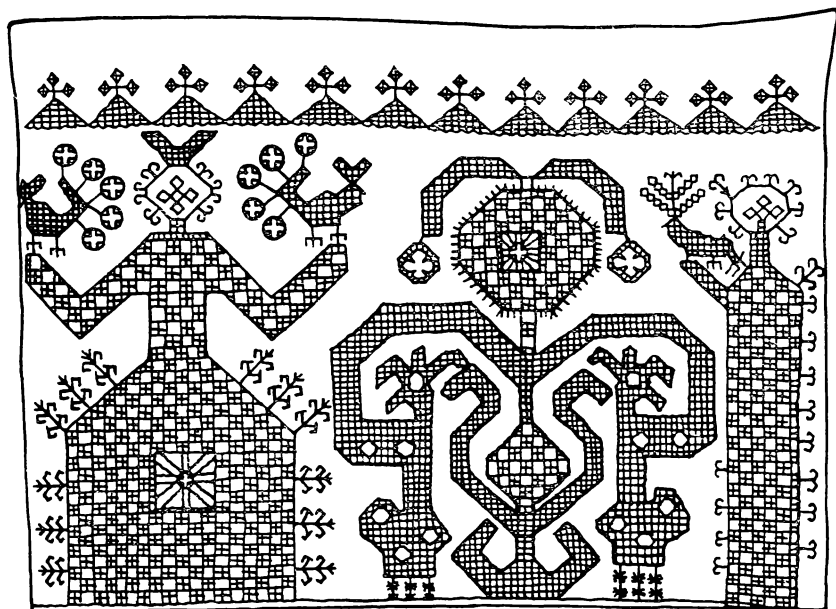
Б

Рис. 1. Изображение шатра в вышивке.

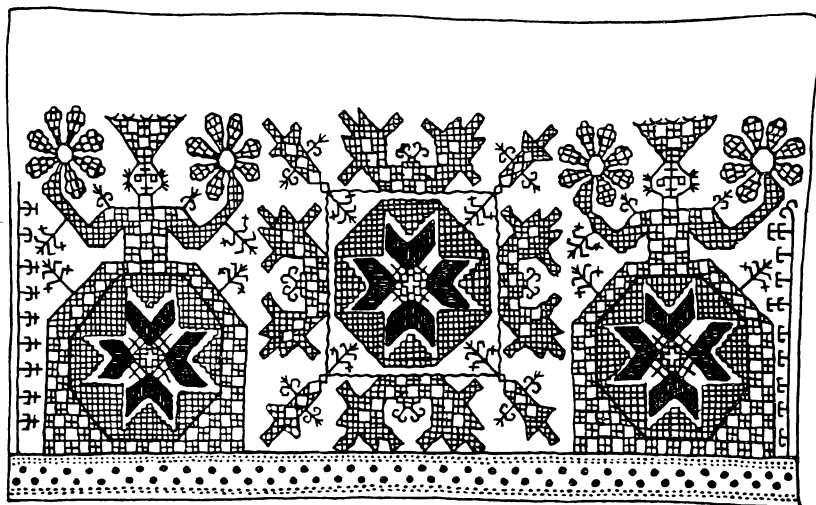
А — Архангельская губерния? ГРМ, В-2429; Б — с. Унежма Онежского уезда Архангельской губернии, ГРМ, В-791.

Подобные женские фигуры встречаются десятками. Особый род изображения дерева в одном лишь собрании Русского музея насчитывает 13 вариантов, два других воспроизведены у В. В. Стасова. Но такой столбовидной фигуры мне больше не доводилось видеть.

Совершенно исключается мысль о том, что это ужатая фигура, не поместившаяся на отведенной под вышивку плоскости. Мы знаем, как смело вышивальщицы разрезают любую фигуру по вертикали, независимо от ее части, просто там, где кончается ткань,

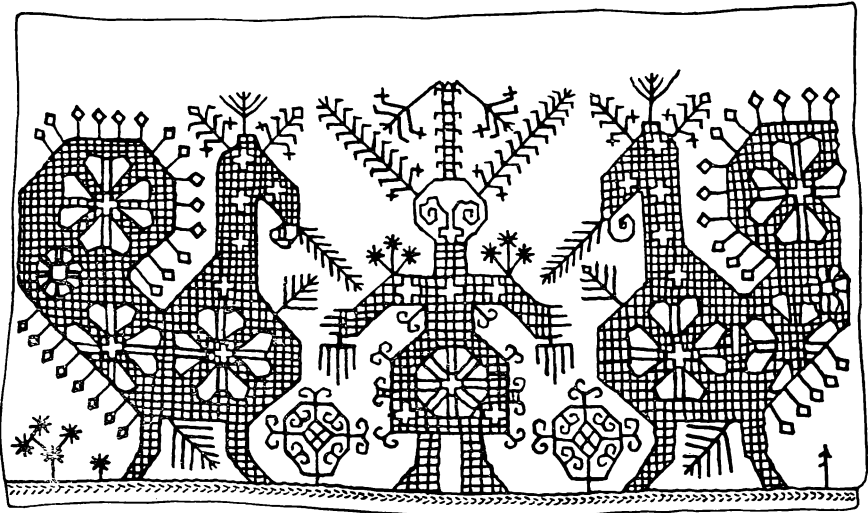
А

Б

Рис. 2. Концы полотенец.

А — Новгородская губерния? ГРМ, В-81; Б — Псковская губерния, ГРМ, В-600.

В

Рис 2. (продолжение).

В — Архангельская губерния, ГРМ, В-736.

Весьма соблазнительно считать этот мотив изображением кумира. Форма его подтверждается известными описаниями Ибн-Фадлана.¹⁵ Он говорит о высоких деревянных истуканах с лицами, подобными человеческим. В самом деле, фигура богини представлена здесь с достаточным числом определяющих ее признаков: убор, лучи, солярный знак, птицы и пр. Священное дерево показано в одном из самых сложных и выразительных изводов. Что же заставило вышивальщицу лишить третий мотив таких определяющих признаков? Вероятно, она стремилась показать этим, что изображено не само божество, а лишь его олицетворение. Тем не менее оно священо, на это указывают лучи и крестовидный знак. Трудно определить значение птицы на нем. То ли это жертва, принесенная кумиру, то ли посланец богини. Невозможно сделать вывод, имея в распоряжении одну единственную вышивку с таким сюжетом.

Характерно ее происхождение из Новгородской земли, где значительно дольше других русских областей сохранились старинные бытовые поверья, где в вышивке наравне со псковскими предстают перед нами наиболее чистые и строгие композиции с древними образами.

Интересна другая композиция с двумя женскими персонажами, помещенными по сторонам фигурной звезды затейливого рисунка. Связь их подчеркнута восьмиконечной рельефной (гладь) звездой в центре среднего мотива и на одежде персона-

¹⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. М.—Л., 1939, стр. 79.

жей (рис. 2, *Б*). Центральное положение фигурной звезды указывает на ее главенствующее значение в данной сцене. Согласно принятым толкованиям, она выражает собой представление о верховном солнечном божестве. Женские персонажи поднимают в руках розетки чистого геометрического рисунка, без привнесения растительных элементов. Линейные веточки вокруг фигур соответствуют таким же веточкам внутри звезды и должны быть связаны именно с нею. Подобная закономерность в повторении элементов рисунка постоянно наблюдается в двустороннем шитье.

Скорее всего мы видим здесь второстепенных богинь солнечного культа. Древность же образа до некоторой степени подтверждается одной деталью — головным убором. Л. А. Динцес приводит рисунки древних фигурок Приднепровья, ранее опубликованных В. Антоновичем.¹⁶ В. Антонович называет их «шапочки с расширенным сверху дном». Убор некоторых головок весьма близок изображенному на вышивке. Эта аналогия, мне кажется, может подтвердить древность извода нашей композиции. Три варианта (два псковских и один новгородский; ГРМ, В-599, В-600, В-85) сохраняют ее неизменной. В архангельском же (ГРМ, В-802) она распалась на параллельные ряды повторяющихся звезд и женских фигур.

Уместно вспомнить наблюдение В. А. Городцова, что у нерусских народов не встречаются совпадения с изучаемыми древностями. Так, например, в близкой по рисунку женской фигуре на полотенце работы ижорки Марии Ойнас головного убора нет (ГРМ, В-3337).

Вряд ли можно видеть образ самой великой богини, повелевающей всеми стихиями, в приводимой Б. А. Рыбаковым вышивке.¹⁷ В поле зрения археологов попадал недостаточно широкий круг произведений народных вышивальщиц. И недостаточно пристально они изучались. Вот почему Б. А. Рыбаков счел возможным привлечь к толкованию сюжета геометрические мотивы, расположенные вне композиции, и определить их как стихию огня; посчитал птицу, расположенную возле женской фигуры внизу, водоплавающей. На самом деле в эту композицию включены только однородные птицы — павы разных рисунков и масштабов. Очень ясный извод ее имеется в Русском музее.¹⁸ Здесь четыре пары птиц и еще ряд, поставленных попарно внизу, вне самой композиции. То, что женскую фигуру окружают птицы, говорит о стихии воздуха, и ни о чем больше. И в самой женской фигуре нет ничего, говорящего о других силах природы. На боках ее скорее два пера, а не ветки, ибо они совпадают с рисунком крыльев птиц, стоящих рядом. Головной убор ее напоминает

¹⁶ В. Антонович. Древности Приднепровья, вып. 5. Киев, 1902, стр. 17; Л. А. Динцес. Русская глиняная игрушка, табл. 111.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Древние элементы. . . , стр. 99.

¹⁸ В. А. Фалеева. Русская народная вышивка. Древнейший тип. Л., 1949, табл. XII.

убор фигурок Приднепровья. Ничто в этой группе не противоречит мысли о том, что перед нами божество, связанное со стихией воздуха.

Совсем особый характер имеют крылатые фигуры, которые воспроизведены Л. А. Динцесом.¹⁹ Они трактуются автором как женские прибоги солнечного божества. Однако надо заметить, что сидящие у их ног птицы обращены не к крылатым фигурам, а к женским, входящим в ту же композицию. Эти женские фигуры украшены такими же перьями, как и сидящие птицы. У последних не отмечены ни крылья, ни хвосты, ни ноги, силуэт совершенно обтекаемый. На конце архангельского полотенца изображена такая же птица без ног и крыльев, но с длинным хвостом (ГРМ, В-730). Если вспомнить древнее сказание о вещице птице Гамаюн, которая «хвост имать семи пядей, ноги и крыл у себя не имать», а «величеством она поболее врабья», то общие черты с изображенными птицами бросаются в глаза. Они малы по отношению к другим фигурам, отсутствуют ноги, а иногда и крылья. Хвост тоже мог не изображаться. Важно было показать отличие от нормы, исключительность птиц. Они встречаются только в данной композиции и несомненно присвоены именно данному женскому образу.

Крылатые существа имеют столбовидную верхнюю часть, осененную ветвистым отростком. У них обозначены ноги, но рук нет. Они неизменно чередуются с группой указанной женской фигуры с птицами, т. е. равнозначны с ней (рис. 3, А). Четыре варианта Русского музея в композиции не разнятся (В-571, В-578 (Псковская губерния); В-1371 (Тверская губерния); В-6700 (неизвестного места производства)).²⁰ Может быть, так подчеркнута возможность полета, ибо изображение крыла могло быть недостаточно понятным. В. В. Стасов²¹ и Л. А. Динцес²² видят в мотиве, помещенном внутри фигуры на гдовском варианте, человеческое изображение. С этим трудно согласиться. Подобным образом часто обозначаются верхушки растений. Известной натяжкой является трактовка их как именно женских прибогов. На мой взгляд, в изображении нет оснований для такого утверждения.

Что же означает подобный сюжет? Женское божество с вещами бескрылыми птицами сочетается в равном значении с существом крылатым. Не заключается ли в этом какое-то двуединство, точный смысл которого нам еще не удастся раскрыть?

На конце вологодского полотенца представлена сцена со столбовидной крылатой фигурой в середине (рис. 3, Б) и двумя конными всадниками, помещенными по сторонам. Средняя фигура

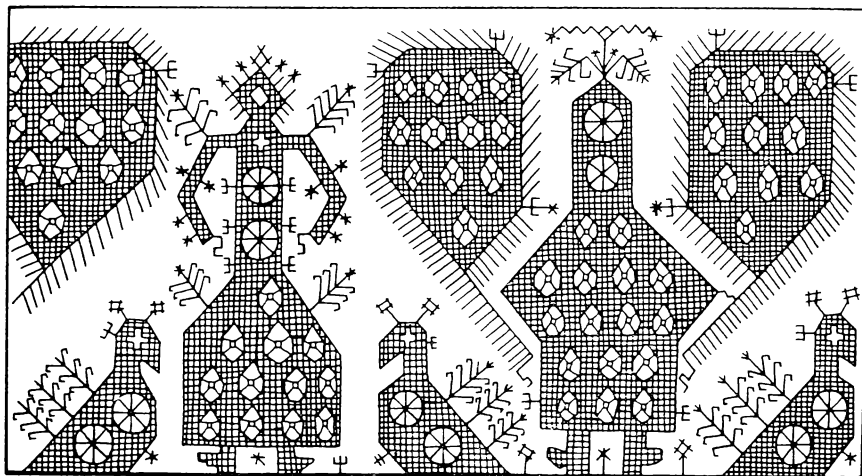
¹⁹ Л. А. Динцес. Изображения змеборца..., стр. 46, рис. 12, 13.

²⁰ См. также: В. В. Стасов. Русский народный орнамент, рис. 137 (Гдовский уезд Петербургской губернии).

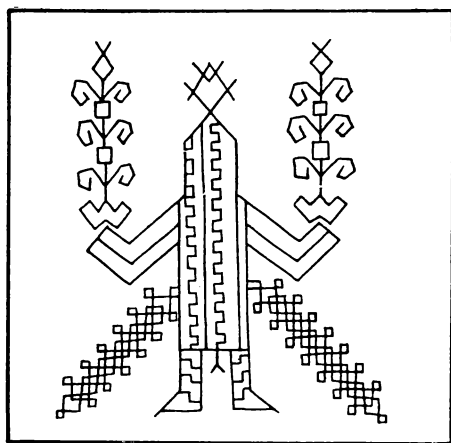
²¹ Там же, стр. 23, рис. 204.

²² Л. А. Динцес. Изображения змеборца..., стр. 46, рис. 12.

представляет собой столбик, заостренный сверху, но имеет руки и ноги. Крылья опущены. Руки поднимают плоские сосуды с растениями. Это совсем иной образ. Ни один солярный знак не отмечает фигуры. Но жест адорации как у крылатого существа,

А

Б

Рис. 3. Изображения крылатых фигур на полотенцах.

А — Псковская губерния, ГРМ, В-578, Б — Вологодская губерния, ГРМ, В-2377.

так и у всадников заставляет считать их подчиненными какому-то другому, высшему божеству. В них позволительно видеть те персонажи, которые археологи называют прибогами.

Я опускаю многие устойчивые композиции с достаточно ясными сюжетами. К ним относятся многочисленные варианты

изображений женского персонажа с обозначенными пальцами рук. В одних кисти подняты вверх, в других опущены вниз, в третьих заменены мотивом гребня. В этом случае рядом помещается мотив прялки. Л. А. Динцес предполагает в них образ богини Мокоши — покровительницы женского рукоделия. Прялка рядом с ней служит достаточным подтверждением этой догадки. Единственное, что вызывает сомнение, так это собственное имя Мокошь.

Довольно редкое изображение имеется на конце архангельского полотенца (рис. 2, В). Но скорее всего оно не женское, а мужское. Фигура занимает центральное положение между двумя павлинами с распущенными хвостами; птицы покрыты солярными знаками и держат ветви в клювах. Она стоит с раскинутыми руками. Этот жест необычен в изображении женских персонажей. Обращает на себя внимание наличие гребенчатых мотивов ниже кистей рук. Условно обозначены черты лица. Фигура окружена растительными элементами, особенно мощные ветви помещены на голове. На одежде — солярный знак. Весь облик напряженный. Наличие в композиции птиц говорит о стихии воздуха. То, что птицы — павлины, и то, что они несут на себе солярные знаки, свидетельствует о подчинении их солнечному божеству. Центральная фигура связана с растительностью. Что же олицетворяет собой этот образ? Нельзя ли связать его со стихией воздуха (ветра и дождя)? Это, конечно, только домыслы. И, пока не будут найдены варианты и аналогии, они останутся домыслами.

Как могли удержаться эти древние образы в русской вышивке вплоть до XX в.? Не случайно ими так богаты бывшие Новгородская и Псковская губернии и примыкающие к ним части Петербургской и Тверской. Эти местности изобилуют лесами, реками, озерами. Лесные промыслы и рыболовство имели здесь не меньшее значение, нежели земледелие. Оторванность от домашних условий в течение долгого времени, опасности, которым подвергались промысловики, заставляли их искать защиты и помощи у добрых духов лесов, вод и небес, опасаться злых сил. Эти суеверия и лежат в основе наших узоров. В народном искусстве отражается только то, во что человек верит. Праздным измышлениям в нем нет места. Успешнее из жизни уходит, как правило, и из искусства. Поэтому позволительно думать, что различные образы, связанные с женским персонажем наших вышивок, отнюдь не олицетворяют только Мать-Землю глубокой древности, а возникли значительно позднее. Вероятно, сюжет женской фигуры и всадников является древнейшим. Но он не единственный. И вполне возможно допустить возникновение местных сюжетов, как реально существуют местные особенности в русском крестьянском искусстве. Что касается времени их возникновения, то оно могло быть разным для разных местностей. Для Русского Севера — на протяжении всего средневековья, а может быть, и нового времени.

В статье рассмотрено восемь различных композиций с участием женского персонажа. Среди больших музейных собраний исследователей ждут десятки других. Мне кажется, что плодотворными будут объединенные усилия специалистов трех направлений: археологов, искусствоведов и этнографов. Первые владеют исходным материалом, вторые умеют читать орнамент, третьи вооружены знанием бытовых особенностей, обрядности и других необходимых сведений.

М. Л. Мазо

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ НАРОДНО-ПЕСЕННОЙ ТРАДИЦИИ ОДНОГО РАЙОНА

Летом 1969 г. Ленинградская консерватория направила фольклорную экспедицию в Никольский район Вологодской области. В работе экспедиции, которой руководил автор настоящей статьи, участвовали кроме студентов, композиторов и музыковедов, также филологи, этнограф, хореограф и режиссер студии телевидения; сотрудник Консерватории А. Е. Туник заснял короткометражный кинофильм. Таким образом, экспедиция была комплексной. Цель экспедиции состояла в обследовании традиционного народного творчества данного района; отчасти в задачу экспедиции входил сбор сведений, способствующих выяснению этнографических границ районов.

Никольский район не раз привлекал внимание этнографов и фольклористов. Среди этнографических описаний особо следует отметить работы Г. Н. Потанина, бывшего в Никольском уезде в конце прошлого столетия и подробно описавшего быт и характер населения.¹ В 1893 г. в самом городе Никольске записали несколько песен Ф. М. Истомин и С. М. Ляпунов, обследовавшие Вологодскую губернию по заданию Русского географического общества.² В периодических изданиях конца XIX—начала XX в. имеется также ряд публикаций фольклора и описаний обычаев деревень, отошедших по нынешнему административному делению к другим районам и областям.³

¹ Г. Н. Потанин. 1) Никольский уезд и его жители. Древняя и новая Россия, 1876, № 10; 2) Этнографические заметки на пути от города Никольска до города Тотьма. Живая старина, 1899, № 1.

² Ф. М. Истомин, С. М. Ляпунов. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 г. СПб., 1899.

³ См., например: М. М. Куклин. Свадебные обычаи и песни в Шонгско-Никольской волости Никольского уезда. Этнографическое обозрение, 1900, № 2; А. Попов. Русские народные песни и свадебный обряд в деревне Жуково Утмановской волости Никольского уезда Вологодской губернии. Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. I, М., 1906.

Следует указать, что публикации никольских песен носят все же довольно случайный характер. Наша экспедиция — первый опыт подробного и по возможности повсеместного ознакомления с никольским фольклором.

Никольский район находится на юго-востоке Вологодской области и граничит с Костромской областью. Он расположен в стороне от тракта; до сих пор ни по железной дороге, ни по автодороге до Никольска не добраться. Единственное сообщение с областным центром — самолет или пароход во время действия речных трасс. Такая затрудненность общения никольчан с соседями как-то обособила их жизнь и обеспечила сохранность традиций.

Значительная территория района занята лесом, который начинается сразу же за пахотными полями колхозов и совхозов. Населенные пункты расположены в основном по берегам рек и речек. Сейчас есть и новые типы поселений — рабочие поселки, лесопункты, расположенные в гуще лесного массива. По вертикали Никольский район пересекают две основные реки: р. Юг, впадающая в Сухону и относящаяся к Двинскому (северному) водному бассейну, и р. Кема — приток р. Унжи, входящая в Волжский (южный) водный бассейн. Максимальное расстояние между ними примерно 15 км, но они разделены большими лесными массивами с болотистой почвой, называемыми здесь суземом. Разобещающее влияние сузема отмечал еще Г. Н. Потанин: «Через сузем в пределах Никольского уезда ведут только одиннадцать дорог, которые называют здесь волоками; они соединяют северную опушку сузема с южной или — что то же — ведут из Двинской системы в Волжскую. Из этих одиннадцати волоков только два колонизованы... остальные пустынные».⁴ Надо учесть, что в те времена в Никольский уезд входила большая территория, ныне относящаяся к Костромской области и к Кичменгско-Городецкому району Вологодской области. В пределах нынешнего административного деления осталось лишь несколько волоков. Правда, проложена дорога из г. Никольска на Кему, но из-за особенностей почвы и климата она может функционировать не во все времена года. Сам же Г. Н. Потанин жил только в населенных пунктах по р. Югу и его притокам, поэтому не мог обстоятельно описать характерные различия «кемляков» и остальных жителей района.⁵ Между тем разница отмечается и самими никольчанами; нам не раз приходилось слышать: «Он кемляк, не по-нашему говорит».

Первое, что замечаешь, приехав на Кему (так называют всю территорию долины реки Кемы) из восточных или северо-западных деревень района, — это отличие говора. Проанализировать его особенности — задача диалектолога. Но безусловно, что для

⁴ Г. Н. Потанин. Никольский уезд и его жители, стр. 136.

⁵ Деревни, расположенные по р. Югу и его притокам, и жителей этих деревень мы будем в дальнейшем условно называть югскими.

кемляков характерно более привычное для нас произношение: меньшее цоканье, значительно менее выраженное оканье, отсутствие смягчения в окончаниях слов (не *-кю, -тю*, а *-ку, -ту* и пр.).

Различие сказывается отчасти и в одежде. На Кеме старинные костюмы можно найти лишь в сундуках пожилых женщин, тогда как в югских деревнях их носят и сейчас как будничную одежду. На позже, на сенокосе, просто на дорогах встречаешь женщин в традиционной одежде — «пароцьке». В своих костюмах (особенно в праздничных) никольские женщины любят яркие, даже пронзительные сочетания: оранжевые «парочки» с нашитыми голубыми полосками или красный цвет с зеленым, либо преобладают нежные, прозрачные тона — нежно-голубой со светло-розовым или бледно-зеленым. Часто можно увидеть и сарафаны из дотканной материи в клетку. Домашнее изготовление ткани до сих пор распространено здесь. Прялки и ткацкие станки, приспособления для окраски материи есть почти в каждом доме. Правда, пользуются ими только женщины пожилые. Молодые же предпочитают шить костюм хотя и по старинному покрою, но из покупной материи.⁶ Не являясь специалистом, не берусь описать никольский костюм, чрезвычайно своеобразный в деталях. Например, под костюм полагалось носить черные чулки и белые носки. На боку через пояс перекидывали узкое полотенце или ленты. Аналогично находим у марийцев и води.⁷ Возможно, что отдельные детали костюма связаны с традиционной одеждой абorigенов — чуждских племен финно-угорской этнической группы.

До сих пор сохранились здесь и искусные мастера плетения из бересты различных предметов, необходимых в крестьянском быту. На сенокос берут с собой берестяные солонки, налопаточки, черпаки для воды. В лес за ягодами или за грибами идут с плетеными пестерями и т. д.

Что же касается традиции устного творчества, то о ее сохранности можно судить по следующим данным. Во время работы экспедиции обследовано 97 населенных пунктов шестнадцати сельсоветов. Сделано 800 магнитофонных записей произведений традиционного фольклора. Среди них 119 свадебных, 39 плачей (свадебные, похоронные и рекрутские), 93 хороводных и игровых, 161 лирическая песня, 102 романса и городской песни, 25 шуточных и плясовых, 71 частушка, 10 баллад, 45 колыбельных, 16 инструментальных наигрышей (тальянки с колокольцами, ложки), 17 духовых стихов, 18 сказок, одна подблюдная, две современные народные песни. Кроме того, сделаны записи загадок, пословиц и поговорок, преданий (в основном топонимических) и бытовых рассказов. В Никольском районе следует от-

⁶ См. об этом в статье Г. С. Масловой в настоящем сборнике.

⁷ С. А. Токарев. Этнография народов СССР. М., 1958; К. И. Козлова. Этнография народов Поволжья. М., 1964.

метить бытование почти всех жанров традиционного устного народного творчества (поэтического и музыкального). Бросается в глаза лишь отсутствие календарно-обрядовых песен. Правда, есть отдельные частушки (название «частушки» встречается, но более характерно «припевка» или «коротенькая»), традиционно исполняющиеся на масленицу или на святках, но их записано очень мало.

Подружка, масленка приходит,
Кто нас покатает?
У милого коней пара —
Обе пропадают.

Отошли наши святоцьки,
Отошел и Новый год.
Отошло крещеньице —
Девочкам решеньице.

Те немногие календарно-обрядовые песни, которые встречались в Никольском районе собирателям XIX в., сейчас уже забыты. В сборнике Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова «Песни русского народа» помещена одна сенокосная песня «Как на рецьке» — явно приуроченная, а не обрядовая. Во вступительной статье к сборнику имеется указание, что в Никольске собиратели записали две колядки, но они не вошли в сборник.

Участники нашей экспедиции специально занимались поисками календарных песен, но записали только две и не получили данных об их бытовании. В памяти старшего поколения сохранился целый ряд обычаев, связанных с календарными праздниками. Привожу записи рассказов о масленице: «Делали складьни — ссыпали хлеб на пива́, варили всеми дворами, по полпуда на двор. Праздник начинался с субботы. В пятницу чистят сбруи, на шею лошади навесят колокольчики — „щелкунчики-воркунчики“, на дугу не боле трех, влетают в гриву и челку лошади ленты. В субботу запрягают пошивки. Двух девок катал один паренек, им знакомый, через пять-шесть деревень. В первый день масленицы все съедутся в одну деревню, выпивают все, что у каждого заготовлено, пляшут кругом. Дорогой пели частушки. Песен никаких не было. Только на конях катаются, балуют, да смеются.⁸ Празднуют два дня. Третий день — очеренки. Ездят парочки, или так катаются и подбирают, где кто вывалился». В другой деревне ночью на снегу жгли солому. Были распространены разнообразные гадания на святках. Накануне дня Ивана Купала «не гуляют, а ходят за цветами, обмакивают в воду и брызгаются — для здоровья. Чтобы глаза были здоровыми». «В иванов день умываются в воде с кольцом». На егорьев день: «Когда скот выгоняют, ходят на могильники с пирогами, вином». Записан заговор на егорьев день:

⁸ О роли смеха в обрядах и о его магическом значении см.: В. Я. Пропп. Русские аграрные праздники. Л., 1963.

Батюшко, Егорий-Макарий,
Спаси нашу скотинку
И в поле и за полем.
По полю ходили,
Егорья носили,
Из милости просили:
Нашей скотинке —
Зелененький лужочек
Да быстрый ручеечек;
Лесному зверю,
Лесному медведю —

Пень да колода,
Белая береза;
Нашей скотинке —
Зелененький лужочек
И быстрый ручеечек;
Нам двоим да троим
По яиченьку.
Мы давно стоим
Да поднимаемся,
Давно стоим
Да дожидаемся.

Следует особо отметить, что почти все игровые и хороводные песни здесь приурочены к святкам и называются «святóшными». Знаменательно, что в одном из вариантов распространенной песни «Мы просо сеяли» (в данном случае «Мы розу сеяли») в напеве явственно слышны интонации, связывающие его с мелодиями весенних календарно-обрядовых песен (пример 1).

Лежащий в основе трихорд с окончанием напева на II ступени звукоряда ясно свидетельствует и о древности напева, и о его магически-призывном назначении,⁹ хотя песня давно уже потеряла магическую функцию и приуроченность к весенним обрядам.

Подробный анализ системы песенных жанров, бытующей в Никольском районе, — тема особого исследования. Здесь же необходимо отметить, что при анализе содержания отдельных частей этой системы и рассмотрении их соотношения и распределения внутри района возникает ряд вопросов, решение которых возможно лишь при совместной работе музыковедов, филологов, диалектологов, этнографов, хореографов, специалистов по прикладным искусствам и т. д. В частности, не только в говоре, одежде, но и в музыкальном фольклоре Никольского района ясно заметны черты двух различных традиций, хотя и имеющих ряд сходных особенностей. Если замеченное различие — результат длительного исторического процесса, то его этногенез удобнее проследживать на основе изучения песенных жанров, сохранившихся от древнейших времен.

Известно, что наиболее устойчивы песни, связанные с обрядовыми действиями. Так как календарный цикл, как уже упоминалось, здесь не сохранился, обратимся в первую очередь к свадебному обряду.

Из всех опубликованных когда-либо никольских песен до наших дней лучше всего сохранились именно свадебные. Сравнение записей С. М. Ляпунова и Ф. М. Истомина 1893 г. (пример 2) и наших (пример 3) показывает, сколь устойчива традиция в отношении напева.

⁹ Подробно об этом см.: Ф. А. Рубцов. Смысловое значение кадансов в календарных песнях. Вопросы теории и эстетики музыки, вып. 1, Л., 1962.

Со временем значительно сократился лишь текст, который остался все же достаточно развернутым и сохранил все характерные образы.

№ 1 $\text{♩} = 36$

Мы ро-зу се-я-ли, се-я-ли.

ой зе-ле-на-я тра-ва, ка-а-лой цвет

№ 2 $\text{♩} = 80$

И мой ты свет, бе-ла-я ле-бедь. Как се-

-во-дни, се-во-ут-ра, И как се-

№ 3 $\text{♩} = 72$

И ко-ло-коль-чи-ки сбрак-ну-ли, мо-е

серд-це во-здо-гну-ло. И мо-е

№ 4 $\text{♩} = 168$

Се-го-дня, се-го-дня, се-ге-дни, день-ка бе-ло-го.

Повсюду свадебные песни называются причетами, чем как бы подчеркивается их назначение — причитать над судьбой невесты, оплакать ее. Возможно, что поводом для такого своеобразного названия свадебных песен послужила и особая близость ритмики текстов свадебных песен — причетов — и похоронных причитаний:

Что не от лесу тёмного,
 Не от листу шелкóвого
 Это цёрь-то пернёется
 Да и сёрь-то серёется,
 То тулупы суконные
 Да от кони-то сёрые.
 Это штё у те, батюшка,
 На ширóкой на улóцке,
 Штё за гóсти наёхали?

Ты родíмая сёстрица,
 Ты садí да усáживай
 Дорогú-любú гóстюшку.
 Ой шибко мý стосковáлися,
 Ой ты садí да усáживай
 Ой на столы снаряжённые,
 Ой на дубóвые лавóчку,
 Ой на красíвое мёстецко.

Связь с причетью ощущается и в интонационном контуре мелодики свадебных причетов; об этом же свидетельствуют и некоторые композиционные особенности их напевов (недопевание двух последних слогов текста, встречающееся в ряде случаев, и др.).

Почти все действия свадебного обряда начиная со дня сговора сопровождаются причетами. Буквально каждый шаг, жест ритуальных персонажей свадьбы находит отражение в текстах. Напев же в продолжение всей свадьбы звучит почти не изменяясь. Изменения темпа и высоты напева исполнители характеризовали так: «На красоту полóго причитают, а на свадьбу круче, а голос один». Уже само по себе звучание одной и той же сравнительно короткой мелодии в течение многих часов создает напряженно-давящую атмосферу.

Свадебные песни, записанные на Кеме, заметно отличаются от свадебных песен, записанных в югских деревнях.

Вслушаемся в мелодию одного из типичных причетов, записанных в восточных и северо-западных деревнях, по р. Югу и его притокам (пример 4).

Характерны многократные вращения трех-четырёх звуков вокруг тоники, настойчивое ее «вдалбливание» в конце строфы, отчлененность строф паузами, а вместе с тем полное отсутствие устойчивости напева, его завершенности. Беспокойное ощущение при восприятии мелодики возникает в связи с характером ее метrorитмической организации. Картина будет неполной, если не учесть, что на протяжении всех причетов невеста «хлещется» — ревет: время от времени раздается ее вскрик — неотзируемое глissандо вниз.

Кроме таких воплей невеста должна исполнять собственно плачи (либо плачет за нее специальная плакущая). Их тексты — высокохудожественные и своеобразнейшие произведения народной поэзии; по напеву же они совпадают с похоронными причитаниями или причетью на случай.

Вообще надо сказать, что свадьба этих мест на редкость богата и совершенна именно с поэтической стороны. Великолепно сохранившиеся тексты, насыщенные тонкими метафорами и своеобразными эпитетами, представляют ценнейший материал для исследования поэтики свадебных песен. С музыкальной же сто-

роны никольская свадьба лишена того разнообразия, которое встречается в большинстве русских областей. Здесь мы не услышим ни празднично-поздравительных величальных, ни задумчивых девичьих лирических песен. Все свадебные песни поются как бы единым «выдохом». Напев не отвлекает внимания от непрерывного потока поэтических образов. Музыка лишь закрепляет цепь этих замечательных метафор, сопоставлений в единый ряд, выявляя присущий текстам общий, по сути чрезвычайно драматичный, подтекст. Внутриголосовые распевы отсутствуют. Лишь иногда ударный слог текста распевадается на два, крайне редко на три, звука, но нигде распев не приходится на неударный слог. Часто встречается музыкальная игра словом, когда одно и то же слово повторяется несколько раз, напев показывает его разнообразные краски (троекратный повтор «сегодня» в напеве в примере 4).

Обращают на себя внимание некоторые подробности обряда, сохранившиеся, вероятно, от глубокой древности и, возможно, как-то перекликающиеся еще с языческими культовыми представлениями. В частности, в дер. Мякишево нам сообщили, что в тот момент, когда ждали свадебный поезд, невеста должна была лежать на траве или на снегу лицом вниз; характерно и такое обращение, упоминаемое в тексте одного причета: «Господи, красно солнышко».

Первое, на что обратили внимание участники экспедиции, переехав на Кему из югских деревень, — иной свадебный обряд. И хотя в общем своем характере кемская свадьба не менее напряженна и драматична, достигается это иными художественными средствами.

Прежде всего надо отметить другие музыкальные формулы, спокойно-величавые в своей сдержанной поступи. Многие их варианты основаны на звукоряде тетра хорда в сексте. В последнее время музыковеды-фольклористы заметили его использование в свадебных формулах самых различных областей.¹⁰ В работах Ф. А. Рубцова¹¹ неоднократно подчеркивалось его значение для песен календарно-обрядового цикла и принадлежность к древнейшему музыкально-попевочному словарю. Дальнейшее исследование применения данного мелодического оборота в свадебных песнях несомненно поможет полностью вскрыть смысловое значение этой попевки,¹² так часто используемой в различных обрядовых песнях.

¹⁰ См., например: Ю. Красовская. Интонационная основа строя терских свадебных песен. В кн.: Д. Балашов, Ю. Красовская. Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л., 1969.

¹¹ См., например: Ф. А. Рубцов. Основы ладового строения русских народных песен. Л., 1964.

¹² Эта же попевка используется и в причитаниях (например, в Смоленской области), и во многих колыбельных. Она же лежит в основе некоторых бурлацких песен, которые (аналогично дожиночным) можно трактовать как заклятие на возврат силы.

Итак, вернемся к свадебным песням Кемы. Напев песни-формулы сам по себе в отрыве от общей обстановки и манеры исполнения воспринимается как плавный, спокойный, и именно так он был спет в г. Никольске Е. М. Пановой, живущей в городе уже много лет. Но в действительности на свадьбе эти песни звучат экспрессивно, вызывая в памяти драматичные полотна Мусоргского. Здесь сталкиваются два образа, плач невесты полифонически наслаивается на песню. Его мелодика весьма близка бытовому плачу. И хотя плач невесты интонируется так, что его можно изложить в нотной записи, его связь с бытовым плачем явственно слышна (глиссандирование, опевания, нисходящее движение, краткость фраз и пр.). Острый, напряженный по своему мелодическому контуру, он подчиняет себе спокойное течение песни, разрушает его, и сама песня воспринимается нами уже скорее как музыкальный фон, на котором тем ярче выступает самый плач. Здесь нет последовательного во времени развития — борьбы, в том понимании, к которому мы привыкли в классической музыке. Интонационное столкновение происходит в сознании, восприятии слушателя: два образа одновременно достигают нашего слуха, они различны, противоположны друг другу, один из них становится главенствующим. Вся сцена окрашивается в остродраматические тона (пример 5).

Ранее говорилось о разделении Никольского района по музыкальному фольклору на две части. Пожалуй, самым веским доказательством принадлежности той или иной деревни к одной из частей района является напев бытующей свадебной формулы. Возможно, что и повсюду свадебные напевы-формулы могут служить одним из важнейших признаков, определяющих границы локальных песенных стилей. Конечно, это положение требует проверки на основе анализа обширного фольклорного материала разных областей. Но вместе с тем оно — как гипотеза — несомненно заслуживает внимания. Показательно, что исполнители, приехавшие из других районов, сразу же «выдавали» свое место жительства именно в напевах свадебных песен-формул.¹³

Другой жанр обрядового фольклора, широко бытующий в Никольском районе, — похоронные причитания. Их можно записать почти в каждой деревне. Участники экспедиции всегда с большой осторожностью подходили к просьбе «попричитать, поплакать». Как это обычно бывает, исполнение плачей возможно лишь тогда, когда они связаны с каким-то реальным событием жизни. Многие исполнители отказывались причитать, ссылаясь на то, что «учиться здесь нечему, горе придет и тебя научит. Наревешься, дак соху и борону соберешь, конца не бывает, каждый о своем горе рассказывает» (А. С. Рогозикова, дер. Челпа-

¹³ В дер. Павлово записана песня «Ты изменная изменщица» от Л. И. Селяковой, приехавшей из Сокольского района; ни такого текста, ни подобного напева нигде больше в Никольском районе мы не слышали.

ново). Для нас, слушателей, состояние, вызываемое исполнением плачей, казалось невыносимо тяжелым. Сами же жители деревень подчас считали причитания совершенно естественной формой эмоционального высказывания: «Мне реветь-то охота, я сколь хошь тебе напричитаю» (М. К. Боданина, дер. Челпаново). Встретились нам и профессиональные плакальщицы, удивлявшие нас мастерством мгновенного перевоплощения и подлинным артистиз-

№ 5

♩ = 132

Ой да ты про_шай, ой да по_дру_жень_ка Ой да ты
 Не спро_шу_то я, не спро_шу, да я чу_жо_го чу_жа_ни_ни
 про_шай, ой да го_лу_буш_ка Ой да ты ми_лой,
 _на. Да я чу_жо_го чу_жа_ни_на, да я не твоей хлеб_соль
 ой да по_дру_женьки,
 ку_ша_ла Да

мом. Приведу запись из полевого дневника: «Е. М. на записи можно было где угодно остановить, это не сбивало ее, она могла продолжать с любого места с тем же настроением. После исполнения смеялась, хотя на глазах были слезы».

О жизнеспособности и популярности традиции причитаний свидетельствует хотя бы тот факт, что в районе бытуют внеобрядовые причитания. Так, наша хозяйка в дер. Мякишево в день отъезда нашей группы сложила плач по случаю отъезда гостей. Это для нее был повод для выражения своего состояния в традиционной художественной форме. Причитание это, великолепное по тексту, замечательно и с музыкальной стороны. Примерно с пятой строфы исполнительница расплакалась, но удивительно

то, что и рыдая, она сохраняла как метрику напева, так и его звуковысотный контур, хотя все время повышалась тесситура, увеличивались паузы между строфами, заполняемые всхлипываниями и пр.

В югских деревнях района похоронные, бытовые и причитания невест исполняются на сходную музыкальную формулу, варьируемую в каждом случае. Необходимо отметить частое использование мажорной мелодики, звучание которой невозможно представить себе в отрыве от самой манеры исполнения.

В текстах причитаний, представляющих обычно развернутую импровизацию, можно заметить целый ряд традиционных для данного района образов. Привожу текст похоронного причитания, который концентрирует подобные образы, рассыпью встречающиеся во многих никольских причитаниях:

Я просила у господ,
Да у господа милости,
Да погоды великия:
Поднимитесь у господ
Да как три туца грозные,
Грозные да розные;
Первая туца грозная
Со громами со громуцими,
Вторая туца грозная
Со ветрами со буйными,
Третья туца грозная
Со цястым мелким дождицком.

Разгромите, буйны грома,
Развалися, сыра земля,
Вы содуйтё, буйны ветры,
Тонкоё полотеньышко,
Сполосните, цясты дождицки,
Да со бела со лица
Да песоцики желтые.
Прибежи, серый заюшко.
Принеси резвы ноженьки,
Прилетите, два ангела,
Принесите лёгку душеньку;
Уж ты встань-ко по-старому,
Говори-ко по-прежнему.

Иную традицию имеет кемская причеть. Прежде всего напевы свадебных и похоронных причитаний на Кеме различны. О мелодике свадебных причитаний уже говорилось. Что же касается похоронных, то их напевы по своему звуковысотному контуру близки югским, хотя более распевны и содержат больше чисто музыкального обобщения интонаций, свойственных бытовому плачу. Два записанных причета, исполнявшихся в прошлом при проходах в солдаты, по напеву сходны с похоронными.

Никольская песенность требует дальнейшего изучения, но сейчас представляется, что, подобно тому как в отдельных районах Смоленской, Псковской или Брянской областей гегемоном являются напевы календарно-обрядовых песен, здесь именно причеть была некогда настолько распространена, что так или иначе повлияла на другие жанры песнетворчества.

В экспедиции записано большое количество лирических песен, в том числе и крестьянские старинные песни, и песни более позднего происхождения, и, наконец, песни-романсы, близкие городской песенной традиции.

В югских деревнях бытуют почти исключительно романсы и песни поздние по времени происхождения; такие, как «Уродилася я как в поле былинка», «Вечор, вечор долго сидел», — обиходные песни каждой деревни. Их называют «старинными», «долгими»

(быть может, из-за длинных текстов) в отличие от «коротеньких» — частушек — и повсюду, вне зависимости от возраста исполнителей, поют с удовольствием. Текст в таких песнях очень привлекает. Характерная запись из дневника: «Про песню „Кругом, кругом обсиrotала“ певица сказала, с чувством вздохнув: „Это про меня песня сложена, в песнях все правда“». В памяти некоторых женщин сохранились отдельные воспоминания о «волокистых» песнях, которые надо «вытягивать полого, волокисто», но их петь «выносу не выносит» (голоса не хватает). Единичные записи лирических песен чисто крестьянских по своей мелодике все же встречаются, что дает право полагать, что когда-то и здесь эти песни бытовали. Так, в дер. Калинино у 83-летней певицы Е. В. Карачевой мы записали 16 замечательных лирических песен, среди которых очень своеобразны варианты песен «Воля», «Поле чистое» и «Разоренная дорожка». Е. В. Карачева обладает прекрасной памятью, помнит все тексты до конца и поет в классической манере, очень мягко и с большим количеством распевов. Показательно, что из всех вариантов песни «На дубочике» именно вариант Карачевой почти полностью совпадает с публикацией Ф. М. Истомина и С. М. Ляпунова. Одна из песен, записанных от Е. В. Карачевой («Был я на горе»), тематически связана с событиями 1812 г. (пример 6).

№ 6

Был я на го-ре, да на вы-со-о-о-

кой же, э ой да был-то я на кру-той.

Был я на кру-той, да тут сто-я-

ла ой же, э ой да но-ва-я сло-бо-да

Чем дальше вверх по течению р. Юга, тем чаще встречались нам исконно крестьянские лирические песни, хотя все же их немного. Большинство записано в двух самых южных сельсоветах — Пермашинском и Переселенческом (новый район, застраивался примерно 80 лет тому назад переселенцами из различных волостей Никольского района, но в основном из Пермашинской).

На Кеме же количественное соотношение старых песен и песен-романсов, пожалуй, одинаково. Здесь бытуют общерусские

песни, которые в других деревнях района не встретились: «Ломал мальчик черемуху», «Соловейко мой» и др. Здесь же записан вариант песни «Воля», который по своему напеву относится к древнейшему песенному пласту так называемых квартовых лирических песен-жалоб. Своеобразие крестьянской песенности зачастую сказывается и в исполнении романсов. Старых песен исполнительницы до 50 лет не знают, хотя во время записи многие из них высказывались одобрительно: «Вот это баская песня».

Здесь же хочется сказать хоть несколько слов об удивительной женщине А. А. Черногубовой. В разгаре летней работы, бросив все свои дела, хозяйство, «неогребенную» картошку, сенокос, она ходила с нами за 5—6 км в деревни, где прошла ее молодость, чтобы там петь с женщинами, с которыми она пела когда-то. Анастасия Антоновна очень веселая, общительная и живая. Плясунья и заводила, она от природы одарена замечательным художественным чутьем. В районе нет такой песни, которой бы она не знала, и каждую поет по-своему; темперамент Анастасии Антоновны неизбежно сказывается и в ее песнях. Это, пожалуй, единственная исполнительница, которая никогда не называла романс песней «долгой». Работая в некоторых деревнях вместе с нами, она помогала собрать коллектив певиц и отбирала песни, говоря, что такие, как например «Голова ты моя удалая», нам не нужны, а нужны старинные. Она умеет и «тырырыкать», и «окать» детей, и причитать, словом, нельзя назвать песенный жанр, которым бы превосходно не владела Анастасия Антоновна. И неизменно в ее исполнении — сила, страстность, чувство меры и высочайшее мастерство импровизации. Примечательно, что любая песня для Анастасии Антоновны существует только в неразрывном единстве текста и музыки, рассказать песню словами она почти не может, начинает путаться, импровизировать, сбиваться. К участию в работе экспедиции Анастасия Антоновна отнеслась очень серьезно: «Хорошим делом занялись, так я, что накопила, решила по чести вам отдать».

Еще один жанр песенного фольклора, о котором здесь будет упомянуто, это колыбельные песни, называемые в районе «оканьем», вероятно, по словам припева «О-о-о». Большинство николевских колыбельных основано на звукоряде тетракорда в сексте, уже упоминавшемся в связи со свадебными причетами и похоронными причитаниями. Некоторые записи колыбельных дают очень своеобразное использование этого звукоряда, когда нижняя опевающая кварта заменяется полутоном и вся песня интонационно заостряется, звучит в уменьшенной кварте.

Привожу текст колыбельной песни, которую, по словам исполнительницы, пели на рождество.

Ой люлень, ой люлень,
По горам бежит олень.
Мы оленя-то убьем,

Кате шубоцьку сошьем.
Байки-побайки,
Матери — китайки,
Отцю — кумацю,
Брату — луковицю,
Еще малой-то сестре,
Сестре — пуговицю.

Обращает внимание то, что в тексте «оканья» говорится о дарах, предназначенных для всех членов семьи, что напоминает пожелания, обязательно присутствующие в текстах обрядовых празднично-поздравительных песен. Трудно сказать, заимствованы ли эти образы, или они связаны с определенным назначением колыбельных. Во избежание каких-либо преждевременных выводов подчеркиваю, что подобное высказывание исполнителей о приуроченности исполнения колыбельной к рождеству единично.

Кроме того, записаны колыбельные с так называемыми «похоронными» текстами: «Баю-баю, баю-бай, поскорее засыпай, батяка сделает гробок из осиновых досок» и т. д. Почти каждая экспедиция последних лет привозит записи подобных колыбельных. Многие собиратели рассматривают их как остатки древнейшей магии отвращения зла. «Пружина» действия подобных песен представляется аналогичной некоторым приметам (например, встретить на улице похороны — к счастью).¹⁴

Как и во многих других областях, в обследованном районе чрезвычайной популярностью пользуются частушки. Они составляют основную часть репертуара сел и деревень, расположенных по р. Югу и его притокам; частушки можно услышать и из уст детей-школьников и даже дошкольников, и от людей 70—80 лет. Чаще всего частушки называют здесь «коротенькими». Многие исполнители с удовольствием пели нам «коротенькие», тогда как «долгой» не могли вспомнить ни одной. Они утверждали, что «долгих и вовсе не пели никогда». Пожалуй, невозможно назвать тему, на которую бы не сложили здесь частушек. Блеск остроумия, красочность и неожиданность сравнений, яркие словесные находки, изумительная пластика ритма и аллитераций! Универсализм частушки сделал ее способной подменять функцию многих песенных жанров начиная от лирической песни до... плача. Одна из исполнительниц сказала так: «Ревешь, да и приговариваешь:

То бы пела, то ревела,
То бы ехала куда,
То бы серенькие глазоньки
Закрыла навсегда».

Несколько примеров замечательных лирических частушек:

Завей, духанечка, венок
На той белой березоньке,
Я стоскуюсь по тебе
По той другой дороженьке.

¹⁴ М. К. Герасимов. Обычаи, обряды и поверья в Череповецком уезде Новгородской губернии. Этнографическое обозрение, 1900, № 3.

Я любила, ты отбила —
И люби облюбочки.
И целуй себе, подруженька,
Целованные губочки.

Ягодинчке-то надо
Стройную, высокую —
Сено мелкое, сухое
Не равнять с осокою.

Своеобразна структура николевских частушек, где каждая пара строк повторяется; поэтический текст как бы объединяет две музыкальные строфы в одну.

Напевы частушек — вариант распространенных мелодических формул, обогащенных самобытными ладовыми красками. Удивляет их интонационное разнообразие внутри одного района. Необычна и манера их исполнения. Если частушки поются под тальянку, они звучат в самом высоком регистре, который доступен женскому голосу, почти всегда фальцетом, в своеобразном пронзительном тембре. Все вместе это создает особый эффект «стереофонического» звучания. По манере исполнения николевские частушки всегда можно отличить от других. Любопытно, что без тальянки частушки поются в обычном диапазоне и в обычной манере. Возможно, что это связано с особо звонким тембром николевских тальянок с колокольцами, на которых всегда играют чрезвычайно громко, и со стремлением, создав тембровый ансамбль, стать его равноправным членом, не быть заглушенным. Голос звучит как та же тальянка, только в более высоком регистре. Кстати, здесь до сих пор есть мастера, которые делают эти замечательные и своеобразные инструменты.¹⁵ На Кеме частушки также очень распространены, но почти нет тальянок. Нам посчастливилось записать на Кеме несколько «тырырыкалок» (аккомпанирующий поет «ты-ры-ты-ры», отсюда название) или частушек «под язык». Возможно, что как раз отсутствие тальянок сделало здесь такой вид исполнения наиболее распространенным. Для музыканта изучение частушек, исполняемых «под язык», в метрическом и интонационном отношении представляет большой интерес: две самостоятельные полифонические линии, импровизация, свободные ритмические сдвиги начала строф при совместном окончании, терпкость секундовых звучаний и пр. (пример 7).

В заключение несколько слов о манере пения, характерной для Николевского района. Выше обращалось внимание на особо напряженное, высокое и пронзительное звучание частушек. Остальные песни поются обычным средним звуком, хотя в своеобразном, отличном от профессионального, тембре. Однако в есте-

¹⁵ Никаких других инструментов, кроме тальянки, нам не встретилось. Обычный строй тальянок — миксолидийский лад правой «ручки» и два клапана левой, воспроизводящие два звука, находящиеся в Т—Д-соотношении.

ственных для народной песни условиях этот тембр не режет слух, его просто не замечаешь.

№ 7

$\text{♩} = 80$

(На)-чи-най, по-друж-ка, пес-ню са-му-ю лю-би-му-ю,

на-чи-най. по-друж-ка, пес-ню са-му-ю лю-би-му-ю

Что же касается многоголосия, то лишь в двух деревнях нам удалось собрать женщин, которые могли петь «артелью». В районе сейчас нет ни одного слаженного коллектива, хотя в дер. Мякишево и с. Никольском безусловно есть певческое ядро, на основе которого народный ансамбль мог бы быть создан. Нам не встретились ни типично русская полифонически-подголосочная фактура, ни характерное для ряда старых песен гармоническое будонирующее многоголосие, в котором мелодия проходит на фоне повторяющейся тоники. В с. Никольском записано несколько песен с подголоском, дублирующим основную мелодию на октаву выше. Пели певицы очень уверенно, в каждой песне выводя верхний голос. Возможно, что такой тип многоголосия был распространен и во всем районе.¹⁶

Особенно хочу подчеркнуть великолепную сохранность текстов. Старинных песен в районе не так много, но если уж их поют, то поют с широко развернутым текстом и, как правило, без заметных контаминаций.

¹⁶ Некоторые музыковеды считают такую фактуру многоголосия специфически северной. См.: А. С. Абрамский. Песни Русского Севера. М., 1959.

Итак, можно утверждать существование в Никольском районе двух песенных традиций, достаточно отчетливо различающихся друг от друга; границы их распространения совпадают с границами водных бассейнов рек Юга и Кемы. С чем связано такое явление? Одно лишь музыковедение объяснить его не в состоянии.

В исторической, этнографической и языковедческой литературе по Русскому Северу подчеркивается своеобразие путей славянской колонизации. По мнению Даля, например, «Вологодская губерния, в северных уездах, или на Югской стороне, начиная от Великого Устюга, Лальска по Двине и Вычегде, принадлежит более к Архангельской, и говор один; в южных от самой Вологды он переходит в суздальский, принимая на реках Унже, Вохме, Сыsole — не в пользу свою — особенности костромского и вятского».¹⁷

Особое значение для нас имеют работы этнографа М. В. Витова, обследовавшего в основном Заонежье. В одной из них он пишет: «Русский Север считается обычно областью, единой в этнографическом отношении. Известная культурная общность обусловлена, однако, не происхождением населения, а значительной степенью единства социально-экономических условий в течение длительного периода, особенно начиная с XVI в.»¹⁸ Сама постановка проблемы и метод исследования М. В. Витова, привлекающего для изучения вопросов колонизации и этногенеза антропологические, диалектологические, этнографические данные, фольклор, материалы по топонимике, показания письменных памятников и другие источники, представляются чрезвычайно плодотворными. В частности, в книге «Историко-географические очерки Заонежья» М. В. Витов рассматривает и составляет карту географического распространения былин. Необходимость применения в исследовании особенностей фольклора метода картографирования давно назрела и для музыковедов.

Анализ расодиагностических признаков населения позволил ученому выделить три типа. Напомним два из них: ильменско-беломорский антропологический комплекс, распространение которого связано с новгородской колонизацией, и верхневолжский, связанный с ростовской колонизацией. «Верхневолжский комплекс распространен вдоль южных пределов Русского Севера. В собственно поморские области он как бы устремляется через Сухону и Юг (разрядка моя, — М. М.)».¹⁹ Связь восточной

¹⁷ Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. т. I. М., 1955, стр. VII.

¹⁸ М. В. Витов. Этнические компоненты русского населения Севера (в связи с историей колонизации XII—XVII вв.). М., 1964, стр. 1.

¹⁹ М. В. Витов. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. История СССР, 1964, № 6, стр. 96. Вполне вероятно, что граница распространения локальных песенных традиций не совпадает с картами М. В. Витова. Сам исследователь замечает, что «полное совпадение ареалов столь различнородных явлений, как фи-

зоны Русского Севера с ростовской, а позднее с московской колонизацией убедительно подтверждается и всеми остальными источниками, используемыми ученым. Территория, «называемая то Двиною, то Заволочьем, была ареною не только Новгородской, но и „низовской“ (или московской) колонизации. Через волоки, отделявшие волжские притоки от Сухоны и Ваги, шло на Север население с Поволжья».²⁰ Историки предполагают, что «ранее других княжеских линий и далее их ушли на Север ростовские князья».²¹ Последнее замечание, возможно, окажется ценным для дальнейших исследований лирических песен района. Известно также, что на одном из притоков р. Юга, именно на территории нынешнего Никольского района, располагалось древнее новгородское городище Халезец, последнее из известных ученым и историкам крупное городище новгородцев на юго-востоке Севера. Местные никольские краеведы (в частности, А. А. Павлов — учитель средней школы в дер. Калинино), занимающиеся историей края, полагают, что во времена борьбы за создание централизованного Русского государства именно на никольской земле разыгрывались сражения новгородских и низовских дружин.²² До сих пор сохранились народные предания и легенды, в которых живы отзвуки древних исторических событий. В частности, удалось услышать предание о новгородце Анфале, потомками которого считают себя жители некоторых никольских деревень.²³ Легенды или преданий о ростовцах или москвичах мы не встречали. Однако одно из крупных старых сел носит название Аргуново (аргун, по Далю, — кличка владимирских плотников), а фамилии многих жителей Завражеского сельсовета — Московкины.

Ни новгородская, ни московская, ни вологодская песенность в фольклористике не исследованы и не определены настолько, чтобы можно было делать какие-либо выводы о связи никольского песнетворчества с одной из них. Было бы неосмотрительно устанавливать непосредственную связь между особенностями локальных фольклорных традиций одного небольшого района и путями славянской колонизации Севера. Необходимо дальнейшее сравнительное изучение по меньшей мере песенности Вологодской области. Однако, констатируя факт наличия в Никольском районе двух песенных традиций, отметим, что факт этот, по всей видимости, связан с особенностями расселения в данном районе.

зический тип населения и особенности духовной культуры, — вещь невозможная» (стр. 101).

²⁰ Очерки по истории колонизации Севера, т. II. Пб., 1922, стр. 30.

²¹ Там же, стр. 49.

²² А. А. Павлов в устной беседе ссылался на имеющиеся у него рукописи И. В. Карачева — учителя истории школы в Калинине, изучавшего писцовые книги.

²³ Изложение событий, происшедших с новгородским боярином Анфалом Никитиным, см.: Н. А. Иванецкий. Материалы по этнографии Вологодской губернии. М., 1890, стр. 6.

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ПОЭТИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ И. А. ФЕДОСОВОЙ

Ирина Андреевна Федосова была выдающейся русской сказительницей XIX в. Тексты, записанные от нее, давно обратили на себя внимание русских общественных деятелей, журналистов, писателей, музыкантов. Известно, что В. И. Ленин высоко оценил ее рекрутские причитания.¹ Живой интерес к ее творчеству проявили Н. А. Римский-Корсаков, М. А. Балакирев, Ф. И. Шаляпин. Ее импровизации использовали Н. А. Некрасов («Кому на Руси жить хорошо»), П. И. Мельников-Печерский («В лесах»), А. М. Горький («Жизнь Клима Самгина» и очерки), М. М. Пришвин («В краю непуганых птиц»). О ней писали русская гарибальдийка А. Н. Якоби-Толливерова, известный литератор-народник Н. К. Михайловский, советский писатель А. А. Фадеев, академики А. Н. Веселовский, Л. Н. Майков, В. Ф. Миллер, А. Ф. Бычков и др.²

Лучшие тексты Федосовой перепечатывались в антологиях, вузовских и школьных хрестоматиях и книгах для чтения, переводились на немецкий, английский, польский, чешский и другие языки.

Вместе с тем поэтическое наследие И. А. Федосовой до сих пор остается несобраным и сравнительно мало исследованным. До сих пор оно не подвергалось и систематическому текстологическому изучению. Перепечатка текстов И. А. Федосовой в научных и научно-популярных изданиях не сопровождается текстологическими изысканиями³ и зачастую ведет к своеобразному нарастанию погрешностей. Так, например, после того как Г. С. Виноградов в томе, изданном «Библиотекой поэта», необоснованно переместил ремарки собирателя из текста в комментарий, В. Г. Базанов при подготовке сборника «Избранные причитания», следовавший за этим изданием, исключил их вовсе. В результате читатель лишился возможности ориентироваться в композиции причитаний, узнать, за кого причитывала И. А. Федосова, к кому она обращалась в каждом отрывке причети.⁴

¹ Демьян Бедный. Предисловие. В кн.: По следам войны. Л., 1925, стр. 4; В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. Советская этнография, 1954, № 4.

² Биографические сведения, характеристику поэтического и исторического значения творчества И. А. Федосовой и его роли в истории русской литературы и общественной мысли см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова. Петрозаводск, 1955, 376 стр.

³ См., например: И. Федосова. Причитания. Петрозаводск, 1937, 132 стр.; Русские плачи (причитания). Л., 1937 (Библиотека поэта. Большая серия), стр. 3—95; Избранные причитания. Петрозаводск, 1945 (Библиотека русского фольклора Карелии).

⁴ Кроме того, так же как и в большинстве школьных хрестоматий, тексты были опубликованы с произвольными и неоговоренными сокращениями.

Первый опыт критического издания одиннадцати текстов И. А. Федосовой по правилам современной текстологии был принят нами при подготовке тома «Причитания» для «Библиотеки поэта» (1960 г.). Предложенные нами исправления текста были положительно встречены в печати.⁵ Однако даже в изданиях, предназначенных для студентов, продолжают печататься явно неисправные тексты.⁶ Все это говорит о том, что назрела необходимость систематического текстологического изучения наследия И. А. Федосовой, обобщения и анализа накопившихся наблюдений, которые смогли бы быть реализованы в фундаментальном критическом издании ее текстов. Успехи современной фольклористической текстологии, разработка важнейших теоретических проблем⁷ и накопленный практический опыт (фольклорные тома серий «Литературные памятники» и «Библиотеки поэта», серия «Памятники русского фольклора», переиздания классических сборников А. Н. Афанасьева, А. Ф. Гильфердинга и др.) делают подобный замысел осуществимым.

Перед текстологом, принимающимся за подготовку подобного издания, неизбежно возникают по крайней мере три основных вопроса: 1) состав дошедшего до нас наследия и его соотношение с действительным репертуаром исполнительницы; 2) цельность дошедших до нас текстов и 3) их исправность.

В упомянутой выше книге о Федосовой мы попытались восстановить историю ее встреч с собирателями, выяснить условия, в которых производились записи, и учесть все осуществившиеся публикации. При этом удалось выявить более двух десятков неизвестных или не приписывавшихся И. А. Федосовой текстов. Результаты разысканий были суммированы в Приложении II (раздел «Репертуар И. А. Федосовой»)⁸. Как же соотносится этот список с тем, что реально могла знать и исполнять И. А. Федосова?

Со слов И. А. Федосовой и из воспоминаний ее родственников и односельчан известно, что исполнять свадебные и похоронные (а может быть, и рекрутские) причитания и песни она начала по крайней мере с 12—13 лет, т. е. с 1843—1844 гг. К 19 годам (т. е. к 1850—1851 гг.) она была подголосницей, песенницей и вопленицей, известной во всем Заонежье. Между тем первая ее

⁵ Б. Н. Путилов. Вопросы текстологии произведений русского фольклора. В сб.: Издание классической литературы. Из опыта «Библиотеки поэта», М., 1963, стр. 28—29.

⁶ См., например: Русское народное поэтическое творчество. Хрестоматия. Учебное пособие для вузов. Составители Э. В. Померанцева и С. И. Минц. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 1963, стр. 157—164.

⁷ Принципы текстологического изучения фольклора. М.—Л., 1960; К. В. Чистов. Современные проблемы текстологии русского фольклора. М., 1963. См. также статьи в выпусках «Русского фольклора» и др.

⁸ См. также нашу статью «Из истории публикации „Плача о старосте“ И. А. Федосовой» (Советская этнография, 1962, № 2, стр. 120—124) и комментарий к текстам И. А. Федосовой в сборнике «Причитания» (изд. 2-е. Л., 1960 (Библиотека поэта), стр. 395—404).

встреча с собирателями произошла, по-видимому, только в 1865—1866 гг. (П. Н. Рыбников), т. е. через двадцать с лишним лет. Это не значит, разумеется, что все созданное и исполнявшееся Федосовой за это время пропало для нас совершенно бесследно. Вполне вероятно, что какую-то часть тех песен, которые были от нее записаны позже, она знала и исполняла уже в это время. Правда, некоторые из них могли звучать несколько иначе (в этом убеждают, например, повторные записи 60—80-х годов). Очевидно, Федосовой в это время уже было известно и большинство традиционных, устойчивых мотивов как обрядовых, так и бытовых причитаний, может быть, даже были созданы некоторые тексты причитаний, дошедшие до нас в позднейшей передаче. По крайней мере в записях 1867—1868 гг. есть отголоски событий более раннего времени, например Крымской войны 1853—1856 гг.⁹

После того как Федосова была «открыта» учеными-фольклористами и Е. В. Барсов записал от нее тексты, составившие три тома «Причитаний Северного края», она почти двадцать лет не встречалась с собирателями. В 1886—1888 гг. от Федосовой записывали Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, а потом О. Х. Агреева-Славянская. Затем наступил снова почти десятилетний перерыв. И только четыре последних года жизни И. А. Федосовой (1895—1899 гг.) прошли в систематическом общении с фольклористами П. Т. Виноградовым и Т. И. Филипповым и многими другими писателями, музыкантами, учеными, журналистами. Таким образом, из 55—56 лет ее исполнительской деятельности только 7—8 лет были отмечены вниманием ученых-собрателей, но и они были распределены между 1867—1899 гг. неравномерно и с большими перерывами.

К сожалению, нельзя считать, что собиратели исчерпали все, что помнила или создавала И. А. Федосова даже в те годы, когда она общалась с ними регулярно. Встречи с одними (Ф. М. Истомин и Г. О. Дютш, А. Н. Толиверова и др.) были очень краткими, другие, работавшие с Федосовой более продолжительное время, были увлечены каким-нибудь одним из жанров (Е. В. Барсов — причитаниями, О. Х. Агреева-Славянская — свадебным обрядом). Кроме того, у нас нет оснований считать, что отношения между Федосовой и собирателями были столь близкими, что она стремилась сообщить им все, даже самое затаенное, даже то, о чем крестьяне при «барах» обычно не говорили. Бесспорно, например, что обстановка барского поместья Кольцово, куда была вызвана Федосова О. Х. Агреевой-Славянской, не могла этому содействовать. Вспомним хотя бы экспромт, записанный собирательницей, явно его не понявшей и напечатавшей его в I томе «Описаний русской крестьянской свадьбы» в качестве подписи к портрету сказительницы:

⁹ К. В. Чистов. Народная поэсска И. А. Федосова, стр. 215—217.

Я ем да пью
Да и челом не бью:
Ем я досыта,
Пью я долюба,
В дело нос не ткну
Да и перстом не щелкну.

Следует помнить, что экспромт этот был произнесен нищей кузарандкой, бродившей перед приездом в Кольцово по заонежским деревням в поисках куска хлеба.

Даже Е. В. Барсов, записавший наиболее значительные тексты И. А. Федосовой, вспоминал, что первые его встречи с Федосовой были омрачены недоверием сказительницы. В статье, приложенной к I тому «Причитаний Северного края», он писал: «Я отыскал ее и расспрашивал о причитаниях, но она решительно объявила, что ничего не знает и сказывать не умеет и с господами никогда не зналась. Однако ж благодаря посредничеству моего хозяина (т. е. квартирохозяина М. С. Фролова, — *К. Ч.*), который по старому знакомству уверил ее, что я человек неопасный, она откровенно призналась, что знает очень многое».¹⁰ В статье, опубликованной в газете «Современные известия» за два года до выхода в свет I тома «Причитаний Северного края», он сообщил: «В отношении ко мне сколько она была недоверчива сначала, столько же сделалась откровенна впоследствии, но постоянно повторяла: „Не сошли ты меня на чужу-дальну сторонущку“».¹¹

Примечательно, что, знакомясь с текстами И. А. Федосовой, В. И. Ленин обратил внимание на необходимость учитывать при их анализе неизбежность недоверия исполнительницы к собирателю. «Он (т. е. Барсов, — *К. Ч.*) сделал хорошее дело, — говорил В. И. Ленин В. Д. Бонч-Бруевичу, — собрав и записав все это. Но очень может быть, что самое важное, затаенное, ему, как бабину, и не сказали».¹²

Таким образом, несмотря на то что И. А. Федосовой по сравнению со многими ее современницами поистине посчастливилось (она встречалась со многими собирателями и в их числе с таким энтузиастом, как В. Е. Барсов), можно считать, что мы знаем лишь некоторую часть того, что создала и восприняла она от своих предшественниц и современниц.

Есть ли какие-нибудь надежды пополнить список текстов, которыми мы располагаем? На этот вопрос мы должны дать утвердительный ответ.

¹⁰ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, т. I. М., 1872, стр. 313—314.

¹¹ Е. В. Барсов. Олонецкая плакальщица. Современные известия, 1870, № 2, стр. 4. Об этом же говорится в его неопубликованной статье «О записях и изданиях „Причитаний Северного края“: о личном творчестве Ирины Федосовой и хоре ее подголосиц» (Архив ГИМ, ф. 450, ед. хр. 46, стр. 246—271).

¹² В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве, стр. 120.

Последние пять лет жизни И. А. Федосовой (1894—1899 гг.) были годами особенно активного общения ее с фольклористами, музыковедами, писателями, музыкантами, артистами, журналистами. И. А. Федосова совершает поездку по России и выступает с исполнением песен, былин и причитаний в Петербурге, Москве, Петрозаводске, Нижнем Новгороде, Казани, привлекая многочисленную аудиторию. Имя ее, особенно в 1895—1896 гг., буквально не сходит со страниц журналов и газет.¹³ С января 1895 г. по весну 1899 г. она безвыездно живет в Петербурге в доме председателя Песенной комиссии Русского географического общества Т. И. Филиппова.¹⁴ Известно, что в эти годы учитель петрозаводской женской гимназии П. Т. Виноградов, сопровождавший И. А. Федосову во всех ее поездках, производил систематические записи. Через полгода после их первой встречи — в январе 1895 г. — П. Т. Виноградов сообщил в печати, что им записано от Федосовой в общей сложности 2842 стиха.¹⁵ В последующие годы эта цифра быстро растет. В конце 1895 г. «Олонецкие губернские ведомости» сообщают: «Есть слухи, что готовится новое полное издание всего, так сказать, репертуара Федосовой, в которое войдет весь тот песенный запас, который она хранит в своей феноменальной памяти».¹⁶ В марте 1896 г. та же газета сообщила, что П. Т. Виноградов и Т. И. Филиппов подготовили издание трехтомного сборника И. А. Федосовой, и назвала впервые цифру — 30 000 стихов, которая в дальнейшем неизменно повторялась в статьях о Федосовой. Наконец, в том же 1896 г. в корреспонденции с Нижегородской художественно-промышленной выставки, напечатанной в газете «Одесские новости», А. М. Горький со слов П. Т. Виноградова писал: «В скором времени государственный контролер Филиппов — любитель и знаток древней русской поэзии — выпустит четыре тома импровизаций причитаний, воплей, былин, духовных, обрядовых и игровых песен Федосовой».¹⁷ Не подлежит сомнению, что сборник такой действительно готовился. Вероятно, со второй половины 1896 г., когда прекратились регулярные встречи И. А. Федосовой с П. Т. Виноградовым, он перешел в руки Т. И. Филиппова. По крайней мере П. Т. Виноградов ничего не упоминает об этом сборнике ни в книжечке «Сказитель И. Т. Рябинин и моя с ним поездка» (Томск, 1906), ни в многочисленных письмах в Академию наук, в которых он неоднократно перечислял свои заслуги и выспраши-

¹³ О выступлениях И. А. Федосовой и откликах печати см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова, стр. 123—163, 341—345.

¹⁴ Подробнее см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова, стр. 118—168.

¹⁵ Новости дня, 1895, № 4156, стр. 3.

¹⁶ Олонецкие губернские ведомости, 1895, № 85, стр. 3—4 (анонимная статья «К истории былевой поэзии»).

¹⁷ М. Горький. С Всероссийской выставки. Одесские новости, 1896, № 3660 (гл. «Вопленица»).

вал себе пожизненную пенсию.¹⁸ Можно предположить, что выходу в свет этого сборника, который, очевидно, содержал обширнейший и интереснейший материал, помешала смерть Т. И. Филиппова в 1899 г. В том же году умерла и Федосова. Поиски рукописи этого сборника до сих пор ни к чему не привели. Родственники П. Т. Виноградова припоминают, что в годы гражданской войны он бережно хранил какую-то рукопись, но что она собой представляла и какова ее дальнейшая судьба, выяснить до сих пор не удалось. Ничего не нашлось и в сохранившихся бумагах Т. И. Филиппова в архиве ЦГИА и ИРЛИ.

Некоторые тексты И. А. Федосовой известны в повторных записях, представляющих собой то близкие, то более далекие варианты. Однако это главным образом песни, занимающие сравнительно скромное место в поэтическом наследии И. А. Федосовой. Главнейший же жанр, в котором она достигла действительно необычайных поэтических высот, — плачи-поэмы — импровизировались. При их создании, разумеется, широко использовались традиционные мотивы и образы, однако способ их использования, их сочетание, их трактовка, их бытовое наполнение в значительной мере варьировались и обновлялись. Кроме того, они не всегда играли решающую роль в поэтической системе импровизированного плача-поэмы. Поэтому не удивительно, что неизвестны случаи повторения какого-либо текста причитания в целом или даже какой-нибудь существенной части текста в записях разных лет. Есть основание считать, что импровизированные плачи забывались Федосовой и, если они не были записаны, утрачивались навсегда. Так, например, О. Х. Агренева-Славянская, не понимавшая импровизационной природы причети, пыталась заставить Федосову повторить тексты, записанные Е. В. Барсовым (о старосте, о писаре, о «потопших» и др.). Оказалось, что сюжеты и герои плачей 60-х годов начисто забыты и связанный с ними текст не может быть повторен. Не разысканы до сих пор также и записи П. Н. Рыбникова¹⁹ и не опубликованы и частично не разысканы записи Н. А. Римского-Корсакова.²⁰

¹⁸ Хранятся в архиве АН СССР в Ленинграде (ф. 9, оп. 1, № 806 и др.).

¹⁹ Е. В. Барсов в статье «Ирина Федосова и ее песнопения» (Московский листок, 1896, № 14, Приложение) сообщает, что П. Н. Рыбников в 1865—1866 гг. встречался с И. А. Федосовой и записал от нее «несколько былин» (см. также: Г. И. Куликовский. Олонецкая народная поэтесса Ирина Федосова в Москве. Олонецкие губернские ведомости, 1896, № 5, стр. 2).

²⁰ Н. А. Римский-Корсаков побывал по крайней мере на двух выступлениях И. А. Федосовой в Петербурге — в Соляном Городке (8 января 1895 г.) и в Обществе музыкальных собраний (13 января того же года). В первый вечер он сделал пять записей (Н. А. Римский-Корсаков. Воспоминания В. В. Ястребцева. Т. I. 1886—1897. Л., 1959, стр. 252), на втором, как пишет В. В. Ястребцев, «к прежним пяти напевам прибавились еще и новые» (там же, стр. 254).

По свидетельству А. А. Гозенпуда, изучавшего сохранившиеся записные книжки композитора (рукописное отделение Государственной Публичной

Не исключено, что все эти записи со временем будут найдены. Если бы это произошло, то случилось бы событие исключительное по своему значению для истории русской фольклористики. Пока же мы даже не знаем, что именно записывали и П. Т. Виноградов (Т. И. Филиппов), и П. Н. Рыбников, и Н. А. Римский-Корсаков.

Больше шансов более или менее достоверно выяснить состав песенного репертуара сказительницы, который мог быть относительно стабильным. В дополнение к публиковавшемуся списку мы можем сказать следующее.

В статьях Е. В. Барсова и А. Н. Толиверовой содержатся свидетельства о некоторых песнях, которые знала И. А. Федосова и которые остались по каким-либо причинам незаписанными. Перечислим их:

- 1) «Во тумане красно солнышко» (10 строк).²¹
- 2) «Гуляй, гуляй, девушка, покуль волюшка своя» (3 строки).²²
- 3) «Перепелка» (6 строк).²³
- 4) «Совьюн» (7 строк).²⁴
- 5) «Круг» (9 строк).²⁵
- 6) «Шестерка» (4 строки).²⁶
- 7) «Выкуп» (2 строки).²⁷
- 8) «Ты заря ли наша зорюшка» (6 строк).²⁸
- 9) «На море утушка купалася» (5 строк).²⁹
- 10) «Уж мы гулять-то не гуляем, свое горе заливаем». ³⁰
- 11) «О гневе Грозного на сына». ³¹

библиотеки), в них разыскиваются записи песен «Во лужях» и «Полковничек» и обрядовых попевок «Свадебная песня», «Похоронное причитание по мужу» и «Причитание свадебное», которые можно считать произведенными от И. А. Федосовой (А. А. Гозенпуд. Из наблюдений над творческим процессом Римского-Корсакова. В сб.: Римский-Корсаков. Исследования. Материалы. Письма, т. I. М., 1953, стр. 172 (гл. «Записные книжки композитора»). А. А. Гозенпуд считает, что они предназначались для неосуществленной оперы «Добрыня Никитич».

²¹ Причитания Северного края. . . , т. I, стр. 321.

²² Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, т. III. В сб.: Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете, вып. III—IV, М., 1885, стр. 243.

²³ Там же, стр. 244.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же, стр. 245.

²⁷ Там же. №№ 3—7 приводятся Е. В. Барсовым при описании игр молодежи на предсвадебной «беседе».

²⁸ Причитания Северного края. . . , т. III, стр. 245.

²⁹ Там же.

³⁰ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, т. II. М., 1882, стр. 263. Приводится название песни.

³¹ Сообщения об исполнении этой песни см.: Новости дня, 1895, № 4156; Новости и биржевая газета, 1895, № 5; Олонецкие губернские ведомости, 1895, № 9, и др. Кроме того, в газете «Новости дня» (1895, № 4156) говорится, что Федосова знала «несколько сказок»,

И. А. Федосова говорила Е. В. Барсову, что знает более ста песен.³² Однако вряд ли она их когда-нибудь считала. «Больше ста», вероятно, значило просто «очень много». В настоящее время мы располагаем 79 текстами песен, записанных от И. А. Федосовой, от нее и от «нищей Ульяны» и, вероятно, записанных от нее или при ее участии. Еще 11 песен мы перечислили выше. Исчерпывает ли это ее песенный репертуар? Очевидно, все-таки нет. Напомним, что В. Ф. Миллер, интересовавшийся характером творчества И. А. Федосовой, писал: «Еще в молодости, по ее рассказам, как девушкам, ее подругам, надоедали старые песни, они, зная ее способность, просили ее заводить новую песню и дивились, откуда только у нее берется. Песни ее запоминались, входили в оборот в ее деревне... она складывала для девушек свои песни и говорила им: „Учитесь, учитесь, девушки, пока жива: умру меня вспомните“».³³ Не исключено, что какая-то часть подобных импровизаций забывалась так же легко и быстро, как импровизированные причитания.

Судьба всякого фольклорного наследия заключается не только во внешней истории текстов (в нашем случае текстов, записей и изданий). В такой же степени она определяется и характером, типом и качеством осуществившихся и дошедших до нас опубликованных или неопубликованных записей, короче говоря, их исправностью. Первый вопрос, который при этом возникает, — насколько полны дошедшие до нас тексты, не имели ли место купюры цензурного или какого-нибудь иного происхождения? Мы могли бы уверенно ответить на этот вопрос при одном условии: если бы мы располагали черновыми рукописями собирателей. К сожалению, они не сохранились, поэтому наши предположения должны основываться исключительно на анализе изданных или приготовленных к изданию текстов. Результаты подобного анализа уже публиковались нами.³⁴ Мы уже высказывали предположение, что в текстах сборника Е. В. Барсова имеются какие-то пропуски или изъятия, предпринятые им по каким-то, в том числе, возможно, и цензурным, соображениям. Восстановить эти купюры не удастся во всех случаях, за исключением одного. В предисловии ко II тому «Причитаний Северного края», а также в статье «Об олонейском песнетворчестве»³⁵ Е. В. Барсов опубликовал несколько десятков строк, выпущенных им при издании

³² Причитания Северного края... т. II, стр. 263.

³³ См. конспект вступительной речи В. Ф. Миллера перед выступлением Федосовой на заседании Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете 3 января 1896 г. в статье Г. И. Куляковского «Олонейская народная поэссса И. Федосова» (Олонейские губернские ведомости. 1896. № 4).

³⁴ К. В. Чистов. К истории публикации «Плача о старосте» И. А. Федосовой. Советская этнография. 1962. № 2, стр. 120—121.

³⁵ Е. В. Барсов. Об олонейском песнетворчестве. Записки РГО, отдел этногр., т. III, 1873, стр. 517—518.

«Плача о старосте» («новгородские строки»). Обстоятельства и причины этого нами уже истолковывались в названной статье и возвращаться к ним нет необходимости.

Обратимся к следующему вопросу: как следует оценивать исправность дошедших до нас текстов? Этот вопрос влечет за собой и следующий: каким образом при настоящем состоянии источников могут быть осуществлены необходимые и вместе с тем достаточно надежные исправления?

Следует сказать, что мы принадлежим к числу сторонников максимально осторожного отношения к фольклорным текстам, доставшихся нам в наследство от собирателей XIX в. Однако мы не видим смысла и в сохранении достоверно выявленных неисправностей в том случае, когда способы исправления достаточно просты и надежны.³⁶

Между исполнителем И. А. Федосовой и книгой, в которой были напечатаны записанные от нее тексты, стояли собиратель и издатель. Вместе с тем она — единственное лицо, которому был известен подлинный текст, не влияла ни на способ его записи, ни на технику его издания. Поэтому задача возможно более точного воспроизведения текстов, исполнявшихся Федосовой, не может быть понята как задача возможно более точного воспроизведения текстов, изданных Е. В. Барсовым или О. Х. Агреновой-Славянской. Наоборот, издать исправно тексты Федосовой — это значит освободить их (по возможности) от ошибок собирателей и издателей.

Вопрос об исправности текстов, записанных от И. А. Федосовой, возник давно. Еще до выхода в свет I тома «Причитаний Северного края» специальная комиссия Общества любителей российской словесности, избранная для предварительного рассмотрения сборника, обсуждала и его текстологические достоинства и недостатки. В седьмом пункте инструкции, составленной этой комиссией, отмечалось: «Так как в тексте, вероятно при переписке, вкрались, по-видимому, недосмотры, например „безуленные“ вместо „безъумные“, „привородчиков“ вместо „приворотщиков“, „кратчи“ (короче) вместо „крудчи“ (крудучись), „слали“ вместо „стлали“, „злотой“ вместо „золотой“, „вокеян“ вместо „в океян“ и т. п., и так как теперь оказываются в тексте некоторые поправки, например „из окошечко в окошечко“ вместо „из окошка в окошко“, прибавленные, кажется, для стиха, то комиссия видит необходимым собирателю еще раз точнее проверить беловой текст с черновыми записками и предполагает, что при исполнении сего во многих случаях изменится стих, обычно теперь растянутый на 13 слогов, устроятся иногда однообразные

³⁶ См. об этом в нашей брошюре «Современные проблемы текстологии русского фольклора» (М., 1963). Здесь приводятся примеры явных неисправностей в текстах сборников А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Афанасьева и др.

утомительные окончания уменьшительных слов, вроде употребляемых Сахаровым, например „головушку“, „ветрышки“, „молодушки“, „смеретушки“, „ествушек“, „рыболовушка“, „Онегушки“, „желаньице“ и т. п., равно как выпадут из иных мест удлиняющие стих вставки „ведь“, „вот“, „знать“ и т. п., чаще встречаемые не у народа, а в подправках издателей для стиха. Также необходимо во многих словах выставить ударения».³⁷

Е. В. Барсов не выполнил большинства требований комиссии. «Я никак не мог, — писал он, — согласиться ни на уменьшение слогов в стихах, ни на превращение уменьшительных форм в положительные в именах существительных, так как это весьма существенные и характерные особенности поэтического языка Ирины Федосовой. Текст напечатан мною так, как он был записан».³⁸ Таким образом, Барсов отводил подозрение, высказанное комиссией, считавшей, что обилие уменьшительных форм возникло в результате обработки записей в духе И. П. Сахарова, а вставные частицы (энклитики) «добавлены для стиха».

Следует сказать, что рецензенты 70—80-х годов воспринимали тексты, изданные Барсовым, как натуральные, не подвергшиеся никакой обработке. По крайней мере никто из них³⁹ не высказал Барсову ни одного упрека, и только через 25 лет после выхода в свет III тома (и через 38 лет после выхода в свет I тома) видный олонецкий собиратель-краевед начала XX в. Н. С. Шайжин вернулся к этому вопросу. Он высказал свое отрицательное отношение к Барсову-диалектологу и поставил под сомнение достоверность его записей с точки зрения языка.

Н. С. Шайжин обращает внимание на подозрительное однообразие языка плачей, изданных Барсовым, несмотря на то что отдельные тексты были записаны не только в Заонежье (Федосова), но и в трех других уездах Олонецкой губернии, а также в Новгородской и Тверской губерниях. Он отмечает слова «вороница», «уяданье», «удолять», «перески», «ублаждать», «съедуба», «сухокрасный», «смелугище», словосочетания «спацлива родна дяденька», «зари спорыданье» и другие и сообщает, что он никогда подобных слов из уст русских крестьян Олонецкой губернии не слышал. Он сравнивает строки

От суда божья, род, да мы не денемся,
От смеретушки ведь нам не убежать

с известным местом из «Слова о полку Игореве»: «Ни хытру ни горазду... суда божия не минути», некоторые другие слова и выражения с церковными и светскими письменными памятниками и напоминает о том, что корреспондентами Барсова были

³⁷ Архив Гос. истор. музея, ф. 450 (Е. В. Барсов «О записях и изданиях „Причитаний Северного края“»).

³⁸ Там же.

³⁹ Обзор рецензий см.: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова, стр. 80—112.

его ученики по Петрозаводской духовной семинарии. Н. С. Шайжин отмечает, что сам Барсов писал о неблагоприятных условиях записи от Федосовой, и считает, что собиратель мог многое недослышать и не понять. Наконец, он подчеркивает, что записи Барсова по языку и «складу» резко расходятся с записями О. Х. Агреновой-Славянской. Признавая, что записи последней содержат много неточностей, он тем не менее утверждает, что и это сопоставление говорит не в пользу Барсова.⁴⁰

Между прочим, сам Барсов, настаивая на том, что причитания записывались и воспроизводились им в совершенно натуральном виде, признавал, что печатные тексты содержат много ошибок. На листке «Дополнения и погрешности», вклеенном в I том, он писал, что по неопытности издателя в корректурном деле в книгу вкралось немало погрешностей. И далее он приводил 25 из них. Во II томе приводилось еще 17, в III томе они были не указаны, так как печатание тома не было завершено. В действительности же подобных погрешностей, возникших в процессе печатания книги, оказалось во много раз больше.

Вопрос о неисправности текстов в сборнике О. Х. Агреновой-Славянской возник тоже еще в прошлом веке. Уже О. Ф. Миллер, первый рецензент «Описания русской крестьянской свадьбы», отмечал, что все записи Агреновой в поэтическом отношении значительно слабее текстов, известных читателю по трем томам «Причитаний Северного края».⁴¹ Заметим, кстати, что качество текстов в сборнике Агреновой никак нельзя отнести за счет оскудения дара Федосовой, это противоречит общему и единодушному впечатлению от ее выступлений в 90-е годы всех писавших и говоривших о ней, включая Горького, Шаляпина, Балакирева, В. Миллера, Грузинского и др. Дело, очевидно, было в том, что Агренова не сумела сойтись с Федосовой, расположить ее к свободной импровизации, плохо понимала природу причеты и не знала севернорусских диалектов.

Еще Барсов писал о невероятных, почти анекдотических промахах Агреновой. В цитированной уже статье «О записях и изданиях „Причитаний Северного края“» он замечает: «В записях множество мест, лишенных всякого здравого смысла, так что если бы „Причеть“ Ирины Андреевны впервые явилась под пером г-жи Славянской, то она была бы искажена до неузнаваемости и не обратила бы на себя ни малейшего внимания людей науки. Теперь же ясно, что изданием своих записей она доказала лишь необдуманную отвагу и полнейшее незнакомство ни со звуковыми, ни с формальными особенностями народного творческого языка».⁴² И далее приводит целую серию достаточно выра-

⁴⁰ Н. С. Шайжин. Похоронные причитания Олонецкого края (новая запись). Памятная книжка Олонецкой губернии за 1910 г. Петрозаводск, 1910, стр. 194—199.

⁴¹ Русская старина, 1889, № 9, стр. 669—676.

⁴² Архив Гос. истор. музея, ф. 450.

зительных примеров. Так, например, вместо «чистое полюшко» можно встретить «частое полюшко», вместо «у столба точеного» — «у столба печеного», вместо «сладко уяданьце» — «сладко увяданьце», вместо «с поранного утрышка» — «с парадного утрышка», вместо «ко белому ко личушку» — «ко белому колечушку», вместо «блад (т. е. млад, — *К. Ч.*) отецкий сын» — то как «блад» (т. е., по-видимому, бородастый), то даже «блад» с примечанием: «Блад — это значит шалун, что у нас называется „Дон-Жуан“». ⁴³

Вопросы, возбужденные комиссией Общества любителей российской словесности, Н. С. Шайжиным по отношению к сборнику Е. В. Барсова, О. Ф. Миллером и Е. В. Барсовым — по отношению к сборнику О. Х. Агренево́й-Славянской до сих пор остаются без ответа.

Сборник «Описание русской крестьянской свадьбы» справедливо считается образцом фольклористического дилетантизма. Слабый контакт с исполнительницей, плохое понимание особенностей севернорусской народной речи, природы и особенностей народных песен и причитаний — все это обусловило низкий уровень сборника и в значительной степени ограничивает достоверность выводов, к которым могли бы привести записи, его составляющие. И все же при всех недостатках записи Агренево́й имеют определенное значение для изучения наследия И. А. Федосовой. Они расширяют наши представления о ее репертуаре, дают определенный сравнительный материал и т. д.

Сборник О. Х. Агренево́й-Славянской действительно не отличается ни точностью записей, ни строгостью документации и возбуждает немало вопросов как текстологического, так и иного свойства. Так, например, если нам известно, что описание обряда было осуществлено собирательницей со слов И. А. Федосовой при некотором участии «нищей Ульяны» из Петрозаводска, то относительно ряда текстов третьего выпуска мы знаем только то, что все они были записаны от ряда лиц («нищая Ульяна из Петрозаводска», «мещанка Чуева, родом из Шуи», «Наталья Семенова, крестьянка Тверской губернии, Осташковского уезда» и «няня Марья Ивановна» и др.); среди которых И. А. Федосова упоминается обычно в первую очередь. Более точные сведения здесь сообщаются только в первых двух отделах, в которые были включены «Плачи, голошения и причитания по умершим» и «Голошения по рекрутам и рекрутские песни», причем И. А. Федосовой здесь принадлежит 10 из 19 опубликованных похоронных и одно из трех рекрутских причитаний.

Если отрицательное отношение к Агренево́й — собирательнице и издательнице возросло у нас по мере рассмотрения изданных ею текстов, то относительно Барсова можно было бы сказать следующее. Мы убеждены в том, что Барсов ничего не сочинял и

⁴³ Там же.

не приписывал и, очевидно, не позволял себе никаких вмешательств в текст. Н. С. Шайжин, по-видимому, несправедливо утверждал, что древнерусские штудии Барсова сказались на языке «Причитаний Северного края». Севернорусские диалекты содержат немало форм, которые воспринимаются как чрезвычайно архаические. Некоторые из них бытуют и до сих пор (например, двойственное число существительных и прилагательных в функции множественного числа и т. п.), другие с достаточной степенью достоверности зарегистрированы диалектологами в XIX—XX вв. Ссылка Н. С. Шайжина на фразеологические обороты, известные ему из письменных памятников («Слово о полку Игореве», «Остромирово евангелие» и др.) еще менее убедительны. Мы не будем подвергать обсуждению все случаи, приведенные Н. С. Шайжиным. Это должны были бы сделать диалектологи. В качестве примера остановимся лишь на приведенном выше сопоставлении со «Словом о полку Игореве» («Ни хытру ни горазду...»). Совершенно очевидно, что здесь речь идет о пословице, которая бытовала еще очень давно и известна до сих пор. Ее использовали автор «Слова» и Федосова или кто-то из ее предшественниц. Эта пословица встречается и в других памятниках, например в «Молении Даниила Заточника», возникшем, кстати говоря, в XIII в. в районе оз. Лача вблизи Каргополя, т. е. на территории, которая в пору существования Олонецкой губернии входила в ее состав.⁴⁴ Встречается она и в других памятниках древнейшей письменности, и в известном сборнике пословиц В. И. Даля.⁴⁵

Следует сказать, что Н. С. Шайжин, утверждая, что в «Причитаниях Северного края» встречаются слова и словосочетания, неизвестные русским крестьянам Олонецкой губернии, был тоже неправ. Некоторые из перечисленных им слов («удольять», «спорыданье» и др.) отыскиваются даже в словаре Даля и известны в севернорусском употреблении из целого ряда источников. Кроме того, если бы даже было доказано, что в сборнике Барсова действительно есть слова или словосочетания, не имеющие параллелей ни в одном из существующих сборников, публикаций, словарей и т. д., это не давало бы нам право подозревать его в сочинительстве. Причитания — жанр не только исключаящий, а, наоборот, предполагающий словотворчество,⁴⁶ причем актив-

⁴⁴ Отметим попутно, что одна из недавних находок «Моления Даниила Заточника» была совершена В. И. Малышевым в Карелии (В. И. Малышев. Новый список «Слова Даниила Заточника». Труды Отд. древнерусск. литер. Инст. русск. литер. АН СССР, т. IV, 1948, стр. 193—200).

⁴⁵ Исчерпывающую сводку см.: В. П. Адрянова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, стр. 167—168.

⁴⁶ См. об этом: А. П. Евгеньева. 1) Язык устной поэзии. (Синонимия). Труды Отд. древнерусск. литер. Инст. русск. литер. АН СССР, т. VII, 1949, стр. 118—214; 2) О некоторых особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (Постоянный эпитет). Там же, т. VI, 1948, стр. 154—189; 3) Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. Л., 1963.

ность его прямо пропорциональна одаренности исполнительницы. Следовательно, несомненные неологизмы (установление которых, кстати говоря, тоже требует специальных изысканий) вполне могли быть созданы и Федосовой, и кем-нибудь из ее предшественниц, у которых она научилась искусству причитывать.

Одним словом, мы убеждены в том, что Барсов-сбиратель вполне заслуживает доверия; он стремился записать и издать как можно точнее. Разумеется, это ему не всегда удавалось. Прочтение текстов, изданных им, показывает, что если в них и не было намеренных искажений, то погрешностей вкралось все же очень много. Продемонстрируем некоторые типы ошибок Барсова, которые возникли или могли возникнуть на различных стадиях записи, подготовки к печати или издания текстов Федосовой.

Однако прежде всего необходимо обратиться к единственному случаю повторной публикации Барсовым одной и той же записи — «Плача о старосте». Подобное сопоставление небезынтересно для характеристики отношений Барсова к текстам, которые он издавал.

«Плач о старосте» до I тома «Причитаний Северного края» публиковался на страницах газеты «Современные известия».⁴⁷ Сравнение текстов обнаруживает разночтения в 29 строках из 183. Некоторые расхождения надо явно отнести за счет правки редакторами газеты или самим Барсовым для газеты. Так, например, последовательно исправлены поканье («ноци» — «ночи», «горюци» — «горючи» и т. д.), далекая от литературной нормы форма множественного числа, исторически восходящая к двойственному («ногама», «рукама» и т. д.), необычная диссимилиация губных («бладую» — «младую»). К этой группе расхождений, вероятно, надо отнести и различное изображение слова «добирается» — «доберается». Выделяются явные опечатки: «налеггли» вместо «легли», «объезжаются» вместо «изъезжаются» (издеваются), «подитко» вместо «падите-тко», «во буйную бы голувшку» вместо «буйну» (ср. здесь же «горючи» и др.), «спорядочных суседушек» вместо «спорядных» — и опечатки, связанные со сходностью начертания конечного «о» и конечного «ъ» («тако» вместо «такъ», «во» вместо «въ» и «въ» вместо «во»). В одном случае можно отметить перестановку слов: «Уж не плут он был до вас не лиходейничек» и «Он не плут был до вас не лиходейничек».

Если бы разночтения всем этим и ограничивались, мы могли бы сказать, что перед нами не очень исправное и специфически газетное воспроизведение текста. Однако, к сожалению, есть и нечто настораживающее. Чем можно объяснить, например, наличие некоторых диалектных форм в газетной публикации

⁴⁷ «Олонецкие губернские ведомости» перепечатали публикацию «Современных известий» (1870, № 62). В связи с тем, что Барсова к этому времени уже не было в Петрозаводске, текст «Олонецких губернских ведомостей» не может учитываться как самостоятельная публикация.

и их отсутствие в тексте из I тома («об обществе собраном» и «собраном», «стеной да городской» и «городовой», «столиком дубовым» и «дубовым», «православным» и «православным», «во полюшке» и «во поле»)? Трудно предположить, чтобы редакция газеты при общей тенденции сглаживания отличий диалекта придумала эти формы. Очевидно, они были в том списке, который Барсов представил в редакцию, но не оказались в чистой копии, с которой набирались «Причитания Северного края». Может быть, это просто ошибки переписчика, не замеченные Барсовым? От такого предположения удерживает нас одно важное обстоятельство. Все разночтения без единого исключения падают на конец строк. Вместе с тем еще Барсов в письме к И. И. Срезневскому отмечал, что последние два послеударных слога каждой строки причитаний обычно не произносятся («Удлинение голоса бывает сначала на третьем слоге, а затем на том, который остается за отсечением двух последних слогов, так сказать, замирающих, — на третьем от конца»).⁴⁸ В связи с этим можно предположить, что Барсов при записи не всегда успевал расшифровать два последних слога, а потом колебался в выборе варианта. Результат подобных колебаний мог сказаться в разночтениях двух публикаций.

Вместе с тем допустимо и другое объяснение. Современный опыт чтения корректур убеждает в том, что диалектные формы типа «собраном», «дубовым» иной раз возникают по инициативе наборщика или корректора, по каким-то причинам не удовлетворенных краткими формами как «недостаточно народными». Как же быть? Следует ли их восстанавливать? В связи с тем, что текст, опубликованный в I томе «Причитаний Северного края», в целом значительно исправнее, по-видимому, необходимо воспроизводить именно его, сообщая разночтения в текстологическом комментарии.

Ошибки Барсова в этом и других текстах могли возникать при записи и в результате неверного понимания того или иного слова или оборота или просто описки, которая потом по каким-то причинам осталась невыправленной. Может быть, что-то при этом следует отнести и за счет оговорок самой Федосовой, особенно если учесть, что условия, в которых она сообщала Барсову свои тексты, были далеко не всегда благоприятными. В статье «О записях и изданиях „Причитаний Северного края“» Барсов вспоминал: «Сначала она ходила ко мне на квартиру, но это оказалось для ней неудобным, так как она должна была в течение дня продолжать своих рабочих. Поэтому я стал ходить сам на ее квартиру, что продолжалось ежедневно около года. Запись происходила при весьма неблагоприятных обстоятельствах: мы сидели с нею в маленькой каморочке рядом с мастерской, она диктовала

⁴⁸ Цит. по: К. В. Чистов. Народная поэтесса И. А. Федосова, стр. 111.

при шуме и стуке рабочих, то и дело развлекалась хозяйственными хлопотами. В то время она была бойкая, подвижная, веселая, в полном расцвете телесных и нравственных сил; душа ее быстро могла повышаться под воспоминанием пережитых явлений народной жизни и непосредственно создавать соответствующие художественные образы. Но было еще одно обстоятельство, которое действовало на нее угнетающим образом. Покойный муж ее хоть редко, но подвержен был „запойной слабости“. В этих случаях Ирина Андреевна была сама не своя, вздыхала, горевала, унывала. Во все те минуты, в кои замечал я подобное угнетение или просто утомление, я тотчас же прекращал записывание плачей и начинал разговор о чем-нибудь стороннем». И далее, приводя пословицы и загадки, которые он записывал в подобные перерывы, Барсов продолжает: «Когда я замечал, что она успокоилась, окончив свои хозяйственные хлопоты, или же после нравственного угнетения приходила в равновесие духа и становилась более или менее веселою, я вновь приглашал ее продолжать причеть.

— Ну-ко, прочитай, что написано! — замечала она; когда я прочитывал то, на чем остановились, она опять, видимо, входила в роль вопленицы; творческая мысль ее подымалась, и слово становилось более выразительным. Так происходила запись изданных мною плачей Ирины Андреевны, погребальных, завоенных и свадебных». ⁴⁹

Обратимся к характеристике основных типов неисправностей в изданиях Барсова и Агреновой. ⁵⁰

1. Описки, связанные с непониманием слова или словосочетания и приведшие к неправильной группировке звуков. Например, «И с соболезнами с сердечными со детушкам», вместо «И со болезными...»; «И когда преж сего поры да было времечко» вместо «И как допреж сего...».

Подобная ошибка встречается в трех томах сборника Барсова много раз. Однако устойчивость ее свидетельствует не о том, что могло существовать и такое словосочетание, а лишь о том, что Барсов, впад однажды в ошибку, механически повторял ее в дальнейшем. Форма «когда преж сего...» резко противоречит обычному способу выражения временных связей в причитаниях (так же как в былинах и некоторых других жанрах), при котором избегается употребление наречий, предлогов, местоимений и т. д., точно обозначающих последовательность действий. ⁵¹

⁴⁹ Архив Гос. истор. музея. ф. 450. Ср. в заметке о Федосовой в I томе «Причитаний Северного края» (стр. 314).

⁵⁰ Мы не касаемся простых опечаток (указанных либо не указанных Барсовым), исправлять которые допустимо без специальных оговорок (например, «судечушко» вместо «сердечушко», «асё» вместо «все», «теперечно» вместо «теперичко», «раскукушка» вместо «разлукушка» и т. д. Заметим, что и такого рода опечаток в трех томах содержится более 200.

⁵¹ Ср.: «И как до этой поры да этой времечки» (Причитания Северного края..., т. II, стр. 223).

Другой пример. «Уж вы *подьте-то*, кокоши горегорькие» вместо «Уж вы *подьте ко* кокоши горегорькой». Вдова, обращаясь к детям, не могла назвать их «кокошами горегорькими», так как «кокоша» — обычное и очень устойчивое (в причитаниях, лирических песнях и т. д.) обозначение вдовы, в данном случае самоназвание причитывающей.

И, наконец, классический пример ошибочной перегруппировки звуков в песне, процитированной Федосовой в автобиографии:

Вот у Мани красно солнышко,
Оно во тумани...

вместо

Во тумани красно солнышко,
Оно во тумани...

Трудно предположить, что Барсов мог настолько не понять песню; здесь же во второй строке дается совершенно правильное начертание.

2. Значительное количество неисправностей, по-видимому, связано с тем, что Барсов по каким-то причинам (быстрота записи, неясность произношения и т. д.) не расслышал окончания слов в послеударной позиции, в исходе строки либо внутри нее. Например, соседка, обращаясь к солдатке, говорит:

И столько судит ли бладыко многомилостливой
И увидать да нам, *надежным* *головушкам*,
И уж как этих солдатушков бесчастных.

Грамматически здесь как будто все правильно. Однако с точки зрения поэтики причети эти строки представляют собой совершенную бессмыслицу. «Надежная головушка» — обычное обращение причитывающей к мужу (т. е. «головушка», на которую возлагаются надежды; ср.: «победная головушка» и т. д.). Называть саму себя «надежной головушкой» причитывающая ни в коем случае не может. Поэтому следует предположить, что Барсов не расслышал окончания, и в действительности должно быть:

И столько судит ли бладыко многомилостливой
И увидать да нам *надежных* *головушек*,
И уж как этих солдатушков бесчастных.

Другой подобный же пример. Вдова говорит о себе:

И буде три поля кручины изнасяти,
И сине морюшко горючих слез *наполнитса*,
И мне-ка ростячи сердечных малых детушек.

Совершенно ясно, что здесь следует не «наполнитса», а параллельное «изнасяти» — «наполнити» (т. е. суждено мне три поля кручиной засеять и три моря горючими слезами наполнить, прежде чем выращу малых детей).

3. Пропуски, произошедшие, очевидно, в процессе быстрого письма, которые по каким-то причинам оказались впоследствии не восстановленными. Например:

И уж я брошу тут цветно это платьице
И я на столики, горюша, на дубовыи,
И я стульица, бесчаштна на кленовыи.

Надо «И я на стульица. . .». Правда, можно было бы предположить, что здесь имеет место характерный для заонежского диалекта пропуск предлога. Однако предлог не пропущен («на кленовыи»), он явно должен быть дважды повторен, так же как в предыдущей строке, т. е.:

И я на столики, горюша, на дубовыи,
И я на стульица, бесчаштна, на кленовыи.

4. Обширна и особенно интересна группа неисправностей, связанных с ошибочным пониманием отдельных слов, словосочетаний или особенностей поэзии причитаний. Так, например, вдова думает о том, как она должна будет посылать детей нищенствовать: «И кладу на руку победным *бурачечочки*» вместо «И кладу на руку победным *бурачечочки*», где «бурачечочки» — лубяные корзинки, которые должны будут носить нищенствующие дети. Или: «Сенокосцем на луговыи на *пашенки*» вместо «Сенокосцем на луговыи на *поженки*» («пожня» — здесь покос, луг). Или: «И я на стенишкку кладу да на *вечовую*» вместо «И я на стенишкку кладу да на *личовую*», где «личовая» (лицевая) стена — стена крестьянской избы, обращенная окнами на улицу.⁵²

Более сложные случаи встретились в «Плаче о потопших» и в «Плаче по дочери». Так, в «Плаче о потопших» обнаруживается непонятная строка:

Не радела бы, обидна красна девица,
Я бы *ворону*, победна, во темных лесах,
Не радела бы соседям спорядовым
Я потопу бы на синем на Онетушке.

Совершенно очевидно, что Барсов не понял употребительное в Заонежье слово «вороп» — т. е. грабеж, нападение, разбой. Строка должна читаться: «Я бы *ворону*, победна, во темных лесах».

В «Плаче по дочери» можно встретить еще более невероятные строчки. Мать хвалит умершую дочь:

За *столом* да дорогая была ткиюшка
Из *котурна* досужай рукодельница.

Здесь Барсовым не понято было два слова. Ткут не «за столом», а «за ставом». «Став» — ткацкий стан, кросна. Для бессмысленного «из котурна» трудно найти достаточно убедительную замену. Можно предположить, что было «За тамбуркою досужают рукодельница», так как в Заонежье и в XIX в. и сейчас вышивают «тамбуркой» — специальным крючком, при помощи которого

⁵² Ср.: «Я на стенишкку сгляну да на личовую» (Причитания Северного края. . ., т. I, стр. 127).

нитка продевается из петли в петлю. Однако исправление это не бесспорно. Его можно предложить в комментарии, но в текст вносить несколько рискованно.

5. Случаи перестановки букв, слов и строк. Элементарный пример этого можно видеть в строке «Я *пгорюша* о *утрышку* ведь ранешенько» вместо «Я *по утрышку, горюша*, ведь ранешенько».

В «Плаче о попе» говорится о попе:

Как подрясничек от ветрышка помахивае,
Так на чистых он полюшках похаживае

вместо:

Как на чистых он полюшках похаживае,
Так подрясничек от ветрышка помахивае.

где переставленными оказались не только частицы «как» и «так», но и строки, с которыми они связаны. Аналогичный пример можно привести из «Плача о дочери», хотя, с другой стороны, не исключено, что сюда могли попасть и какие-то совершенно посторонние строки (в результате рассыпанного и неправильно восстановленного набора либо каких-то искусственных перерывов в записи, о которых говорил Барсов и в замечаниях к автобиографии Федосовой, и в статье «О записях и изданиях „Причитаний Северного края“»). Кстати говоря, подобные случаи несколько раз встречались и в других текстах.

Наиболее сложный случай перестановки строк (при наборе либо при расшифровке Барсовым, условно говоря, «полевой записи») встречается в известном «Плаче о писаре». Здесь переместились относительно друг друга двенадцать строк из «легенды о происхождении Горя»,⁵³ которая неоднократно привлекала внимание исследователей и была использована Н. А. Некрасовым в его поэме «Кому на Руси жить хорошо».

Разумеется, далеко не ко всем неисправностям удастся подыскать убедительные поправки.

Для того чтобы не вставать на путь необоснованных гаданий, предпочтительнее оставить некоторые неисправные места в таком виде, в каком они были напечатаны первыми издателями, оговаривая наши сомнения в текстологическом комментарии. Так, например, в «Плаче о рекруте женатом» причитывающая, упрекая све-кровь за то, что она не печалится о сыне, уходящем в солдаты, неожиданно говорит ей нечто противоположное:

И пораздумаюсь печальным своим разумом:
«И не задумавши сидит да [не?] закручинивши
И [не?] закручинивши она да [не?] запечаливши,
Ясны очушки в дубовый пол утуплены».

Чтобы привести этот отрывок в соответствие со смыслом плача и, с другой стороны, для сохранения ритмической структуры стиха необходимо не только заменить некоторые частицы, но и

⁵³ Причитания, стр. 59—62, 397.

что-то исключить, переставить и т. д.; между тем такие сложные «операции» завели бы нас недопустимо далеко.

6. Ритм стиха, с одной стороны, является важным подспорьем, подсказывающим более или менее надежные конъектуры и сигнализирующим о неисправностях, с другой стороны, вопрос о мере и границах допустимых исправлений в случаях ритмических нарушений представляет едва ли не наибольшую трудность.

В естественном исполнении заонежская причеть (в отличие, например, от беломорской района Сороки и Нюхчи—Сумпосада) имеет относительно четкую ритмическую структуру. Вопрос несколько усложняется тем, что некоторые строки, выпадающие из ритма, могли все же принадлежать Федосовой и явиться результатом перерыва в записи.

В основе стиха Федосовой, как правило, лежит равное количество слогов в строке (обычно 13) с равным количеством основных ударений (обычно 3). Некоторые отклонения в сторону уменьшения количества слогов наблюдаются обычно лишь в свадебных причитаниях или надмогильных причитаниях невесты.

На первый взгляд может показаться, что основные ударения располагаются более или менее свободно, однако это не так. Есть две совершенно устойчивые ритмические группы, организующие стих, составляющие как бы его костяк — анапестическая анафора и дактилическая клаузула. В связи с этим нормальная формула стиха Федосовой 3+7+3 и нормальная структура $\cup\cup\cup|\cup\cup\cup\cup\cup\cup\cup\cup|\cup\cup\cup$, причем второе ударение может передвигаться от пятого до девятого слога и сочетаться с дополнительными (слабыми) ударениями. Однако практически эта система может осложниться, и в этом заключается вся трудность достижения достоверных конъектур при ритмических нарушениях. Так, например, мы уже говорили о том, что два последних слова дактилической клаузулы могут редуцироваться (покрываться всхлипыванием) либо выпадать вовсе. В последнем случае образуется так называемое «обманутое ожидание» — в состав клаузулы мысленно как бы включается односложная или двухсложная пауза.

Например:

И будешь горьки, бедна, слезы проливать $|\cup\cup$
И малых детушек к сердечку прижимать $|\cup\cup\cup$.

Или:

И со кручинушки смертушка не придёт $|\cup$
И со тоски у меня душа с грудей не вьдёт $|\cup$.

Кстати говоря, с этим явлением связан один из примечательных законов расположения слов в строке причитаний — в конце строки никогда не ставится самостоятельное по смыслу двухсложное слово. Клаузула здесь обычно — окончание слова (суффиксы, флексии), либо двухсложное слово — энклитика, входящая в при-

в) Совпадение нарушения ритма с возможностью колебания между полной и усеченной или нормальной и удлинненной формами. Например, «И впереди да *присвягая* мать богородица» вместо «присвята» (образуется строка в 14 слогов). «И надивуются-то *добрыи* эти людюшки» вместо «добры» (тоже 14 слогов).

Следует отметить, что подобных случаев встретилось едва ли не наибольшее количество, что вполне объяснимо с точки зрения обычной техники записи. И вместе с тем исправление большинства подобных ритмических нарушений весьма рискованно. Барсов записывал причитания не «с голоса», а «со сказа», и это не могло не отразиться на ритмической структуре текста.

7. Ремарки. Особенно много путаницы в ремарках II тома. Так, например, из ремарок следует, что причитывает якобы и сам рекрут или солдат, тогда как в действительности причитывает воплоща от имени рекрута или солдата. Иногда остается неясным, к кому обращается причитывающая (что далеко не безразлично); есть и прямые случаи путаницы того, кто и к кому обращается.

8. Названия текстов. Например, «Плач при проводах солдата с побывки» в действительности является «Плачем по солдате, пришедшем на побывку», «Плач по сыну» — «Плачем сестры по брату и матери по сыну» и т. д. Подобные уточнения представляются нам допустимыми, так как название текстов бесспорно принадлежит не Федосовой, а Барсову.

9. Наиболее сложным вопросом, возникающим при рассмотрении текстов, записанных Барсовым, является вопрос о колебании диалектных форм. Одно и то же фонетическое и морфологическое явление изображается Барсовым подчас в трех-четыре вариантах, причем выбор из них наиболее надежного рождает почти непреодолимые трудности.

Так, например, окончания возвратных глаголов изображаются им то как *-ца*, то как *-ца*, или *-тса*, или *-тся*. В соседних строках может встретиться «где» и «гди», «злодейный» и «злодийный», «бладычный» и «владычный», «приближны суседушки» и «приближни суседушки», «топерь» и «теперь», «нынь» и «нунь».

Изучение всех подобных случаев убеждает в том, что у Барсова не было продуманной и ясной системы изображения диалекта: что-то делалось на ходу, что-то забывалось, что-то возникало случайно и т. д. С другой стороны, очень рискованно было бы пойти и по пути унификации. История заонежского диалекта известна нам слишком мало, чтобы можно было отважиться на подобное предприятие. Мы почти не знаем, в какой мере подобные колебания могли иметь место в действительности в 60—80-е годы XIX в., что здесь отнести за счет бессистемности Барсова и что отражало какие-то явления, имевшие место в жизни. Вместе с тем нельзя не обратить внимания на достаточно убедительные примеры реального колебания отдельных форм. Приведем некоторые из них. «И я со светушкама — братцам со родимыма». Здесь две

формы множественного числа чередуются в определенной последовательности. Очевидно, они в равной степени были известны Федосовой, и она придает им известную стилистическую функцию. Прием такой встречается неоднократно, что подтверждает сознательность его применения. Например: «И я сидела за столами как за дубовыма». Колеблются формы деепричастий на *-ца* и *-чи* («видаюца» — «видаючи»), употребление предложного и беспредложного управления и т. д. Множество случаев подобных колебаний можно отметить и для ударений, причем особенно активно развивается, условно говоря, «соревнование» между общерусскими ударениями и характерной для Заонежья тенденцией подтягивания ударения к первому слогу. Например, можно прочесть на соседствующих строках:

И с горя згляну за бросову белу лавочку,
И на твою да згляну вольну эту волюшку.

При этом нет оснований подозревать за этим какую-то ошибку Барсова, известно, что «игра» ударениями — один из распространенных приемов русской народной песни.

Мы не имели в виду описывать все случаи колебания фонетических, морфологических или иных явлений. Нам важно было только показать, насколько, с одной стороны, известная бессистемность Барсова-собираателя и, с другой стороны, неопределенность границ реальных колебаний норм заонежского диалекта прошлого века запутывают, казалось бы, простые текстологические вопросы.

Нет ничего опаснее для фольклористической текстологии, чем гиперкритика текста. Она источник всех вторичных произвольных поправок. Текстолог обязан сомневаться и вместе с тем доверять собирателю и издателю; по крайней мере доверять до тех пор, пока бесспорно не доказано, что они ошиблись. Кроме того, заметить неисправность гораздо легче, чем найти строго обоснованную конъектуру. Поэтому всегда, когда только это представляется возможным, необходимо опираться на какой-то вполне достоверный материал — подобную либо близкую строку у самой Федосовой, сопоставление записей от нее разных лиц (что возможно главным образом для песни), записей от других исполнительниц из Заонежья или близких районов, стихотворные цитаты в предисловиях к I и II томам «Причитаний Северного края», строки подтекстов в музыкальных записях О. Х. Агреновой-Славянской и С. Рыбакова и т. д. К сожалению, возможности подобных сопоставлений оказываются более ограниченными, чем это хотелось бы.

**СЕВЕРНОРУССКАЯ БЫЛИНА В ЕЕ ОТНОШЕНИИ
К ДРЕВНЕРУССКОМУ ЭПОСУ**

Былинный эпос сохранился для нас по преимуществу в своем севернорусском обличье. Правда, сибирские и среднерусские былинны тексты (в отличие от казачьих — южнорусских и уральских) в принципе близки к севернорусским и дают тот же тип эпических песен. Но сибирская и среднерусская традиция сохранилась неизмеримо хуже, представлена беднее и получает свое истолкование лишь в свете традиции севернорусской.

Хронологические границы этой традиции — XVII—XX вв. Они совпадают с хронологией наших реальных знаний русского эпоса. Здесь источник многих проблем, сложностей, загадок, неразрешимых препятствий.

Вспомним, однако, что в аналогичном (а чаще всего — куда в более тяжелом) положении находится научный учет эпической традиции любого другого народа. Мы не знаем таких случаев, когда эпическая традиция фиксировалась бы на протяжении многовекового ее развития, в виде сменявшихся этапов. Эпос любого народа достается нам как нечто давно сложившееся, как результат или, точнее сказать, как один из моментов его исторического развития. Как правило, литература или наука открывали эпос, когда за ним уже стояла долгая и сложная история, и, как правило, страницы этой истории необходимо было восстанавливать, реконструировать, просто прочесть их оказывалось недоступным.

Былины, в том их состоянии, как они были открыты на Русском Севере, являли собой образец живого эпического наследия. Время продуктивного развития эпической традиции было уже позади; народное творчество в познании и в изображении действительности и в выражении владевших народом идеалов ушло вперед. Среда, продолжавшая хранить и передавать из поколения в поколение былинную поэзию, воспринимала и трактовала ее как память о далеком прошлом, как историю «иного» времени, преемственно связанного с временем нынешним, но качественно отличавшегося от него. При всем том былины в общем составе русского фольклорного репертуара не были художественным анахронизмом. Они вполне естественно и гармонично укладывались в этот состав, обнаруживая многообразные — иногда лежавшие на поверхности, иногда глубоко скрытые — связи с другими традиционными жанрами народной поэзии и с другими видами народного искусства. Былины воспринимались как наследие более остро и непосредственно не только по их архаическому содержанию, по «удаленности» от воспевавшихся в них времен, но и по специфическому их положению в функциональной системе фольклорных жанров. За былинами не было закреплено устой-

чивой бытовой функции, подобно обрядовым песням, и они не принадлежали к жанрам массового и повседневного бытования.

Однако вряд ли может быть оспорен тот факт, что былины могли жить и храниться на Севере только в окружении богатой и разнообразной поэтической традиции и что классический русский фольклор здесь был во многих отношениях единым и судьбы отдельных жанров были взаимосвязаны.

Науке еще предстоит многое сделать для уяснения общих художественных процессов, происходивших в севернорусском фольклоре. До сих пор, на наш взгляд, в этой работе недостаточно принимались во внимание сила и прочность художественных традиций, определявших характер и пути развития отдельных жанров, недостаточно учитывалось то обстоятельство, что не только былины, а и такие жанры, как волшебная сказка и сказка о животных, календарные песни и песни свадебные, лирические протяжные, заговоры, загадки (и, может быть, некоторые другие), были унаследованы северным крестьянством в сложившемся (с точки зрения жанровых особенностей, жанровой структуры) виде, в установившихся художественных типах, в определенном сюжетном составе. Предыстория этих жанров нам известна так же плохо, как и предыстория былин. Но зато гораздо полнее и разнообразнее представлен сравнительный материал из других районов России, позволяющий говорить о различиях между фольклором севернорусским и фольклором центра и юга страны. Остается открытым вопрос об истоках этих различий и о времени, когда эти различия выявились: должны ли мы признать их поздними, обусловленными особенностями народной жизни в разных районах страны, либо они характеризуют уже русский фольклор древней Руси?

Давно установлено, что северные сказители не внесли почти ничего нового в сюжетный состав русского эпоса. «Новообразования», известные науке, немногочисленны и в одном отношении характерны: «материалом» для них служили, как правило, не события действительности, не факты истории, а сказки, книжные предания, т. е. тот же фольклор, но иной художественной системы. Былинное творчество в этом смысле неодинокое: есть целый ряд жанров, которые, широко обращаясь на Севере, почти не знают северных новообразований, либо знают такие, что несомненно восходят к фольклору или литературе (например, сказки, пришедшие из лубка, песни литературного происхождения и т. д.).

Севернорусский фольклор имел в своем составе жанры, продолжавшие продуктивно развиваться, т. е. порождавшие новые произведения (например, причитания, предания, исторические песни), и жанры, в основном закончившие продуктивное развитие, творческая жизнь которых протекала специфическим образом, в рамках установившейся и постепенно затухавшей традиции. К этим последним принадлежали и былины.

Два вопроса, тесно между собой связанных, представляют особый интерес: 1) в каком отношении к предшествующей традиции находятся известные нам севернорусские былины?; 2) в чем сущность процессов, происходивших в севернорусском эпосе в последние примерно сто лет?

Начну со второго. По-видимому, достаточно убедительно опровергнуты крайние точки зрения на судьбу былин в XIX—XX вв. Согласно одной из них, которая с особенной резкостью высказывалась в свое время виднейшими представителями исторической школы (В. Миллер, С. Шамбинаго), былины в устах поколений северных сказителей последовательно разрушались, портились и искажались.¹

Согласно другой, высказанной некоторыми современными исследователями, северные сказители творчески переработали древнерусскую эпическую поэзию, отразили в былинах современность — не только окружающую обстановку, природу, материальные условия и быт, но и социальные коллизии эпохи. «В былинах, если брать их целиком, получил полное отражение комплекс местной жизни — социально-экономические отношения, материальная культура, быт и воззрения».²

Неизмеримо более обоснованной и соответствующей реальности представляется нам концепция, согласно которой судьбу русского эпоса на Севере определило диалектическое взаимодействие трех начал: сохранение традиции, ее затухание, ее творческое развитие.

Собиратели XIX—XX вв. накопили значительный эмпирический материал, обобщение которого позволило вполне конкретно увидеть, как сохранялся эпос на Севере, какие жизненные обстоятельства поддерживали его жизнь, какие внутренние условия определяли характер жизни традиции и как шел процесс постепенного и неуклонного ее угасания.

Для уяснения же собственно творческих процессов, происходивших в эпосе, понадобились специальные монографические исследования, анализ огромного числа записей, специальное изучение сказительского искусства. Наиболее значительные и убедительные результаты в этой области связаны с трудами А. М. Аста-

¹ Попытка свести данные, характеризующие общую деформацию былин на Севере, дана, например, в книге С. Шамбинаго «Песни — памфлеты XVI века. Исследование» (М., 1913, стр. 2—24).

² Р. С. Липец. Былины у промыслового населения Русского Севера XIX—начала XX века. Славянский фольклор. Материалы и исследования по исторической народной поэзии славян. М., 1951, стр. 208. О разработке северными сказителями социальной проблематики в рамках традиционных сюжетов см.: Т. М. Акимова. 1) Русский героический эпос в записях середины XIX века. Уч. зап. Саратовск. ун-в., т. VI, 1957; 2) Русские героические былины (схема исторического развития). В сб.: Основные проблемы эпоса восточных славян. М., 1958. Критику этих работ см.: Б. Н. Путилов. Об историческом изучении русского фольклора. Русский фольклор. Материалы и исследования, V. М.—Л., 1960, стр. 72—76; А. М. Астахова. Былины. Итоги и проблемы изучения. М.—Л., 1966, стр. 121—123, 259—260.

ховой.³ Сама исследовательница признает, что ее работа, полемически заостренная против теории затухания эпоса в среде крестьянства, содержала и некоторые преувеличения, и некоторую односторонность.⁴

А. М. Астахова с большой точностью установила весьма важные особенности творческой работы сказителей над былинами, подчеркнув при этом преемственность их творчества по отношению к традиции. Односторонность, собственно, проявилась не в том, что творческая сторона выдвинулась на первый план, как бы заслонив процесс деградации, а в том, что творческий процесс предстал отделенным от этого последнего, противостоящим ему и мало с ним связанным. Творчеству сказителей (особенно хороших, талантливых) придавалась некая самодовлеющая роль, их работа недостаточно объективизировалась, не получала вполне ясного освещения с точки зрения судеб эпического искусства как искусства со своими особыми закономерностями.

Я думаю, что продолжить и углубить сделанное А. М. Астаховой можно на основе изучения севернорусской былины как целостной художественной системы, подвергавшейся переменам не только в отдельных слагаемых, но именно в системе в целом.

Может быть, есть смысл в методических целях освободиться от «магии» личности сказителя и попытаться взглянуть на былины с точки зрения идейных и структурных закономерностей, свойственных эпосу. После известной работы А. Скафтымова, которая как раз мало учитывала объективные закономерности и наделяла былины внеисторическими «эффектами», определявшими якобы их архитеконику,⁵ к проблемам художественной структуры русского эпоса наука обращалась мало. А между тем накоплен значительный материал, в рамках эпического творчества разных народов, позволяющий выявить отдельные слагаемые былинной структуры в их историческом развитии и тем самым приблизиться к уяснению структуры в целом, тоже, разумеется, в ее динамике.

Однако, на мой взгляд, изучать севернорусскую былину в любом из аспектов, не определив хотя бы в предварительном, рабочем плане ее отношения к древнерусскому эпосу, крайне затруднительно, если не сказать бесплодно. Ученый не может не решить для себя, с чем он имеет дело: с обломками бывшего целого? с естественным (преемственным) его продолжением и развитием? с новым художественным явлением, возникшим на основе

³ Результаты эти сжато и вместе с тем очень выразительно отреферированы в книге А. М. Астаховой «Былины. Итоги и проблемы изучения» (гл. VII).

⁴ А. М. Астахова. Былины, стр. 257—258. Здесь же А. М. Астахова справедливо отводит попытки приписать ей (а также В. И. Чичерову) высказывания и мысли о поздней судьбе эпоса, никогда им не принадлежавшие (см. стр. 261, примеч. 101).

⁵ А. П. Скафтымов. Поэтика и генезис былин. Очерки. М.—Саратов, 1924.

переработки старого эпоса? От этого, в частности, зависит наш взгляд на возможности, границы и эффективность взаимодействия северных былин с действительностью, на самый характер их жизни.

Итак, вернемся к первому вопросу, поставленному выше: в каком отношении к предшествующей традиции находятся известные нам севернорусские былины?

Кажущееся многообразие взглядов по этому вопросу, впрочем, не всегда выраженных достаточно четко и проведенных достаточно последовательно, может быть сведено к нескольким принципиальным концепциям.

Одна из них сложилась в недрах исторической школы и составила, можно сказать, методологическую основу большинства конкретных исследований, выполненных представителями этой школы. К каким бы различным выводам о времени и месте возникновения русского эпоса в целом и отдельных его циклов или об исторических приурочениях былинных сюжетов и персонажей ни приходили исследователи, как бы они ни представляли себе сложную историю эпоса, в одном, кажется, они были единодушны: ими руководило убеждение, что севернорусские былины хотя и восходят к древнерусским «былинам» («основным», «первоначальным», «первого типа» и т. д.), но качественно отличаются от них своим содержанием, характером историзма.

С точки зрения В. Ф. Миллера, «первообразы былин» и «современные былины» могут быть схожи лишь в «поэтической форме». «Формы, склад, обороты языка вообще консервативнее, чем содержание, подвергающееся в течение веков разным наслоениям и даже коренной переработке».⁶ «Первые редакции» основывались на исторических преданиях и представляли собой исторические эпические песни, «саги», в которых «исторический элемент естественно должен был... быть гораздо значительнее, либо «хвалебные исторические песни», славившиеся в честь князей; они слагались княжескими и дружинными певцами и были проникнуты политическими интересами времени; в песнях этих «исторические факты перерабатывались под влиянием фантазии», в их сюжетике была значительная доля «бродячего» фольклорного и литературного материала.⁷

Историческая школа признавала, что уже в продуктивный период жизни эпоса, т. е. в условиях древней Руси, в нем происходили значительные перемены, «напластования», «замещения», сюжетные «приурочения».⁸ Значительная роль в преобразовании

⁶ В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. III. Былины и исторические песни. М.—Л., 1924, стр. 27—29.

⁷ Там же, стр. 28 и след.

⁸ См. об этом, например: Ив. Жданов. Русский былевой эпос. Исследования и материалы, I—V. СПб., 1895, стр. V—XI. Характерно, что в данном вопросе автор — представитель миграционизма — очень близок исторической школе.

эпоса придавалась скоморохам.⁹ Считалось также, что уже в древности эпические песни могли доходить до «низшего слоя народа» и здесь «искажаться», «подобно тому как искажаются в олонецком и архангельском простонародье современные былины, попавшие к нему из среды профессиональных петарей».¹⁰ Севернорусские былины представляют собой результат, с одной стороны, длительных и многократных творческих переработок эпоса в сменяющихся исторических, географических, культурно-бытовых условиях, а с другой — «порчи» и искажений в среде крестьянства.

По меткому выражению В. Я. Проппа, для В. Ф. Миллера «былина — испорченное повествование о действительном событии», былины — это «запутанные, забытые и испорченные в крестьянской среде исторические песни».¹¹

В результате, согласно В. Ф. Миллеру, севернорусский эпос сохранил от древнерусского эпоса лишь следы, главным образом в виде элементов поэтической формы, имен, личных и географических, разрозненных бытовых подробностей и отдельных сюжетных мотивов. Впрочем, по вопросу о границах и объеме этих следов единодушия между исследователями не было.

В их взглядах можно усмотреть и известные противоречия. Например, В. Миллер считал необходимым подчеркнуть «значительную прочность сюжетов, богатырских типов» как свидетельство «в пользу замечательной прочности традиции».¹² Опираясь на это положение, он никогда не упускал возможности увидеть в подробностях того или иного сюжета отражение фактов, зафиксированных летописью. Хорошо известно, к каким натяжкам он при этом прибегал. В то же время В. Миллер не раз повторял, что севернорусские былины сохранили от древности имена, но не фабулы. «Имена в нашем эпосе, как и в других народных устных произведениях, древнее фабул, к ним прикрепленных».¹³ Поэтому В. Миллер отказывался — на основании севернорусского материала — от попыток восстановления содержания «первоначальных» былин и делал это лишь тогда, когда располагал литературными данными времени древней Руси.

Скептицизм относительно степени сохранности живого эпоса позволял представителям исторической школы строить любые предположения и домыслы по поводу исторического содержания «первоначальных» былин: несоответствие этого содержания ха-

⁹ См., например: История русской литературы. Т. I. Народная словесность. Под ред. Е. В. Аничкова, М., 1908, стр. 237—238.

¹⁰ В. Ф. Миллер. Очерки русской словесности, т. III, стр. 28.

¹¹ В. Я. Пропп. Основные этапы развития русского героического эпоса. Доклад для IV Международного съезда славистов. М., 1958, стр. 15.

¹² Всеволод Миллер. Очерки русской народной словесности. Былины, [т. I]. М., 1897, стр. 14.

¹³ Там же, стр. 321. Ср.: В. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности, т. III, стр. 55—56.

рактеру северного эпоса относилось всякий раз на счёт непрочности былинных фабул.

В исторической школе (впрочем, и шире — в русской академической науке конца XIX—начала XX в., а затем, в несколько трансформированном виде, и в советской науке 20—30-х годов¹⁴) господствовали представления, согласно которым русский эпос проделал длительную и сложную эволюцию от эпоса собственно исторического к эпосу, сохранившему лишь разрозненные и глухие следы былого историзма, и заключительным этапом эволюции, более всего удалившим наш эпос от его исторических основ, явился северный период его жизни.¹⁵

Правда, нередко такие суждения не мешали ученым высоко ценить художественное и историческое значение живого эпоса. Так, Ю. М. Соколов писал, что «эти древние песни очень ярко и полно отразили в себе разнообразнейшие стороны исторической и бытовой жизни русского народа». Вместе с тем это не мешало ему считать, что «самые разнообразные изменения как в содержании, так и в . . . форме», которым подвергались былины, «носили не внешний характер, а создавали глубокую органическую переработку». Основываясь на результатах работы исторической школы, Ю. М. Соколов прикреплял отдельные былины к определенной эпохе, «хотя бы по своему зарождению». Но относительно других былин (например, об Илье Муромце) он считал, что они «дошли до нас в настолько сильно переработанном виде, что добраться до их истоков . . . почти невозможно».¹⁶ Впрочем, внутреннюю переработку эпоса Ю. М. Соколов относил ко времени, предшествовавшему периоду его северной жизни, и подчеркивал национальное значение дела северных сказителей, сохранивших старинное художественное наследие.¹⁷ Характерна в этом отношении также позиция М. Сперанского, который считал, что наиболее решительное влияние на былину оказал XVI в. «Отслоения XVI в. часто настолько густы, что из-под них с трудом можно рассмотреть старшую основу былины». Отслоения позднейшие невелики и «без труда снимаются», так что «весь круг бытовых представлений, общественных отношений в большинстве былин не выходит в общем за пределы XVI в. или, общее, старого мирозерцания времени Московского царства».¹⁸

¹⁴ См., например: Б. М. Соколов. Русский фольклор. Изд. 2-е. М., 1931, стр. 32—33.

¹⁵ В сущности говоря, на этой же точке зрения стоит Б. А. Рыбаков: «Древнюю основу былины нередко бывает так же трудно разглядеть сквозь фразеологию XVI—XVII вв., как трудно порой угадать античный миф в картинах европейских художников, рядивших древних героев в кружевные костюмы своей эпохи» (Б. А. Рыбаков. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М., 1963, стр. 10).

¹⁶ Ю. М. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 223, 252—255.

¹⁷ Там же, стр. 228 и др. См. также: Б. Соколов. Сказители. М., 1924, стр. 16 и др.

¹⁸ Русская устная словесность. Т. I. Былины. Под ред., с вводными статьями и примеч. М. Сперанского. М., 1916, стр. LXVIII.

Два исходных методологических тезиса поддерживали в нашей науке взгляд на северную былинку как на принципиально иную стадию истории русского эпоса: теория аристократического происхождения эпоса и идея о возникновении былин на основе единичных конкретных фактов, о создании образов былинных героев на основе реальных прототипов.

Естественно, что когда теория аристократического происхождения эпоса была отвергнута как несостоятельная, в нашей науке был обоснован взгляд на северных сказителей как законных и естественных преемников многовековой народной эпической традиции. Самые хронологические границы северной сказительской культуры были отодвинуты вглубь — в соответствии с данными о колонизации Севера.¹⁹

Вместе с тем накопился материал, обобщение которого позволило более конкретно установить, что собой представлял русский эпос к концу его продуктивного периода (XVI—XVII вв.).²⁰ Для нас очень важным является итоговое заключение о соотношении былин продуктивного периода и северного периода, сделанное совсем недавно А. М. Астаховой и основанное на тщательном сравнительном анализе текстов тех и других. А. М. Астахова устанавливает между былинами двух периодов, т. е. между эпосом средневековым (в его оформившемся к концу средневековья виде) и эпосом севернорусским (и шире — эпосом XVIII—XX вв. вообще) принципиальную общность в жанровом типе, жанровой специфике, сюжетном составе, структуре и характере сюжетки, в характере вариантов, в наличии мотивов не только героико-патриотических, но и социальных, сатирических, в обрисовке героев и характеристиках главных богатырей.²¹

Так под давлением фактов начинает разрушаться стена между древнерусской («первоначальной») и севернорусской былинкой, воздвигнутая усилиями исторической школы. Так мы приближаемся — на новых фактических и методологических основах — к уяснению той, не новой в сущности, истины, что и по своему содержанию, и по жанровой структуре, и по характеру историзма севернорусская былина не является чем-то принципиально, качественно новым, иным и что древнерусская былина в своем возникновении и развитии оставалась былинкой, а не исторической эпической песней.

Вопрос о соотношении былины севернорусской (или шире — крестьянской былины XVIII—XX вв.) с древнерусской вновь приобрел в последние годы остроту в связи с возродившейся дискуссией об историзме русского эпоса.

¹⁹ А. М. Астахова. Русский былинный эпос на Севере. Петрозаводск. 1948, стр. 23—27 и др.

²⁰ Былины в записях и пересказах XVII—XVIII веков. Издание подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. М.—Л., 1960.

²¹ А. М. Астахова. Былины, стр. 262—264.

Для представителей неонисторической школы характерна тенденция к тому, чтобы согласовать тезис о первоначальном конкретно-историческом содержании эпоса с признанием высокого художественного и исторического же значения былин XVIII—XX вв.

На практике это неизбежно приводит исследователей к трудно примиримым противоречиям. Так, в книге Б. А. Рыбакова подчеркивается, что «народные былины драгоценны для нас не только своей поэтичностью, торжественной напевностью, но и своей исторической правдой, передаваемой от поколения к поколению на протяжении целой тысячи лет». «История тысячелетней давности дожила в устной передаче как народный учебник родного прошлого, в котором отобрано главное в героической истории народа».²²

Но «историческая правда», обнаруживаемая исследователем в ходе анализа отдельных сюжетов, предстает в виде сложных ребусов, зашифрованных загадок; выясняется, что позднейший эпос не сохранил нам исторически точным почти ни одного имени или географического названия, трансформировал канву событий и переосмыслил характер конфликтов и что вообще он — «не о том».²³ Одно из двух: либо если «первоначальные» былины были историчны в том смысле, в каком это понимает Б. А. Рыбаков, то былины, известные нам по позднейшим записям, никак нельзя считать дожившей до нас «историей тысячелетней давности»; либо, если признать за ними это историческое значение, надо пересмотреть взгляд на летописно-исторический характер древнего эпоса.

Взгляды исторической школы были отчасти пересмотрены, отчасти поддержаны и развиты в работах Д. С. Лихачева. С его точки зрения, былина — «не остаток прошлого, а историческое произведение о прошлом». «Историческое содержание былин передается сказителями сознательно». В эпосе сохранилось «исторически ценное»: не только имена, события, но и «частично... самые социальные отношения глубокой древности». Эпос раскрывает прошлое в рамках единого эпического времени, которое идентифицируется со временем Киевской Руси. Историческое прошлое в эпосе не искажается, а художественно обобщается. Д. С. Лихачева можно понять так, что былины сохраняют именно «исторически ценное», «историческую основу» в виде прямых отражений и художественных обобщений. В остальном же — в сюжете, языке поэтической форме — за время с X по XVII в. произошли значительные изменения.²⁴

²² Б. А. Рыбаков. Древняя Русь, стр. 6, 39.

²³ Подробнее см.: В. Я. Пропп. Об историзме русского эпоса. Русская литература, 1962, № 2; Б. Н. Путилов. Концепция, с которой нельзя согласиться. Вопросы литературы, 1962, № 11.

²⁴ Д. С. Лихачев. 1) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952, стр. 48—77; 2) Человек в литературе древней Руси. М.—Л., 1958, гл. 3;

К этим вопросам Д. С. Лихачев вернулся в недавней своей статье, развернув и углубив некоторые из ранее высказанных соображений.²⁵ Особенное внимание он обращает на отношение самих носителей былевого эпоса к исторической сути исполняемых ими произведений. «Для сказителя и его слушателей былина рассказывает прежде всего правду. Художественность, разумеется, не противоречит этой правде, а позволяет ее лучше выявить». Этот тезис обосновывается многочисленными фактами, почерпнутыми у собирателей и убедительно свидетельствующими о том, что сказители (и их аудитория) верят «в действительность рассказываемых в былине событий». Верящий сказитель «видит в былине „единичный исторический факт“ и конкретные исторические имена». То же самое видели в былине и люди средневековья — в том числе и летописцы, не сомневавшиеся, что «былина рассказывает о действительно имевших место событиях и о действительно существовавших лицах».²⁶ На этом основании Д. С. Лихачев отказывается рассматривать былинку как художественный вымысел и предлагает следующую схему: «Художественное обобщение в былине, как и в русской средневековой литературе, шло от единичного исторического факта, от конкретного исторического лица и конкретного исторического события. Эпическое произведение сперва рассказывало только о том, что было. Это могло быть историческое предание, историческая песнь, слава герою, плач по герою и т. д. Уже в этих первых исторических произведениях была доля художественного обобщения и осмысления истории...»

Затем с течением времени события и исторические лица все больше трансформировались, все больше обрастали вымыслом. Произведение переходило в другой жанр с другой степенью и с другим качеством художественного обобщения. Появлялась былина. Но и былина осознавалась все же как „правда“. Народ стремился бережно сохранить имена, географические названия, историческую канву рассказа».²⁷

Я привел эту большую выдержку, чтобы показать, во-первых, как понимается Д. С. Лихачевым дистанция между «первоначальной» былиной и былиной нам известной, а во-вторых, как ему удается устранить (правда, лишь по видимости) непреодолимый барьер между эпосом древним, с якобы присущим ему открытым, конкретным историзмом, и эпосом поздним, сохранившим лишь сомнительные следы такого историзма.

Русское народное поэтическое творчество. Т. I. Очерки по истории русского народного поэтического творчества X—начала XVIII века. М.—Л., 1953, стр. 178—208.

²⁵ Д. С. Лихачев. Единичный исторический факт и художественное обобщение в былинах. В сб.: Славяне и Русь. М., 1968.

²⁶ Там же, стр. 432.

²⁷ Там же, стр. 431—435.

Однако единственный серьезный фактический аргумент, который привлекается Д. С. Лихачевым, — «вера» сказителей, на наш взгляд, служит не в поддержку, а в опровержение основного тезиса статьи.

Замечу прежде всего, что сказители, хранившие эпос, верили в действительность, если угодно — в историчность эпического мира в целом, со всеми его персонажами, типовыми ситуациями, отношениями, с происходившей в нем борьбой различных сил, с господствующей в нем фантастикой, чудесной или бытовой и психологической недостоверностью. Думать, что сказители верили в этот мир, поскольку он художественно обобщал действительные факты, т. е. поскольку он возводит к летописной истории и этой последней может быть объяснен, у нас нет решительно никаких оснований. Сами сказители не думали, что за этим эпическим миром стоит какая-то иная, «настоящая» история; для них существовала и была реальностью именно эта эпическая история, необыкновенность и неправдоподобность которой снималась в их сознании удаленностью от их времени и их опыта.

Вслед за исторической школой Д. С. Лихачев утверждает, что «народ стремился бережно сохранить имена, географические названия, историческую канву рассказа». Но разве в этом суть былины? Разве «исторической канвой рассказа» ценны былины «Илья и Соловей Разбойник», «Илья и Идолище», «Михайло Потык», «Садко и царь морской» и десятки других? И так ли уж бережно сохранены имена, если для идентификации былинных персонажей в наши дни приходится мобилизовать данные ряда исторических дисциплин? И чего стоит сохранность иных географических названий, если сказители помещают соответствующие города, реки и даже страны на эпической карте, которая и в средние века была бы признана фантастической?

Сказители бережно относились к эпосу в целом (хотя это и не значит, что они его не изменяли), так как совершенно одинаково верили в реальность всех составляющих его элементов.

Но в этом смысле былины неодинокі. Среда, хранившая эпос, верила в реальность и других явлений народной поэзии, дохристианской мифологии, доставшихся ей в наследство. Вряд ли, однако, станем мы за этими явлениями искать «единичные факты». Скорее мы постараемся объяснить их исходя из общих процессов жизни народа и его сознания. Почему же нельзя сделать этого и по отношению к былинам?

«Вера» — это органическое и своеобразное свойство эпической среды, но не объективная функция самого эпоса. Иначе мы должны были бы признать, что и мифология, в которой также немало «историчного», выросла как обобщение «единичных фактов».

По Д. С. Лихачеву получается, что до определенного момента вымысел в фольклоре возможен лишь как результат эволюции эмпирических (в былинах — летописных) фактов. При этом он

ссылается в качестве аналогии на древнюю русскую литературу. Но законы литературы не могут по аналогии применяться к фольклору. Не забудем, что промежуточной основой и материалом «посредником» для отражения в фольклоре действительности служила фольклорная традиция, которая подвергалась в соответствующих условиях переработке, трансформации. Фольклор, в частности фольклор исторический, прошел длительный путь развития, прежде чем конкретный факт стал исходным для содержания эпических песен, конструктивным ядром их сюжетики.

Новейшие сравнительно-исторические исследования показали, что общий генеральный путь эпического творчества идет от эпоса мифологического через богатырскую сказку к эпосу героическому в его различных типовых формах и что историзм как художественное определяющее качество постепенно, через ряд этапов формируется в эпосе. Конкретный историзм есть завоевание народного эпоса на сравнительно поздних этапах его развития. Эпос к нему приходит, а не с него начинается. Применительно к русскому эпосу это означает, что он не открывался историческими песнями, а завершался ими.

Былинный эпос представляет собой один из закономерных этапов в движении народного творчества к подлинной истории, а не проявлением отхода от нее.

Для уяснения отношений севернорусской былины к былине древнерусской мне представляется существенным обратить внимание на следующие принципиальные моменты, связанные с самой структурой, с художественной сущностью того былинного эпоса, который известен нам по записям XVIII—XX вв.

1. Изучение эпоса в сравнительно-историческом плане открывает нам в северных былинах значительные и многообразные связи с архаической (догосударственной) эпической традицией. Эти связи вполне органичны и пронизывают былинный эпос — его сюжетику, образность, характер героизма, изображение внешнего мира, поэтическую структуру. Эти связи определенным образом характеризуют эпическое сознание творцов русских былин, т. е. заключенный в них комплекс представлений о действительности.

Если поверить, что былины, известные нам по записям начиная с XVIII (и даже с XVII в.), сложились в результате эволюции исторических песен, то придется допустить, что эпическая архаика носит вторичный характер. Но откуда и как могла она появиться, как могла она сложиться в виде целостной системы? Она, конечно же, не могла быть воспроизведена заново, повторена, сфантазирована. Ее — в таком виде и в такой целостности — не могли принести ни сказки, ни международная сюжетики. Она могла явиться лишь одним путем — в результате естественного и закономерного усвоения, переработки и отрица-

ния предшествующей эпической системы догосударственного эпоса.

Северная былина соотносится с догосударственным эпосом не прямо, не непосредственно; она представляет собой уже достаточно далекое продолжение архаической традиции на почве героического («государственного») эпоса. Между архаической эпикой в ее «чистом» виде и архаическими элементами былин есть несомненная преемственность, но есть и немалая дистанция, в продолжение которой совершилось рождение и шло развитие русского героического («государственного») эпоса.

Успешные результаты сравнительно-исторического изучения народной эпики, достигнутые на основе применения методики историко-типологического анализа, позволяют вполне обоснованно представить — хотя бы принципиально — характер архаических связей древнерусского эпоса и их постепенную эволюцию к известным нам формам северной быliny. В частности, значительный материал в этом отношении дает исследование В. Я. Проппа.²⁸

2. Преемственная связь севернорусских былин с архаической эпической традицией с особенной очевидностью обнаруживает себя в сюжете.

«Сюжетные линии меняются сильнее и быстрее, чем имена и названия. Это и есть одна из специфических особенностей былинного творчества», — этими словами Д. С. Лихачев солидаризируется с одним из положений исторической школы.²⁹

Современные сравнительно-исторические исследования показали, что основной состав былинных сюжетов может быть соотнесен по принципу типологической преемственности с сюжетикой, типичной для архаических эпосов. Все основные сюжетные темы, которые складываются в недрах догосударственной эпики, известны — в формах уже эпики «государственной» — нашим былинам: змееборство и борьба героя с чудовищами, героическое сватовство, конфликт богатырских поколений, драматические встречи родственников, не знающих о своем родстве, сражения с внешними врагами, захватчиками. Здесь же мы находим типовые эпические ситуации и мотивы, ведущие свое начало от архаической эпики: чудесное рождение, чудесный рост и чудесная смерть героя; представления об «иных» мирах; чудесные превращения, волшебство, возможность предугадывать и предсказывать события, богатырские поединки и т. д.

Важно подчеркнуть, что типологическая преемственность проявляется не просто в общности или сходстве тем, мотивов, представлений и т. д., но в конкретной их разработке, в конкретном художественном выражении. Непосредственный анализ соответствующего материала приводит к убеждению, что вероятность простых совпадений, случайных повторений здесь исклю-

²⁸ В. Я. Пропп. Русский героический эпос. Изд. 2-е, испр. М., 1958.

²⁹ Д. С. Лихачев. Единичный исторический факт. . . , стр. 431.

чена. Перед нами целостная система, которая не могла сложиться путем изменения прежних сюжетных линий, т. е., как считают представители исторической и неисторической школы, «первоначальных» песен, построенных на конкретно-исторической канве. Эта система могла сложиться только в результате переработки — на новых исторических основах — сюжетики догосударственного эпоса и многовекового развития новой сюжетики эпоса «государственного».

Сюжеты древнерусских былин обязаны своим возникновением и оформлением не единичным летописным фактам, а столкновению архаического эпического сознания с новой для народа исторической действительностью, с новым сознанием и новыми идеалами. В этом смысле они вымышлены. Д. С. Лихачев неверно толкует наше понимание эпического вымысла как некоего сознательного творческого акта, как откровенной установки. По его мнению, в эпосе не могло быть ничего такого, чего не было бы уже в эмпирической действительности. «Народ не знал современных форм художественного вымысла, как не знали их и средневековые книжники».³⁰

Все дело в том, что народ знал другие, сложившиеся в недрах первобытного фольклора формы вымысла, которые им самим как вымысел не осознавались, но тем не менее объективно были таковыми.

Сюжетика древнерусского эпоса, основанная на трансформации архаической сюжетики, являлась по отношению к действительности, конечно же, вымыслом, поскольку она не повторяла ее эмпирически. Эпический мир, построенный на основе реального опыта, идеальных представлений, иллюзий и художественной традиции, был вымышленным, хотя создатели его верили в его реальность. Вымысел в эпосе не противостоит истории, но он не подчиняется летописной эмпирике и не исходит из нее.

Таким образом, на мой взгляд, сюжетное содержание былин — с характерными для него типовыми особенностями и глубокой традиционностью — является не «другим жанром, с другой степенью и с другим качеством художественного обобщения» (по отношению к древнерусским «первоначальным» песням), а естественным и органическим продолжением древнерусской эпической сюжетики.

Задача состоит в том, чтобы по возможности полнее и определеннее выявить динамику развития в эпической сюжетике с того времени, когда она стала приобретать исторический характер, до того времени, когда живой процесс оказался завершенным.

3. В былинах мы сталкиваемся со своеобразным миром, в котором все необычно — не только с точки зрения северного певца, но и с точки зрения историка, причем необычность эта не того рода и масштаба, чтобы от нее можно было бы отмахнуться,

³⁰ Там же, стр. 433.

пренебречь ею хотя бы на время, отнести ее на счет позднейшей фантазии, «обрастания вымыслом».

Здесь необычно все — географическая и политическая картина мира, пространственные и временные понятия, общественные отношения, социальные институты, человеческие возможности, сами люди, наконец. Необычное слито с обычным, свободно взаимодействуя.

Историческая школа неоднократно пыталась вычленить в поздних былинах эмпирическое начало, но неизменно терпела неудачи, так как механически подходила к взаимоотношению реальной истории и вымысла в эпосе. В своих работах Д. С. Лихачев попытался расширить круг традиционных исторических сопоставлений в былинах. Он пришел к заключению, что былины не только отражают «отдельные исторические события или отдельных исторических лиц», но и «частично воспроизводят самые социальные отношения глубокой древности, переносят их в обстановку Киевской Руси».³¹

Однако в фактической аргументации³² этого своего утверждения Д. С. Лихачев неправ.³³ В частности, нет достаточных оснований видеть в отношениях между князем и богатырями в былинах отношения князя и дружины в истории.

Несовпадения эпоса с эмпирической историей изначально и органичны, и они получают свое объяснение в свете современных научных представлений о типологии эпического творчества.

Нет никаких оснований отрицать значение «единичных фактов» для эпоса. Но они должны быть поняты в общей системе эпоса, в системе эпического историзма, который в своем развитии прошел закономерные этапы и эволюция которого характеризуется не ослаблением, а, напротив, усилением конкретно-исторического начала.³⁴

Эпический мир (былинный мир) возник и динамически развивался как сложное целое. Сравнительно-исторический анализ позволяет с известной определенностью выявить в нем «первоначальное», наиболее архаичное и проследить его эволюцию.

В былинах, известных нам по записям XVIII—XX вв., несомненно отразился процесс размывания красок, которые характеризовали древнерусский эпос. Размыванию подверглось историческое содержание его, но не в том смысле, как это думала историческая школа. Эволюционировал и менялся эпический историзм, эволюционировали представления об эпическом мире

³¹ Д. С. Лихачев. Возникновение русской литературы, стр. 62.

³² Там же, стр. 52—63.

³³ См. об этом: Б. Н. Путилов. Об историзме русских былин. Русский фольклор. Т. X. Специфика фольклорных жанров. М.—Л., 1966, стр. 115—118.

³⁴ Подробнее об этом см.: Б. Н. Путилов. Проблемы жанровой типологии и сюжетных связей в русском и южнославянском эпосе. В сб.: История, культура, фольклор и этнография славянских народов. VI Международной съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1968.

и господствующих в нем отношениях. Вот эту-то эволюцию в ее конкретных и многообразных представлениях всего важнее выявить для понимания севернорусской былинны.

4. Эпическому творчеству свойственны свои художественные законы, которые в совокупности составляют сложную и относительно цельную систему. Эпический мир, о котором выше говорилось, создан по этим законам, он есть проявление художественной системы эпоса. К эпическому творчеству в особенной степени применимы слова Д. С. Лихачева о том, что «внутренний мир художественного произведения имеет еще свои собственные взаимосвязанные закономерности, собственные измерения и собственный смысл, как система».³⁵ В особенной степени потому, что эпос, искусство по своей природе дореалистическое и уходящее корнями в первобытность, связан с закономерностями коллективного, безличного творчества и спецификой коллективного мышления сравнительно ранних исторических эпох. Эпос как явление искусства обладает загадочностью, которая проистекает из его несоответствия реальному миру и реальным отношениям в нем, из его художественной многомерности.

Эстетическая система эпоса обнаруживает себя в единстве эпического мира и художественной структуры, поэтики, жанровой специфики эпоса.

Изучение былин показывает, что им свойственны определенные структурные особенности, определенные жанровые признаки, поэтические качества. Историческая школа чисто механически понимала эпическую форму и потому, декларируя коренные изменения в содержании былин, одновременно допускала сохранение их формы.

Между тем эпос развивался и видоизменялся как система.

Северные сказители унаследовали именно систему, хотя, вероятно, как показывают некоторые предварительные наблюдения, отдельные элементы ее эволюционировали не синхронно и не одинаково.

Эпическая система соответствовала сознанию среды, творившей эпос, и в известной степени развивалась вместе с развитием этого сознания. Говорю «в известной степени», потому что художественная система обладает внутренней прочностью и опирается на мощную традицию; думать, что эпос легко менялся в зависимости от поворотов истории и от идеологических исканий народных масс, нет достаточных оснований.

Северные крестьяне уже не были творцами эпоса в собственном смысле, они были его хранителями. Сознание певцов находилось в сложном взаимодействии с эпическим сознанием, доминировавшим в унаследованном эпосе. Здесь было и известное равновесие, определявшееся в первую очередь глубокой верой

³⁵ Д. Лихачев. Внутренний мир художественного произведения. Вопросы литературы, 1968, № 8, стр. 76.

сказителя в достоверность эпического мира. Но здесь несомненно имели место и нарушения такого равновесия, обусловленные все увеличивавшейся дистанцией между временем, когда жили северные сказители, и эпохой, когда эпос создавался в своих основах.

Сказители наследовали и хранили эпос, но не механически, а соответственно своим понятиям о нем.

Предстоит исследовать севернорусскую былину с точки зрения эволюции жанровой структуры эпоса в таких ее наиболее существенных слагаемых, как сюжетосложение, композиционные принципы, категории пространства и времени, структура образов эпических героев, стилистика, структура былины как песенно-импровизационного жанра.

Вопреки утверждениям исторической и неисторической школы мы с полным правом рассматриваем севернорусскую былину как заключительный и закономерный этап в многовековом, вполне органичном и естественном, процессе русского эпического творчества. Северная былина ни в каких принципиальных отношениях не является результатом качественных жанровых трансформаций древнерусского эпоса (хотя в рамках системы могли совершаться серьезные изменения) — она его продолжает и завершает.

Принципиальные особенности русского эпоса как жанра — с характерными для него сюжетикой, историзмом, героикой и идеалами, кругом персонажей, «эпическим миром» — были унаследованы Севером в их известном, исторически сложившемся многообразии и в их динамике. Эпос как система здесь, на Севере, сохранялся, менялся и постепенно разрушался.

Эти три динамические качества определяют (в их единстве) характер и всего севернорусского былинного наследия в целом, и отдельных сюжетов или сюжетных циклов, и единичных текстов.

Методическую основу для изучения севернорусских былин в их отношении к древнерусскому эпосу должен составить сравнительный анализ, обусловленный открытыми современной наукой закономерностями исторической типологии народного эпоса и опирающийся на обширные данные, которые выразительно характеризуют тот или иной тип эпоса в его динамическом состоянии.

Один из выводов, подсказываемый современными исследованиями и имеющий немаловажное методическое значение, состоит в том, что процесс эпического творчества в принципе необратим: системы, возникающие на определенных этапах и характеризующиеся типологической определенностью, могли поддерживаться, сохраняться, постепенно распадаться или трансформироваться в новые системы, но они не могут быть, естественно, созданы вторично, заново; эпическое творчество не может возвращаться

к пройденным типологически этапам; архаика невосстановима в естественном течении эпического творчества.

Другой вывод заключается в том, что различные элементы системы живут не в едином темпе, их развитие происходит неравномерно. В одних сферах архаика может задерживаться сильнее, в других преодолеваться быстрее и органичнее.

Севернорусская былина не представляет собой чего-то единого на всех ее уровнях. Это, конечно, осложняет анализ, но это же позволяет надеяться получить выводы, которые смогут в какой-то мере отразить всю сложность реальных процессов в русском эпосе.

В. Я. Пропп

ЗМЕЕБОРСТВО ГЕОРГИЯ В СВЕТЕ ФОЛЬКЛОРА

В изучении древнерусской живописи за последние 50 лет достигнуты очень крупные успехи. Спасено от забвения огромное количество памятников. Начата искусная работа по их реставрации. Реставрированные произведения определяются по месту и времени их происхождения и изучаются. Создана последовательная научная история древнерусской живописи.¹ Появилось множество специальных работ.

И тем не менее многое еще предстоит сделать. В изучении древнерусской живописи до сих пор допускается ошибка, унаследованная от дореволюционной науки: памятники этой живописи исследуются теми же методами, какими изучаются произведения отдельных крупных мастеров от XVIII в. и до наших дней. Так, одной из главнейших задач считается установление авторства. Бесспорно, что эта задача должна решаться по возможности для каждого из существующих памятников. Но при этом упускается из виду, что одна и та же икона иногда возможна в десятках вариантов. Понятие «вариант» вообще не входит в обиход этой науки. Каждый памятник изучается как отдельное самостоятельное произведение, в лучшем случае — как произведение локальной школы: киевской, новгородской, владимиро-суздальской, псковской, московской и др.

Между тем наличие вариантов вызывает необходимость их сличения между собой независимо от локальных границ. Сравнение вариантов издавна применяется в изучении фольклора. Оно применимо и при изучении иконописи. Особенно плодотворно может оказаться изучение икон, изображающих змеборство Георгия. Сюжет этот тесно связан с фольклором. Он представляет собой частный случай всемирно распространенного сюжета борьбы героя со змеем, имеющегося кроме иконописи в сказ-

¹ История русского искусства. Под ред. И. Э. Грабаря. Тт. I—III, М., 1953—1955.

ках, легендах, духовных стихах, житиях. Особенно широко этот сюжет распространен в сказках. В указателе сказочных сюжетов Аарне-Андреева он предусмотрен под № 300. Сюжет этот имеет почти всемирное распространение.² В английском издании Томпсона названы варианты примерно на тридцати европейских языках и частично (очень скудно) на языках других континентов.³ Русских вариантов в настоящее время можно назвать свыше ста.

Наличие сюжета змеборства в сказках для нас очень важно. Волшебная сказка имеет доисторическую давность. Сказка доказывает, что мотив змеборства не был создан иконописцами, он был ими унаследован.

Хотя предмет нашего изучения не сказка, указать на эту связь необходимо. Между тем иконы, изображающие змеборство, изучались безотносительно к каким бы то ни было письменным или словесным материалам, и наоборот, житие Георгия изучалось безотносительно как к фольклору, так и к изобразительному искусству. Литература вопроса огромна, мы можем указать лишь на некоторые образцы. Особенно тщательно изучалось житие Георгия на византийской почве. Здесь можно назвать капитальный труд А. П. Кирпичникова,⁴ ответ на него А. Н. Веселовского,⁵ большую работу А. В. Рыстенко,⁶ немецкие работы Крумбахера⁷ и Ауфгаузера.⁸ Литература вопроса чрезвычайно богата, но методология этих работ устарела. Несмотря на феноменальную эрудицию, исследователи совершают элементарные ошибки, которые ставят под сомнение результаты их работ. Достаточно привести два-три показательных примера. А. И. Кирпичников, например, в конце своего огромного труда пишет, что сказания о битвах с чудовищами основаны на веровании, будто «существовали когда-то на земной поверхности чудовищные змеи. Это верование основывается на факте, на воспоминании о вымерших видах животных, остатки которых пока встречались в окаменелостях», «существование в некоторых странах сильных и опас-

² Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929. Дополнения см.: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева, т. III. М., 1957, стр. 464.

³ The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography. Antti Aarnes Verzeichnis der Märchentypen Translated and Enlarged by Stith Thompson. Second Revision. FFC, № 184, Helsinki, 1967.

⁴ А. И. Кирпичников. Святой Георгий и Егорий Храбрый. Исследование литературной истории христианской легенды. СПб., 1879.

⁵ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов. II. Св. Георгий в легендах и обряде. Сборник Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. наук, т. XXI, № 2, 1880.

⁶ А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии и драконе в византийской и славяно-русской литературе. Одесса, 1909.

⁷ Karl Krumbacher. Der heilige Georg in der griechisch-engl. Überlieferung. Aus dem Nachlasse des Verfassers hrsggeg. von Albert Ehrhardt. Abh. Königl. Bayerisch. Akad. Wissensch. Philos.-philolog. u. histor. Klasse, XXV, Bd. 3.

⁸ J. B. Aufhauser. Das Drachenvunder des heiligen Georg in der griechischen und lateinischen Überlieferung. Leipzig, 1914.

ных для людей земноводных вроде крокодилов способствовало живучести этого воспоминания».⁹ Итак, мотив змеборства Георгия вовсе не фантастичен, он основан на реальной борьбе с чудовищами, и в том числе с крокодилами. Такую же беспомощность в подведении итогов, какую обнаруживает А. И. Кирпичников, мы находим и у А. В. Рыстенко. Не ссылаясь на А. И. Кирпичникова, он повторяет его выводы: «Георгий несомненно лицо историческое, — пишет он. — Как бы ни фантастичны казались нам рассказы о змеборстве, все же в основе лежит какой-то реальный факт... На создание подобного рода рассказов влияли настоящие страшные крокодилы, ужасные змеи».¹⁰

И другие крупные ученые делали иногда очень странные утверждения. А. Н. Веселовский, например, изучая византийские жития Георгия, белло касается и некоторых русских материалов и говорит о них так: «Русское представление о Георгии светлорубым, по локоть руки в красном золоте, по колена ноги в чистом серебре, очевидно, внушено иконописью».¹¹ На самом же деле нет ни одной иконы, на которой Георгий изображался бы с золотыми руками и серебряными ногами. Такое изображение встречается только в сказках и духовных стихах.

Наиболее обстоятельное исследование жития Георгия принадлежит Крумбахеру, который великолепно знал византийскую, латинскую и частично восточную рукописную традицию и подробно эти рукописи изучил. Исследовал он исключительно жития. Конечный итог его разысканий состоит в том, что житие Георгия есть литературное произведение, автора которого установить невозможно.¹² Действительно, можно признать, что историю рукописного жития необходимо проследить хронологически и что автора установить невозможно. Но Крумбахер не понимает, что история рукописи и история сюжета — разные области изучения. И если в изучении рукописей он первоклассный мастер, то его предположения о происхождении сюжета звучат наивно и по существу не отличаются от гипотез его предшественников. По его мнению, Георгий — историческая личность. Об этом он пишет так: «Георгий был и остается исторической личностью, хотя мы и не можем вполне рассеять тот мрак, который окружает более подробные обстоятельства его жизни».¹³ Другой немецкий исследователь Ауфгаузер также полагает, что в основе легенды лежат какие-то фактические события и что она составлена одним автором.

Названные авторы так или иначе убеждены в византийском происхождении как рукописной традиции жития Георгия, так

⁹ А. И. Кирпичников. Святой Георгий и Егорий Храбрый, стр. 109.

¹⁰ А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии... стр. 462.

¹¹ А. Н. Веселовский. Разыскания в области русских духовных стихов, стр. 150.

¹² К. Крумбахер. Der heilige Georg..., S. 240.

¹³ Там же, стр. 244.

и самого сюжета. Все иные теории темпераментно отвергаются, но отвергаются не столько в силу научной аргументации, сколько в силу субъективного убеждения, что это так. Любые теории невизантийского происхождения сюжета подвергаются презрительной насмешке. Но насмешка — не научная аргументация. Есть множество иных теорий первичного происхождения мотива змеборства в житийной литературе. Так, например, культ христианского Георгия возводился к культу иранского Митры, к культу вавилонского Таммуза; христианские жития возводились к сирийским и эфиопским легендам. Особое внимание обращалось на сходство легенды о Георгии с античным мифом о Персее и Андромеде. Называли также Беллерофонта, Кадама, Геракла, Ясона, Аполлона, побеждающего дельфийского дракона Питона, греко-римского Митру и некоторых других змеборцев, и в том числе змеборцев Индии и Китая.

Мы не будем входить в детали подобных сопоставлений и связанных с ними теорий. От приведенных выше теорий византийского происхождения они отличаются заменой Византии другими местами. Эрудированность авторов этих теорий слабее, чем эрудированность специалистов по Византии, но сущность теории — утверждение однократного и одноместного происхождения сюжета — по существу не отличается от теории византийского происхождения. На наш взгляд, следует говорить не о временно-пространственных координатах, а об исторических условиях, приводящих к возникновению одинаковых сюжетов у разных народов. Для правильного решения вопроса следовало бы изучить весь существующий материал по мотиву освобождения женщины от дракона, в каком бы жанре или виде народного творчества (обряд, миф, сказка, легенда, житие, духовный стих, икона и т. д.) и к какой бы эпохе начиная от народов, близких к первобытнообщинному строю, и до современных данных эти материалы ни относились. Практически это сделать сейчас еще почти что невозможно. Тем не менее частные работы имеют право на существование как материалы для будущих историко-теоретических обобщений.

В советское время появилась большая работа В. Н. Лазарева, специально посвященная некоторым вопросам изучения образа Георгия.¹⁴ Здесь рассмотрены все виды икон, на которых изображен Георгий. С нашей точки зрения, такой номенклатурный подход к совершенно разнотипным и гетерономным явлениям представляет собой методологическую ошибку, приводящую к неправильным выводам, несмотря на обилие привлекаемых материалов.

¹⁴ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века и образ Георгия-воина в византийском и древнерусском искусстве. Византийский временник, т. VI, М., 1953. Переиздано в кн.: В. Н. Лазарев. Русская средневековая живопись. М., 1970. В дальнейшем ссылки делаются на последнее издание.

Высказывались в советской науке и более правильные и убедительные взгляды. Так, Б. Н. Путилов, изучавший южнославянские песни о змеборстве, высказывает очень правильную мысль, применимую более широко, чем это делает автор: «В целом южнославянские песни о змеборстве принадлежат догосударственному эпосу».¹⁵

Настоящая работа посвящена изображениям змеборства на русских иконах. Такое изолированное изучение делается с оглядкой на более общие проблемы, решение которых предстоит в будущем, но не в этом состоит цель работы. Цель работы — дать обзор, систематизацию и изучение материала иконописного.

Перебирая материалы, прежде всего можно установить, что есть два вида икон, изображающих Георгия.

В иконах первого вида Георгий изображается стоя. Это, так сказать, портретное изображение его. Такова, например, икона новгородской школы XII в., хранящаяся в Третьяковской галерее. Георгий изображен в фас, во весь рост. В правой руке он держит копьё, левой придерживает меч. Одежда многокрасочна. Это воин на страже родины. Икона обладает высокими художественными достоинствами.¹⁶ Не менее выразительна другая икона, хранящаяся в Успенском соборе в Москве. Георгий здесь изображен не в рост, а по пояс.¹⁷ Таких примеров, русских и византийских, можно привести несколько. Виды и разновидности икон, на которых Георгий (иногда вместе с другими святыми) изображается стоя, рассмотрены в упомянутой работе В. Н. Лазарева. «Византийцы отдавали предпочтение фигуре стоящего Георгия, опирающегося левой рукой на щит, в правой же держащего копьё».¹⁸ То же имело место на Кавказе. Изучение таких икон — особая проблема, которая здесь затрагиваться не будет.

Но есть иконы, посвященные Георгию, совершенно иного вида. Это не портреты, а изображение его борьбы со змеем. Георгий показан не статически, а в движении. Существует три типа таких икон.

На одних Георгий показан на коне, медленной поступью подвигающемся вперед. Впереди него идет Елизавета и ведет на поводу покоренного героем змея. Они приближаются к башне, на которой находятся родители Елизаветы, иногда еще и другие люди.

На иконах второго типа нет ни Елизаветы, ни ее родителей, нет никаких построек; на иконе изображается только смертель-

¹⁵ В. Н. Путилов. Русские и южнославянские песни о змеборстве. Русский фольклор, XI, 1968, стр. 36.

¹⁶ В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись. М., 1969, табл. 3.

¹⁷ История русского искусства, т. II, стр. 121; В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись, табл. 4, 5.

¹⁸ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века..., стр. 56.

ная схватка Георгия со змеем. Сидя на скачущем коне, Георгий вонзает копьё в пасть змея.

Третий тип может быть рассмотрен как смешение двух первых. Георгий сидит на коне и могучим движением поражает змея копьём. Змея ведет на поводу Елизавета. На иконе изображены также ее родители, которые находятся наверху какой-нибудь башни и смотрят на происходящее.

Мы рассмотрим все три типа отдельно, но раньше, чем приступить к рассмотрению их на образцах, необходимо поставить вопрос о степени распространения в России икон Георгия на коне независимо от принадлежности их к тому или иному типу.

Тут окажется совершенно неожиданная картина. Иконы Георгия на коне нет ни в одном из храмов Московского Кремля. Есть только изображение его стоя. Возможно, что это случайность, что такие иконы в этих храмах были, но не сохранились там. Однако такое предположение маловероятно. Имеется научно сделанная опись икон Троице-Сергиевской лавры, как находящихся в церкви, так и хранящихся в архиве. Всего учтено 1127 икон. Иконы Георгия-змееборца в этой описи нет ни одной.¹⁹

Эти наблюдения наводят на мысль, что культ Георгия-змееборца не признавался официальным богословием. Как Кремль, так и Троице-Сергиевская лавра были местами государственного культа. Эти храмы были храмами царей и высшей знати. Георгий-змееборец вошел в культ вопреки церковному руководству. Мы имеем прямые данные о запрещении культа Георгия церковными властями. Но никакие запрещения не могли препятствовать его широкому распространению. По этому поводу А. И. Кирпичников сообщает: «Апокрифическое житие Георгия ясно и положительно осуждается в славянских индексах запрещенных книг». Это запрещение распространялось и на иконопись, но оно не соблюдалось. «Если, несмотря на запрещение Геласия, даже клерики продолжали переписывать апокриф, иногда сокращая его... тем с большим правом овладевала им национальная поэзия и искусство. Его перелагали в стихи во всех почти христианских странах, им украшали стены храмов».²⁰ О том же, ссылаясь на Крумбахера, пишет В. Н. Лазарев: «Житие Георгия вызвало резкое осуждение в *Decretum Gelasianum* (конец V века?), где оно было приравнено к запрещенной апокрифической литературе».²¹ Однако это запрещение не соблюдалось, о чем свидетельствует новый запрет патриарха Никифора (начало IX в.). В. Н. Лазарев приводит и некоторые другие подобные же свидетельства.

¹⁹ Ю. Олсуфьев. Опись икон Троице-Сергиевской лавры до XVIII века и наиболее типичные XVIII и XIX веков. Сергиев, 1920.

²⁰ А. И. Кирпичников. Святой Георгий и Егорий Храбрый, стр. 33.

²¹ В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века... стр. 69.

Наличие запретов объясняет некоторые другие факты. Так, например, во всем наследии Рублева также нет ни одного изображения Георгия-змеборца. Рублев выполнял государственные заказы, передаваемые ему представителями светских и церковных властей.²² Этим же можно объяснить, почему, например, в церкви Спаса Нередицы в Новгороде также не было ни одного изображения Георгия в борьбе со змеем. Нередицкие фрески были изданы полностью в 1925 г.²³ Здесь имеется 143 репродукции, но Георгия-змеборца в их числе нет.

Можно заметить, что за одним единственным исключением (о нем речь ниже) Георгий вообще не изображался на фресках. Эти данные показывают, что в утверждении А. И. Кирпичникова («изображения Георгия украшали стены храмов»), следует внести уточнение: подобные изображения имелись только на иконах, на фресках их не было. Такие иконы имелись во множестве церквей, преимущественно в сельских местностях и в провинциальных городах, но их не было в больших храмах государственного значения.

Мы остановимся на анализе некоторых избранных характерных образцов изображения Георгия, начиная с рассмотрения того типа, в котором Георгий мирно приводит змея и Елизавету к ее родителям: она ведет на поводу усмиренного змея, Георгий сопровождает ее на коне.

Одно из древнейших русских изображений имеется на фреске Георгиевской церкви в Старой Ладого. Это единственная известная нам фреска на данный сюжет в России. Все остальные изображения Георгия принадлежат станковой живописи.²⁴ Мы здесь не будем останавливаться на изучении этой замечательной фрески, упомянем только, что некоторые авторы не видели, что на ней изображено. Вот что пишет Т. Г. Муратов: «На стене диаконника сохранилось изображение покровителя храма, святого Георгия на коне, поражающего дракона».²⁵ Увы! Георгий на этой фреске отнюдь не поражает дракона. Он изображается безоружным, при нем нет ни меча, ни копья. Георгий только сопровождает Елизавету, мирно ведущую змея за пояс, обвязанный вокруг рога, за которой тот покорно пол-

²² Julia A. Lebedewa. Andrej Rubliov und seine Zeitgenossen. Dresden, 1962 (97 репродукций); В. Н. Лазарев. Андрей Рублев и его школа. М., 1966 (194 репродукции).

²³ Государственный Русский музей. Фрески Спаса Нередицы. Л., 1925. Репродукции см.: История русского искусства под ред. И. Грабаря. т. VI(1). М., 1914, стр. 133; В. Н. Лазарев. 1) Искусство Новгорода. М.—Л., 1947, табл. 14; 2) Новый памятник станковой живописи XII века... стр. 86; 3) Фрески Старой Ладого. М., 1960, табл. 10—13 (лучшая репродукция). История русского искусства, т. II, стр. 93; Прекрасное описание дал Н. Репников в статье «О фресках церкви св. Георгия в Старой Ладого» (Изв. Комитета изучения древнерусской живописи, вып. I, Пб., 1921). Красочную репродукцию зарисовки от руки с дорисовкой некоторых деталей см.: Н. Е. Брандербург. Старая Ладога. СПб., 1896.

²⁵ История русского искусства, т. VI(1), стр. 120,

зет, вытянувшись во всю длину своего тела. По мнению Т. Г. Муратова, изображение это занесено из Византии и «выражает вкусы аристократической, княжеской Руси XII века».²⁶ Выше мы видели, что как раз в княжеских церквях этой иконы никогда не было и что она выражает вкусы не аристократии, а демократических низов.

Раньше, чем приступить к истолкованию иконописного материала, необходимо рассмотреть, как сам народ понимает различные виды изученных нами изображений, начиная с тех, в которых Георгий приводит Елизавету со змеем к дому ее родителей. Для истолкования этой иконы имеется очень ценный вспомогательный материал, а именно духовный стих о Егории Храбом и Елизавете Прекрасной. Стих этот довольно редок. В XIX в. он был уже полузабыт.²⁷ Специально он никогда не изучался. Подробное изучение его не может входить в наши задачи. Для наших целей достаточно установить сюжетный стержень, а этот стержень во всех вариантах один и тот же. Сюжет сводится к тому, что в некотором фантастическом городе или царстве (град Антоний, Рахрынь-город, царство Арапинское и др.) живут царь и царица. Они язычники, иногда отступники от христианской веры. По гневу господню, без всякого внешнего повода бог насылет на город страшное бедствие. Появляется «поедучая змея», которая требует на пожирание каждый день по человеку. Жители обращаются к своему царю, и он предлагает, чтобы жертва ежедневно определялась по жребию. Жители принимают такое предложение. Но вот жребий выпадает на царя. Царь советуется с женой, как ему спастись, и та предлагает ему вместо себя отправить на жертву их дочь Елизавету. В большинстве вариантов она не той веры, что ее родители, она христианка:

Не нашему богу она молится.
Она молится господу распятому.²⁸

Свою дочь они обманывают, снаряжают ее будто к венцу. Но Елизавета все понимает. Ее ведут к морю или озеру, в котором обитает змей, и оставляют ее там. В дальнейшем песня повествует, что мимо того места, куда приведена царевна, на белом коне проезжает Георгий. Георгий — воин, который после ратных подвигов возвращается домой. Он выпрашивает девушку и остается около нее, чтобы спасти ее от змея. Девушка ищет у него в голове, и он засыпает. Появляется змей; Елизавета не может добудиться героя и плачет. Горячая слеза падает ему на щеку, и он просыпается. Легко заметить, что эти де-

²⁶ Там же, стр. 130.

²⁷ Перечень вариантов см.: А. И. Кирпичников. Св. Георгий и Егорий Храбрый, стр. 176. Он называет 8 вариантов этого стиха. Ср.: П. Бессонов. Калики перехожие. вып. I. М., 1861, №№ 117—120.

²⁸ П. Бессонов. Калики перехожие. № 119.

тали совпадают со сказкой об избавителе-змеборце. В дальнейшем, однако, дело происходит иначе, чем в сказке. Мы ожидали бы, что герой схватится со змеем, убьет его и освободит царевну. Но в песне никакого боя нет. Георгий не убивает змея, а укрощает его: он произносит над ним заклинание или ударяет его своим «скипетром», и змей полностью смиряется. Он побежден как бы внутренней силой героя. Георгий предлагает Елизавете снять свой пояс. Пояс этот он обматывает вокруг шеи змея, а конец его дает ей в руку. Они возвращаются к дому родителей Елизаветы, Георгий на коне ее сопровождает. Этот момент и изображен на иконе.

Песня сообщает дальше, что Георгий предлагает родителям Елизаветы принять христианство. Если они согласятся, он убьет змея, если же нет, «я спущу змею лютую на твой град». Родители Елизаветы, конечно, сразу же соглашаются принять истинную веру. Георгий еще требует, чтобы они поставили три церкви, и они на все согласны. На этом песня чаще всего кончается. Певцы совершенно забывают о змее. Формальный конец их мало интересует, но в отдельных вариантах сообщается, что Георгий справляется со змеем и исчезает.²⁹

Рассказ имеет все признаки вторичного образования: это тот же сюжет, что в сказке о герое, освобождающем царевну от змея, которому она отдана на съедение, но перелицованный на церковно-религиозный лад.

Текст песни позволяет полностью расшифровать и научно определить иконописное изображение со стороны сюжета, но песня не раскрывает художественной трактовки в изображении события и действующих лиц так, как это сделано средствами живописи. Выше мы вкратце рассмотрели старолadoжскую фреску. Но сюжет змеборства типичен не для фресковой живописи, а для икон. В качестве образца иконописного изображения мы остановимся на иконе XIV в., хранящейся в Русском музее в Ленинграде.³⁰ Икона эта до сих пор по существу не изучена. В упомянутой книге В. Н. Лазарева о новгородской живописи дан следующий комментарий, в котором высказывается несколько странное понимание ее сюжета: «Царевна кажется игрушечной, и таким же воспринимается и дракон, послушно ползущий за Елисавой. В Георгии нет ничего подчеркнуто воинственного. Хотя в правой руке его виднеется копьё, он им никого не поражает, а несется вскачь, как бы устремляясь на своем белом коне в поле, чтобы охранить

²⁹ Этот же сюжет имеется в житиях, по отношению к фреске более поздних и вторичных, которые здесь не рассматриваются. См.: А. В. Рыстенко. Легенда о св. Георгии... стр. 57—64.

³⁰ Воспроизведена в книге: История русского искусства, т. II, стр. 133. Красочную репродукцию см.: В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись, табл. 47.

крестьянские посевы».³¹ Итак, по мнению В. Н. Лазарева, Георгий совершает свой подвиг как бы мимоходом. Настоящая же цель его состоит в том, чтобы охранять посевы. Откуда здесь взялись посевы, остается неясным. Характеристика эта не выдерживает критики, хотя она и сделана крупным знаком русской иконописи.

Эта икона — древнейшая из всех русских икон, на которых изображено змеборство, и потому на ней следует остановиться несколько подробнее.

Первое, что бросается в глаза при ее рассмотрении, это поразительное внешнее сходство с фреской Старой Ладоги. Можно бы думать о непосредственном влиянии фрески на икону. Но вернее будет предположить другое: данный тип иконы был традиционен. Он прослеживается в течение ряда веков. Но при всем сходстве есть одно существенное отличие: отличие стиля и степени мастерства.

Фрески исполнялись крупными мастерами, иногда гениальными, первоклассными художниками, имена и произведения которых вошли в историю мирового искусства. Иконы также могли исполняться великими художниками, но они же издавна исполнялись также и ремесленниками, очень усердными и благочестивыми, но не всегда искусными. Так можно объяснить, почему данная икона XIV в. по своему художественному уровню стоит значительно ниже, чем фреска XII в.

На этой иконе Георгий сидит на белоснежном коне. Сидит он совершенно прямо, без всякого изгиба или наклона корпуса. Он не управляет конем, поводья ослаблены и провисают. Вопреки драматичности сюжета фигура Георгия совершенно спокойна. Есть некоторая диспропорция между величиной всадника, который кажется огромным, и конем, непропорционально малым. Ноги всадника слишком коротки. Эти недостатки — признак архаичности, в более поздних иконах они исчезают. Есть и некоторые другие показатели архаичности: в то время как конь показан сбоку, всадник показан по пояс спереди. С точки зрения реалистического изображения действительности его поза крайне неудобна и противоестественна. Но художнику непременно надо показать лик всадника, и соответственно спереди показан и весь корпус. Всадник не смотрит ни на змея, ни на Елизавету. Его взгляд обращен вперед, в пространство, как это имеет место на иконах, на которых изображены одни только лики. Можно допустить предположение, что лицо Георгия и его корпус изображены разными художниками, что иконы писались не только отдельными мастерами, но артелями и что были мастера, которые писали одни только лики святых.

³¹ В. Н. Лазарев. Новгородская иконопись, стр. 16. См. также: В. Н. Лазарев. Новый памятник станковой живописи XII века..., стр. 95—96.

Очень характерен конь. Как и на большинстве других икон, он ослепительно белый. Передние и задние ноги попарно изображены совершенно одинаково. Они изогнуты в суставах, и это — несомненное достижение художника. На многих более поздних иконах ноги изображены прямо. Всадник вместе с конем как бы парит над землей. По той версии повествования, которая изображена на иконе, Георгий не вступал со змеем ни в какую схватку. Он его победил заклинанием. Этим объясняется, почему на ладожской фреске Георгий не имеет никакого оружия. На разбираемой нами иконе он держит в руках копьё, но это не столько оружие, сколько знамя: на копьё развевается вымпел.

Небесному существу Георгия противопоставлен его антагонист — выходящий из под земли червеобразный змей. На иконе в левом углу намечена гора или возвышение, и в этой горе — змеиная нора. Из нее только что выполз гад, его хвост скрыт в берлоге (здесь противоречие: змея приводят издалека, но вместе с тем он тут же выползает из норы; но это противоречие до зрителей не доходит и их не смущает). Края берлоги зубчатые. Пещера, из которой выходит змей, окрашена в яркие тона: фон ее темно-красный, можно сказать, зловеще красный. На темно-красном фоне — ярко-зеленый круг. Это вход в логовище змея, который сам того же зеленого цвета, что и края берлоги. Спина его, однако, не зеленая, а черная, и черный цвет выражает его сущность. Змей имеет форму длинного червя, суживающегося к хвосту. У него два маленьких крыла, но крылья имеют как бы только символическое значение: на этих крыльях он летать не может. Крылья — реликт образа небесного змея более ранних языческих представлений, нашедших отражение и в фольклоре. Змей — подземное существо в противоположность небесному существу его антагониста — Георгия. Голова змея в злобе поднята кверху. Из пасти высывается ярко-красный язык, которым он шевелит. Лапы усажены каждая тремя огромными когтями.

Змея ведет на поводу Елизавета («Елисава»), королевская дочь, которая была назначена ему в жертву. Она стоит совершенно прямо, без всякого изгиба или движения. Платье ее без складок прямо свисает вниз. Бросается в глаза диспропорция в изображении человеческих фигур: Елизавета стоит на переднем плане, но фигура ее уменьшена. Это не от неумения, это принцип. Такую диспропорцию (хотя, может быть, менее резкую), мы имеем во всех вариантах данной иконы. Главные фигуры, основные герои живописного повествования обычно изображаются крупным планом, остальные — в меньших размерах, безотносительно к законам перспективы. Здесь царят другие законы.

По своей фактуре икона весьма архаична, и фигура Елизаветы — наиболее архаическая часть ее. Скванность и неподвиж-

ность фигуры — знак ранних, еще примитивных форм иконописания. Фигура Елизаветы вытянута вверх без всяких изгибов, так же как совершенно прямо на коне сидит Георгий и совершенно прямо, не извиваясь, по земле вытянулся змей.

В правом верхнем углу видна фантастическая постройка с крытой кровлей, откуда выглядывают родители девушки, пославшие ее на смерть. На их головах точно такая же корона, как на ней. Кроме них изображено не совсем ясное третье лицо, в котором издатель «Новгородской иконописи» В. Н. Лазарев хочет видеть епископа, но на последнем нет никаких признаков епископского сана. Они язычники, и епископ здесь был бы совершенно неуместен. Текст духовного стиха показывает, что Георгий предложил родителям Елизаветы принять христианство; если же они этого не захотят, на них будет выпущен змей.

Особого рассмотрения требовала бы башня, на которой находятся родители. Но такая постройка характерна не только для данного типа икон, но и для других, на которых изображается змеборство, и будет рассмотрена ниже.

При всей наивности, неумелости данная икона подкупает какой-то искренностью и теплотой. К тому же она великолепна по своему колориту. Фон ее ярко-красный. Красный цвет щедро рассыпан по многим деталям этой иконы. В красное одет король, на Елизавете красное платье, на Георгии красные сапоги. Крылья змея сверху белые, снизу красные. Плащ Георгия, развевающийся по ветру, синий. Кольчуга, вероятно, была когда-то золотая. Из под нее виден лиловый рукав; штаны на всаднике белые. Всем этим создается впечатление яркости, размаха и силы. В волосах Георгия просматривается красная пряжа, нимб вокруг головы золотисто-желтый. Такова эта архаическая икона, самая древняя из известных нам на данный сюжет.³²

Икона интересна еще другим: основное изображение окружено как бы рамкой из множества мелких изображений, так называемых клейм. Эти клейма заслуживают самого пристального внимания, хотя они никогда специально не изучались. Каково взаимоотношение иконы и клейм? Если сама икона служит иллюстрацией к повествованию или к песне о героическом подвиге освобождения девушки от змея, то клейма иллюстрируют совершенно иной сюжет, первоначально не связанный с героическим подвигом Георгия, а именно повествование о мучениях, страстях и смерти Георгия.

Раньше чем ответить на вопрос, почему, как и где эти два памятника были объединены, необходимо хотя бы вкратце рассмотреть вопрос об изображении страстей.

³² Этот тип икон очень редок. См.: В. Антонова и Н. Мнева. Каталог древнерусской живописи, т. I. М., 1968, № 208. См. также: Древнерусская живопись в собрании Государственной Третьяковской галереи. М., 1958, № 58.

Для понимания клейм необходимо привлечь фольклорную песню о мучениях Георгия (Егория). В отличие от стиха о подвиге Георгия, известного в очень небольшом числе записей, стих о мучениях Георгия был записан весьма часто. В издании П. Бессонова имеется 17 записей его. Он имеется в некоторых этнографических сборниках, а также в некоторых сборниках былин. Можно назвать до 60 опубликованных текстов этого стиха.

Обширные исследования А. И. Кирпичникова, А. В. Рыстенко, Ауфгаузера и других посвящены именно данному сюжету. В названных работах анализируется рукописная традиция, русские же фольклорные стихи в них не рассмотрены. Между тем для наших целей в первую очередь важны именно духовные стихи, тесно связанные с русской иконописью.

Эпическое повествование песни о Егории очень устойчиво. Пренебрегая некоторыми деталями, можно установить следующий сюжетный стержень. В Иерусалиме или в другом городе живет благочестивая София Премудрая. У нее три дочери и один сын — Егорий. Егорий отличается необыкновенной красотой: у него по локоть руки в золоте, по колена ноги в серебре, «голова его вся жемчужная». Они христиане. На город нападает «царице басурманище» Демьянище и уносит Егория в свою землю. Из дальнейшего следует, что он похитил также его сестер, но певцы, как правило, этого не сообщают, и слушатели узнают об этом только в конце песни. Царь подвергает Егория допросу — в кого он верует, и уговаривает его принять басурманскую веру. Егорий отказывается. Тогда царь подвергает его всяческим, очень подробно описанным мучениям: его рубят топором, пилят пилой, сажают в котел с кипящей смолой, топят в воде. Таковы наиболее часто встречающиеся формы. Реже, а иногда лишь в единичных случаях можно встретить и другие формы: его водят по гвоздям, жгут в огне, заковывают в железные сапоги, бросают о землю, топят в море, ставят на раскаленную чугунную плиту, вертят колесом, режут ножом, варят в котле, стегают батожем и т. д. Егорий стойко выдерживает все муки и остается жив. Иногда ему помогают небесные силы. Чтобы окончательно погубить Егория, царь приказывает его замуровать в глубокий погреб, заложить выход дубовыми досками, а доски засыпать песком. Проходит много лет, и совершается чудо: ветер разносит доски, и Егорий выходит невредимым. Он направляется в Иерусалим к матери. Она дает ему могучего коня (иногда и оружие) и благословляет насаждать христианскую веру и «открыть кровь царицу Демьянищу». Егорий отправляется, но по дороге наталкивается на препятствие. Он наезжает на «толкучие» горы, которые его не пропускают. Горам он приказывает расступиться и обещает построить на них церковь. Затем Егорий встречает трех девиц. Это оказываются его сестры, которых царице Демьянище похитил и заставил пасти овец. Девушки совсем одичали, заросли волосами, забыли

свою христианскую веру, «набрались духу неверного, басурманского». Егорий отсылает их в Иерусалим, а сам едет дальше. Он наезжает на палаты Демьянища и убивает его.

Рассказ поражает современного читателя своей нескладностью. Почему Георгий, освободившись из темницы, совершенно беспрепятственно находит путь домой, тогда как обратный путь к царству своего мучителя обставляется многочисленными препятствиями? Препятствия эти сами по себе весьма интересны и архаичны. «Толкучие» горы, например, встречаются уже в Одиссее, некоторые мотивы исконны для сказки. Специальное изучение песни было бы очень интересно, но это не входит в наши задачи. С нашей точки зрения, нескладная композиция, логическая непоследовательность и механическая нанизанность мотивов — один из признаков позднего и притом искусственного происхождения песни в целом. Достаточно провести сравнение с логичностью и стройностью подлинно народных былинных или сказочных или иных повествований и законов их композиции, весьма древних и архаических, чтобы сразу увидеть здесь разницу.

Мы остановились на этой песне потому, что она объясняет содержание окружающих Георгия-змееборца клейм. Песня содержит сложное и длинное повествование, но характерно, что из всего повествования иконописец выбирает только один эпизод, а именно мучения Георгия. Картина мучений, даваемая иконой, не во всех деталях совпадает с той картиной, которая дается песней. Каждая песня в отдельности повествует в среднем о пяти-шести мучениях, тогда как иконописец может их дать много больше.³³ Клейма эти встречаются очень редко. Они противоречат героическому повествованию средника о спасении Елизаветы. Изменен также и конец: апофеоз Георгия и его возвращение на родину в песне на иконе заменен мученической смертью его, о которой песня ничего не знает.

Чем же объяснить такой отбор и такую замену? Мы уже знаем, что героический образ Георгия-освободителя отнюдь не соответствовал интересам церкви с ее прославлением долготерпения, смирения и послушания и что этот образ когда-то не был признан церковью и культ его даже подвергался запрещениям. Однако никакие запрещения не могли уничтожить популярность Георгия-освободителя и препятствовать его проникновению в низовую иконопись. Клейма были введены под воздействием церковных властей, чтобы ослабить героический облик

³³ Кроме разбираемой иконы в Государственном Русском музее в Ленинграде см., например, икону змееборца Георгия конца XVI в. в Третьяковской галерее. Здесь 12 клейм. Воспроизведена в книге «Древнерусская живопись в собрании Государственной Третьяковской галереи». Клейма, изображающие страсти Георгия, имеются также на иконе XVIII в. в иконостасе Преображенского собора в Киахе. На этой иконе имеется 22 клейма. См.: Книжи. Л.—М., 1965, стр. 38.

Георгия и подчеркнуть облик смиренного страстотерпца. Если средник дает образ мужественного героя-воина, то клейма изображают Георгия в качестве смиренного мученика и тем преобразуют героический и народный облик героя в облик страдальца, угодный церкви. Но народ в целом не принял этой поправки. Может быть, этим и объясняется, почему клейма на иконах, изображающих подвиг Георгия как победителя змея, встречаются так редко.

Древнерусская живопись не довольствовалась тем типом икон Георгия, который здесь рассматривается. Тип этот, как мы видели, крайне редок. Причины довольно очевидны. На иконах данного типа нет непосредственной борьбы, есть покорение врага не силой, а внутренним совершенством героя. Преобладание получил другой тип иконы, в которой змеей побеждается не нравственной силой героя, а силой оружия и не во имя одной женщины, а во имя борьбы со злом. В противоположность чрезвычайно редкой иконе об освобождении девушки икона, изображающая только боевую схватку героя со змеем без всяких других персонажей, представлена большим количеством экземпляров начиная с XII в. и кончая примерно серединой XVIII в., когда художественную традицию вытесняет ремесло. Имеется свыше 30 публикаций таких икон.

Иконы этого типа обладают высокой степенью художественного мастерства. Очень высок средний художественный уровень их, имеются и такие, которые представляют собой вершину не только русского средневекового мастерства, но искусства мирового.

При сличении икон этого типа между собой бросается в глаза, что, несмотря на одинаковость сюжета, обязательного для иконописца, мы не имеем ни одного случая совпадения в оформлении композиции, в фактуре и в деталях. Нет копий, каждая икона есть продукт индивидуального творчества. Возможно, конечно, что копии имелись, но не сохранились, но вернее предположить другое: каждый художник творил индивидуально. Ни один из них не имел во время работы перед глазами образца в качестве модели. Он знал необходимый обязательный канон на память и в пределах этого канона свободно творил. Поэтому к иконам данного типа лишь условно можно применять понятие варианта в том смысле, как оно применяется при изучении фольклора. Варианты здесь носят иной характер.

Характерный образец рассматриваемого типа — икона конца XIV в., хранящаяся в Русском музее в Ленинграде.³⁴ Первое, что бросается в глаза, — необычайная динамика изображения. Здесь все в движении. В этом отношении резителен контраст, напри-

³⁴ Репродукции см.: История русского искусства, т. II, стр. 220; В. Н. Лазарев. 1) Образ Георгия в искусстве Византии и древней Руси, стр. 97; 2) Новгородская иконопись, № 24 (красочная репродукция).

мер, с рассмотренной выше иконой, где Елизавета в сопровождении Георгия очень спокойно приводит змея к дому своих родителей. Георгий сидит на белоснежном, скачущем впереди коне. Его правая рука широким размахом откинута назад; ею он сильным движением вонзает копьё в пасть змея. За его спиной по ветру развеивается плащ, подчеркивая быстроту езды на коне. Голова Георгия слегка наклонена вперед и немного в сторону, что придает всей его фигуре гибкость, естественность и оживленность. Он смотрит не в пространство, а вниз, на поражаемого им змея. Левой рукой он силой удерживает скачущего коня: поводья натянуты, голова всадника пригнута к груди. Рука, держащая поводья, не прижата к телу, а согнута в локте и отведена от корпуса. Голова и лик ярко выступают на фоне белого нимба, имеющего форму не кольца, а сплошного круга. Изображение в нескольких местах заходит на деревянную рамку: художнику как бы тесно в пределах доски. На всаднике синий кафтан, достигающий до колен, но поверх него надета красно-оранжевая кольчуга, состоящая из крупных звеньев. Обувь красная. Есть в фигуре Георгия и недостатки: ноги по сравнению со всей фигурой несколько коротковаты, но этот недостаток как бы скрыт и не бросается в глаза. Конь снежно-белый, даже копыта у него белые. Уздечка и сбруя красные. Под конем извивается червеобразный дракон синего цвета с небольшими красными крыльями. Он изображен выходящим из черной подземной норы. Голова, как и крылья, ярко-красная. Голова змея повернута назад, к всаднику, и в этот момент Георгий вонзает в его открытую пасть копьё.

Кроме рассмотренных двух типов изображения Георгия-змееборца, а именно древнейшего типа, где изображается привод змея Елизаветой в сопровождении Георгия к дому ее родителей, и позднейшего, где изображается схватка со змеем в тот момент, когда герой поражает его своим копьём, есть, как указано выше, еще один вид, или тип, который можно назвать смешанным: на иконах этого типа есть одновременно и привод змея к дому родителей Елизаветы, и поражение его насмерть. На левой половине таких икон изображен Георгий на коне, вонзающий копьё в пасть змея. Перед ним стоит Елизавета. Убиваемого змея она ведет или держит на поводу: один конец его повязан вокруг шеи змея, другой она держит в руке. Елизавета обернулась назад и смотрит на змея или на Георгия. На правой стороне таких икон изображено более или менее фантастическое здание, наверху которого находятся родители Елизаветы, а иногда и множество других людей, которые смотрят на то, что происходит. Иконы этого типа встречаются несколько реже, чем те иконы, на которых изображена схватка со змеем. Можно назвать до 15 печатных свидетельств существования данного типа икон.

Вникая в содержание того, что здесь изображается, современный зритель видит некоторую несуразность: родители Елизаветы

еще не приняли христианства, а Георгий змея уже убивает. Противоречие, однако, не доходило до сознания зрителей, иначе эта икона не получила бы такого широкого распространения, тогда как древнейший, архаический тип был почти забыт. По представлению народа змей непременно должен быть убит, уничтожен, и это убиение и показано на иконе, на которой изображался привод. Соответственно изменилось и понимание роли родителей. Если на иконах первого, архаического, типа они испытывают ужас в ожидании возмездия за отдачу дочери змею, то на иконах данного типа они испытывают радость и торжество по случаю спасения их дочери от змея. Из этого видно, что данный тип изображения появился в результате смешения двух основных типов. Что это так, подтверждается относительно поздним появлением икон такого вида. Наиболее ранние известные нам образцы относятся предположительно к концу XV в.³⁵

В качестве образца мы кратко рассмотрим новгородскую икону XV в.³⁶ Она написана не без внешнего мастерства, но изображаемое событие превратилось в спектакль. Георгий здесь не на переднем плане. На переднем плане — огромный двухцветный змей, который тянется через всю картину от края и до края. На втором плане скачет Георгий. Всадник и змей движутся не рядом, как обычно, а навстречу один другому. Георгий появляется слева, змей — справа. Конь бежит карьером и уже проскочил мимо головы змея. И всадник, и конь оглядываются на змея назад, чем усиливается впечатление динамики движения. Могушим движением руки Георгий вонзает копьё в пасть змея. Позади него (а не впереди, как обычно) стоит Елизавета, которая в левой руке держит повод, обвязанный вокруг шеи змея, правую же она протянула к своему избавителю. Правую сторону иконы занимает фантастическая башенная постройка. На кровле ее находятся родители Елизаветы в несколько увеличенном масштабе и в уменьшенном масштабе — множество других людей. По лестнице спускается толпа сановников или воинов с пиками, на которых развеваются флажки, навстречу Георгию и Елизавете. Мистерия превратилась в парад.

Несмотря на несомненную внешнюю виртуозность изображения, при ближайшем рассмотрении можно обнаружить некоторые несуразности, свидетельствующие об упадке иконописного искусства по существу. Нора змея, которая обычно находится на некотором расстоянии от дворца, здесь находится под лестницей его, причем она широко открыта. Елизавета следует за всадником, змей же появляется из норы с противоположной стороны, что противоречит логике событий. Георгий и конь проскочили мимо Елизаветы, они оглядываются на нее. Плащ развевается не в сторону, противоположную движению всадника, не

³⁵ История русского искусства, т. VI(1), стр. 35, 39.

³⁶ Там же, стр. 259.

назад, а в обратную сторону, к голове лошади, т. е. против ветра, что в классических иконах более древних времен было бы совершенно невозможно. Рассмотрением данного образца икон смиренного типа мы ограничимся. Появление икон этого типа — результат некоторого падения или вырождения великой традиции.

Мы установили типы икон, посвященных изображению борьбы Георгия со змеем, и специфические особенности каждого из этих типов. Необходимо, однако, вкратце коснуться еще некоторых деталей, общих для всех типов.

К таким деталям относится, например, изображение в одном из верхних углов благословляющей руки. В углу находится часть круга, которая, по-видимому, должна знаменовать небесную сферу, где обитают ангелы. За этим кругом высовывается сложенная в трехперстное знамение рука. Каков же смысл этого изображения? Здесь можно заметить, что присутствие его отнюдь не обязательно. Приблизительно половина всех икон, изображающих борьбу со змеем, не содержит мотива благословляющей руки. Наличие его можно объяснить тем, что небесное благословение как бы усиливает религиозный авторитет иконы. Мы уже знаем, что иконы, изображающие борьбу со змеем, были только терпимы, что высшие церковные власти относились к ним с подозрением и отрицательно. Участие в событии небесных сил должно было придать изображаемому религиозную санкцию.

Этим же можно объяснить наличие другой, также довольно часто встречающейся детали. Есть иконы, на которых с неба спускается крошечная фигура ангела, держащего в руках нечто вроде короны или венца. Ангел спускается с неба по направлению к голове Георгия. Надо представить себе дело так, что в следующий момент венец будет на него надет. Смысл этого изображения примерно тот же, что и смысл простирающейся с небес благословляющей руки: ангел, венчающий Георгия, символизирует благословение небес и небесную награду и тем подчеркивает святость героя и совершаемого им подвига. Все эти мотивы характерны для икон, изображающих подвиг Георгия, на других иконах они не встречаются.

Наряду с этим на изучаемых иконах есть некоторые детали и особенности, характерные для русских икон вообще. Сюда относится применение пейзажа и архитектурных сооружений. Пейзажи на иконах, изображающих Георгия, играют лишь подчиненную роль; есть и такие, на которых нет никакого пейзажа, и эти в художественном отношении принадлежат к лучшим. Пейзажи всегда имеют в основном один и тот же вид: действие происходит на фоне гор разной высоты и разного расположения. Чаще всего они невысокие и располагаются более или менее симметрично по двум сторонам изображения. Горы эти, однако, несколько не похожи на реальные горы. Они состоят как бы из кубиков одинаковой величины. Почему изображаются именно горы, которые для среднерусского пейзажа несколько не ха-

рактурны и которых иконописец никогда не видел, и почему горы изображаются именно так — эта проблема не может решаться на частном материале одного сюжета. Иконы Бориса и Глеба на конях, Иоанна Богослова, Флора и Лавра, Рождества Христова, Воскрешения Лазаря и множество других могут иметь одинаковый фон из условно изображаемых ступенчатых гор. Проблема может быть решена только сравнительным изучением.

Примерно так же обстоит дело с другой деталью, а именно с архитектурным фоном того типа икон, в которых Георгий приводит змея или убивает его на глазах у родителей Елизаветы и их людей: окончательное решение может быть дано только путем межсюжетного изучения архитектуры. Однако изучение в пределах только сюжета змеборства вскрывает неожиданную картину. В противоположность пейзажу, который на иконах змеборства в своих основах всегда одинаков, архитектурный фон в пределах изучаемого типа, наоборот, всегда различен. Изображается некоторая совершенно фантастическая постройка, имеющая вид башни, на кровле которой находится множество людей, взирающих на происходящее. Нет двух икон, на которых постройки были бы одинаковы: они всегда различны. Постройки эти невозможны в жизни невозможны. Они представляют собой четырех-, шести- или восьмиугольные башни. Количество этажей колеблется от двух до четырех. В изображении построек господствуют свои законы перспективы, характерные для иконописи вообще. Предполагаемый зритель мыслится на уровне земли, и изображение дается снизу, но одновременно оно дается как бы и сверху. Мы пока не можем говорить о вариантах: все изображения различны. Можно понять, почему художник не изображает реальных построек. События, изображаемые на иконах, мыслятся происходящими в какой-то абстрагированной сфере, а не на той реальной земле и не в той будничной обстановке, которой был окружен русский человек средневековья. Каждый художник в пределах известных унаследованных общих норм давал волю своей фантазии.

Подводя некоторые итоги, можно сказать, что все изложенное по своей совокупности опровергает предположения некоторых исследователей, будто Георгий-змеборец представляет собой историческое лицо. Образ такого змеборца, меняясь, тянется из глубокой доисторической древности. Подвиг его фантастический, и в этом отношении облик Георгия принципиально совершенно иной, чем облик таких деятелей, возведенных в сан святых, как Владимир, Дмитрий Донской, Александр Невский и др. Применение к древнерусской живописи методов фольклористики позволяет научно определить типы, виды и варианты изображения, а привлечение сопровождающих эти изображения фольклорных материалов дает возможность глубже проникнуть в их идеологию. Всем этим подготавливается почва для надежного собственно исторического изучения.

СЕВЕРНОРУССКАЯ ЛЕГЕНДА ОБ ОЛЕНЕ

Понятие «жертвоприношение» и обряд жертвоприношения обычно ассоциируются с язычеством, с чем-то очень далеким и давно ушедшим в прошлое. Но, как известно, отдельные элементы, следы языческих представлений и культов сохранялись в народной среде в течение многих столетий и после христианизации Руси.

В конце прошлого века учитель с. Нефедовского Кирилловского уезда Новгородской губернии Чуж-Варваринского прихода Ф. Иванов описал обряд жертвоприношения домашних животных, приуроченный к первому воскресенью после петрова дня и запрещенный новгородским архиереем в 1895 г.¹

Подобные жертвоприношения под названием «мольба»,² «жертва», «братчина» были известны в это время и в других уездах Новгородской губернии (Тихвинский, Белозерский, Кадниковский и др.), а также в Вологодской и Олонецкой губерниях, в уездах, примыкающих к Новгородской губернии, частично в Архангельской губернии.

Несмотря на строжайшие запреты со стороны церковных властей, этот языческий обряд глубоко вошел в жизнь крестьянства и, по имеющимся у нас сведениям, еще в 1924 г. он, как и прежде, совершался в с. Команеве Борисовского района Новгородской области.³

Обетное жертвоприношение, связанное с эпидемией, пожаром, болезнью скота и т. п., было некогда широко распространено по всей Руси. По этому поводу Н. Н. Харузин пишет: «Всякий раз, когда в деревне случается падеж скота, неурожай или повальная болезнь, крестьяне дают „завичание“ чтить память какого-нибудь святого. В день памяти этого святого, даже если нет ему часовни, все-таки вся деревня служит ему молебн и не работает в этот день. Это так называемые „заповедные“ праздники. В эти же праздники обыкновенно купаются в озерах. Эти праздничные дни имеют чисто местный характер... Кроме этих чисто местных праздников существуют еще общие для всей волости. Это праздники тех святых, которые не являясь покровителями какой-либо одной деревни или местности, но имеют одинаковое отношение ко всем крестьянам без различия деревень или урочищ. В такие дни или совершаются целой волостью крестные ходы, или служатся молебны, либо даются пиры и приносятся у ча-

¹ Архив Акад. наук СССР, ЛО (далее: ААН), ф. 104, № 424, л. 15 об.—18 об.

² В Вятской губернии слово «молить» до середины XIX в. употреблялось в смысле колоть, резать скот (Архив историко-юридических сведений, относящихся до России, издаваемый Н. Калачевым, кн. 2, половина вторая. М., 1854, стр. 5—6).

³ ААН, ф. 221, оп. 2, № 37, л. 64—64 об.

совни то, что крестьяне называют жертвой. Последнее совершается в дни памяти св. Ильи пророка и св. апостолов Петра и Павла, св. Макария и др.»⁴

Д. К. Зеленин,⁵ А. Попов⁶ и другие исследователи рассматривали жертвоприношение исключительно в составе братчин, но обряд, о котором мы ведем речь, было бы неправильно понимать просто как братчину. Описание обряда, данное учителем Ф. Ивановым, сводится к следующему: «Мольба или жертва... бывает ежегодно в первое воскресенье после петрова дня. В особое для этого место при церкви великомученицы Варвары пригоняют скот, состоящий из быков и баранов. Скот этот жертвуется местным и окружающим населением по обещанию, по обету. В пригоне бывает голов до 30 и более. Весь этот скот после предварительного благословения священником в одну ночь (с субботы на воскресенье) убивается одним из крестьян и тут же варится в особых, для этого назначенных больших котлах, кроме задов, которые поступают в пользу причта. Мясо почти не моют и, сваривши его, вынимают из котла и складывают все вместе в пустой амбар, а навар, как негодный, выливают на землю.

В воскресенье после обедни часть мяса складывается на столы перед церковью и освящается священником с пением тропарей Георгию Победоносцу и Варваре великомученице.⁷ Затем оно окропляется святой водой и раздается желающим по кусочкам. К этому времени сюда стекаются богомольцы из других приходов (большей частью крестьяне). Остальное мясо выборный крестьянин сыплет в подставленные шапки и платки — „на жадные души“».⁸

Обычно обряды совершаются без особых объяснений: «Так, мол, делали, деды, так и мы делаем». Данный же обряд оказался тесно связанным с легендой. «Что же нам запретили совершать мольбу?», — говорил один крестьянин Ф. И. Иванову. «Что тут худого? Коли бы был этот обряд не от бога, то не приходили бы сами олени к Варваре великомученице». И крестьянин твердо уверен, что олени приходили, и кололи раньше их, а не домашний скот. «Да как же не верить? Ведь говорили это старые люди, а они, брат, не нынешний народ, врать не будут». — «А почему же олени перестали ходить?». — «Да потому и от-

⁴ Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда Олонецкой губернии. Олонецкий сборник. Материалы для истории, географии, статистики и этнографии Олонецкого края, М., 1889, стр. 63.

⁵ Д. К. Зеленин. Древнерусская братчина как обрядовый праздник сбора урожая. Л., 1928.

⁶ Архив историко-юридических сведений... стр. 19—41.

⁷ Следует отметить, что великомученица Варвара очень почиталась на Руси, так как считалась покровительницей бедствующих в бурю на море, спасительницей от огня, а также от внезапной и насильственной смерти, а Георгия Победоносца почитали покровителем скота.

⁸ ААН, ф. 104, № 424, л. 15 об.—17 об.

стали ходить, что народ нойче пошел плут, и чем дальше, тем хуже и своевольнее. Ну, и нарушили заповедь; а как нарушили, я тебе скажу. В старое время приходили к нашей церкви два оленя, и было сказано, что брать для убоя только одного, а другого отпускать на волю. Вот по один год и удумали заколоть обоих оленей. Как только сделали против заповеди, олени и перестали ходить».⁹

Легенда, сопровождающая этот обряд и являющаяся как бы своеобразным объяснением того, что жертвоприношение домашних животных является прямым продолжением заклания животных диких, лесных, посылаемых, по мнению крестьян, якобы самим богом или почитаемыми святыми специально для этой цели, для заклания, зафиксирована в ряде местностей, главным образом в северных, и имеет многочисленные варианты.

И. И. Срезневский подразделял жертвы заклания на две группы: жертвы, носящие характер освящения и приобщения, и жертвы, носящие характер дара, приношения.¹⁰ В нашем случае имеет место как бы соединение этих двух моментов. Животных, считавшихся, очевидно, священными, в день праздника выбежавших из леса и останавливавшихся у места приношения жертвы, закалывали, а потом варили в больших чанах и, разоздрав на куски, съедали, так как в древности человек верил, что, съев существо, считающееся божественным, он становится и сам в какой-то мере божественным, тем самым он как бы приобщался к божеству.¹¹ Таким образом, заклание животных стало определенным культовым действием, как бы переносящим на человека божественные свойства предмета культа.¹²

Жертвоприношения в разных местностях связывались с праздниками, но далеко не все из них сопровождала легенда. Прежде всего нас интересуют жертвы, приносимые в петров день. По свидетельству А. Н. Афанасьева, этот обряд в середине прошлого века можно было наблюдать в Новгородской губернии. «На петров день, — говорят крестьяне, — барашка в лоб». У верховьев реки Ваги существует такой обычай: в первое воскресенье после петрова дня убивают перед обедней быка, купленного на общий счет целой волостью, варят мясо в больших котлах и по окончании обедни съедают сообща миром; в этой трапезе принимает участие и священник. Предание уверяет, что в старое время в этот день выбегал из лесу олень и что именно это животное было убиваемо на праздничный пир; но однажды крестьяне, не дождавшись оленя, заменили его быком, и с той поры олень уже не показывался».¹³

⁹ Там же, л. 17 об.—18 об.

¹⁰ И. И. Срезневский. Святилища и обряды языческого богослужения древних славян. Харьков, 1846, стр. 83.

¹¹ А. Р а н о в и ч. Происхождение христианских таинств. М., 1931, стр. 37.

¹² Там же, стр. 31.

¹³ А. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, стр. 255—256.

Сообщает об этом обряде почти в тех же выражениях и М. Забылин, имевший уже сведения более поздние, относящиеся к 70-м годам прошлого века: «На границах Вельского и Тотемского округов, близ верховья реки Ваги, в приходе Кочеварской волости существует предание, что будто в этот праздник каждый год выбегал олень из лесу; народ, принимая оленя за дар божий, закалывал его и, разняв на части, приготавливал себе обед. Это продолжалось, как говорит предание, несколько лет, но когда появление оленя прекратилось, то поселяне стали вместо оленя готовить себе обед, убивая для этой цели быка.

Это обыкновение бывает в первое воскресенье после петрова дня. Перед обедней, убив быка, купленного на счет всей волости, разнимают его на части и варят в больших котлах; после обедни и молебна священник со всеми богомольцами вкушает этих яств».¹⁴

А. А. Коринфский отмечает, что апостол Петр считается в народе одним из самых надежных после Николы Милосливого покровителем засеянных хлебом полей. Еще в конце прошлого века в крестьянской среде в Сербии представляли апостола Петра, по словам того же А. А. Коринфского, разъезжающим на золоторогом олене по небесному полю над колосающимися земными нивами и заботливо наблюдающим за ними.¹⁵

Имя апостола Петра связывает с легендой о жертвенном олене и И. Снегирев. «На „мирской“ петров праздник — пир, устраивавшийся деревенским людом за Тотьмой на реке Ваге, выбегал из лесной дремучей пуши олень, посылавшийся „праздновавшим Пётру“ мирянам в дар от „апостола-праздника“. Оленя, останавливавшегося перед заранее приготовленными для его варки котлами, убивали, свеживали, на части разнимали, варили в котлах... Но это, по словам легенды, продолжалось до той поры, покуда жил народ праведно, честно, по завету отцов, дедов, прадедов. А потом пошел по людям разврат, грех... и перестал апостол Петр высылать свое праздничное угощение... пришлось колоть быков или баранов. Стали праздновать каждый на особицу».¹⁶

В некоторых местностях жертвоприношения происходили в день празднования Ильи-пророка, но при этом легенды, связанные с жертвоприношением, были те же. Следует отметить, что по народному поверью Ильи-пророк, будучи, как и апостол Петр, помощником крестьянина, «имел силу молитвой затво-

¹⁴ М. Забылин. Русский народ, его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880, стр. 84—85.

¹⁵ А. А. Коринфский. Народная Русь. М., 1901, стр. 318. В Закарпатье до сих пор, т. е. до середины XX в., в особенности в петров день, продают сделанных из брызны оленей с кольцом на шее. Возможно, что это какой-то очень глухой отголосок приносимых когда-то в жертву священным оленям с венком на шее.

¹⁶ А. А. Коринфский. Народная Русь, стр. 319. См. также: И. Снегирев. Русские простонародные праздники, вып. IV. М., 1838, стр. 64—65.

рять небо на три года с половиной (т. е. посылать град и засуху, — Г. III.) и той же молитвой отворить его, т. е. послать дождь, грозу с громом и молнией, так как христианский святой, заняв место языческого божества, взял на себя и его функции». ¹⁷ «Предание это, — пишет А. Афанасьев о жертвенных оленях, — в Вологодской губернии приурочивается к ильину дню. Прежде, говорят, на ильин день появлялись две лани; одна была заклаема, а другая исчезала. Теперь же они более не показываются за великие неправды народа». ¹⁸

Ф. Скороходов писал о том, что в Вологодской губернии до XX в. также сохранился обряд жертвоприношения оленя, позднее замененного домашними животными: «В Мошенской волости Каргопольского уезда к ильину дню в былые годы прибегал к церкви олень, его убивали, варили собща и угощались. Раз он запоздал, и, когда прибежал, варили уже быка. С тех пор олень перестал прибегать. Убой быка перед ильиным днем запрещен олонецким архиереем в начале XX века. Теперь приводят много скота, приносят масло, шерсть, на месте продают в пользу церковного причта». ¹⁹ Он же рассказывает о варке моленого и канунного пива, что также является реликтом языческого обряда. ²⁰

Н. Н. Харузин, изучая общественные пиры, широко бытовавшие в прежние времена в день святого Ильи-пророка и святых Петра и Павла, писал: «В Ильинском погосте в деревне Конзанаволок рассказывали нам, что 20 июля завичали нетелку; на Пречистенском погосте завичали на петров день. По словам Г. И. Куликовского, на Отовозере приносился в ильин день в жертву нехолощенный бык, непременно красного цвета, для того чтобы пророк Илья дал хорошую ясную погоду для сенокоса и уборки хлеба». ²¹ Принесение в жертву быка в ильин день и в день Петра и Павла зарегистрировано и в Пудожском уезде. ²² Наконец, с жертвоприношением, обоснованным чудесным появлением животных, предназначенных для заклания, связаны и праздники, посвященные божьей матери, в частности успение — 18 августа — и рождество богородицы — 8 сентября. В с. Будогощ Тихвинского уезда Новгородской губернии в 1880 г. учитель Владо Николаевич также зарегистрировал

¹⁷ С. Ш е в ы р е в. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Ваканционные дни проф. С. Шевырева в 1847 году, ч. II. М., 1850, стр. 66.

¹⁸ А. А ф а н а с ь е в. Поэтические воззрения славян на природу, т. II. М., 1868, стр. 255—256.

¹⁹ Ф. С к о р о х о д о в. Обычай Каргопольского и Кадниковского уездов Вологодской губернии в 1923 году. Труды Вологодск. общ. изуч. Северного края. Пособие для краеведов. Вологда, 1926, стр. 65.

²⁰ Там же, стр. 66.

²¹ Н. Н. Х а р у з и н. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда. . . , стр. 69.

²² Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под ред. В. П. Семенова. СПб., 1900, стр. 125.

рассказ о том, что «некогда сюда приходил олень и там около часовни об Успении отдавался на розговины, а когда он почему-то не пришел (рассказчик не мог объяснить, почему, — Г. Ш.), то крестьяне стали резать баранов, варить в больших котлах и тут же поедать это мясо, что называлось „хлеба́ть барана“».²³

По словам Н. Богословского, «8 сентября, как говорит предание, в Комоневском приходе приходили на погост две лани, из которых одну кололи и варили для богомольцев, а другая уходила назад, но поп Ванька заколол обеих, и более уже лани не являлись. Усердные богомольцы вздумали заменить их приводом домашнего скота, по завещанию в разных несчастных случаях».²⁴

В с. Пречистенском Белозерского уезда П. Шереметев записал со слов священника местной церкви поверье, в основе которого лежала та же легенда, а именно, что «в день рождества богородицы самки оленя ежегодно приводили с собой детеныша, которого закалывали и варили, и им угощали приходящих, а мать отпускали. Когда же праздник приходился в постный день, тогда олени приходили накануне и праздновали накануне, что делается и до настоящего времени», но теперь олени уже не приходят, и крестьяне приносят в жертву рогатый домашний скот.²⁵

В соседнем селе — Петропавловском, по словам ямщика, везшего П. Шереметева, в старые времена на праздник прилетали различные птицы — лебеди, гуси — и прибегали звери разные, одного убивали, остальные исчезали, а когда крестьяне стали и остальных убивать, птицы и звери перестали приходить на праздник.²⁶ Очень существенно, что в тех же местах П. Шереметев записал легенду о коровах, якобы вышедших из воды. Более подробно об этой легенде рассказывают Б. М. и Ю. М. Соколовы, совершавшие в 1908 и 1909 гг. экспедиции по Белозерскому краю: «Нас поразило широкое распространение в Белозерском и Кирилловском уездах одного типичного обычая, думается нам, явного пережитка язычества. Священник с. Воскресенского Ромашовской волости в Кирилловском уезде рассказывал нам, что на берегу Вещозера (к северу от г. Кириллова, к западу от оз. Чарондского) есть остатки каких-то пещер, по преданию языческих капищ, а в с. Пречистом, примыкающем как раз к Вещозерской округе, и сохраняется вышеупомянутый обычай. В храмовый праздник 8 сентября к церкви с. Пречистого крестьяне приводят „обещанный“ скот. На паперти, в особо для этого устроенном месте, одного

²³ Архив РГО, оп. XXIV (Новгородская губерния), № 36.

²⁴ Н. Богословский. Материалы для истории, статистики и этнографии Вологодской губернии, собранные из описей приходов и волостей. Новгородский сборник, вып. I, Новгород, 1865, стр. 286. Ср.: А. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, стр. 256.

²⁵ П. Шереметев. Зимняя поездка в Белозерский край. М., 1902, стр. 136—137.

²⁶ Там же.

быка торжественно закалывают; мясо варят и тут же угощают им нищую братию. Остальных быков продают съезжающимся к этому дню мясникам. Деньги идут в пользу церкви и духовенства. Подобный же обычай наблюдается и в Печенгском приходе. По словам лодочника, везшего нас через Чаронду, лет 50 тому назад 8 сентября в с. Пречистое будто бы сами собой прибегали олени и прилетали утки. А еще раньше из Вещозера будто бы выходили особой породы быки и приходили также в Пречистое. По уверениям крестьян, и до сих пор в некоторых деревнях не перевелись быки этой чудесной породы... Павел Шереметев, заезжавший в самое село Пречистое, приводит это же предание в очень сходной версии, с небольшими отличиями. Так, в его пересказе говорится, что коровы выходили не из Вещозера, а из соседнего озера Святого и что один странник объяснил, почему не удалось крестьянам попытка поймать их: „Они-де стали хватать коров, а надо было прежде взять дойник, который плавал, тогда поймали бы и коров“. В этой связи стоит записанная нами сказка № 155 (имеются в виду «Сказки и песни Белозерского края», — Г. Ш.). В ней рассказывается о коровах, живших уже не в Святом, а в озере Березине (Казанской волости, Кирилловского уезда) и притом у черта... Приведенные рассказы показывают, как из древнего языческого обычая, перешедшего в виде пережитка в современный церковный обиход, создалось предание о добровольном приходе зверья на заклание; предание затем перешло в легенду о породистых коровах, выходивших то из озера, то из-под земли (по одному варианту — тоже для добровольной жертвы). В народной сказке (о мужике и дровнях) эти коровы считаются уже принадлежностью нечистой силы». ²⁷

Легенда о чудесных коровах, выходивших из озера и дававших вкусное молоко, известна также в записи Н. Е. Ончукова. ²⁸ Легенда о чудесных коровах относится к той же группе легенд, что и легенда об олене, и представляет собой своеобразное «обоснование» жертвоприношения. Возможно, что она появилась позднее и была как бы объяснением замены жертвенного оленя жертвенным быком. ²⁹

Рассказы о жертвоприношениях и объяснения жертвоприношений концентрируются в определенном районе: в Новгородской

²⁷ Сказки и песни Белозерского края, записанные Б. и Ю. Соколовыми. М., 1915, стр. XI—XII.

²⁸ Н. Е. Ончуков. Северные сказки. СПб., 1908, № 231.

²⁹ Как уже говорилось, жертвенный бык выбирался обязательно красного цвета. А красный цвет издавна служил символом плодородия, символом производительной силы природы. В наскальных рисунках эпохи палеолита были обнаружены изображения бизонов, оленей, раскрашенные охрой. Магическое значение этой раскраски окончательно объяснила найденная Л. Цотцем раскрашенная охрой статуэтка из Мауэрна (Бавария), символизирующая плодородие (А. П. Окладников. Утро искусства. Л., 1968, стр. 75). Небезынтересно отметить, что олень, по существу, тоже коричневого — красного — цвета. Возможно, что это сыграло какую-то роль в выборе его жертвенным животным.

губернии с. Будогощ Тихвинского уезда, Белозерский уезд, Чаронский округ и территории, некогда принадлежавшей Новгороду, — Каргопольский уезд Олонецкой губернии, Кадниковский, Вельский и Тотемский уезды Вологодской губернии. Подобный сюжет можно встретить и дальше в России, например в Архангельской губернии, в Поволжье, но при ближайшем рассмотрении корни его все же уходят в Новгородчину.

Во всех приведенных выше случаях мы имеем дело несомненно с легендой, так как здесь налицо и мотив чудесного появления животных, очевидно священных животных, и приуроченность их появления — один раз в год в определенное время, и особенность их назначения, и, наконец, как бы логическое объяснение замены оленя домашними животными — быком или овцой.

В связи с этим возникает ряд вопросов. Обычно на Руси обряды носили аграрный характер, почему же здесь появляется олень, который не был животным, характерным для крестьянского хозяйства русских? Почему «положено» было приносить в жертву именно оленя? Почему олени, которые сами себя обрекали на жертву, приходили в паре или в одиночку, а не стадом? Почему тут же, как правило, варилось пиво, которое называлось «канунное пиво» или просто «канун»? Наконец, почему именно в Новгородской губернии и граничащих с ней районах других губерний легенда сохранилась довольно полно и дожила до наших дней? Мы оставляем в стороне варианты, когда в легенде вместо оленей выступали другие животные (например, лоси)³⁰ или птицы — гуси или глухари,³¹ или когда, по легенде, выпускалась на волю пара лебедей, а вместо них закалывалась пара домашних животных.

Приведенные записи дают нам основание говорить о двух версиях основной легенды. По первой — к часовне в день какого-либо определенного праздника прибегали из лесу два оленя, из которых один отпускался, а другой приносился в жертву. По второй — к часовне прибегал один олень, который и отдавался на заклятие.

Рассмотрим первую версию легенды. В ней мы имеем дело со случаем, когда к месту жертвоприношения приходят два животных и человек отказывается от добычи, которая сама идет к нему в руки, а берет только то, что требуется для жертвы, т. е. одно животное, а другое отпускает. Эта версия легенды не может быть связана с аграрными обрядами, скорее всего она уходит своими корнями в охотничьи обряды, в охотничью магию, существовавшую на общинно-родовой стадии развития человеческого общества. В основе обряда — магия плодородия, обряды

³⁰ Н. Н. Харузин. Из материалов, собранных среди крестьян Пудожского уезда. ... стр. 69.

³¹ А. А. Шустиков. По деревням Олонецкого края. (Поездка в Каргопольский уезд). Изв. Вологодск. общ. изуч. Северного края, вып. II, Вологда, 1915, стр. 101—102.

размножения и воскрешения зверей. Это уводит нас в очень отдаленные времена, в палеолит, к наскальным изображениям (пещеры Ляско, Монтеспан, Трех Братьев и др.), которые говорят, что как бы ни был наивен палеолитический человек, но он уже в те времена думал не только о сегодняшнем, но и о завтрашнем дне, о том, что необходимо щадить зверей и создавать условия для их дальнейшего размножения. У первобытных охотников была разработана целая система обрядов, которые должны были, по их мнению, обеспечить воскрешение убитых зверей и размножение звериного поголовья. Охотник знал, что, беспощадно истребляя зверей, он подрывает основу собственного благополучия. Эта мысль нашла выражение в мифах и легендах северных племен, где безоговорочно осуждается жадность и жестокость охотников (например, легенда о могучем когда-то племени майятов, наказанных за жадность голодом, и др.).³² Этот неписанный закон первобытных людей относился ко всем животным, но в первую очередь к тем, которые имели наибольшее значение в их жизни и хозяйстве, а олень такую первостепенную роль играл прежде всего в жизни северных народов. Поэтому есть все основания искать аналогии к нашей легенде в обрядах народов Севера и в их легендах и мифах. Так, о бытовании разбираемой нами легенды у вепсов говорит В. В. Пименов: «В названные дни к месту ритуального жертвоприношения прибегали олени или лоси, одного из которых убивали в качестве жертвы».³³ Эта легенда, по его словам, бытовала и еще у ряда народов угро-финского происхождения, в том числе у коми-пермяков, удмуртов, эстонцев-сетукезов, верхневолжских карел, у русских Прионежья, Белозерщины, Пудожского и Тихвинского уездов.

У лопарей же существует даже эпическое сказание, известное уже в первом тысячелетии нашей эры среди племен и народов Беломорского Севера и Приуралья, — «О Мяндаше».

Поэтически рисует эпическое сказание образ полубога-получеловека оленя Мяндаша. Златорогий олень с белой «серебристее

³² А. П. Окладников. Утро искусства, стр. 66—69. См. также: В. Г. Богораз-Тан. Миф об умирающем и воскресающем звере. В сб.: Художественный фольклор, М., 1926; В. И. Абаев. 1) Нартовский эпос. Дауджакау, 1945; 2) Скифо-европейские изоглоссы. В сб.: На стыках Востока и Запада. М., 1965; А. Ф. Анисимов. Духовная жизнь первобытного общества. М.—Л., 1966; В. Е. Ларичев. Азия далекая и таинственная. Новосибирск, 1968; Е. М. Мелетинский. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

³³ В. В. Пименов. Вепсы. М.—Л., 1965, стр. 243. См. также: В. Именский. Ильин день в Шильде (Вытегорский уезд). Олонецкие губернские ведомости, 1873, № 64; А. Я. Пономарев. Ладвинский приход. Там же, 1890, №№ 83, 84 (характерно, что в этой легенде, относящейся к жертвоприношению в ильин день, олень появляется не в качестве первоначального жертвенного животного, а когда крестьяне не привели домашний скот и «хватовщина» не могла состояться; тогда на берегу реки появился олень, его закололи, и «хватовщина» состоялась); П. М. Ильин день в селении Виданы. Там же, 1891, № 60.

снега» шерстью и черной головой, очевидно, считался тотемом лопарей, так как он, как рассказывает сказание, и жизнь дал человеку, и многому его научил, и со смертью Мяндаша прекратится жизнь на земле. «Знай еще: когда великий Тьермес (бог-громовик, вечно преследующий Мяндаша, — Г. III.) стрелой вопьется в черный лоб меж золотых рогов, огонь охватит землю, горы закипят водой, на место этих гор поднимутся другие горы, сгорят они, как бородастый мох на старых елях. Сгорят полуночные земли, и лед вскипит».³⁴

О многих различных эпизодах из жизни человека-олени повествует мифогемма о Мяндаше. Когда Мяндаш приходит в последний раз к человеку, он как бы завещает ему следующее: «Мяндаш-хирвас сидел на задних ногах и молился о своем. И к нему, к хирвасу, пришел человек, охотник, и сел напротив него, и стали они разговаривать. Мяндаш укорял человека, он напоминал ему, как он, Мяндаш, научил его охотиться на дикарей, как научил прятаться за кусты, рядиться в еловые ветки и надевать на себя оленьи рога... И дал великий завет: в хирвасном стаде диких оленей не убивать — только одну важенку на прокорм семье, но не больше того, а на самого хирваса — запрет... „Так я учил! И это было вестимо всем!“».³⁵

Дальше Мяндаш сетует на то, что человек стал хитер, коварен, зол и жаден. «Теперь охотники добывают и одну важенку, и другую и много берут сразу в один день удачной охоты и хирвасов бьют, и даже сонного, и в осеннем стаде! Так ли я учил тебя, небесное отродье?».³⁶

Но охотник продолжал похваляться своей удалью и хитростью. «На что Мяндаш сказал:

— Теперь, когда ты перестал жалеть хирвасов и важенок, мяндашевых детей, придет время и не станет охоты на дикаря! Мяндаш еще раз сказал тому человеку:

— Пусть охотники жалеют важенок и хирвасов дикарьих. Не будут жалеть — кончится им охота на дикаря.

Так он сказал».³⁷

В мифе о Мяндаше, так же как и в разбираемой нами легенде, четко проводится мысль о бережном отношении к диким лесным животным. И миф, и легенда из двух животных требуют убивать лишь одного, а другого или других отпускать в лес живыми, чтобы поголовье животных не только не уменьшалось, но и увеличивалось.

Таким образом, связь нашей легенды в ее первой версии с лопарским мифом, очень характерным для народов Севера, выступает довольно наглядно.

³⁴ В. В. Чернолуцкий. Легенда об олене-человеке. М., 1965, стр. 80.

³⁵ Там же, стр. 97.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же.

Но тогда встает вопрос о другой версии, где фигурирует один олень. Что это — испорченный вариант первой или нечто самостоятельное? Легенда об одном жертвенном олене, который сам прибегал к месту заклания в день праздника, зарегистрирована в тех же местах, что и первая, т. е. в Каргопольском уезде Олонецкой губернии, в Тотемском, Вельском уездах Вологодской губернии и др., но в других деревнях, и была приурочена к петрову дню. Вообще петровки, петрово-говейно (старинное название) имеют большое хозяйственное значение для крестьянства. В это время начинается кипучая хозяйственная деятельность в деревне: толокá, помочи, сенокос; наливаются хлеба — «зарницы хлеба зарят». В это время особенно нужна благоприятная погода, очень важно, чтобы град не выбил посевы, не было бы продолжительных ливней. Чувствуя свое бессилие, страх перед неурожьем и голодом, крестьяне искали помощи за пределами земного — у бога и святых. А поскольку из святых у мужика первыми помощниками считались святой Николай и апостол Петр, самый надежный покровитель полей после Николы, то крестьяне и служили молебен апостолу Петру и приносили ему жертву.

С. Шевырев в Кирилловском монастыре обнаружил рукописный сборник, где среди других материалов было и «Слово святого Григория избобретено в тольцех о том, како первое погани суще язъци кланялися идолом и требы им клали, то ины творят». Григорий выводит языческое поклонение славян от других народов и, между прочим, после эллинов и египтян так говорит о славянах: «Оттуда же извыкоша елени класти требы. Артемиду и Артемиде рекше роди и рожаницы таци же егуптяне. Тако и до словене доиде се словити начаша требы класти. Роду и рожаницам прежде Перуна бога их, а прежде того клали требу упирем и берегиням, по стъм крещеньи Перуна отринуша, а по Христа бога ящась, но и ноне по украинам моляться ему проклятому богу Перуну».³⁸ Возможно, что принесение в жертву одного оленя и восходит к эллинским обрядам. Указание Григория на связь славянского обряда жертвоприношения с эллинским находит себе аналогию в легенде-мифе, которая называется «Чудо у жертвенника Ахилла на Белом острове».³⁹ Эту легенду приводит Арриан в «Перипле Понта Евксинского». Вот что рассказывает эта легенда. Белый остров, остров Левка, считался целиком принадлежащим Ахиллу. На нем размещалось лишь несколько служителей культа. Жители приезжали сюда приносить Ахиллу в жертву животных. Некоторых же не закалывали, а отпускали живыми в дар герою. Если какое-либо судно терпело крушение и люди спасались на острове, они, чтобы возблагодарить Ахилла за спасение, приносили ему в жертву одного из животных, живших на острове. Животное у божества выкупалось. Установить животное и цену по-

³⁸ С. Шевырев. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь, стр. 33.

³⁹ И. И. Толстой. Статьи о фольклоре. М.—Л., 1966, стр. 19—23.

могал «оракул» — посредник между божеством и людьми. «В случае отрицательного ответа (оракула, — Г. Ш.) предложенная цена набавляется, и так продолжается до тех пор, пока герой не ответит согласием. Тут-то и происходит чудо: как только герой одобрит размер предназначенной платы и выбор жертвы, так животное тотчас же останавливается перед алтарем, более уже не стремясь убежать».⁴⁰ Та же легенда сохранилась и у Филострата: «Жертвенные животные добровольно останавливаются перед алтарем Ахилла... животные соблюдают при этом определенный порядок».⁴¹ И. И. Толстой отмечает, что оба эти варианта легенды объединяют «смерть животного, добровольно отдающего себя на заклинание в жертву божеству».⁴² Филостратом записана и легенда, касающаяся фракийского воителя наездника Реса: «Дикие кабаны, лани и вообще все звери, которые на той горе водятся, ходят к жертвеннику героя Реса парами или по трое и отдают себя в жертву герою, не будучи связаны никакими узами и добровольно подставляя себя под ножи».⁴³ Эти античные легенды имеют несомненное сходство с разбираемой нами легендой Новгородчины, с той версией, в которой выступает одно животное, один олень.

Таким образом, мы можем сказать, что легенда о жертвенном олене, связанная с языческим обрядом принесения в дар божеству животного, представляет собой типологическое явление как для северных племен, у которых олень был тотемом, так и для античного мира, позднее Запада, где олень был также в числе ритуальных животных.

Весьма возможно, что за истекшие столетия и даже тысячелетия легенда, сопровождавшая обряд жертвоприношения животных и как бы оправдывавшая его, записанная от русского населения Новгородчины, живущего на местах бывших поселений угро-финских племен, могла бы и исчезнуть, и потеряться в веках, если бы имела лишь один источник. Но в том-то и дело, что Новгородчина в силу своего этнического своеобразия явилась местом пересечения двух версий, двух источников разбираемой нами легенды, которые, взаимно поддерживая друг друга, донесли ее до наших дней. Иными словами, мы в данном случае имеем дело с явлением афинитета, т. е. когда сходятся линии генетически различных вещей.

В заключение, очень кратко, так как это особая большая тема, все же следует сказать об отражении этой легенды или, вернее, ее «героя» — оленя в фольклоре, ибо в нем отразились наиболее древние реликты верований.

Образ оленя — чудесного помощника, покровителя, оленя — золотые рога дал жизнь многим произведениям фольклора.

⁴⁰ Там же, стр. 20.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же, стр. 21.

Так, в сказках олень — золотые рога обычно влияет на судьбы героев. В сказках «Сивка-Бурка», «О Иванушке-дурачке», «Свинка — золотая щетинка, утка — золотые перышки, олень — золотые рога и золотогривый конь», «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» герой достает оленя — золотые рога.

В сказках «Два брата», «Солдат и царь в лесу», «Солдат-богатырь» герой следует за оленем и приходит к цели. Белый олень — золотые рога неоднократно встречается в русских свадебных песнях. Так, например: «Олень (лань) просит охотника не стрелять в нее, так как он(она) может ему пригодиться:

Не разливайся, мой тихий Дунай,
Не заливай зеленые луга!
Во тех-то лугах ходил белый олень,
Ходил белый олень — золотые рога».⁴⁴

В галицко-русских колядках также часто фигурирует олень, «тур-олень»:

Шумит зеленая дубрава...
«Бо в себе чую дивное зверя,
Дивное зверя — тура-олень,
Що на головце девять рожочков,
А на десятом терем збудован,
А в том тереме кречная паночка».⁴⁵

У сербов и хорватов тур известен под названием «Дикий вол», напоминающий малорусский эпитет тура-олень — «дивное зверя».⁴⁶

«Годынонька» смотрит в чистое поле:

Ой, высмотрела дивное зверье,
Дивное зверье, тура-олень,
На головце же му та девять рожков.⁴⁷

Е. В. Аничков в своей книге приводит одну песню, которую, по его словам, А. А. Потебня и Н. Ф. Сумцов сближают со странной темой, встречающейся в русской и польской колядках и в сербской и болгарской лазарской песне:

Елен пливат по море,
Златне му се рогови,
На рогови тронови,
На тронови постели.⁴⁸

В хороводной песне Пермской губернии олень выступает покровителем молодца и обещает прийти к нему на свадьбу:

По воле олень
Золотые рога!

⁴⁴ Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. Ч. II. От песни к поэзии. СПб., 1905, стр. 248.

⁴⁵ Н. Ф. Сумцов. Тур в народной словесности. СПб., 1887, стр. 14.

⁴⁶ Там же, стр. 15.

⁴⁷ Там же, стр. 14.

⁴⁸ Е. В. Аничков. Весенняя обрядовая песня..., стр. 249; И. Т. Илиев. Сборник от народни умотворения и обычай и др., кн. 1. София, 1889, стр. 245.

Мимо ольня, мимо ольня
Молодец проезжал.
«Я тебя ольня, я тебя ольня,
И я подстрелю!».
«Не стреляй, добрый молодец,
Не стреляй, добрый молодец.
Будешь жениться, будешь жениться,
На свадьбу приду.
Золотыми рогами, золотыми рогами
Весь двор освещу.
Песню спою, песню спою —
Всех гостей взвеселю,
Пуще того, пуще того — я невесту твою».⁴⁹

Большой интерес представляет и песня, приведенная П. И. Мельниковым-Печерским в его романе «В лесах»: ⁵⁰

Не стучит, не гремит,
Ни копытом говорит,
Каленой стрелой летит
Молодой олень!

П р и п е в:

Ты, Дунай ли, мой Дунай!
Дон Иванович Дунай!
Молодой олень!

У оленя-то копыта
Серебряные.
У оленя-то рога
Красна золота!

П р и п е в.

Ты, олень ли, мой олень,
Ты, Алешенька!
Ты куда-куда бежишь?
Куда путь держишь?

П р и п е в.

Я бегу ли побегу
Ко студеной ко воде...
Мне копытцом ступить,
Ключеву воду студить!

П р и п е в.

Как мы видим, во всех приведенных песнях олень (тур-олень, т. е. необыкновенно сильный и большой) наделен особыми качествами: у него, как правило, копыта серебряные, рога золотые, на рогах и свечи бывают, и целые терема, очень часто шерсть на нем белая, а в последней песне строка «каленой стрелой летит молодой олень!» напоминает нам лопарское сказание о человеке-олене.

Итак, приведенный выше материал довольно наглядно показал, как тесна взаимосвязь реальной жизни, этнографии и фольк-

⁴⁹ П. В. Шейн. Великорус в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п., т. I, вып. 1. СПб., 1898.

⁵⁰ П. И. Мельников-Печерский. В лесах. М., 1955, стр. 375.

лора, как искусно сплетает человеческая фантазия практически необходимое и художественный вымысел. На нашем же примере видно, как реальные животные в силу своей причастности к обряду, ритуалу входят в легенду, а из нее попадают и в другие жанры фольклора — песни, сказки, оставаясь жить в веках в чудесных поэтических образах.

Н. И. Савушкина

ЗАПИСИ НАРОДНОЙ ДРАМЫ НА ОНЕГЕ

Народная драма продолжает оставаться одним из малоизученных явлений русского фольклора. В конце XIX—начале XX в. появилось довольно много публикаций «Царя Максимилиана», «Лодки» и некоторых других пьес. Среди них преобладали записи из южных и центральных губерний.¹ Исследование их в те годы состояло в основном в выяснении источников и определении состава пьес.² Заметим, что опубликованные записи фиксировали жизнь народной драмы не в крестьянской, а в солдатской, фабричной, ремесленной или мещанской среде. Большим событием явилась статья Н. Е. Ончукова,³ а затем его сборник «Северные народные драмы», вышедший в 1911 г. Народные пьесы (8 текстов) были записаны Ончуковым в 1907 г. в деревнях Архангельской и Олонецкой губерний. Два текста перепечатаны с рукописи, купленной на Онеге (дер. Пянтино) у С. Я. Коротких. Н. Е. Ончуков отметил некоторые особенности бытования народной драмы на Севере, в частности наличие специфических театральных «очагов» или пунктов в Поморье и на Онеге. Он полно зафиксировал репертуар каждого пункта, указал, кто, когда и откуда принес ту или иную драму в северную деревню. Так, Н. Е. Ончуков придавал большое значение лесопильным заводам вокруг Петербурга, Архангельска и по всему Поморью, и — более широко — «бурлачеству», т. е. лесным, отхожим промыслам и военной службе, как местам хранения и культивирования народной драмы. Н. Е. Ончуков не объяснил, однако, почему драма прижилась в той или иной деревне и какие изменения претерпела. В поле его зрения не попали сопутствовавшие бытованию народ-

¹ См., например: М. К. Васильев. К истории народного театра. II. Трон. (Царь Максимилиан). Этнографическое обозрение, кн. XXXVI, № 1—4, 1898; И. Абрамов. Царь Максимилиан. (Святочная комедия). СПб., 1904; Н. Н. Виноградов. Народная драма о царе Максимилиане. Изв. Отд. русск. яз. и словесности, т. X, кн. 2, 1905.

² См., например: В. В. Каллаш. К истории народного театра. Царь Максимилиан. Критические замечания и тексты. М., 1899; Р. Волков. Народная драма «Царь Максимилиан». Опыт разыскания о составе и источниках. Русский филологический вестник, 1912, кн. 1, 2, 4.

³ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере. Изв. Отд. русск. яз. и словесности, т. XIV, кн. 4, 1909.

ной драмы, обуславливавшие ее популярность на Севере явления местной театральной культуры — ряженье, игрища, свадебный обряд и т. д.

В результате собирательской работы советского времени выявились новые очаги бытования народной драмы на Ярославщине, на Урале, в Сибири, в Горьковском Заволжье.⁴ Редкая возможность непосредственного наблюдения над реставрированным спектаклем в Уренском районе Горьковской области позволила уточнить представление об особенностях постановки, оформления спектакля.⁵ Напомним, что сборник Н. Е. Ончукова, как и большинство дореволюционных и советских публикаций, не содержит визуальных записей; все тексты даны либо в пересказе, либо по рукописям.

Накопленный в недавнее время материал дает довольно отчетливое представление о явлениях, характеризующих последний этап живого бытования драмы, который датируется серединой 1920-х годов, а в отдельных местах серединой 1930-х годов.⁶

Среди всего круга вопросов наименьшее внимание привлекал, как нам кажется, вопрос об идейно-художественной специфике народной драматургии, бытующей в крестьянской среде, ее чертах и особенностях,⁷ а также о связи ее с местной театрально-исполнительской традицией. Эти вопросы в свою очередь помогут яснее определить своеобразие традиционного и импровизационного начал (элементов) в жанре народной драмы.

Маршрут фольклорных экспедиций МГУ 1960-х годов на Север отчасти совпал с маршрутом ончуковской поездки 1907 г. В результате поездок 1959—1966 гг. по Онеге, ее притокам и Поморью были зафиксированы шесть мест (кустов деревень) бытования в прошлом народной драмы.

В Чекуеве, Тамице и Нижмозере мы работали «по следам» Н. Е. Ончукова, а расширив зону обследования, обнаружили три новых «театральных пункта» — Ошевенск, Савинское и Мудьюгу.

Собранный нами материал по народной драме представляет собой тексты пьес (разной степени полноты) и свидетельства об их бытовании в период с 1890-х по 1920-е годы. Всего записано

⁴ Обзор записей советского периода см.: Г. Г. Шаповалова. Самодельный народный театр и фольклор. В сб.: Фольклор и художественная самодеятельность, Л., 1968.

⁵ Н. Н. Велецкая. 1) О позднем этапе истории русской народной драмы. Советская этнография, 1963, № 5; 2) Принципы драматургии русского народного театра. (Народная драма «Царь Максимилиан» на последнем этапе жизни жанра). VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук, М., 1964.

⁶ Т. М. Акимова. Народная драма в новых записях. Уч. зап. Саратовск. унив., т. XX, 1948. См. также названные выше статьи Н. Н. Велецкой.

⁷ В этом направлении весьма ценны труды П. Г. Богатырева о поэтике комического в русской народной драме и кандидатская диссертация В. Ю. Крупянской «Народная драма „Лодка“, ее генезис и литературная история» (М., 1944).

36 текстов и свидетельств, касающихся «Царя Максимилиана», 14 — «Шлюпки», 9 — «покойницкой игры» типа «Маврух», 4 — «Барина». Записи сделаны в большинстве случаев от зрителей, иногда от прежних исполнителей ролей в представлениях 1905—1920-х годов. В двух случаях воспоминания о постановках зафиксированы по слухам и в передаче текстов по чужим рассказам. Возраст рассказчиков — от 64 до 87 лет. Среди них велик процент грамотных людей (даже среди женщин). Следующее поколение жителей (от 50 до 60 лет) почти ничего о пьесах не знает.

По всеобщему признанию бытование народной драмы было связано со святочными развлечениями молодежи. Она разыгрывалась на молодежных вечеринках (вечерках, посидках), иногда в домах богатых крестьян (в качестве «закрытого спектакля»), а в 20-е годы — кое-где в избах-читальнях, клубах.

Материалы дают основание говорить о трех этапах активного бытования народной драмы в бассейне Онеги: 1890—1895 гг., 1905—1915 гг., 1919—1926 гг. (последний неотчетливо делится на два: 1919—1920 и 1923—1926 гг.). Третий этап, относящийся уже к советской эпохе, значительно отличается по характеру постановки: играли на сцене, в клубе, в спектаклях принимали участие женщины, изменился возрастной состав (играли или руководили иногда участники представлений 1905—1915 гг.). Известен единичный факт реставрации спектакля «Царь Максимилиан» в 1949 г. в Ошевенске по просьбе какой-то экспедиции. Участниками представления были одни женщины.

Судя по материалам, наибольшей распространенностью отличался пьеса «Царь Максимилиан» (зафиксирована во всех шести пунктах). Затем идут «покойницкая игра» (отмечена в четырех пунктах), «Шлюпка» (в трех), «Барин» (в одном). По сравнению с репертуаром, выявленным на Онеге Н. Е. Ончуковым, у нас отсутствуют пьесы «Параша», которая и в 1907 г. отмечена как в некотором роде случайная для сложившегося местного репертуара, и «Мнимый барин», записанная Ончуковым от С. Я. Коротких.

Остановимся вначале на местных пьесах, бытовавших в прионежских и поморских деревнях, по свидетельству Н. Е. Ончукова, еще до появления там «Царя Максимилиана» и «Шлюпки», т. е. предположительно до 1870-х годов (более ранних указаний о существовании этих пьес в репертуаре нет). Н. Е. Ончуков писал, что самая распространенная на Севере пьеса — «Барин»: «Комедия „Барин“ известна во всех селах и деревнях Севера, где держатся драмы».⁸ Однако и в его сборнике приведен лишь

⁸ Северные народные драмы. Сборник Н. Е. Ончукова. СПб., 1911, стр. VIII—IX.

один текст, записанный в Тамице (№ 6), и как вариант к нему в подстрочном примечании текст нижмозерский. Мы располагаем четырьмя текстами из Тамицы, которые представляют собой неполные варианты ончуковского. Однако они позволяют выявить устойчивые и изменяемые элементы в народной сатирической драматургии малого жанра, их связь с местными традициями ряженья. Ончуковский текст состоит из шести эпизодов (или сцен-миниаюр): приход барина и паньи, подача просьб и наказание, продажа-покупка коня, затем быка, затем «удивительных людей», прощание и уход барина. Очевидно, и в те времена они могли существовать каждый в отдельности и исполняться ряженными,⁹ но в определенных случаях оформлялись как развернутые сатирические произведения путем композиционного нанизывания сцен, объединения их вокруг образа барина.

Однако уже в начале века в качестве основного выступает не социально острый, скреплявший пьесу мотив продажи «удивительных людей», которые стоят дешевле коня и быка (на Севере не знали крепостного права и образ барина был не так злободневен), а бытовой мотив барского суда. Н. Е. Ончуков метко назвал его «сатирой на местную жизнь и нравы, иногда очень злой, порой жестокой».¹⁰ В наших записях «Барин» представлен в сокращенных вариантах. По свидетельству исполнителей, закрепленного, записанного текста пьесы не существовало, она осознавалась обычно как святочная игра — импровизация. Устойчивые ее персонажи — барин, барыня (панья), палач (откупщик) и податели просьб (фофанцы). Первый эпизод (устойчивый) представлял собой обычный приход ряженных на вечеринку. Барин и панья появлялись в избе (иногда конь расчищал дорогу и место, но дальше участия в действии не принимал) и, держась за платочек, ходили «утушкой» под песню «Во лузях». Панью играл мужчина, одетый в старинный женский наряд — штофник, перевязку с жемчугом. Барин был в пиджаке, шляпе, с тростью. Внешний облик их соответствовал традиционной супружеской паре ряженья. Во всех записях центральным эпизодом является подача просьб и наказание «виновных». Исполнители рассказали, что обычно жаловались на кражи, измены и т. п. Просьбы часто имели эротический характер. Барин отвечал на просьбы смешными репликами. Потом того, на кого была подана просьба, наказывали.¹¹ Текст центрального эпизода сочетает относительно устойчивые и целиком импровизированные моменты. В качестве закрепленного, традиционного, относительно устойчивого элемента выступает первая часть диалога барина и просителя. Вот как это выглядит в ончуковском варианте:

⁹ На это указывает, в частности, П. С. Ефименко в работе «Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии» (ч. I, М., 1877, стр. 138).

¹⁰ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 234.

¹¹ Архив МГУ, 1966, тетрадь 2 (Юдиной), № 57.

Б а р и н

Хозяин, хозяйюшка,
Наместник, наместница,
Добрые молодцы,
Красные девушки,
Нет ле у вас промежду собой прозевб каких?

В с е

Есть, есть!

Б а р и н

Подходите, подходите.
(Кто-нибудь из «фофанцев» подходит, изображая просителя)

П р о с и т е л ь

Господин барин, прими мою просьбу.

Б а р и н

Ты кто?

П р о с и т е л ь

*(называется вымышленным именем,
именем какого-нибудь парня в селе)*

Владимир Воронин.

Б а р и н

Об чем просишь? ¹²

В наших записях вариации незначительны:

П р о с и т е л ь. Господин барин, прими мою просьбу!
Б а р и н. Об чем просишь? ¹³

Или:

П р о с и т е л ь. Господин барин, прими мою просьбу!
Б а р и н. На кого просишь? ¹⁴

Или:

П р о с и т е л ь. Господин барин, прими мою просьбу.
Б а р и н. Ты кто?
П р о с и т е л ь. А я Виталий Зотов.
Б а р и н. На кого просишь? ¹⁵

Таким образом, здесь явственно выступает определенная формульность, закреплённость текста, что опровергает представление о малых сатирических пьесах как целиком импровизированных, абсолютно неустойчивых текстуально. Полной импровизацией является просьба просителя («фофанца»). Н. Е. Ончуков писал: «В основание просьб кладется обыкновенно какой-нибудь дей-

¹² Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 233; Северные народные драмы, стр. 114—115.

¹³ Архив МГУ, 1966, тетрадь 17, № 76.

¹⁴ Там же, тетрадь 3, № 11.

¹⁵ Там же, тетрадь 3, № 4.

ствительно существующий в селе факт, который, конечно, преувеличивается, доводится до смешного, до абсурда».¹⁶

В ончуковском тексте просьба звучит так:

Проситель. На Парасковью прошу. По летам Парашка любит меня, а по зимам другого парня — Василья.¹⁷

Наши записи дают большее разнообразие просьб:

Ф е н ь к а

Юлька — баба добра,
А Фенька — кость да ребра. Что делать?¹⁸

Или:

П а р е н ь

Я на Капустину девицу прошу.
Она сама кружится,
С Китанычем дружится.¹⁹

Или:

В и т а л и й З о т о в

Я на маму [прошу].
Мама — рассуда,
Немытая посуда,
В гости уйдет
И квашни не оберет.²⁰

Или:

П а р е н ь

Я прошу на Евгения Мокрова.
Евгений Мокров,
А не принес денег в покров,
А дома дожидают.²¹

Или:

М у ж и к

А я отец Ларион.
У меня дочь Матрена.
У меня дочь заморила всех овец.
Я ей отец.²²

Мы видим, что персонажам дается характеристика, близкая к дразнилкам, народным присловьям, в которых высмеивались жители разных мест.²³ Они совпадают и с прибаутчными издев-

¹⁶ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 234; Северные народные драмы, стр. 115.

¹⁷ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 234.

¹⁸ Архив МГУ, 1966, тетрадь 2, № 57.

¹⁹ Там же, тетрадь 3, № 11.

²⁰ Там же, № 4.

²¹ Там же, № 11.

²² Там же, тетрадь 17, № 76.

²³ Д. К. Зеленин. 1) Народные присловия и анекдоты о русских жителях Вятской губернии. Вятка, 1904; 2) Народные присловия о вятчанах. Вятка, 1904, стр. 15—16.

ками балаганных дедов, с выкриками продавцов-разносчиков.²⁴ Таким образом, в импровизированных просьбах при разнообразии сюжетов наблюдается определенная устойчивость, традиционность юмористической формы, тяготение к раешному стиху. Ответные реплики барина менее разнообразны и, как правило, лаконичны: «Наказать Матрену»; «Наказать ей, чтоб не ходила в гости!», «Нать наказать, столько-то розог дать» и т. д.

Интересно, что в материалах пинежского волостного писаря П. А. Иванова, опубликованных П. С. Ефименко, есть описание обычая высмеивания на вечерках нерадивых, глухих и развратных жен с определением наказания в сходной форме: «Вместо песен на супрядках припеваются стихосплетения... Они ясно показывают то, как думают одни о других и какие, по их разумению, нужно принимать меры с порочными строптивыми уродинами...

Александрю палка,
Жена его бахвалка.

Указывается мера: за бахвальные слова бить и колотить...

Михаилу без ушка,
Жена его навязушка.

Упрек мужу, что он не слышит и не знает о развратном поведении жены...

Трофиму-то два куба,
Жена толстогуба.

Отнять губы и в каждый куб положить по одной; думают, что из них наварится много щей.

Василью понюжало,
Жена его убежала.

Наказать, чтобы не убежала более».²⁵

Очевидно, преобладание интереса исполнителей и зрителей к просьбам, высмеиваниям, т. е. к юмористическим характеристикам односельчан, способствовало сохранению этой сцены, в то время как другие отпали, вернулись в сферу ряженья, потеряли внутреннюю связь с социальным мотивом, с образом барина. Покупка-продажа коня и быка в качестве бытовой, а иногда пантомимической сценки ряженья неоднократно отмечена нами как широко распространенная в обследованных деревнях (в том числе и тех, где не игрались народные драмы).

Наряду с этим существовали и другие сценки-пантомимы, которые имитировали различные трудовые процессы: забивание скота («быка колоть»), пахоту, сев, помол («мельницу запускать») и т. д. Они требовали от ряженых согласованности, коллективных усилий, элементов перевоплощения.

Из-за отсутствия интереса к социальному типу — барину, на наш взгляд, не удержалась в репертуаре и пьеса, записанная Н. Е. Ончуковым от С. Я. Коротких, — «Мнимый барин», в которой высмеивался обнищавший помещик (хотя ее эпизод с чудовским старостой часто включался в «Царя Максимилиана»).

²⁴ Подробную характеристику см.: П. Г. Богатырев. Художественные средства в юмористическом ярмарочном фольклоре. Славянские литературы. Докл. сов. делегации на VI Междунар. съезде славистов, М., 1968.

²⁵ П. С. Ефименко. Материалы по этнографии..., стр. 146—147.

Также показательна судьба второй местной пьесы «Маврух», генетически связанной с «покойницкой игрой». Н. Е. Ончуков записал ее от Я. С. Бородина в Нижмозере. По словам последнего, «Маврух» — игра старинная. Ее знали старики, но теперешняя молодежь едва ли знает, так как «Маврух» нигде уже не играют. У них в селе «Мавруха» бросили играть с тех пор, как местный священник запретил играть; он сказал, что играющих в «Маврухе» в случае смерти их он отпевать не будет, так как они уже отпеты в игре.²⁶ «А то „Маврух“ привился было, бойко разыгрывался и очень всем нравился, гораздо больше „Царя Максимилиана“ и „Барина“, потому что выходил смешнее, а смешливость, кажется, главное условие успеха деревенской комедии».²⁷ Выражение «привился» довольно точно отмечает присоединение инсценировки песни «Мальбрук в поход собрался», принесенной солдатами или бурлаками, к исконной в этих местах «покойницкой игре». Но эта прививка, очевидно, оказалась недолговечной. Она привела в какой-то момент при благоприятных обстоятельствах к оформлению сатирической пьесы, скомпанованной из местных сценок ряженья («покойницкой игры») тем же, что и в «Барине», приемом нанизывания: отпевание Мавруха, рассказ о его смерти (в песне), пародийная служба, в которой участвуют оживший Маврух, поп и дьячок.

В наших записях Маврух и песня о нем («Маврух в поход уехал») не встречаются. И эта пьеса, подобно «Барину», распалась, ее эпизоды вернулись в лоно святочного ряженья. В деревнях Тамица, Верховье (Мудьюга) вспоминали, что на святки «покойников представляли», «с попом ходили, кадили», «покойников нарядят в белое, на доски положат, накадят... Девки раз все испугались и убежали (когда покойник вскочил, — Н. С.)». «На святки фофанцы рядились Смертью. Смерть шла впереди. За ней шел поп в ризе из рогожи, с кадилом из кринки, но пел по-настоящему (т. е. на церковный мотив). Покойник пугал всех. Обычно поп отпевал покойника на церковный мотив...»

Удивил, удивил, на... баню срубил,
Девки парились, девки жарились».²⁸

В некоторых же местах текст «молитвы» сохранил в рассказах устойчивость, буквально совпадает или весьма близок тексту ончуковской пьесы. В Воймозере (Чекуево) покойника отпевали так:

Наш покойник
Помер во вторник,
Стали кадить —
Он из-под савана глядит.²⁹

²⁶ Северные народные драмы, стр. IX.

²⁷ Там же, стр. XIII.

²⁸ Архив МГУ, 1966, тетрадь 2 (Юдиной), № 58.

²⁹ Там же, №№ 12, 18. Ср.: Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 237; Северные народные драмы, стр. 134.

В Якимовской (Мудьюга) покойник назывался «Макарушкой» («Макарушка хоронить»). Возможно, это дальнейшая трансформация имени Мальбрук — Маврух — Макар. На мотив молитвы пели:

Ой, Макарушка помер,
Да добречка с собой не носи!³⁰

Экспедициями сделаны также на Онеге записи пародийных служб, представляющих собой комический диалог бабы и собеседника, близкие соответствующей службе из ончуковского «Мавруха»:

- Баба ты баба, деревенская дура,
Куда ты идешь, в лапотках пробираешься...
- На поминки, на поминки, мой батюшко,
На поминки, и т. д.³¹

Или:

П о п

Раз в страстную пятницу
Пришел к попадье молока хлебать,
А она меня сковородником.

П е в ч и е

Неправда, батюшко,
Неправда, отец духовный,
Неправда твоя, и т. д.³²

Исполнители никак не связывали эти песни-диалоги с пьесой, развернутым представлением, а говорили, что это «сценка такая маленькая», «пели ряженные на святках».

Экспедиционные записи «Шлюпки» (в Савинском, Чекуеве, Мудьюге) представляют эту пьесу в самой простой редакции. Даже вспоминая о постановках С. Я. Коротких, сообщившего Н. Е. Ончукову довольно развернутый вариант и передавшего еще более полный рукописный текст «Шлюпки», местные жители утверждают, что «никакого представления не было». Просто мужчины во главе с С. Я. Коротких ходили на рождество переряженными по избам, исполняли песню «Вниз по матушке по Волге» и «выколачивали» деньги на водку.³³ Называлось это «спускать шлюпку». То же самое свидетельствуют о местной традиции мудьюгские жители П. Д. Ключев (74 года), М. П. Шерстобоев (83 года) и жители дер. Ворончихи А. Г. Окунев (70 лет), И. А. Шамонтьев, (66 лет).³⁴ В записях отдельных

³⁰ Архив МГУ, 1965, тетрадь 18, № 30; тетрадь 18а, № 25.

³¹ Там же, тетрадь 1, № 219; тетрадь 28, № 13. Ср.: Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 237, 238; Северные народные драмы, стр. 135.

³² Архив МГУ, 1962, тетрадь 24, № 17. Ср.: Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 239; Северные народные драмы, стр. 136.

³³ Архив МГУ, 1965, тетрадь 8, № 175; тетрадь 2, № 41; тетрадь 18, № 37; тетрадь 4, № 72; тетрадь 9, № 1.

³⁴ Там же, тетрадь 18, №№ 28, 29, 33; тетрадь 18а, № 28.

эпизодов «Шлюпки» можно выделить только три драматических момента (кроме исполнения песен): выходной монолог атамана, диалог атамана и есаула, заключительное качанье хозяина. Все они совпадают (при небольших разночтениях) с ончуковской записью от С. Я. Коротких (№ 4). Вот как выглядят эти эпизоды в воспоминаниях: «Вот приходят они (Савва Коротких с товарищами, — Н. С.) на посидки втихомолочку, в разведку пришлют сначала. Потом захватывают двери, не выпускают никого из мужчин на волю. Как только заходят, сейчас этот Савва Коротких, ихний атаман... А у них деревянные пашки тоже сделаны, вытаскивают и раздвигают публику. Занимают всю фатеру, переходят из конца в конец по комнате. Атаман выходит и говорит:

Ты позволь, позволь хозяин,
Нам по горенке пройти,
Нам по горенке пройти,
Слово вымолвить.

Есаул то же повторяет. А после этого ихнего переговора есаул и атамана матросы петь начинают».³⁵

Диалог есаула и атамана передается кратко:

Е с а у л. Вижу вон там колоду!

А т а м а н. Каку там чертову воду? (*Смотрит в подзорную трубу*).³⁶

Кончают представление и мужиков качают, «шваркают» и приговаривают:

Ты наш хозяин,
Мы тебя любим,
Вечного друга
Век не забудем.
Много ли дашь на водку?

Им дают деньги. «Много народу перекачают».³⁷

Тексты песен, исполнявшихся, когда «спускали шлюпку», в записях, как правило, каноничны. Сюжеты их совпадают с включенными в тот же текст № 4 Ончукова. Это «Вниз по матушке по Волге» (упоминается всеми, тексты совпадают)³⁸ и «Мы не плуты, мы не воры, не разбойнички» (с незначительными расхождениями по вариантам).³⁹

Более полно дан пересказ и частично текст «Шлюпки» в записи от Н. Г. Ларионова (81 год) из Якимовской (Мудьюга). Он служил в 1905—1907 гг. в Новгородском полку и там видел

³⁵ Там же, тетрадь 9, № 13; приведенные строки — начало песни о рыболовщиках. Ср.: Северные народные драмы, стр. 88.

³⁶ Архив МГУ, 1965, тетрадь 8, № 199. Ср.: Северные народные драмы, стр. 94.

³⁷ Архив МГУ, 1965, тетрадь 4, № 9, тетрадь 8, № 160. Ср.: Северные народные драмы, стр. 98.

³⁸ Архив МГУ, 1965, тетрадь 8, № 200. Ср.: Северные народные драмы, стр. 93.

³⁹ Архив МГУ, 1965, тетрадь 5, № 90, тетрадь 9, № 13. Ср.: Северные народные драмы, стр. 88, 89.

представление «Шлюпки». Судя по пересказу, это усложненная, развернутая редакция, близкая к рукописному ончуковскому тексту. С местной традицией она никак не связана.

«Царь Максимилиан» представлен в онежских записях тремя типами (редакциями) текстов: а) неконтаминированный сюжет (26 свидетельств), б) в контаминации со «Шлюпкой» (5 свидетельств), в) в контаминации с «Иродом» (3 свидетельства).

Наибольшее распространение имел неконтаминированный сюжет, он встречается во всех «театральных пунктах». Обратимся к рассмотрению сюжетного состава, основных образов и ситуаций неконтаминированного текста. Начало пьесы в большинстве вариантов этого типа одинаково. Участники входят в избу (на святочную вечерку), станowiąтся в круг и поют песню «Ездил русский царь».⁴⁰ Песня либо допевалась до конца, либо прерывалась после второго куплета. Разночтения касаются неясных книжных выражений: «лавры пожигать», «лавры покорять». Так же устойчив выходной монолог царя Максимилиана. Однако в воспоминаниях он приводится обычно в сильном сокращении. В нем отсутствует описательная часть, восхваляющая царя: реминисценция из Державина «Стану на горы, горы трещат...», перечисление подвластных стран и т. д., остается цель прихода — суд над Адольфом (Адольфой).

Здравствуйте, почтенные господа,
Вот я явился сюда.
За кого вы меня почитаете?
За русского, прусского
Или короля французского?
Нет, я и не русский, и не прусский,
Не король французский.
А есть я великий-превеликий
Всего света покоритель
Царь Максимилиан.
Я прибыл сюда судить
Своего непокорного сына Адольфа.⁴¹

Заметим, что таков же характер выходного монолога в варианте, записанном Н. Е. Ончуковым от И. К. Герасимова, т. е. в пересказе пьесы (№ 2).

Эпизод с регалиями в большинстве вариантов сведен к выходу пажей, исполняющих песню:

Мы к тебе, царю, идем,
Злат венец тебе несем,
На главу твою положим
И на трон возведем.⁴²

⁴⁰ Архив МГУ, 1966, тетрадь 1 (Налепина), № 132, тетрадь 3 (Юдиной), № 44; Ср.: Северные народные драмы, стр. 2, 49.

⁴¹ Архив МГУ, 1962, тетрадь 21, № 30. Ср.: Северные народные драмы, стр. 50.

⁴² Архив МГУ, 1966, тетрадь 3 (Юдиной), № 45. Ср.: Северные народные драмы, стр. 6, 51.

В двух случаях есть указание на то, что с этого эпизода начиналось представление (в Тамице). В Якимовской (Мудьюга) и Чекуеве царь предварительно командовал: «Пажи, скорей бежи!». ⁴³

Следующий эпизод — диалог царя Максимилиана с Адольфой — имеет решающее значение, так как в нем определяется характер конфликта пьесы. По характеру конфликта различаются три версии пьесы. В преобладающем большинстве вариантов (Ошевенск, Савинское, Мудьюга, Тамица), причем в более полных, обстоятельных пересказах, наличествует конфликт из-за веры. Диалог царя и Адольфы имеет вид устойчивой, различающейся в деталях формулы:

— А веришь ли нам,
Нашим коммерческим богам? ⁴⁴

— Веришь ли нашим богам? ⁴⁵

— Веришь ли нашим коммерческим богам? ⁴⁶

Эпизод в большинстве случаев повторяется трижды, при повторных вызовах царь спрашивает: «Одумался?». Адольфа неизменно отвечает отказом.

Наиболее полная формула отказа:

Ваши коммерческие боги
Свергать под ноги,
В грязь затопчу,
Веровать не хочу. ⁴⁷

Иногда формула сокращается с перефразировкой:

Я вашего бога
Пинаю под ноги
И в грязь топчу! ⁴⁸

Я верить не хочу
И ваши боги под ноги топчу. ⁴⁹

Ваши боги дерзаю под ноги. ⁵⁰

Уходя, Адольфа неизменно поет песню «Я в темницу удаляюсь». Все варианты этой версии близки ончуковскому тексту № 2. ⁵¹

Другая группа свидетельств и отрывков текстов представляет конфликт по-иному (Ошевенск, Мудьюга, Тамица).

В двух вариантах он дан в пересказе, несколько смутно: «Тут

⁴³ Архив МГУ, 1965, тетрадь 18, № 36, тетрадь 2, № 41.

⁴⁴ Там же, 1962, тетрадь 21, № 30.

⁴⁵ Там же, 1966, тетрадь 3 (Юдиной), №№ 17, 20, 44.

⁴⁶ Там же, тетрадь 1 (Налепина), № 132.

⁴⁷ Там же, тетрадь 3 (Юдиной), № 20; тетрадь 2 (Юдиной), № 56.

⁴⁸ Там же, 1964, тетрадь 15, № 16.

⁴⁹ Там же, тетрадь 15, № 16.

⁵⁰ Там же, 1966, тетрадь 3 (Юдиной), № 17.

⁵¹ Северные народные драмы, стр. 52, 57, 61.

был у него сын Адольфа, а Максимилиан был язычник. А сын-то шел вроде как против, ему надо жениться на русской, а отец не дает». ⁵² «Максимилиан хотел Венеру за сына Адольфу вза-
муж отдать, та не пошла, что ли?». ⁵³

Полный диалог записан в Ошевенске от А. М. Дружининой (73 года) в 1959 г., а затем близкий вариант — от ее невестки Е. К. Дружининой (39 лет) в 1963 г.

Царь Максимилиан

За тридевять земель, за тридевять морей,
В тридевяти царстве
Я там приискал тебе невесту.
Походка павлиная, брови лебединые,
А нос, как у журава.
Люба ли невеста?

Адольфа

Здреть не могу! ⁵⁴

Царь Максимилиан

Я тебя женить думаю.
Выбрал я тебе невесту
За тридевять земель, за тридевять морей.
Нос лебединый, глаз орлиный,
Ноги журавлины (волоса-то как?).
Люба ли тебе невеста?

Адольфа

Зреть не могу! ⁵⁵

Интересно, что подобная юмористическая характеристика невесты (правда, вложенная в уста Адольфы как мотивировка отказа от женитьбы) приведена Н. Е. Ончуковым в опубликованных выдержках из текста Я. С. Бородина из Нижмозера.

Царь Максимилиан

Вот сын Адольф!
Есть в Задонском царстве у короля
Прекрасная невеста Венера.
Я желаю тебя женить на ей.

Адольф

О, папа! Я не желаю этой невесты взять,
У ней нос как пуговица,
Глаза как луковица». ⁵⁶

Здесь мы имеем дело с какой-то распространенной на Онеге и в Поморье версией, возможно восходящей к одному источнику.

⁵² Архив МГУ, 1965, тетрадь 5, № 20.

⁵³ Там же, 1966, тетрадь 3 (Изрядновой), № 56.

⁵⁴ Там же, 1959, тетрадь 25, № 1.

⁵⁵ Там же, 1963, тетрадь 1, № 262.

⁵⁶ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 228—229.

К сожалению, Н. Е. Ончуков не указывает, откуда узнал Я. С. Бородин этот текст.

Третья версия конфликта дана лишь в пересказе (Чекуево): «Чуть ли не снес ему голову (царь Адольфе, — Н. С.). А за какие дела? За то, что полюбил свою мать-царицу (очевидно, мачеху, — Н. С.)». ⁵⁷ По времени бытования, приблизительно указанному рассказчиками, можно установить, что версии не сменяли одна другую, а бытовали параллельно. Всеобщий характер этого явления отметила Т. М. Акимова: «В разных вариантах наблюдается стремление по-новому осмыслить образ богини, которая изображается то женой Максимилиана, то невестой Адольфы». ⁵⁸

Определенным однообразием и близостью к ончуковскому тексту (№ 2) отмечены батальные сцены: сражение Аники-воина с Черным арапом, Змеуланом, а также диалог Аники-воина со Смертью.

Общность проявляется в устойчивых оборотах и формулах: «Не хвались, когда в поле едешь, а хвались, когда с поля приедешь», «Сражаюсь!», «Защищаюсь!», «Пули!», «Ядра!», «По третьему произволу не быть тебе, молодцу, живому» и т. д. ⁵⁹

А н и к а

Это что за баба? Что за пьяная?
Что за шлюха деревенская?

С м е р т ь

Я не баба, я не пьяная,
Я не шлюха деревенская.
Я смерть твоя прекрасная.

А н и к а

Ах ты, смерть моя прекрасная!
(На коленях)

Дай мне пожить три года!

С м е р т ь

Не дам и три месяца!

А н и к а

Ах ты, смерть моя прекрасная!
Дай мне пожить три дня!

С м е р т ь

Не дам и три часа!
Вот тебе острая коса! ⁶⁰

⁵⁷ Архив МГУ, 1965, тетрадь 2, № 41.

⁵⁸ Т. М. Акимова. Народная драма в новых записях, стр. 15.

⁵⁹ Архив МГУ, 1966, тетрадь 3 (Изрядновой), № 56; тетрадь 2 (Юдиной), № 56; тетрадь 3 (Юдиной) № 44; 1965, тетрадь 18, № 20. Ср.: Северные народные драмы, стр. 53, 59, 66.

⁶⁰ Архив МГУ, 1966, тетрадь 1 (Налепина), № 132; тетрадь 3 (Юдиной), № 44. Ср.: Северные народные драмы, стр. 64—65.

Среди комических сцен выделяются повторяющиеся по тематике и разработанные по приемам диалоги царя со стариком и старухой в тамицких вариантах. Они близки тамицкой и нижнеозерской записям Н. Е. Ончукова,⁶¹ а отчасти и чекуевскому «Мнимому барину».⁶² В пересказе они сокращаются. Поскольку это были наиболее гибкие и подвижные в исполнении импровизированные диалоги (которые могли быть прикреплены к разным моментам действия), мы не найдем и двух сходных. Разнообразие их — результат перестановки отдельных элементов-реплик, разного порядка описания урожая, скота, посуды, усадьбы и пр.

Вот один из таких диалогов Максимилиана со стариком и старухой:

- Вы откуда?
- Мы из Чудова.
- А как живут ваши чудовские? Какие у них урожай?
- Урожай хорошие: колос от колосу — не слышно голосу, а сноп от снопа — целая верста.
- А сколько у вас там скота?
- Много. Петух да курица.
- А сколько у вас медной посуды?
- Крест да пуговица.
- Подберите тело, чтобы черви не точили!
- Черти не волочили?⁶³

В сцене с доктором-лекарем также варьируются элементы комического самовосхваления.

Я доктор-лекарь,
Петербургской обуховской больницы аптекарь.
Ко мне приходят на ногах,
А от меня увозят
На длинных чухонских дровнях.⁶⁴

Или:

Вот я дохтур, вот я лекарь,
Вот я славнящий аптекарь.
Живых лечу,
А мертвых из угла в угол мечу,
И сам козлецью скачу.⁶⁵

Разнообразие болезней и способов лечения также варьируется:

- А у меня болят ноги.
- А твой бы ноги отсечь на дороге
И козлячьи вставить,
Тебя плясать заставить. Пляши!
- А у меня рана.
- А [в] твою бы рану

⁶¹ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 229—230; Северные народные драмы, стр. 68—69.

⁶² Северные народные драмы, стр. 128—129.

⁶³ Архив МГУ, 1966, тетрадь 2 (Юдиной), № 56; 1966, тетрадь 3 (Юдиной), №№ 44; 45.

⁶⁴ Там же, 1965, тетрадь 5, №№ 11, 20.

⁶⁵ Там же, 1959, тетрадь 25, № 1.

Вставить два деревенских барана,
Да охалка сена вставить,
И тебя плясать заставить. Пляши! ⁶⁶

Контаминация «Царя Максимилиана» со «Шлюпкой» и «Иродом» встрети­лась только в Мудьюге. Ее нельзя считать исклю­чительно поздним явлением, поскольку и в ранних записях она представлена довольно широко.⁶⁷ Исследователи указывают также на то, что соединение пьес было часто механическим,⁶⁸ что механическая контаминация характерна для позднего этапа жизни драмы.⁶⁹ Ограниченность материала не позволяет нам делать такие категорические выводы. Показательно, что в одно и то же время (1905—1910 гг.) в одном и том же месте (Мудьюга) зрители и участники представлений отмечают и исполнение пьес одну за другой в одном общем обрамлении, и более сложную контаминацию.

В первом случае играли «Царя Максимилиана», а потом те же исполнители «шлюпку спускали». Затем качали Максимилиана, преобразившегося благодаря участию во второй пьесе в атамана, и хозяев, зрителей-мужчин.⁷⁰ Во втором случае после казни и похорон Адольфы Максимилиан отправлялся «в разбойнички», т. е. усаживался с гребцами на скамью-шлюпку, пелась песня, приставали к берегу. После этого качали мужиков и спрашивали: «Много на водку дашь?»⁷¹

В 1923—1924 гг. в той же Мудьюге (дер. Сырье) был разыгран на гумне довольно сложный контаминированный вариант пьесы с четким делением на сцены. Мотив «шлюпки» еще более органично вплетался здесь в развитие действия. Максимилиан прогоняет сына. Адольфа произносит страстный монолог-угрозу:

Я не хочу здесь жить и оставаться,
И этой проклятой богине покоряться.
Я соберу себе шлюпку сот пять
И вернусь еще опять.
И вас, дражайшие родители,
Все дворцы и башни разрушу.
А эту прокляту богиню
Кверху лапами поставлю!

Потом он кличет соратников:

А ну-ко, ребята, не желает ли кто
Добрыми делами подзаняться?

Входят матросы — «матросня» и кричат:

Желаем! ⁷²

⁶⁶ Там же. Ср.: Северные народные драмы, стр. 67.

⁶⁷ Т. М. Акимова. Народная драма в новых записях, стр. 14—15.

⁶⁸ Там же, стр. 15.

⁶⁹ Н. Н. Велецкая. О позднем этапе истории русской народной драмы, стр. 28—29.

⁷⁰ Архив МГУ, 1965, тетрадь 18, №№ 24, 31; тетрадь 18а, № 26.

⁷¹ Там же, тетрадь 18, № 91.

⁷² Там же, тетрадь 4, № 71.

После этого разворачивается сцена в шлюпке, происходит диалог Адольфы с «передним» (т. е. есаулом). В качестве интермедийной сцены выделена комическая выходка гусара, который подметает пол. Она предваряет очередную встречу царя с сыном. Разгневанный непослушанием и своевольным поступком Адольфы, Максимилиан приказывает казнить сына. Адольфа просит разрешения:

— Папенька, позволь
Последний раз поесть, пожить, повеселиться.
Пусти погулять, на могиле матери побывать.
— Иди, сын мой!

На могиле матери («скамейка покрытая и крест деревянный») Адольфа, склоня голову, пел «жестокый» романс «Спишь ты, спишь, моя родная». Эта сцена, по рассказу исполнителя роли Адольфы И. Н. Воробьева (67 лет), всех чрезвычайно трогала: «В зале муха пролетит — слышно, а то ведь смеху было».⁷³ Песня кончалась казнью Адольфы на плахе.

Объединение при постановке «Царя Максимилиана» с «Иродом», как рассказывали зрители, происходило в Мудьюге еще в 1905—1910 гг. Участники кричали: «Народился царь Ирод», потом выходил Ирод, садился на трон и говорил:

Вот пришел царь Ирод!
Что это за царь Ирод?
Всех покоряю и живых и мертвых!
Я приехал малых детей убивать!⁷⁴

Потом его убивали со словами:

Тебе на нашем царстве не царствовать.
Отроков-младенцев не убивать!

И несли хоронить с песней:

Понесли душу во ад,
Вечное жилище,
Там все черти говорят
Про его светлице.
Не форсите, богачи,
Что очень богаты.
Не спасут от смерти вас
Каменны палаты.⁷⁵

Эти скудные воспоминания подтверждаются словами участника более поздней постановки 1919—1920 гг. Г. Г. Ларионова (81 год). В тот период драма была сыграна трижды: два раза в Мудьюге (деревня Якимовская, Сырья) и один раз на ст. Обо-

⁷³ Там же.

⁷⁴ Там же, тетрадь 5, № 104.

⁷⁵ Там же, № 89.

зерской. Сцена с Иродом, по словам Ларионова, была краткой: «Ничего он не делал, только посадили его на трон, поставили ему упрек, что он четырнадцать тысяч младенцев загубил, пролил невинную кровь. Мы его с трона потащили, он пел:

Так пошла моя душа
В чертово жилище».⁷⁶

После Ирода выходил царь Максимилиан и садился на трон. В пьесе наличествовал конфликт из-за веры, были старик-гробочкопатель, Аника-воин. Интересен образ Венеры. Она подходила к царю с выходным монологом и предложением сразиться (монолог записан от других рассказчиков).⁷⁷ Максимилиан отвечал: «На что, — говорит, — нам драться? Нам надо познакомиться и повенчаться».⁷⁸

В других местах упоминания о Венере нам не встретилось, кроме одного случая в Тамиче, в свидетельстве, относящемся к тем же 1919—1920 гг. Возможно, рассказчик не отметил, что он видел мутьюгское или обозерское представление.

Контаминация «Царя Максимилиана» с вертепной драмой «Царь Ирод» была распространена в южнорусской традиции.⁷⁹ В материалах Н. Е. Ончукова она отмечена только однажды, со ссылкой на С. Я. Коротких, который утверждал, что именно так они играли пьесу в Чекуеве, хотя из переданного им списка это не следует. В сцене с Иродом, по словам С. Я. Коротких, присутствовали скороход-фельдмаршал, мать с отроком, Смерть. Ирода уносили с песней «Понесли душу в ад, в вечное жилище».⁸⁰

Н. Е. Ончуков располагал тремя полными текстами «Царя Максимилиана», из которых опубликовал два (третий был записан им в Нёнаксе), и несколькими свидетельствами и отрывочными записями. В статье 1910 г. он отметил разницу в редакциях пьес, указал на разное количество действующих лиц и близость чекуевского списка и записи в Нёноксе. Сближает их отражение «морских сфер». В обоих «можно усмотреть следы, указывающие, из каких слоев народа вышли к нам эти комедии».⁸¹ Еще более показательно упоминание об источниках этих пьес (не только «Царя Максимилиана», но и «Шлюпки»). «Макаров, а также другие мои сказочники „нёнокшане“ выяснили мне, что „Царя Максимилиана“ и „Шайку разбойников“ в Нёноксу занес местный житель П. С. Скребцов, когда в 1877 г. вер-

⁷⁶ Там же, тетрадь 18, № 21.

⁷⁷ Там же, тетрадь 15, № 5; тетрадь 18, № 98.

⁷⁸ Там же, тетрадь 18, № 21.

⁷⁹ В. В. Каллаш. К истории народного театра, стр. 66; М. К. Васильев. К истории народного театра, стр. 83—100.

⁸⁰ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 227.

⁸¹ Там же, стр. 227, 230—231.

нулся с военной службы домой. Служил Пр. Сер. в Кронштадте, на эскадре». ⁸² И в другом месте: «Первый вариант „Шлюпки“ напечатан с рукописи, купленной в Пянтиной у С. Я. Коротких. Эту драму, да и другие (т. е. рукописный текст «Царя Максимилиана», — *Н. С.*) С. Я. Коротких перенял от своего брата и от других односельчан, которые побывали на военной службе или на „промыслах“ в Петербурге». ⁸³

Показательно, что наши поздние и во многом более подробные, чем у Н. Е. Ончукова, свидетельства о пьесах и их схематические тексты обнаруживают связь как раз не с вышеназванными вариантами, а с другими: чекуевской «Шлюпкой», записанной от С. Я. Коротких, его же свидетельством об устном «Максимилиане», тамбиким «Царем Максимилианом», записанным от И. К. Герасимова (отметившим иную редакцию на Двине), нижнеозерским «Царем Максимилианом», отрывочно записанным от Я. С. Бородина. Вот что известно об их источниках: «Савва Яковлевич знает драму „Царь Максимилиан“, кажется, другой редакции, чем список ее в тетрадке (список не местный, скорее с военной службы). Он выучил своего „Царя Максимилиана“ от В. Д. Коротких, а последний вывез драму из Петербурга, когда он ходил бурлачить двадцать лет (очевидно, тому назад, — *Н. С.*)». ⁸⁴ «Герасимов перенял комедию от Н. Н. Воронихина, тамбикого же крестьянина, двадцать лет назад. . . Воронихин привез пьесу из бурлаков, когда ходил на выгонку леса, причем тогда ему, вероятно, приходилось бывать и в Петербурге на лесопильных заводах». ⁸⁵ «Воронихин же принес драму из бурлаков, а может быть, с лесопильных заводов Севера, на которых до сих пор еще представляют народные драмы». ⁸⁶

Таким образом, эти варианты, занесенные с лесопильных заводов примерно в одно время (1870—1880-е годы), и легли в основу местной традиции, были восприняты деревней. Рукописные же тексты, пришедшие из другой, военной, морской среды (несмотря на незначительное число конкретных ее примет), очевидно, не прижились. Они были излишне сложны, песенные вставки отражали военный и городской репертуар, мало известный деревне, т. е. они не опирались на тот художественный опыт, который необходим для творческого отношения к пьесе, для ее «приживания». Пьесы же, пережившие какой-то этап существования на лесопильных заводах (разумеется, они могли быть туда занесены и через солдат), были уже переработаны, восприняты устной крестьянской традицией.

⁸² Там же, стр. 225.

⁸³ Северные народные драмы, стр. VIII.

⁸⁴ Н. Е. Ончуков. Народная драма на Севере, стр. 221.

⁸⁵ Там же, стр. 219.

⁸⁶ Северные народные драмы, стр. VIII.

СЕВЕРНОРУССКИЕ ВАРИАНТЫ «ПЕТРУШКИ»

Русский народный кукольный театр представляет собой жанр фольклора, который отличается большим своеобразием. Этот вид народного драматического искусства, порожденный городом, стоит на грани коллективного народного творчества и профессионального. Он очень тесно связан, с одной стороны, с русским народным творчеством (лубок, народная драма, раек, небылицы, различные обряды, демократическая сатира и т. п.), с другой — с народными кукольными театрами Запада и Востока. Таким образом, этот жанр — интересное и важное звено русского фольклора, и, несомненно, он заслуживает изучения. Действительно, одна из разновидностей его — вертеп — давно привлекала внимание ученых. Имеются многочисленные публикации вертепных представлений и исследования.

Театр же Петрушки далеко не изучен. Это касается не только текстов представлений,¹ оформления спектаклей и техники изготовления кукол, мы ничего не знаем и о кукольниках, их быте, путях обучения «Петрушке» и т. п.

В данной статье мы рассмотрим только севернорусские варианты комедии. Нам известно семь таких вариантов. Среди них два описания представлений и пять дословных записей. Одно описание принадлежит Д. В. Григоровичу и относится оно приблизительно к 40-м годам XIX в.² Другой детальный пересказ спектакля содержится в книге воспоминаний А. Я. Алексеева-Яковлева (конец XIX в.).³ Из пяти текстуальных записей одна представляет собой печатное издание,⁴ остальные тексты взяты нами из архивных собраний П. Н. Тиханова⁵ и И. П. Еремина.⁶

¹ Известны только две научные публикации текстов комедии: Ванька. Современная народная кукольная комедь. В кн.: Воронежская литературная беседа, кн. I. Воронеж, 1925; Петрушка, он же Ванька Рататуй. В кн.: П. Н. Берков. Русская народная драма XVII—XX веков. М., 1953, стр. 115—123.

² Д. В. Григорович. Петербургские шарманщики. Полн. собр. соч. в 12 томах, т. 1, СПб., 1896, стр. 24—26.

³ Русские народные гулянья по рассказам А. Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.—Л., 1948.

⁴ Новейший Петрушка, или забавный клоун. Юмористический театрик без декораций. СПб., 1891.

⁵ Рукописн. отд. Гос. Публ. библиотеки, ф. 777, оп. 1, № 188, л. 99—107 (рукопись под названием «Петрушка» на 9 листах с пометой, что запись произведена в Санкт-Петербурге 16 августа 1903 г.).

⁶ Рукописн. отд. Инст. русск. лит. (далее: РО ИРЛИ), т. V, колл. 136, папка I, № 2 (текст комедии с комментариями, относящийся к осени 1896 г. Записано под Лугой); там же, № 4 (рукопись, содержащая 11 сцен комедии, сыгранных 12 июля 1898 г. в Шлиссельбургском уезде Петербургской губернии); там же, № 8 (текст спектакля из 13 сцен, датирован 1900 г., записано от кукольника, который играл зимой в Петербурге, а летом «по дачам»).

Петербург и вообще Север России были местом наибольшего распространения театра Петрушки, откуда он уже «во второй половине прошлого века, вероятно... проник и в южнорусские губернии, в частности на Украину».⁷ Поскольку комедия существовала фактически только в устной форме и передавалась от исполнителя к исполнителю путем простого запоминания основных ситуаций и типических мест, то, естественно, до наших дней дошло очень мало текстуальных записей спектаклей или их описаний. Севернорусские варианты «Петрушки» существенно отличаются от южных и западных, представлены они в основном петербургскими записями. Это объясняется несколькими причинами. В частности, тем, что столица притягивала к себе кукольников большим населением, долгими и богатыми народными гуляньями, которые устраивались по случаю различных праздников на Адмиралтейской набережной, а позднее и на Царицыном Лугу. Все это сулило большую возможность хорошо заработать, перенять опыт других актеров и т. д. Кроме того, именно в Петербурге часто печатались лубочные книги с текстами комедии.

Вероятно, представления «Петрушки» давались в северных районах со дня появления этой комедии на Руси. Прямых доказательств этого нет, ведь все тексты и описания относятся к XIX в., но некоторые косвенные данные позволяют говорить о том, что такие или подобные кукольные представления были известны здесь если не в XVII, то наверняка в начале XVIII в. Известно, что в 1745 и 1749 гг. в Петербурге было два кукольных театра: «Комедиантский дом в Морской» и «Комедиантский анбар».⁸ К тому же в XVIII в. в России гастролировало много иностранных кукольников, среди которых были марионеточники, петрушечники, владельцы теневого театра, восковых, механических и других кукол.⁹ В 1816 г. вышла книга о достопримечательностях Петербурга, в которой автор — Павел Свиньин — отмечал, что кукольные представления были широко распространены во время масленицы: «Вокруг невских гор строятся тогда сарай, в коих показывают разных животных, привозимых из чужих краев, кукольные комедии, китайские тени, пляски на канате и прочее».¹⁰ Вполне естественно предположить, что среди такого обилия кукольных представлений существовал и постепенно оформлялся тот вид спектакля, который позднее стал называться театром Петрушки.

⁷ О. Цехновицер, И. Еремин. Театр Петрушки. М.—Л., 1927, стр. 49.

⁸ Вл. Перетц. Кукольный театр на Руси (исторический очерк). Ежегодник Импер. театров. Сезон 1894/95 г. Приложение, кн. I. СПб., б. г., стр. 94.

⁹ Вл. Перетц. Кукольный театр на Руси; П. Столпянский. Кукольный театр старого Петрограда. Жизнь искусства, 1920, №№ 432—434; А. Федотов. Из истории кукольного театра. М., 1940.

¹⁰ Русские народные гулянья... стр. 8.

Большой интерес представляет для нас рассказ «Петербургские шарманщики», написанный Д. В. Григоровичем в 1843 г. для издававшегося в то время Н. А. Некрасовым альманаха «Физиология Петербурга». Рассказ, точнее, бытовой очерк знакомит с жизнью кукольников столицы и дает довольно подробное описание самого спектакля о Петрушке.

Д. В. Григорович прямо пишет о том, что театр Петрушки не исконно русский, что он занесен к нам итальянцами: «Шарманщики в Петербурге вообще бывают трех различных происхождений: итальянцы, немцы и русские. Между ними итальянцы занимают первое место. Они неоспоримые основатели промысла, составляющего у них самобытную отрасль ремесленности, тогда как русские и немцы не более как последователи, которые хватаются за шарманку, как за якорь спасения от голодной смерти, или по неспособности, чаще по неохоте, к другому, более дельному ремеслу».¹¹ Итальянцы уже тогда сами по дворам не ходили, они нанимали для этого русских работников, которых снабжали на день шарманкой и куклами, иногда учеными обезьянами.

Севернорусские варианты комедии подтверждают в какой-то степени это высказывание писателя. Взятые в хронологическом порядке, они отражают развитие «Петрушки», его становление и одновременно обрусение. В спектакле первой половины XIX в., который описан Григоровичем, действуют и Пучинелла и Петрушка, причем главный герой — это Пучинелла, а Петрушка очень непонятно появляется только в самом конце, когда Пучинелла, схваченный чертом, зовет его на помощь. Похоже, что в это время комедия переживала период проникновения в нее русского элемента, проникновения пока механического, но уже обязательного, ибо без Петрушки, по словам того же Григоровича, «не обходится ни одно уличное представление».¹²

Следующее описание комедии датируется 1876 г., и принадлежит оно Ф. М. Достоевскому. Действуют здесь опять-таки два главных героя: Петрушка и Пульчинель, но если за 30 лет до этого Петрушка был охарактеризован (и не без основания) Григоровичем как лицо, «совершенно постороннее действию, ни с какой стороны, по-видимому, не нужное», вызывающее лишь недоумение,¹³ то теперь в том же Петербурге, в той же комедии и Петрушка и Пульчинель — два равноправных героя. Больше того, для Достоевского Петрушка уже «совершенно обрусевший и народный характер».¹⁴

Постепенно итальянское имя, а вместе с ним и герой, носящий его, окончательно уходят из комедии. Рудиментарным остатком

¹¹ Д. В. Григорович. Петербургские шарманщики, стр. 8.

¹² Там же, стр. 13.

¹³ Там же.

¹⁴ См. черновые записи Ф. М. Достоевского «О народном театре „Петрушка“», опубликованные А. С. Долиным в «Ученых записках Педагогического института им. Покровского» (т. 4, вып. 2, 1940, стр. 315).

итальянского Полишинеля-Пульчинеля можно считать оставшееся за Петрушкой в некоторых местах прозвище, иногда измененное до неузнаваемости от явного забвения первоначального его смысла и источника. Так, в записи 1900 г. (собрание И. П. Еремина, № 8) Петрушка называет сам себя «мусью Подчинель». Петербургский вариант не исключение. Тот же прием наблюдается и у кукольников из других мест, например, в одной из черниговских записей (собрание П. Н. Тиханова) Петрушку именуют в сцене с солдатом «мусью Пошинель», рифмуя это прозвание со словами «под шинель».

Вообще же к концу XIX в. русский Петрушка остается единственным главным героем комедии, он даже приобретает отчество и фамилию: на Севере России он чаще всего именуется Петром Ивановичем Укусовым. Несмотря на такое обрусение театра «Петрушки», итальянцы тоже продолжали выступать, и некоторые кукольники называют именно итальянцев своими учителями, например, список из собрания И. П. Еремина предваряется таким замечанием: «Записано в дер. Московская Дубровка Ивановской вол. Шлиссельбургского уезда Петерб. губ. со слов еврея рижского мещанина Осипа Леонтьева Гелльван, ученика одного итальянца, странствовавшего с „Петрушкой“ по России, Виченти Споззи».¹⁵

Мысль о нерусском (итало-немецком) источнике комедии неоднократно высказывалась учеными на основе сопоставительного анализа различных европейских народных кукольных театров.¹⁶ Наши данные можно рассматривать как еще одно подтверждение этому.

Севернорусские варианты интересны не только тем, что в какой-то мере отражают историю жанра кукольной комедии, они обращают на себя внимание своеобразной композицией и сюжетом.

Общей чертой всех спектаклей, независимо от времени и места исполнения, является кумулятивный способ их построения. Каждая сцена представляет собой замкнутое и независимое целое, поэтому порядок расположения и особенно количество сцен в пьесах может меняться весьма существенно. Фактически связывает эти сцены в нечто единое только Петрушка — главный персонаж каждой сцены и всей комедии в целом.

Рассмотрение имеющихся текстов позволило выделить 19 сцен, которые составляют тот запас, откуда каждый петрушечник выбирает для себя материал и по-своему составляет спектакль.

Совершенно одинаковых текстов, естественно, нет, ибо при устном бытовании комедии практически исключена такая возможность. Однако говорить о полной свободе построения тоже

¹⁵ РО ИРЛИ, р. V, колл. 136, папка I, № 4.

¹⁶ А. Алферов. Петрушка и его предки. В кн.: Десять чтений по литературе. М., 1895; Вл. П е р е ц. Кукольный театр на Руси, и др.

не приходится. Во-первых, само ограниченное количество сцен сильно сужает возможности исполнителей изменять комедию, во-вторых, в следовании эпизодов друг за другом видна некоторая закономерность, установленная традицией. В-третьих, частота упрощения различных сцен очень сильно колеблется: есть сцены обязательные, есть менее необходимые и совсем редкие, единичные. В основное ядро комедии входят семь сцен: выход Петрушки, показ невесты, покупка лошади, испытание ее, лечение Петрушки, обучение солдатскому артикулу и заключение — возмездие. Это наиболее устойчивая часть спектакля. По отношению к ней можно говорить даже о логике в развитии сюжета: Петрушка знакомится со зрителями, затем сообщает музыканту, что задумал жениться, и показывает свою невесту. После женитьбы необходимо подумать о хозяйстве — и Петрушка начинает с того, что покупает у цыгана лошадь, которая оказывается очень норовистой, сбрасывает нового хозяина или ударяет его копытом. Петрушка зовет доктора, но расплачивается с ним ударами дубинки, за что его в виде наказания пытаются сдать в солдаты. Однако Петрушка с помощью палки разделяется и с капралом, тогда его постигает высшее наказание — черт (домовой, собака и т. д.) уносит его в ад. Некоторые из этих сцен могут отсутствовать, но порядок их расположения, скрепленный логикой, нарушается редко.

Остальные сцены более подвижны и менее обязательны. Выбираются они кукольниками в зависимости от их собственного вкуса, таланта, достатка, аудитории, перед которой они выступают, и т. д. Далеко не последнюю роль играет здесь традиция, установившаяся в определенной местности.

Северные варианты «Петрушки» оказываются наглядным примером своеобразного сплава традиции и импровизации. Стержневые сцены и здесь обязательны для всех спектаклей (в трех случаях имеются все семь основных сцен, в двух случаях — шесть и в двух — пять основных сцен). Как обычно, Петрушка сначала здоровался с публикой. При этом все петербургские петрушки произносят почти одни и те же слова: «Здравствуйте, господа, я пришел сюда вас повеселить, позабавить и с праздником поздравить»¹⁷ — с очень небольшими изменениями, например: «Доброе здравье всем господам почтеним! Здрастуйте! Севодняшний день я прибыл сюда господ повеселить и посмешить и детей позабавить (если в праздничный день — и с праздником поздравить)».¹⁸ Даже самый далекий вариант приветствия оказывается сходным, звучит по-петербургски: «Вот и я пришел вас позабавить и с праздником поздравить! Здорово, ребятишки, здорово, парнишки!.. Бонжур, славные девчухи, быстроглазые во-

¹⁷ РО ИРЛИ, р. V, колл. 136, папка I, № 8.

¹⁸ Там же, № 4.

струшки!.. Бонжур и вам, нарумяненные старушки — держите ушки на макушке!».¹⁹

Кончатся все варианты, кроме одного, тоже, как и полагается, гибелью Петрушки. По-видимому, именно такой конец надо считать исконым. Дело в том, что любое кукольное представление — особая художественная система, которая с помощью определенных формальных признаков разграничивает мир внешний, реальный (план зрителей) от мира внутреннего, условного (план спектакля). Каждая сцена и весь спектакль в целом имеют поэтому ярко выраженные начало и конец. Так, к примеру, рекомендация героя, помимо других функций, — знак начала новой сцены или представления, если иметь в виду выход Петрушки. С той же целью используются и другие приемы. Приведем лишь один из них: Петрушка, как правило, скрывается за ширмой, как только кончается очередная сцена, и вновь появляется в начале следующей, тем самым механически подчеркивая рамки отдельных эпизодов. В этом смысле «настоящим» концом комедии должна считаться смерть героя, так как, пока он жив, его приключения могут продолжаться бесконечно долго. Однако смерть эта — чисто формальный, композиционный прием, поскольку воспринимается она без всякого сожаления и недоумения по поводу столь необычной кончины любимого героя, тем более что он «воскресает» всякий раз в начале следующего представления. К тому же кукольный театр — это частица общего веселья, воспринимается он празднично настроенными людьми, а «момент смерти и возрождения, смены и обновления всегда были ведущими в праздничном мироощущении»,²⁰ даже когда истинный смысл этого забывался и все делалось просто по традиции, по установленному веками обычаю. Именно о таком понимании гибели Петрушки говорит последняя реплика, приводимая А. Я. Алексеевым-Яковлевым в описании одного из петербургских спектаклей: «Но тут музыкант натравливал на Петрушку злого, свирепого барбоса, который хватал Петрушку за нос, волок его за ширму.

— Ой, музыкант, заступись, пожалуйста, — гнусаво вопил Петрушка. — Прощай, ребята! Прощай, жисть молодецкая!.. Уй-уй-уй!.. Пропала моя головушка удалая, пропала вместе с колпачком и с кисточкой!.. Мое почтение!.. До следующего представления!..».²¹

Конечная смерть Петрушки — характернейшая, неотъемлемая часть абсолютного большинства спектаклей. Отдельные варианты, в которых отсутствует эта сцена, чаще всего представляют собой неполные или дефектные записи. Единственное исключение —

¹⁹ Русские народные гулянья... стр. 59.

²⁰ М. Бахтин. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965, стр. 12.

²¹ Русские народные гулянья... стр. 62.

текст из собрания И. П. Еремина,²² в котором новгородский кукольник заставляет своего героя победить даже черта.

Как видим, севернорусские списки комедии традиционны в общем плане. Однако они содержат также довольно интересные отступления, местные особенности. Сравнивая их с известными нам южно- и среднерусскими вариантами, можно заметить, что здесь гораздо более свободен, чем где бы то ни было, порядок расположения сцен внутри спектаклей. Собственно, ни о какой единой схеме спектакля говорить не приходится, так как каждый кукольник тасует сцены по-своему, нарушая даже обычный порядок следования основных эпизодов комедии. Общими остаются лишь традиционное начало — выход Петрушки — и конец — смерть его. Обязательные сцены, за исключением той, где Петрушка встречается с невестой, решены и показываются так же, как и в других местах России. Но все они в петербургских вариантах могут занимать самые разные места и отделяться друг от друга любимыми другими сценами. Вообще одной из местных особенностей комедии является то, что отдельные эпизоды представляют собой несколько иное, нетипичное оформление сцены. В качестве примера можно указать на сцену с невестой, представляющую особый вариант ее: Матрена Ивановна (имя невесты в большинстве севернорусских текстов) приезжает из деревни, Петрушка узнает об этом и отправляется к ней, забавно отыскивая улицу и дом, где она остановилась. При встрече Матрена бранит Петрушку за то, что он забыл ее и даже писем не пишет. Петрушка всячески оправдывается, и в конце концов они мирятся и общим танцем заканчивают сцену.²³

Из вставных, необязательных сцен чисто петербургской может считаться сцена с баринком. Она встречается в шести севернорусских списках из семи имеющихся, в других же районах, если и появляется, то случайно. Например, из 10 черниговских текстов только один имеет ее в своем составе. Сцена однотипна во всех вариантах. Приведем ее так, как она звучит в списке № 8 из собрания И. П. Еремина:

Петрушка. Господину барину мое низжайшее почтение.

Барин. Я слышал, вы желаете идти ко мне в услужение?

Петрушка. С великим, с великим удовольствием.

Барин. А много ли вы возьмете на месяц жалованья?

Петрушка. Сколько пожелаете.

Барин. На первый месяц — пуд мякины, на второй — четверть гнилой рябины, а на третий — письмо от Катерины.

Петрушка. Барин, барин, это будет немножко кислотовато.

Барин. Будешь хорошо служить — прибавлю, худо — отбавлю. На-лево кругом!

²² РО ИРЛИ, р. V, колл. 136, папка I, № 8а.

²³ Обычное содержание этой сцены таково: Петрушка сообщает музыканту о своем намерении жениться и описывает приданое невесты. Музыкант просит показать саму невесту, Петрушка приводит ее и комически расхваливает, после чего оба танцуют, а затем Петрушка провожает невесту домой или же они просто в танце скрываются за ширмой.

Петрушка. Сыграй, музыкант, польку бегом. (*Танцуют барин и барыня. Окончив танец, идут под ручку. Выходит Петрушка. Барин спрашивает*).

Барин. Зачем ты пришел?

Петрушка. Гости приехали.

Барин. А самовар ты поставил?

Петрушка. Вот и виноват.

Барин. В чем ты виноват?

Петрушка. Самовар поставить-то поставил, да он у меня убежал!

Барин. Разве самовар с ногами?

Петрушка. То есть, виноват, самовар остался, кипяток ушел.

Барин. Так и говори, что самовар остался, а кипяток ушел. Бери барыню под ручку и веди потихоньку домой.

Петрушка (*ведет и говорит*). Тише, тетенька, барынька Катериночка, не упадите. Тут лестница крутая, переходы узенькие. Тише, тише, головку разобьете!²⁴

Стоит обратить внимание на тот факт, что характер Петрушки тут подан в несколько ином плане, чем во всей комедии, так как трудно представить себе Петрушку в роли лакея, пусть даже хитроватого, нет также обычной палочной расплаты в конце. Скорее всего, это не «петрушечная» сцена по своему происхождению, а привнесенная в комедию из вертепа или какой-нибудь интермедии бытового характера. Может быть, приуроченность и неисконность и объясняют то, что в остальных местах сцену службы не знают.

Получается интересная картина соотношения в петербургских записях двух противоположных начал: традиционного и импровизационного. В целом комедия здесь представляет собой обычный, установившийся тип этого жанра, но моменты традиционные переплетаются в ней очень удачно со свободным подходом к изображаемому. Больше того, местный вариант спектаклей оказывается одновременно традиционным и нетрадиционным, если посмотреть на него с разных ракурсов. Та же сцена службы с точки зрения абстрактного классического «Петрушки» — нарушение традиции, так как в других районах ее практически нет, но она характерна для севернорусского вида комедии, стало быть, традиционна для этой местности.

Русский «Петрушка» формировался постепенно, комедия в одно и то же время закрепляла одни элементы и заново усваивала другие, новые, поэтому традиция, едва возникнув, могла легко нарушаться, но и импровизация допускалась лишь в рамках традиции, т. е. касалась различных деталей, не нарушая, как правило, основную канву комедии, ее идеологическую направленность и смысловое решение сюжета. Поэтому, несмотря на большое количество вариантов, подчас далеких друг от друга, театр Петрушки рассматривается как нечто единое и цельное.

²⁴ РО ИРЛИ, р. V, колл. 136, папка I, № 8.

ДЕРЕВЯННАЯ ФИГУРКА АНТРОПОМОРФНОГО СУЩЕСТВА
ИЗ СТАРОЙ ЛАДОГИ

Деревянная фигурка антропоморфного существа (рис. 1) была найдена во время археологических исследований земляного городища Старой Ладogi экспедицией, работавшей под руководством чл.-корр. АН СССР В. И. Равдоникаса, в работе которой принимал участие и автор статьи. Находилась она среди остатков небольшого строения, погибшего в древности от огня. Это маленькое деревянное здание (внутренняя полезная площадь 16 м²) отличалось по своему плану и по находкам от окружающих его жилых и хозяйственных построек. Уже в ходе полевых исследований было высказано предположение, что это было сооружение культового назначения.¹ Находилось оно в нижних слоях горизонта *δ* культурного слоя земляного городища, которые можно датировать X в.² О слоях, лежащих ниже горизонта *δ*, до сих пор идут споры, так как нелегко устанавливается их этническая принадлежность: их приписывают скандинавам, восточным славянам, финнам и даже балтийским славянам. Достоверность предлагаемых решений не поднимается выше гипотетических конструкций, более или менее вероятных. Автор настоящей работы придерживается мнения В. И. Равдоникаса, считавшего, что в Ладогe не было смены населения и Ладoga искони была славянской.³ Что касается горизонта *δ*, то славянский его характер вряд ли подлежит сомнению, хотя какие-то инородные структуры — финские и скандинавские — могли быть в него включены. Все эти обстоятельства необходимо иметь в виду при изучении ладожской деревянной фигурки. Скорее всего это памятник восточнославянской культуры, но какая-то доля сомнения на этот счет может оставаться. Поэтому, опираясь в дальнейшем на древнерусский сравнительный материал, мы в то же время будем иметь в виду и соседей восточных славян, которые так или иначе могли оставить след своей культуры в Ладогe.

¹ В. И. Равдоникас. Отчет о Староладогской экспедиции 1958 г. Архив ЛО Инст. археол. АН СССР, № 2/1958, стр. 8—15; К. Д. Лаушкин. Раскопки в Старой Ладогe. Краткие сообщ. Инст. археол. АН СССР, вып. 81, 1960, стр. 74.

² О стратиграфии земляного городища см.: В. И. Равдоникас. Старая Ладoga. Советская археология, XI, 1949, стр. 9—12. О проблемах датировки см.: Г. Ф. Корзухина. 1) О времени появления укрепленного поселения в Ладогe. Там же, 1961, № 3, стр. 83; 2) К уточнению датировки древнейших слоев Ладogi. Тез. докл. 3-й Научн. конфер. по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии, Тарту, 1966, стр. 61—63.

³ В. И. Равдоникас и К. Д. Лаушкин. Об открытии в Старой Ладогe рунической надписи на дереве в 1950 г. Скандинавский сборник, IV, 1959, стр. 31 и сл. См. также: П. Н. Третьяков. У истоков древнерусской народности. МИА СССР, № 179, 1970, стр. 149.

В соответствии с хронологической шкалой горизонтов культурного слоя земляного городища фигурка относится к дохристианской эпохе. Ряд признаков (место находки, некоторые черты самого образа и пр.) позволил В. И. Равдоникасу уже в полевой обстановке высказать догадку, что найденная скульптура является идолом и изображает славянское языческое божество. Догадка имела косвенное подтверждение в том, что указанная фигурка не является единственным идолом в Старой Ладоге.

Рис. 1. Деревянная фигурка из Старой Ладogi.

Рис. 2. Идол (скотье божество) из Старой Ладogi.

В 1948 г. в более древнем горизонте (горизонт *e*) была найдена резная деревянная фигурка бородатого мужчины (рис. 2). Она менее выразительна, художественно менее совершенна, в ней отсутствуют фантастические черты нашей скульптуры, однако по условиям залегания (она найдена в толще навоза, оставшегося от хлева) Г. П. Гроздилов определил ее предположительно как

олицетворение «скотьего божества».⁴ С тем, что эта фигурка представляет собой идол, согласились и другие археологи-слависты.⁵

Мы будем исходить из предположения, что в ладожской деревянной скульптуре воплощено мифологическое существо, но при этом не будем забывать, что это только предположение. Его надо проверить, и после проверки либо принять (хотя бы в качестве научной гипотезы), либо отвергнуть. В настоящей работе мы займемся такой проверкой. До получения позитивных результатов мы не станем употреблять термин «идол», предпочтя ему менее обязывающее — «фигурка». Но прежде чем приступить к аналитическому изучению ладожской фигурки, необходимо лучше с ней познакомиться.⁶

Описание

Фигурка была найдена 14 июня 1958 г. художником М. С. Каманцевым, производившим расчистку остатков сгоревшей постройки. Скульптура лежала в плотно слежавшемся гумусном слое интенсивно черного цвета, в основном за счет большого количества углистых включений. Она находилась вблизи небольшого (0,5 × 0,5 м) очага, который, по всей видимости, служил жертвенником (в этом маленьком доме была и обычная печь для отопления).⁷ Фигурка хорошо сохранилась: едва заметное обугленное пятнышко с тыльной стороны туловища — единственный знак, который оставил на ней пожар. На нижнем конце фигурки явственный след отщепления кусочка древесины, происшедшего, судя по характеру откола, еще в древности.

Порода дерева, из которого вырезана фигурка, была определена дендрологом А. И. Зубковым (Ленинградский университет). Это тис. Древесина тиса имеет красный цвет. Пролежавшая тысячу лет во влажном гумусе, фигурка стала бурой, почти коричневой.⁸ Кусок дерева, из которого вырезана фигурка, имеет в сечении овал, приближающийся к кругу. Высота фигурки 28 см, диаметр в самой широкой части — 2,5 см. Круглая палка, лежащая в ос-

⁴ Г. П. Гроздилов. Раскопки в Старой Ладоге в 1948 г. Советская археология, XIV, 1950, стр. 164.

⁵ См., например: П. Н. Третьяков. Восточнославянские племена. М., 1953, стр. 285. Мы присоединяемся к этому мнению. Ср. обычай, сохранившийся в России до конца XIX в., ставить в хлеву икону св. Власия, заменившего древнее скотье божество славян (С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов XIX—начала XX века. М.—Л., 1957, стр. 114).

⁶ Фигурка экспонируется в Государственном Эрмитаже на выставке «Культура древней Руси VI—XV вв.».

⁷ В. И. Равдоникас. Отчет о Староладожской экспедиции 1958 г., стр. 10. См. также: А. С. Косцова. Культура древней Руси VI—XV вв. Л., 1968, стр. 40.

⁸ Чтобы предохранить фигурку от разрушения, ее химически обрабатывали в полевых, а затем в лабораторных условиях, и теперь у нее (на выставке в Эрмитаже) цвет бледно-палевый, почти белый.

нове скульптуры, легко расчленяется на ярусы, каждый из которых при обработке его древним резчиком дал ту или иную деталь фигуры: головной убор, собственно голова, туловище, кольцеобразный выступ в нижней части туловища, орнаментированная прямыми линиями конусовидная часть и нижняя конечность.

Головной убор имеет навершие и плотно облегает голову, его передняя часть доходит до линии бровей.⁹ Подобрать близ-

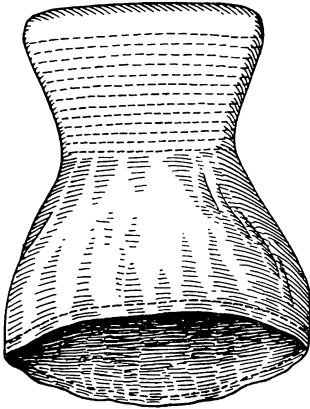

Рис. 3. Женский головной убор (Белоруссия, XIX в.).

Рис. 4. Деревянная фигурка духа — хозяйки огня. Удэгейцы (МАЭ, № 1899-3).

Рис. 5. Идол. Ненцы с р. Печоры.

кую аналогию нам не удалось. Он лишь отдаленно напоминает древнерусские боевые шлемы, как они изображены, например, в миниатюрах Радзивилловской летописи, так как имеет более массивное расширяющееся кверху навершие.¹⁰ Отметим также, что в Белоруссии еще в конце XIX в. сохранялся женский головной убор, по своей форме весьма похожий на головной убор ладожского антропоморфного существа (рис. 3).¹¹

⁹ Высказывавшееся во время обсуждения нашего доклада мнение, что головной убор может быть истолкован в качестве сложной прически, вряд ли можно принять: представляется маловероятным, что прическа полностью скрывает весь лоб и начинается от переносицы (К. Д. Лаушкин. Идол из Старой Ладogi. Тез. докл. годичной научной сессии ЛО Инст. этногр. АН СССР, Л., 1968, стр. 71—72).

¹⁰ Радзивилловская, или Кенигсбергская, летопись, т. I. Изд. Общ. любителей древней письменности, СХVIII, 1902, л. 22 об., 41 об. и др.

¹¹ Г. С. Маслова. Народная одежда русских, украинцев, белорусов в XIX—начале XX в. Восточнославянский сборник. Труды Инст. этногр. АН СССР, М., 1956, стр. 673. Не исключена возможность, что этот голов-

С большим мастерством вырезано лицо. В углубленных орбитах большие круглые глаза, они открыто смотрят из-под нагнутой на лоб шапки. На сухощавом, узком лице выделяется прямой и толстый нос. Верхнюю губу прикрывают усы, нижняя по-старчески тонка и запала в рот. Небольшая клиновидной формы борода завершает искусно изваянный образ старца.

Туловище фигурки представляет собой несколько уплощенный спереди и сзади цилиндр. Оно суживается кверху — месту, где должна быть шея. Однако ни шея, ни плечи не намечены. Несколько расширяясь от головы к середине, туловище сужается книзу. Рук фигурка не имеет, они даже не намечены.

Дальше следует кольцевидный выступ, опоясывающий снизу фигурку. Эта деталь в достаточной степени загадочная. Сомнительно, что в такой манере художник изобразил принадлежность одежды — обыкновенный пояс: слишком он «толстый». Если бы художнику потребовалось изобразить простой пояс, ему было бы достаточно нарезать две параллельные линии, подобные (по технике) тем, о которых ниже пойдет речь. Здесь же мы видим тщательно вырезанное объемистое кольцо.

Ниже кольцевидного выступа еще одна загадочная деталь: усеченный конус, своей верхней узкой частью примыкающий к кольцу. По всей поверхности конуса нанесен простой орнамент — прямые линии, идущие вниз. За конусом, украшенным орнаментом, следует последняя деталь фигурки — ее конечность. Не сразу стала понятной эта часть скульптуры. Первые предположения были: это рукоятка, за которую бралась статуэтка; это стержень, чтобы вставлять ее в какую-нибудь подставку; это шип, чтобы втыкать ее в землю, и т. п. Но от всех этих предположений пришлось отказаться. Для рукоятки эта деталь слишком мала (4,5 см), и оформление ее не соответствует такому назначению; подставки никакой не было найдено, равно как никаких следов на дереве, которые бы указывали, что стержень куда-то вставлялся; чтобы втыкать в землю, естественным было бы заострить стержень, а в действительности деталь в нижней части закруглена, образуя не шип, а нечто вроде пятки. Последнее наблюдение послужило толчком для работы мысли в другом направлении. Может быть, на самом деле, это пятка, т. е. часть человеческой ноги? Этому предположению не противоречило бы ни само место в фигуре человека, где эта деталь находится (внизу, там, где и полагается быть ногам), ни оформление: она цилиндрической формы, утолщается в сторону бедра и утончается в сторону стопы. Предположение получило сильное подкрепление, когда еще раз обра-

ной убор восходит к древнерусскому образцу мужских головных уборов. В истории культуры известны многочисленные случаи, когда женщины перенимают у мужчин их одежду, способы украшения тела и т. п. и постепенно закрепляют их как чисто женскую моду. Поэтому одежда женщин может служить источником для изучения истории мужской одежды.

тили внимание на отщеп внизу «конечности». Какой-то кусок дерева был отломлен; он не мог быть ни слишком длинным (лимитирует диаметр палки, из которой вырезана фигурка), ни слишком короткий (небольшой кусок вряд ли бы отломился, так как у тиса очень плотная древесина). Скорее всего, он имел, так сказать, умеренную величину. Мы попробовали представить себе, как бы выглядела описываемая деталь фигурки, если к ней прибавить отломленный кусочек дерева. Для этого мы произвели самую несложную реконструкцию. На чертеже фигурки, в том месте, где был отлом, мы пунктирной линией отметили место этого недостающего кусочка древесины. Достаточно посмотреть на рисунок, чтобы увидеть непонятную деталь преобразенной: она превратилась в человеческую ногу (рис. 1).

Фольклор многих народов мира сохранил мифы, легенды, сказки о сверхъестественных одноногих существах. В изобразительном искусстве этот образ, к сожалению, разработан гораздо меньше. Мы здесь публикуем деревянную статуэтку, хранящуюся в фондах Музея антропологии и этнографии (рис. 4). Это удэгейская «хозяйка огня» — горбатая одноногая старуха.¹² Грубо оформленная стопа удэгейской статуэтки может дать некоторое представление о том, как выглядела утраченная стопа ладожской фигурки. Добавим также, что если бы у сибирского идола отломилась стопа, то нижняя его часть не сразу могла быть правильно понята.

В заключении описательной части приведем рисунок еще одной деревянной фигурки (рис. 5). Это идол ненцев с р. Печоры.¹³ Он имеет некоторое сходство как с удэгейским идолом, так и с ладожской деревянной фигуркой, и это сходство может служить лишним аргументом в пользу высказанного В. И. Равдоникасом мнения, что ладожская фигурка в древности была идолом. Мы обращаем здесь внимание также на существенное различие: у ненецкого идола в нижней части ноги не нога, а шип для втыкания в землю, и он обработан соответственно с этим назначением.¹⁴

Опыт атрибуции

Расшифровка образов древнего изобразительного искусства всегда представляет собой немалые трудности. Впрочем, не только

¹² С. В. Иванов. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX—начала XX в. Труды Инст. этногр. АН СССР, нов. сер., т. XXII, 1954, стр. 335—336.

¹³ Д. К. Зеленин. Культ онгонов в Сибири. М.—Л., 1936, стр. 267.

¹⁴ В ладожской фигурке нога обработана так же тщательно, как все ее тело; у ненецкого идола шип грубо подтесан (заострен). И в самом деле, зачем нужна старательная отделка поверхности служебной детали, которую никто не видит? Надо полагать, впрочем, что шип внизу идола был не только технической деталью, но был также и «ногой»: он служил естественным продолжением фигурки, был вырезан там, где согласно анатомии должны находиться нижние конечности, и выполнял одну из функций ног — поддерживал тело в вертикальном положении.

самого древнего, в иных случаях и классического. Так, например, при раскопках античных памятников часто находили скульптурный портрет немолодого мужчины с весьма выразительными чертами лица. Несмотря на бесспорную яркую портретность скульптуры, идентифицировать ее с каким-нибудь из известных античных деятелей не было никакой возможности. И только счастливая находка подобной же скульптуры с греческой подписью «Платон» разрешила эту загадку.

На нашей статуэтке подписи нет. Во всяком случае в том смысле, в каком мы понимаем «подпись» в настоящее время. И все-таки позволительно поставить вопрос так. Предположим, что статуэтка действительно были идолом (мы видим, что известные основания для такого предположения имеются). Спрашивается, если бы она была показана славянину, жившему в IX—X вв., то узнал ли бы он, какое мифологическое существо она представляет? Исходя из общих норм религиозного искусства, на этот вопрос можно ответить: скорее всего, узнал бы. Но если это так, то возникает второй вопрос: по каким признакам? Как зашифровано в скульптуре то, что можно назвать «подписью»?

Такая постановка вопроса вполне закономерна. Изобразительное искусство задолго до открытия письменности выполняло некоторые функции письма.¹⁵

Первобытный человек не только и, вероятно, не столько, любовался произведениями искусства, сколько понимал их, не в эстетическом, а логическом смысле этого слова. Как говорит Феврие, люди «научились читать раньше, чем научились писать».¹⁶ По-видимому, умели «читать» свои произведения искусства и наши предки. Перед нами стоит задача найти ключ к чтению.

Вопрос о ключах расшифровки образов древнего искусства довольно интенсивно разрабатывается в нашей научной литературе. На разном материале им занимаются такие ученые, как Б. А. Рыбаков, А. П. Окладников, В. И. Равдоникас, С. И. Иванов, А. А. Формозов, А. Д. Грач, Ю. А. Савватеев, Р. В. Кинжалов, И. К. Федорова, А. Д. Столяр, Д. А. Сергеев и др. Не входя в детали этого сложного вопроса, в целом можно согласиться с Б. А. Рыбаковым, который писал, что есть три ключа: этнографический материал по народному искусству, лексика и, наконец, «мировоззрение и психология земледельцев, хорошо известные нам по позднейшим мифам, этнографическим обрядам и церковным поучениям».¹⁷ Последний ключ, по справедливому мнению Б. А. Рыбакова, является главным.¹⁸

¹⁵ См., например: В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма. М., 1965, стр. 58 и сл.

¹⁶ Y. F e v r i e r. Histoire de l'écriture. Paris, 1948, p. 18.

¹⁷ Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология земледельцев энеолита. Советская археология, 1965, № 1, стр. 25.

¹⁸ Эти ключи были указаны Б. А. Рыбаковым применительно к разгадыванию трипольского орнамента, но они имеют безусловно более об-

Мы попытаемся применить эти ключи, чтобы разгадать, какое мифологическое существо воплощено в ладожской статуэтке. Еще раз вспомним основные черты этого мифологического персонажа: он красного цвета, бородатый, старый, одноногий, в головном уборе, с двумя непонятными атрибутами — кольцом и конусом.

Мы начнем расшифровку с этих последних черт, и прежде всего с конуса, а точнее — с орнамента, который его украшает. Почему с орнамента? А именно потому (мы об этом уже упоминали), что в нем скорее, чем в реалистических деталях (например, в лице), можно ожидать найти то, что мы называли «подписью», ибо орнамент предшествовал первоначальному письму¹⁹ и имел, как пишет С. В. Иванов, кроме эмоциональной интеллектуальную нагрузку.²⁰

В настоящее время можно считать установленным, что ряд параллельных линий, направленных вниз, — графическая формула для дождя. Это показал на большом материале А. А. Миллер.²¹ Чрезвычайно убедительно выглядит эта формула в трипольском орнаменте, где «идущие сверху вниз или наклонные линии обозначают дождь».²²

Мы также считаем, что не по случайному капризу художник, скупившийся на лишний штрих и оставивший без художественной отделки большие поверхности фигуры (головной убор, туловище), покрыл тщательно вырезанным линейным орнаментом конус. Думается, что этот конус со специфической орнаментацией есть идеограмма дождя.

Сделаем маленькое отступление — еще раз в сторону общих вопросов расшифровки. Мы ясно отдаем себе отчет в том, что подтверждаемая множеством археологических и этнографических фактов графическая формула дождя в отдельных случаях может обозначать не дождь, а что-нибудь другое. Но нас это обстоятельство не должно смущать. Тот частный прием расшифровки, к которому мы прибегаем, напоминает чтение слова, написанного неизвестными нам буквенными знаками. В таких случаях иногда приходится заниматься подборкой значений букв. В процессе подборки испытывается большое число комбинаций — до тех пор, пока одна из них не окажется единственно (или наиболее) приемлемой как по осмысленному сочетанию букв, дающему разум-

щее значение и к древнеславянскому искусству могут быть применены еще с большим, пожалуй, основанием, нежели к искусству земледельцев неолита.

¹⁹ В. А. Истрин. Возникновение и развитие письма, стр. 90.

²⁰ С. В. Иванов. Орнамент народов Сибири как исторический источник. М.—Л., 1963, стр. 6—7.

²¹ А. А. Миллер. Элементы неба на вещественных памятниках. В сб.: Из истории докапиталистических формаций, М.—Л., 1933, стр. 125—157. Эта древнейшая пиктографическая формула перешла в иероглифическую письменность: Р. Berger. Histoire de l'écriture dans l'antiquité. Paris, MDCCCXII, p. 42.

²² Б. А. Рыбаков. Космогония и мифология. . . , стр. 41.

ное слово, так и по контексту, в котором это слово занимает логически надлежащее место. В нашем случае «буква» — это семантическое значение каждой из деталей фигурки, «слово» — это смысл, значение, атрибуция фигурки в целом, а «контекст» — археологическая и историческая обстановка, в которой фигурка «жила». Разумеется, вся эта черновая работа не может быть показана в статье, но при чтении статьи ее полезно иметь в виду.

Но вернемся к конкретной расшифровке. Итак, по нашему предположению, художник в одном из элементов ладожской фигурки хотел дать образ дождевых струй, падающих... Откуда падающих? Очевидно, с неба. Точнее — из тучи. Таким образом, мы выдвигаем предположительную расшифровку кольцевого выступа: это символ тучи. Снова оговоримся, что и этой непонятной детали можно найти какое-нибудь другое объяснение. Некоторые из них приходили нам в голову, но мы их отбрасывали (потому нет смысла приводить их здесь, дабы не загромождать статью отработанным материалом). Мы остановились на идеограмме тучи. И не только потому, что, употребляя приведенное выше сравнение, две «буквы» (дождь) и (туча) складываются в часто встречающийся «слог». Нашей расшифровке не противоречит сравнительный материал. Пожалуй, он в какой-то степени даже подтверждает ее.

Туча в народном сознании ассоциировалась с различными предметами и животными. Совершенно очевидно, что не все они (например, изба на курьих ножках, кузница и т. п.) могли быть с удобством изображены на небольшой фигурке, вырезанной из куска тиса. Но тучу представляли также в виде жернова,²³ сита,²⁴ бочки,²⁵ кадушки для носки воды,²⁶ омута²⁷ и т. д. Наш кольцевидный выступ мог обозначать любой из перечисленных предметов, а через него — тучу. Но скорее всего художник не имел в виду изобразить какой-либо конкретный предмет. Он изображал тучу, вернее, ее идеограмму. Ссылка на названные предметы нам понадобилась для того, чтобы показать, что в самой форме кольцевидного выступа нет ничего противоречащего народным представлениям о туче.

Мы уже говорили, что кольцевидный выступ нельзя принять за обыкновенный пояс (по стилистическим соображениям). Но изображать необыкновенный пояс он вполне мог. Находясь на теле сверхъестественного существа, причем в нижней части

²³ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. т. I. М., 1865, стр. 289 и сл.

²⁴ Там же, стр. 570—572.

²⁵ А. А. Потебня. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1965, стр. 235.

²⁶ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 237.

²⁷ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 379.

туловища, он, скорее всего, действительно воспринимался как пояс или набедренная повязка. Но такое восприятие не находится в противоречии с вышеизложенным.

Чудесному существу — чудесный пояс, пояс-тучу. В истории религии можно найти немало примеров, когда боги, заведующие дождем, носили такие одежды, которые были одновременно тучами. Грозовые тучи служили рубашкой финскому богу-громовику Укко.²⁸ Земледельческие божества древних греков Зевс, Афина, иногда Аполлон имели в качестве атрибута эгиду, т. е. козью шкуру, которая символизировала дождь.²⁹

Возможно, что положение пояса-тучи на теле нашего сверхъестественного существа (в той части туловища, где полагается быть бедрам) было связано с первобытно-религиозной идеей, связывающей плодотворящую силу дождя с плодотворящей силой мужского семени.³¹ Это только возможность. Мы на ней не настаиваем. Мы хотели только показать, что наша расшифровка двух компонентов ладожской статуэтки находится в соответствии как с религиозными представлениями, так и с эстетическими нормами языческого мира.

Третий элемент фигурки — ее одна нога. Образ одноногих богов нами уже подвергался анализу.³¹ Мы сформулировали правило: если у божества не все ладно с ногами, то «ищите змею!» Одноногие боги имеют в своем истоке терморфный образ — змею (нога, потому она и единственная, что сформировалась из змеиного хвоста). Значительная часть одноногих богов имела связь с молнией, которая олицетворялась в виде огненной змеи (древнейший бог-громовик).³² Все это мы запомним, а пока просто констатируем факт, что ладожская фигурка (вернее, фантастический персонаж, представляемый ею) относится к классу одноногих сверхъестественных существ.

Перейдем к четвертому элементу — собственно туловищу. Туловище не имеет рук. Эту особенность можно объяснить по-разному. Может быть, она отвечала каким-то представлениям об анатомическом строении мифологического существа. Может быть, она была продиктована самим материалом, из которого была сделана

²⁸ Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 272.

²⁹ Мы думаем, что знаменитый пояс Афродиты также первоначально означал тучу (вспомним, что Афродита была первоначально земледельческой богиней плодородия). Вероятно, такого же происхождения пояс силы у скандинавского бога-громовика Тора. См.: К. Д. Лаушкин. О некоторых мифологических мотивах в «Эдде». Тез. докл. 5-й Всесоюз. конфер. по изучению Скандинавских стран и Финляндии, ч. I, М., 1971, стр. 16—18.

³⁰ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 135—136, 447—448; т. II, М., 1968, стр. 177—178.

³¹ К. Д. Лаушкин. Баба-яга и одноногие боги. (К вопросу о происхождении образа). В сб.: Фольклор и этнография, Л., 1970.

³² Н. Schurtz. Urgeschichte der Kultur. Leipzig—Wien, 1900, S. 579; Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 412.

скульптура: художник не сумел вырезать руки. Второе предположение кажется менее вероятным, чем первое: резчик имел возможность хотя бы линиями наметить руки. Почему он этого не сделал, мы не знаем. Но, как бы то ни было, само отсутствие рук — слишком зыбкая почва, чтобы на ней что-либо основывать. Важнее другая деталь — отсутствие шеи и плеч. Ее трудно объяснить простым капризом художника. Неумением тоже: нельзя представить себе, что резчик, который только что решил достаточно трудную задачу скульптурного портрета, неожиданно спасовал перед задачей очень простой — изобразить шею и плечи. Если мы еще раз взглянем на приведенные в этой статье рисунки идолов — ладожского («скотье божество»), ненецкого и удгейского (рис. 2, 4, 5), то мы легко заметим, что, несмотря на более грубую работу (особенно у двух первых), шея имеется у каждого из идолов. Надо полагать, что художник не изобразил шею потому, что у мифологического существа, представленного скульптурой, шеи тоже не было и голова непосредственно переходила в туловище. Такое анатомическое строение характерно для змеи. Наконец, обращает на себя внимание трактовка самого туловища: оно вытянуто и почти круглое в сечении, в его пропорциях, пожалуй, тоже есть что-то от змеи.

Каждое из этих трех наблюдений (отсутствие рук, непосредственный переход головы в туловище, пропорциональность), взятое в отдельности, могло бы получить разные толкования. Но соединенные вместе (вспомним технический прием расшифровки, который мы сравнили с расшифровкой непонятого слова), они дают основание считать, что в художественном воображении витал образ существа, не вполне освободившегося от родимых пятен змеиноного происхождения.

Из этого не следует вывод, что художник знал о змеином происхождении персонажа. Скорее всего, в сознании народа уже сложился вполне человекоподобный образ этого мифологического существа. Однако традиция требовала от скульптора изображать это существо так, как оно всегда изображалось. Консервативная тенденция в религиозном изобразительном искусстве (отставание развития художественного образа от развития мыслимого образа) помогает вскрывать более древние пласты религиозных представлений по сравнению с теми представлениями, которые господствуют в обществе, оставившем после себя памятники религиозного искусства. Приведем один пример. Некоторые духи гольдов считались безоговорочно мужчинами, однако, когда их изображения вырезались из дерева, они наделялись женскими грудями весьма больших размеров. Так диктовала традиция. Этнографу из этого факта нетрудно извлечь вывод: на более ранней стадии развития образа эти духи были женщинами.³³

³³ Л. Я. Штернберг. Гиляки, орочи, гольды, айны. Хабаровск, 1933, стр. 475; А. Ф. Анисимов. Религия эвенков в историко-генетическом

Таким образом, два элемента — в первую очередь одноногость, а потом туловище, его трактовка — позволяют нам сделать вывод, что ладожская деревянная статуэтка была воплощением мифологического существа. Между существом и его изображением существует магическая связь. Л. Я. Штернберг, основываясь на большом материале первобытного изобразительного искусства и первобытных верований, писал: «Всякое изображение имеет душу того целого или части живого существа, наподобие которого оно сделано».³⁴ Опираясь на это положение, а также на сравнительный материал (деревянные фигурки — идолы у разных народов; несколько примеров мы уже привели), мы на этом уровне нашего анализа имеем достаточные сведения, чтобы употреблять наряду с осторожным термином «деревянная фигурка» термин «идол». Те же два указанных элемента позволяют сделать и тот вывод, что мифологическое существо, воплощенное в статуэтке, вело свое происхождение от сверхъестественного змея.

Пятым элементом является сам материал, из которого вырезана скульптура, — древесина и ее цвет.

В Старой Ладогe поделки из тиса — большая редкость. Древесина была привозной, из более южных районов страны. Обладая большой прочностью и красивым красным цветом, она должна была цениться выше древесины других, распространенных пород деревьев. По мнению некоторых исследователей, тис у восточных славян был священным деревом.³⁵ Эти обстоятельства — еще одно свидетельство в пользу мнения, что ладожская деревянная скульптура была ценным и почитаемым предметом.

В идоле (а у нас, как отмечалось выше, уже есть серьезные основания считать деревянную фигурку из Ладоги идолом) все не случайно, все должно иметь свой смысл. Надо полагать, что для скульптурного изображения одноногого бога тис был выбран, кроме возможных других причин (например, тис — сакральное дерево), из-за цвета его древесины. Цвет в древнем изобразительном искусстве (впрочем, как и в современной практике) был таким же средством информации, как и орнамент. Красный цвет служил символом огня и крови.³⁵ Говоря языком семиотики, красный цвет как знак, в котором имеется сходство между внешней формой («выражением») и значением («содержанием») являлся «сигналом-образом», несущим информацию об огне или, в других случаях, о крови. Что касается соединения образа сверхъесте-

изучении и проблемы происхождения первобытных верований. М.—Л., 1958, стр. 20.

³⁴ Л. Я. Штернберг. Материалы по изучению гильякского языка и фольклора, т. I. СПб., 1909, стр. 34, прим. 35.

³⁵ Б. В. Сапунов. Тисовая кровать Святослава (из реального комментария к слову «О полку Игореве»). Труды Отд. древнерусск. литер. Инст. русск. литер. АН СССР, т. XVII, 1961, стр. 323—326.

³⁶ E. Wunderlich. Die Bedeutung den roten Farbe. Berlin, 1925; Д. К. Зеленин. Магическая функция примитивных орудий. М.—Л., 1931.

ственного змея с образом огненной стихии, то это широко распространенный мифологический мотив. Ладожский идол, воплощавший мифологического змея в незавершенно человекоподобном виде, красным своим цветом сигнализировал об огненной природе бога, а может быть, и об его отношении к крови (о втором «содержании» мы в дальнейшем еще будем говорить).

Если мы правильно расшифровали значение кольцевидного выступа линий, падающих вниз от него, как идеограммы тучи и дождя, то мы должны исключить богов земного огня из числа тех мифологических существ, которые могли бы быть воплощены в ладожской скульптуре. Божки домашнего очага, боги вулканического огня и т. п. не имеют подобных атмосферных атрибутов (ср. удэгейскую «хозяйку огня»).

Нам остается сделать выбор между двумя видами небесного огня — солнечного и грозового. Чаша весов безусловно склоняется в пользу второго. Не располагая точным статистическим материалом, ибо, насколько нам известно, в научной литературе не имеется сводки, где были бы собраны в глобальном масштабе мифы о солнечных и грозовых богах, мы, изучая эти мифы народов, все же можем прийти к заключению, что образ змея-молнии является обычным и гораздо более распространенным, нежели образ змея-солнца. А. Н. Афанасьев, указав, что у греков одно слово означает и молнию и змею, пишет: «Такое уподобление до того просто и естественно, что оно само возникло в уме наблюдателя и встречается не только у племен индоевропейских, но и в сказаниях других народов».³⁷ Что касается солнца, то оно скорее ассоциировалось с млекопитающими животными, например с лосем (обычно у северных первобытных охотников), с конем (обычно у земледельческих народов) и др.³⁸ Змея (дракон) чаще выступает антагонистом солнца — мифическим пожирателем его.³⁹ Мифологическая комбинация змея—молния—дождь (наличие ее мы можем предполагать в ладожском идоле) являлась совершенно закономерной для сознания древних земледельцев. О прочной связи змея—молнии только что говорилось, здесь отметим, что змея в древнейшем искусстве была одним из основных символов воды и дождя.⁴⁰

³⁷ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу. стр. 511.

³⁸ А. С. Фаминцын. Божества древних славян. СПб., 1884, стр. 307 и сл.; В. И. Равдоникас. Элементы космических представлений в образах наскальных изображений. Советская археология, 1937, № 4, стр. 28—30; А. П. Окладников, В. Д. Запорожская. Ленские писаницы. М.—Л., 1959, стр. 94 и сл.

³⁹ См., например: А. П. Окладников. Шишкинские писаницы. Иркутск, 1959, стр. 98 и сл.; А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, т. I. М., 1957, № 135.

⁴⁰ Б. А. Рыбаков. Религия и миропонимание первых земледельцев юго-восточной Европы. Докл. и сообщ. археол. СССР на VII Междунар. конгр. доисториков и протоисториков, М., 1966, стр. 111.

Перейдем к рассмотрению шестого элемента нашей фигурки — лица идола. В описательной части настоящей статьи уже обращалось внимание, что художник талантливо изобразил немолодого человека с бородой. Борода, по нашему мнению, признак не случайный, а атрибутивный. Существует любопытная закономерность: солнечные боги, как правило, молодые; грозовые боги, как правило, старые, пожилые или по крайней мере зрелые мужи. Над этой закономерностью стоит задуматься. Она тем более удивительна, что стадияльно солнечные боги, по всей видимости, старше грозовых богов.⁴¹ Нам представляется, что суть дела не в физическом возрасте тех или иных богов, не в их «старости» или «молодости», а именно в самой бороде. Бородатыми были индийский Индра, греческий Зевс, скандинавский Тор, финский Укко, германский Донар (у него была красная борода — семиотический знак огня) и др. Даже саамы, для антропологического типа которых характерна слабая растительность на лице, представляли «гром» с длинной бородой.⁴² Разгадка этого явления состоит, как мы полагаем, в том, что растительность на лице связывалась в первобытном мышлении с растительностью в природе и, следовательно, с идеей плодородия земли. Интересно отметить, что такие типично женские божества, как вавилоно-ассирийская богиня любви Иштар и греческая богиня любви Афродита, изображались иногда с бородой.⁴³ Мы знаем, что заведование человеческой половой любовью пришло к этим богиням позже, первоначально у них были более широкие функции — они были богинями плодородия. Но семантика бороды, если можно так выразиться, и ее изображений имела кроме общей идеи плодородия более конкретное значение. В этнографии зарегистрирована связь между бородой и дождем. Известен случай, когда в Африке «один туземец Анзико просил миссионера дать ему половину своей бороды в качестве талисмана для вызывания дождя».⁴⁴ Если перейти на язык семиотики, то борода, по всей видимости, была таким же «сигналом-образом», как красный цвет, как орнамент из идущих вниз линий, и вызвала образ падающего дождя.

Прежде чем перейти к выводам, которые следуют из сделанных наблюдений, скажем несколько слов о седьмом и последнем элементе ладожской фигурки — головном уборе.

⁴¹ Хотя до сих пор можно в популярной и даже научной литературе встретить мнение, что культ солнца возникает только у сельскохозяйственных народов, но эта точка зрения постепенно изживается. Археологические исследования (В. И. Равдоникас, А. П. Окладников и др.) показывают, что культ солнца уходит в далекую древность (в неолит, может быть, даже в палеолит). Что касается такого природного явления, как дождь (гроза), то оно не имело существенного значения для первобытных охотников и рыболовов, и боги-громовики появляются позднее — у сельскохозяйственных народов.

⁴² Саамские сказки. М., 1962, стр. 23.

⁴³ А. Д о н и н и. Люди, идолы и боги. М., 1966, стр. 118.

⁴⁴ Д. Ф р э з е р. Золотая ветвь, вып. II. Изд. «Атеист», 1928, стр. 78.

Исходя из общих соображений (в идоле все не случайно, все семантически), нужно полагать, что с головным убором также была связана какая-то символика. Нам ее разгадать не удалось. Мы здесь укажем только на пути, которые, может быть, приведут к разгадке. В ряде мифов африканских народов змея, поглощающая воду и выпускающая ее в виде дождя, представляется существом, наполовину принадлежащим небу, а наполовину подземным областям.⁴⁵ Аналогичные представления существовали и у индоевропейских народов.⁴⁶ В мифотворчестве фантастически отражается тот наблюдаемый народом факт, что змеи-пресмыкающиеся ползают по земле «и живут в норах», а небесные «змеи» часто падают на землю. Змея—молния—дождь крепкой нитью спивали небесные сферы с земными.

Возможно, эти идеи нашли отражение в ладожском идоле, и кольцевидный пояс, означая тучу, символизировал в то же время промежуточное положение бога: все, что ниже «тучи» — это земная сфера, а что выше — небесная. В таком случае семантику головного убора нужно искать в кругу трех образов, к числу которых относится перешедшая из мифа в сказку Красная Шапочка.

Эти соображения могут оказаться заслуживающими внимания для дальнейших поисков, не больше. Для нас же важно подчеркнуть, что сам по себе головной убор у ладожского бога не находится в противоречии ни с другими элементами фигурки, ни с образом в целом. Такие, например, боги-громовики, как индийский Индра или скандинавский Тор, изображались в головных уборах.⁴⁷

Таким образом, сопоставляя признаки мифологического существа, представленного ладожской скульптурой, с признаками мифологических существ, известных в древнем изобразительном искусстве и фольклоре, проверяя их на совместимость и несовместимость, мы получаем, наконец, ансамбль признаков: знаки дождя — кольцевидный выступ, линейный орнамент, борода; знаки змеи — одноногость и пропорции тела; знак огня — красный цвет.⁴⁸ Перед нами система, сознательно, целесообразно организованная; иными словами, это анизотропная система: вероятность того, что простой случай соединил разнородные элементы в сложную, но семантически цельную композицию, очень невелика.

Мы рассмотрели элементы деревянной фигурки и с точки зрения внешней формы («выражение»), и с точки зрения значения

⁴⁵ М. Э. М а т в е. Мифы древнего Египта. Л., 1940, стр. 38.

⁴⁶ А. А. П о т е б н я. О мифическом значении некоторых обрядов и поверий. М., 1865, стр. 233 и сл.

⁴⁷ Т э й л о р. Первобытная культура. М., 1937, стр. 421, рис. 113; стр. 469, рис. 119.

⁴⁸ Мы не включаем в этот перечень головной убор, поскольку семантика его остается нерасшифрованной или в лучшем случае весьма гадательной. Но он, как говорилось, вполне совместим с другими признаками и поэтому не нарушает общий ансамбль.

(«содержание»). Если теперь полученные в результате аналитического расчленения художественного (скульптурного) образа все элементы, взятые с точки зрения их содержания, синтезировать, то мы за «явлением» найдем «сущность»: за художественным образом — мифологический образ бога-громовика.

Именно так можно расшифровать непонятное «слово», если употребить приведенное вначале сравнение, и этой расшифровке не противоречит ни археологический, ни исторический «контекст». Исторический контекст не противоречит потому, что деревянная фигурка найдена в слое, который датируется дохристианским временем, т. е. временем, когда еще не было веры в единого бога и была вера во многих богов, ведающих разными природными стихиями. Что же касается археологического контекста, то он косвенно даже подтверждает предложенную расшифровку: фигурка найдена там, где ей по своему значению и надлежало бы находиться, — в здании, предназначенном для отправления религиозного культа. Та же историческая обстановка (X в., восточные славяне) подсказывает нам имя бога-громовика. Это Перун.

В отличие от Перуна, о котором сохранились исторические сведения («исторического Перуна») в дальнейшем — до проверки гипотезы — будем называть божество, открытое археологией, «археологическим Перуном».

Проверка гипотезы

Когда мы сопоставляли элементы ладожской фигурки с представлениями, которые связывались у разных народов с образами богов-громовиков, мы сознательно избегали обращаться к образу исторического Перуна в целом и к его признакам и атрибутам в отдельности. С нашей точки зрения, это было бы неправомерным приемом расшифровки, заключающим в себе логическую ошибку «порочного круга». Нам важно было убедиться в том, что некоторые универсальные признаки, присущие богам-громовикам, имеются в ладожском идоле. И, собственно, только тот факт, что он найден *in situ* древнего славянского города, позволил нам высказать предположение, что этот бог-громовик и есть Перун.

Перед нами стоит задача проверить гипотезу. Вообще, проверить гипотезу — это значит сравнить следствия, вытекающие из предположения, с данными наблюдения или опыта; в нашем конкретном случае это значит проверить, в каком соответствии (или несоответствии) находятся элементы фигурки и со стороны их «выражения», и со стороны их «содержания» с зарегистрированными в письменных и фольклорных источниках конкретными чертами исторического Перуна.

Но прежде надо выяснить один немаловажный вопрос: а что такое, собственно, исторический Перун? Поставив прямо этот

вопрос, мы сразу же сталкиваемся с большим затруднением. Нет ни одного древнего текста, в котором были бы обстоятельно описаны Перун и его атрибуты и функции. И даже если сложить сведения, имеющиеся в древнерусской литературе, все вместе, сумма наших знаний об этом боге будет невелика.⁴⁹ Исследователи для реконструкции образа Перуна вынуждены привлекать фольклорные источники, фразеологические сочетания, топонимический материал.⁵⁰ Широко используются для этой же цели народные представления об Илье-пророке, поскольку в образе христианского святого «сохранился в полной ясности, — по выражению С. А. Токарева, — языческий образ бога-громовика».⁵¹ Таким образом, исторический Перун — это в значительной части смонтированный учеными образ. Самый искусный монтаж не свободен от подозрений в его нарочитости, произвольности или по меньшей мере спорности. Возникают поэтому хотя и гиперкритические, на наш взгляд, но логически допустимые сомнения даже насчет того, принадлежали ли Перуну такие атрибуты, как гром и молния.⁵²

Просматривая научную литературу, посвященную Перуну, легко убедиться в том, что существует две модели исторического Перуна, мало похожие одна на другую и даже резко противоречащие одна другой. Модель первая: Перун — древний бог грозы, общеславянский бог, почитаемый земледельческим народом 'за то, что он «поил нивы живительной влагой весенних и летних дождей».⁵³ Модель вторая: Перун — бог войны, не имевший глубоких корней в народном мировоззрении, чуждый народным массам, бог «узкоклассовый», принадлежащий к «религии княжеского рода и дружины».⁵⁴

С какой же из приведенных и существующих до сих пор моделей исторического Перуна сравнивать нашего археологического Перуна? Мы думаем, что нам, хотя бы на время, следует забыть об этих сконструированных учеными моделях и обратиться непосредственно к источникам (летописным текстам, фольклору

⁴⁹ Таблицу сведений письменных источников о Перуне см.: Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь. СПб., 1914, стр. 249. О поисках материального образа Перуна в археологическом материале см.: В. П. Даркевич. Топор как символ Перуна в древнерусском язычестве. Советская археология. 1961, № 4.

⁵⁰ Л. Нидерле. Славянские древности. М., 1956, стр. 276—278; В. И. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семантические системы. М., 1965, стр. 12—14.

⁵¹ С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов..., стр. 112—114.

⁵² В. И. Иванов, В. Н. Топоров. Славянские языковые моделирующие семантические системы, стр. 13—14.

⁵³ Г. В. Панфилов. Некоторые черты эстетического мировоззрения древнерусского общества. Вестник мировой культуры, 1958, № 5, стр. 27; см. также: Л. Нидерле. Славянские древности, стр. 112—114.

⁵⁴ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 315 и сл.; Ю. В. Соколов. Русский фольклор. М., 1941, стр. 138—140.

и т. д.) и, не имея в голове готового образа исторического Перуна, просто посмотреть, насколько совместимы признаки ладожского бога с признаками Перуна, сохранившимися в этих источниках.

Мы разделили признаки археологического Перуна на две группы (целесообразность такого деления будет ясна из дальнейшего). К первой группе мы отнесем 1) атрибуты (туча и дождь), 2) цвет идола, 3) головной убор; ко второй группе: 1) признак старости, 2) признак змеи, 3) одноноготь.

Народное воображение несомненно соединяло образ Ильи-пророка с образом дождя. Вот, например, картина, взятая из древнерусского заговора: «На море — на окяне, на острове — на Буяне гонит Илья-пророк в колеснице гром с великим дождем».⁵⁵ В устном художественном творчестве таких мотивов можно найти немало. Но соединялись ли в единый образ фигура Перуна и символы дождя в изобразительном искусстве? Ни технические, не религиозные соображения не дают оснований для отрицательного ответа на этот вопрос.

По религиозным представлениям священнослужителя, служа богу, производя ритуальные действия, связанные с культом бога, не только стоят ближе к богу, чем непосвященные, но и имеют магическое сопричастие к нему и принимают отчасти его сверхъестественную природу. В свете этих представлений заслуживает внимания широко распространенный у многих народов, в том числе славян, магический способ вызывания дождя путем обливания водой священнослужителей. Логика этого языческого по своему характеру обряда легко понять: священнослужитель — в данной конкретной обстановке наместник бога, от которого зависит, дать или не дать дождь, — становится, будучи облит водой, живым, т. е. магически активным, символом дождя. Отсюда легко сделать шаг к тому, чтобы иметь не временный, а постоянный символ: им могла бы служить фигура бога-громовика, снабженная соответствующей символикой. Поэтому греки снабжали Зевса эгидой (символом тучи) или изображали его с влажными волосами и бородой.⁵⁶

Фигура русского попа, облитого водой, может быть соотнесена с фигурой ладожского бога, окруженного дождевыми струями. Мы вправе подозревать между ними генетическую связь. Но хотя все эти образы — и мокрый священнослужитель, и мокрый Зевс, и Илья, который гонит дождь, очевидно, восходят к тому же кругу религиозно-художественных воззрений, который нашел скульптурное выражение в ладожском «мокром» боге, все же мы не можем с полной решительностью утверждать, что не дошед-

⁵⁵ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 471.

⁵⁶ А. С. Фаминцын. Божества древних славян, стр. 71. Ср.: С. Н. Библиков. Культовые женские изображения раннеземледельческих племен Юго-Восточной Европы. Советская археология, 1951, № 15, стр. 131.

шие до нас идола Перуна были снабжены знаками дождя. В принципе они могли иметь такие знаки — это мы можем утверждать смело.

Связывался ли когда-нибудь красный цвет с образом исторического Перуна? Точного ответа и на этот вопрос мы дать не можем.

«В лето 6488... И нача княжити Володимиръ в Киевъ единъ, и постави Володимиръ кумиры на холму внъ двора теремнаго. Перуна древяна, а главу его сребряну, а усть златъ...».⁵⁷

980 год. В расцвете силы Русское государство. Могущественный и богатый великий князь.⁵⁸ Расцветает древнерусское ремесло и искусство.⁵⁹ Это — исторический фон. Происходит конкретное и важное событие: Владимир с целью укрепления государства и своей личной власти делает попытку превратить языческие верования восточных славян в государственную религию — на холме воздвигаются кумиры, «и жряху имъ наричюще я боги и привожаху сыны своя и дъщери, и жряху, бьсомъ, и оскверняху землю требами своими».⁶⁰

Зададим себе вопрос: что собой представляли в художественном отношении эти кумиры и в первую очередь интересующий нас кумир Перуна?

Маловероятно, чтобы киевский кумир Перуна в художественном отношении уступал ладожской статуэтке, отличающейся при всей ее скромности высоким мастерством резьбы. Естественнее думать обратное: важное государственное дело требовало соответствующих исполнителей, в данном случае талантливых художников, а ими, как известно, не скудна была Русская земля. Художественное произведение должно быть гармонично в частях и художественно равновесно в ансамбле. Трудно представить сочетание золотых и серебряных деталей с деревянной статуей, если остальные ее части не подвергались художественной отделке. Тут есть и другая сторона вопроса. Стоящий на открытом воздухе, испытывающий действие тепла и холода, влаги и жары, кумир через год-другой приобрел бы нелепый вид: нечто вроде почерневшего и растрескавшегося бревна с аппликациями из серебра и золота. Положение могло спасти окрашивание: краска играет роль консервирующего фактора, она до какой-то степени предохраняет дерево от растрескивания и к тому же может по мере надобности освежаться.

⁵⁷ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, стр. 56.

⁵⁸ Дань, собираемая на Руси, «распределялась так, что две трети ее шли на общегосударственные нужды, а треть — князю, очевидно, на содержание двора и дружины» (Очерки истории СССР. Период феодализма, ч. I, М., 1953, стр. 97).

⁵⁹ Б. А. Рыбаков. Ремесло древней Руси. М., 1948; История культуры древней Руси, т. 1, 2, М.—Л., 1948, 1951.

⁶⁰ Повесть временных лет, стр. 56.

Можно, конечно, и не понимать слишком буквально слова летописца о серебряной голове и золотых усах Перунова истукана. Нельзя исключить того, что здесь речь шла не о настоящем золоте и серебре, а о красках — золотой и серебряной, и «Перун — золотой ус» означал примерно то же, что «ангел, златые власы».⁶¹ Но как бы то ни было, золото и серебро, в настоящем их виде или в краске, уже создавали полихромность, и нужно думать, что это была не частичная, а полная полихромность. Трудно представить статую, сохраняющую или, точнее, постепенно меняющую свой цвет от цвета свежей древесины к темному цвету бревна, но еще труднее вообразить деревянную статую, у которой были бы окрашены только голова и усы. Есть некоторые основания предполагать, что третьим цветом (кроме «золота» и «серебра») был красный. В пользу такого мнения могли бы свидетельствовать как сама огненная природа Перуна, так и те пережиточные представления, которые существовали у русских крестьян об языческом божестве-громовержце, выступающем в облике Ильи-пророка: его представляли в мантии огненного цвета.⁶²

К «серебряной главе» кумира мы еще вернемся. Здесь же еще раз обратим внимание на то, что у него был «ус злат». Почему же именно «злат», а не «сребрян», не «чернен»? Просто для «роскоши»? Это сомнительно. Более вероятно другое: золото — в металле или в краске (содержащей золото), в данном случае это безразлично — было выбрано за свой природный цвет и блеск, и золотые усы Перуна были таким же семиотическим знаком огня (молнии), как красная борода Донара или рыжая Тора.

И все же, если быть осторожным, то из всех этих наблюдений можно сделать только тот бесспорный вывод, что красный цвет, особая примета археологического Перуна, мог быть также приметой идолов исторического Перуна. Но подчеркнем, о принципиальной несовместимости признаков здесь речи быть не может, совместимость же их возможна и даже вероятна.

Что касается головного убора, то древние источники не дают никаких указаний, изображался ли Перун в головном уборе или без него. И только те же представления русских крестьян, счи-

⁶¹ Под таким названием известна икона XII в., хранящаяся в Русском музее. Не забудем, что кумиры стояли на открытом месте, «вне двора теремного». Плохо верится, что «ус злат», если только он был настоящий, за восемь лет (кумиры стояли с 980 до 988 г.) не соблазнил ни одного киевлянина. Сознание греховности святотатства всегда было очень слабой защитой для религиозных ценностей: вспомним хотя бы ограбленные египетские пирамиды. А что касается христиан, а их в Киеве в ту эпоху было немало, то они получали возможность самым приятным образом удовлетворить благочестивое чувство и выразить свое отвращение к кумирам, они же «оскверняли землю». Нужна была охрана — круглосуточная, неусыпная. Это маловероятно.

⁶² А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 483.

тавших, что Илья-пророк носил красную шапку,⁶³ позволяют сопоставить эти представления с красной (по цвету древесины) шапкой археологического Перуна.

Подведем итоги сопоставления первой группы признаков ладожского бога с образом Перуна. Первый итог: нет ни одного факта, который служил бы прямым свидетельством в пользу того, что древним, мысленно реконструируемым нами изображениям Перуна были присущи эти признаки — символы тучи и дождя, красный цвет и головной убор. Второй: нет ни одного факта, который бы свидетельствовал в пользу того, что эти признаки, или хотя бы один из них, могли бы находиться в противоречии с образом Перуна и соответственно не могли сообщаться его изображениям; нет противоречия ни в материале (дерево), ни в цвете, и вообще нет несовместимости признаков ни с эстетической, ни с общерелигиозной, ни с конкретно-функциональной (для конкретного божества) точек зрения. Третий: имеются косвенные свидетельства, говорящие в пользу совместимости этих признаков с теми атрибутами, которые мы мысленно имеем право реконструировать для исторического Перуна.

Вывод: сопоставление первой группы признаков ввиду отсутствия противоречащих фактов не опровергает нашу гипотезу, напротив того, оно служит, правда косвенным, но все же подтверждающим гипотезы.

Перейдем ко второй группе признаков.

1. Мыслился ли когда-нибудь Перун в виде одного существа? Нам уже приходилось говорить о том, что если мифологический рассказ сообщает, что у божества почему-то неисправны ноги, то имеются основания поместить его в эволюционный ряд, который начинается от змеи, имеет где-то в середине образ одноногого существа и кончается персонажем с самым незначительным изъяном в ноге.⁶⁴

В связи с этим приобретает особый интерес черногорская легенда об Илье-пророке. «Бог вначале владел только месяцем, а солнце, светлый шар, было в руках дьявола. Призывает бог Илью и говорит: „Как бы обмануть дьявола и выманить у него солнце?“. Илья-пророк отправляется. Он сделал два золотых шара и предлагает дьяволу катать шары. Илья покати́л первый шар, но нарочно так, что шар упал в море. Он стал просить дьявола достать ему шар, потому что сам не смеет, так как море дьяволово. В то время как дьявол нырнул в море, Илья ударил по воде девять раз палкой, приговаривая: „Во имя отца, сына и святого духа“. Море покрылось девятью льдами. Тогда Илья схватил солнце и полетел к богу. Дьявол в конце концов все-таки пробил лед и полетел за Ильей, но не смог догнать его, он только пустил ему вдогонку копье и ранил его в ногу».⁶⁵

⁶³ Там же.

⁶⁴ К. Д. Лаушкин. Баба-яга и одноногие боги, стр. 182—184.

⁶⁵ В. Харузина. Этнография, вып. I. М., 1909, стр. 381—382.

Языческий характер рассказа выступает ярко. В нем дошел до наших дней древний миф о борьбе светлых и темных космических сил, и явно чуждый ему христианский покров не может этого скрыть. В легенде много подлинно первобытного: и образ солнца, которое находится во власти враждебных человеку сил, и рассказ об отваге и ловкости бога-героя, освобождающего солнце, и представление о том, что море — «дьяволово», и чудесная палка — несомненно магический жезл, и пр. Для нас особенно значительна деталь, завершающая мифологическое повествование: божество (Илья) оказывается раненым в ногу. По аналогии с другими космическими божествами, которых тоже почему-то ранят в ногу, мы должны считать, что божество изначально было хромым, а еще ранее одноногим. И поскольку в легенде под Илей несомненно разумеется языческий бог-громовик, постольку надо заключить, что его в древности представляли как одноногое божество.

2. Мыслился ли когда-нибудь Перун в виде змеи? Собственно, если бы мы абсолютно ничего не знали о связи Перуна со змеями, если бы источники, фольклорные или неважно какие другие, не содержали даже намека на его змеиную природу, то единственного факта, что он некогда мыслился как одноногое или хромоногое божество, было бы достаточно, чтобы мы получили право сделать дедуктивный вывод о его змеином происхождении (согласно правилу: «ищите змею»). Но в фольклоре и древнерусской литературе удержались отголоски древних представлений о змеиной природе Перуна, и наш дедуктивный вывод находит хорошее подкрепление.

В апокрифической беседе Епифания с Андреем (рукопись XV в.) читаем: «Епифаний рече: по праву ли сие глаголют, яко Илья-пророк есть на колеснице ездя гремя, молния пушает по облакам и гонит Змия? Святый же рече: не буди то, чадо, ему тако быти, велико бо безумие есть, еже слухом приимати».⁶⁶ Этот отрывок интересен как один из примеров того, как христианская церковь пыталась восстановить канонический образ Ильи-пророка, отмежевываясь от образа языческого бога-громовика, каковым на русской почве был именно Перун. Но нас в этом отрывке еще больше должно заинтересовать другое: Илья (= Перун) выступает здесь как гонитель змея, т. е. змеборец. Между тем, как показал В. Я. Пропп, змеборцы сами имеют природу змея.⁶⁷

В Ильин день русские крестьяне не выгоняли скота в поле. Почему? Скот мог погибнуть или от грозы, или от змей, «коим в этот день дана воля».⁶⁸ Обращают на себя внимание белорус-

⁶⁶ Цит. по: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 472.

⁶⁷ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 197—259.

⁶⁸ В. Даль. Пословицы русского народа. М., 1957, стр. 889.

ские поверья, которые приписывают богу-громовику высшую власть над змеями и даже над самим змеиным царем.⁶⁹

Фольклор сохранил свидетельства о прямом отождествлении Перуна со змеем. В Новгороде долго держалось предание о том, что на урочище Перынь некогда жил зверь-змияка Перун.⁷⁰ Рассказывали, что он ходил в Ильмень к волховской коровнице. «Когда князь Владимир приказал Новгороду креститься, змияку-Перуна схватили и бросили в Волхов».⁷¹

Предания в фантастической форме отражают действительные события. Третья Новгородская летопись сообщает, что в Перыни стоял деревянный кумир Перуна; в 988 г. идола срубили и сбросили в Волхов.⁷² Археологические раскопки подтвердили основательность народной традиции: на урочище Перынь открыто языческое святилище, посвященное Перуну.⁷³

Итак, адрес Перуна фольклором не был перепутан. Тем больше оснований отнестись с вниманием и к наименованию Перуна «змиякою». О том, что это не случайный эпитет, говорит записанная старинным хронографом легенда о кудеснике Волхове.⁷⁴ «Волхв бе и бесоугодник и чародей лют, и бысть бесовскими оухищрениями мечты творя многи, преобразуяся во образе лютого зверя коркодила и залегаше в той реце Волхове путь водный, и не поклоняющихся ему овех пожираше, овех же испроترزаше и утопляя. Народ тогда невегласи суши богом того окаянного нарицаху, сыном грома его или Перуна нарекоша; белорусским же языком гром Перун имянуется».⁷⁵

В народности легенды сомневаться нельзя. Форма, в которую уложился рассказ о Волхве—крокодиле—Перуне, свидетельствует о том, что хронограф записал подлинные предания. Предания находились уже в полном упадке, сам хронограф не все в них понимал (и это лучшее доказательство, что он их не придумал), хотя добросовестно старался разобраться в них и, в частности, объяснить этимологию слова «Перун». Волхв назван в легенде сыном Перуна и богом. Но такого божества и такой генеалогии славянская мифология не знает. Очевидно, народное сознание поздней эпохи уже плохо различало языческого бога и его служителя и перенесло на последнего божественные признаки Перуна.

⁶⁹ П. В. Шейн. Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западной России, т. II. СПб., 1893, стр. 548—549.

⁷⁰ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, стр. 559.

⁷¹ А. Марков. Из истории русского былевого эпоса. Этнографическое обозрение, 1906, № 3—4, стр. 17—18.

⁷² Полное собрание русских летописей, т. III. СПб., 1841, стр. 207.

⁷³ В. В. Седов. Среднерусское святилище в Перыни. Краткие сообщ. Инст. истории матер. культуры, вып. 50, 1953; 2) Новые данные о языческом святилище Перуна. Там же, вып. 53, 1954.

⁷⁴ А. М. Щербатов. История российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1770, стр. 190.

⁷⁵ Цит. по: Н. Костомаров. Севернорусские народоправства, т. I. СПб., 1863, стр. 5—6.

Среди них — его змеиный облик, так как крокодил («боркодил») бесспорно был, как отметил А. Н. Афанасьев, литературным подновлением и «заступил здесь место чудовищного змея».⁷⁶

Замена «змияки-Перуна» народного предания на «крокодила» поздней версии легенды весьма красноречива. Она свидетельствует, что «змияка» не был именем нарицательным, отражавшим, как можно было бы предполагать в таком случае, недоброжелательное отношение христианизированного народа к своему языческому божеству. В народном сознании цепко держалось воспоминание о змееподобном облике Перуна.

3. Был ли Перун стар? Кумир Перуна в Киеве имел «ус злат». О бороде ничего не сказано. Но упоминание не доказывает отсутствие. Здесь мы имеем дело с метонимическим выражением: «ус» означает, конечно не один ус, но «усы». Мы вправе еще более расширительно толковать эту метонимию: «ус» это «усы и борода». Запомнились именно усы, возможно потому, что они контрастировали с другими чертами лица, и контрастировали потому, что они выражали не возраст Перуна, а были, как уже говорилось, своеобразной идеограммой молнии, напоминая ее своим цветом и блеском. Возраст бога был выражен, по нашему мнению, в другом.

Еще раз задумаемся над словами «глава серебряна». Деревянное туловище, на которое насажена настоящая серебряная (массивная, полая, апплика — все равно) голова, а к ней прикреплены усы — такая комбинация представляется малореальной. Вообразить деревянную голову истукана, сплошь покрытую серебряной краской, с подмалеванными на ней золотыми усами, тоже трудно. Скорее всего под «головой» летописец подразумевал не всю голову, а только ее часть, а именно волосы, и слова «глава серебряна» имели тот же смысл, что наше выражение «голова засеребрилась», т. е. были метафорическим выражением. Во всяком случае автору «Слова о полку Игореве» такая фразеология была знакома. Киевский князь Святослав, узнав о поражении Игоря, произносит «золотое слово, со слезами смешанное», в котором имеется следующее восклицание: «О моя сыновья, Игорю и Всеволоде... се ли створисте моей сребрени седине?».⁷⁷ Но если даже понимать летописца буквально, то выполненная в серебре голова (а значит, и серебряные волосы) была бы также зримым образом старости.

В апокрифической «Беседе трех святых» находим прямое указание на старость Перуна: «Отчего гром сотворен быть? Василий рече: два ангела громная есть: елленский старец Перун и Хорс жидовин».⁷⁸ Заметим, что если апокриф указывает на «этниче-

⁷⁶ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. II, стр. 225.

⁷⁷ Слово о полку Игореве. М.—Л., 1950, стр. 20.

⁷⁸ Цит. по: А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 250.

скую» принадлежность обоих божеств, то возраст указан только для одного.⁷⁹ По-видимому, старость — важный атрибутивный признак Перуна, поэтому представление о ней долго сохранялось в народной памяти.

Заменивший Перуна после принятия христианства Илья-пророк имел тоже облик старика.⁸⁰ Крестьяне хорошо помнили, что у него была борода, и, сжав поле, оставляли несколько колосьев «Илье на бороду».⁸¹

На этом можно считать проверку гипотезы законченной. Сделаем краткий обзор проделанной работы. Мы расчленили деревянную скульптуру на семь элементов: 1) головной убор, 2) бородатое лицо, 3) округлое, безрукое туловище, 4) кольцевидный выступ, 5) орнаментированный конус, 6) нога и 7) сам материал, из которого была вырезана скульптура, — дерево, его порода, цвет древесины. Все элементы были подвергнуты анализу, который позволил найти их семантические эквиваленты: головной убор — связь мифологического существа с небом (?), борода — связь с плодородием и дождем, туловище — связь со змеей, кольцо — связь с тучей, орнамент — связь с дождем, нога — связь со змеей, материал (дерево) — связь со священным (?), цвет — связь с огнем. В синтезе элементов мы видим образ фантастического антропоморфного существа, синтез эквивалентов раскрывает его функции — божество, управляющее грозой и молниями. Найденное на русской почве и относящееся к дохристианской эпохе, оно получает имя славянского языческого бога-громовика Перуна. Вывод подвергается проверке. Проверка показывает, что одна группа признаков (головной убор, символы дождя, красный цвет) нимало не противоречит образу исторического Перуна, другая группа признаков (одноногость, змеяная природа, старость) присуща ему. Между археологическим Перуном и историческим Перуном существует отношение, близкое к тождеству.

В научной литературе высказывалось мнение, что Перун был «конным богом» и связан пережиточно с животным тотемом — конем.⁸² Основанием для такого мнения послужил перенос черт Перуна на Илью-пророка с его колесницей. Основание это довольно шаткое само по себе: быть седоком в запряженной конями повозке еще не значит быть конником и тем более не значит происходить от коня. Богиня любви Фрейя не происходила от кошки и Тор никогда не был козлом, хотя в их колесницах были запряжены именно эти животные. Но сама мысль, что древний облик

⁷⁹ Здесь «елленское» означает просто «языческое», т. е. чужое, поганое (латинское — *paganus*).

⁸⁰ А. Н. Афанасьев. Поэтические воззрения славян на природу, т. I, стр. 472.

⁸¹ Там же.

⁸² История культуры древней Руси, т. 2. М.—Л., 1951, стр. 66.

Перуна был терморфным, правильная. Наши наблюдения приводят к выводу, что древнейшая форма Перуна — змееподобная.

В ладожском изображении Перуна консерватизм художественной традиции сохранил архаические черты божества. Они проливают свет на его генезис. Перун входит как типичный образец в ряд мировых богов-громовиков, и подобно многим из них он проделал сложную, но тоже типичную эволюцию: от змеи как первобытного олицетворения молнии через переходные этапы полузмеи, получеловека и одноногого человека к зрелому и даже весьма пожилому мужу, развезжающему по небу на огненной колеснице.

Нельзя согласиться с теми учеными, которые считают, что Перун не имеет глубоких корней. Напротив того, он имеет корни глубокие, очень глубокие, невообразимо глубокие. Было бы желательным установить соотношение между этапами развития религиозно-художественного образа и периодами общенсторического развития, но это желание на настоящем уровне наших знаний трудно исполнимо. Можно наметить только самую приблизительную схему. С начальным звеном все более или менее ясно: сверхъестественная небесная змея относится к неолитической или энеолитической эпохе. Можно предполагать, что на разных ступенях индоевропейского единства и распада этого единства существовали олицетворения молнии в образе полузмеи, получеловека, одноногого человека и хромонокого человека. На одной из этих ступеней (на какой именно, мы не знаем) предположительно существовал общий для всех индоевропейских народов образ бога-громовика, расщепившийся затем на ряд образов, давших начало конкретно-историческим богам-громовикам — Индре, Зевсу, Тору, Перуну, Донару и др. Перун появился, по-видимому, в период балтославянского единства.⁸³

Негативные соображения (неразработанность образа Перуна в славянском фольклоре, отсутствие у Перуна исторических корней) представляются явно недостаточными и просто ошибочными,

⁸³ A. Brückner. *Mitologia słowiańska*. Kraków, 1918, s. 35. Интересно, что балтийское название грома «perkuņas» (лит.) проникло в мордовские языки, где оно засвидетельствовано эрзянскими «purgene» с тем же значением (Б. А. Серебряников. О некоторых следах исчезнувшего языка в центре европейской части СССР, близкого к балтийским языкам. Труды Акад. наук Лит. ССР, серия А, 1 (2), 1957, Вильнюс, стр. 69—71). Слово «Перун» в живом русском языке не употребляется, у литовцев оно сохранилось до наших дней (Перкунас), но как ругательство: «дьявол», «поганец» (Г. Б. Федоров. *Дневная поверхность*. М., 1963, стр. 124). Отметим также, что в дохристианской Литве змеи считались священными животными Перкунаса и их содержали в святилищах, ему посвященных. Тесная связь между «Перуном» и змеями, сохранявшаяся у литовцев в сравнительно позднюю эпоху, позволяет думать, что в период балтославянского единства в художественном образе бога-громовика могли сохраняться явственные змеиные черты (одна нога или даже змеиный хвост). Учитывая консерватизм религиозно-художественной традиции, можно высказать предположение, что ладожское изображение Перуна является памятником не только славянской культуры.

чтобы ими можно было обосновать «военно-княжескую» модель Перуна. Но эти соображения были не единственными у авторов указанной модели. Обстоятельнее других, пожалуй, обговорил эту модель Е. В. Аничков. Он придал особое значение словам летописи, что кумиры были поставлены «вне двора теремного». Эти три слова позволили развернуть целую концепцию. Е. В. Аничков пишет о них: «Не спроста они сказаны. Какой-то совершенно определенный и, весьма возможно, всем в те времена понятный смысл имели эти слова... Очевидно, что ставить капище вне теремного княжеского двора, а не посредине этого двора, в его стенах, значило нечто особое и нечто важное».⁸⁴ «Эти слова позволяют сделать предположение, что Перун стоял когда-либо не вне, а в самом теремном дворе».⁸⁵ И дальше делается вывод: «Значит, если Перун когда-то стоял не „вне“, а в самом теремном дворе Игоревичей, мы должны были бы заключить, что культ Перуна — дружинно-княжеский культ киевских Игоревичей».⁸⁶ И религиозно-политическая реформа 980 г. состояла, по мнению исследователя, в том, что Владимир «предназначил этого бога для общественного поклонения».⁸⁷

Справедливости ради надо признать, что Е. В. Аничков только опирался на три летописных слова («вне двора теремного»), в целом же его вывод носит не индуктивный, а дедуктивный характер: исследователь исходил из теории этнической чужеродности князя с дружиной и народа.⁸⁸

Концепции Е. В. Аничкова противоречат исторические факты. Уже во времена Игоря идол Перуна стоял «вне двора теремного», на холме, и сюда Игорь приводил своих людей для присяги, когда в 945 г. был заключен с греками мир. По мнению Е. Е. Голубинского, этот факт не позволяет придавать слишком большого значения попытке Владимира возродить язычество.⁸⁹ Е. В. Аничкову все это хорошо было известно, и он пытается выйти из затруднения, но делает это не очень убедительно.⁹⁰

Что же касается того, что Перун этнически чужд славянам, то этому мнению противоречит факт широкого распространения культа Перуна именно у славян, причем не только у восточных славян.⁹¹ Попытка объяснить «распространенность Перуна от

⁸⁴ Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 317.

⁸⁵ Там же, стр. 318.

⁸⁶ Там же, стр. 319.

⁸⁷ Там же, стр. 320.

⁸⁸ Там же, стр. 320—321.

⁸⁹ Е. Е. Голубинский. История русской церкви, т. I (вторая половина). М., 1881, стр. 148—150.

⁹⁰ Выдвигая, например, гипотезу, что «Игоревичи владели своей собственной священной рощей», в которой якобы стоял (или, точнее, мог стоять) идол Перуна (Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 322 и сл.).

⁹¹ Л. Нидерле. Славянские древности, стр. 276 и сл.

Балтийского моря до Адриатики» тем, что «бог такого могущественного княжеского рода, как Игоревичи, должен был широко прославиться»,⁹² не выдерживает никакой критики.

Нельзя не согласиться с С. А. Токаревым, который, возражая Е. В. Аничкову и его единомышленникам, писал: «Было бы странно, если бы древний славянин-земледелец оставил без внимания летние грозы и дожди, от которых зависела судьба его урожая и всего его хозяйства, если бы они не отражались в его сознании суеверными представлениями, попытками умиловить грозную стихию. Старание князя Владимира сделать культ Перуна государственным нисколько этому не противоречит».⁹³ Идол из Старой Ладogi подтверждает мнение С. А. Токарева. Символы тучи и дождя обнажают истоки культа бога грозы, определяя главную сверхъестественную функцию Перуна: каскад падающих вниз линий в скульптурно-зримой форме выражает мысль, которая в другой, словесной оболочке выглядит так: «Дай, бог, дождю в толстую вожжу», «Даст бог дождь, уродится и рожь».⁹⁴

Народный земледельческий характер культа Перуна несомненен. Но, может быть, Перун был чужд не народу, а князю и дружине? Это ведь тоже очень интересное предположение. Однако факты говорят о прямо противоположном. Чрезвычайно важны летописные известия о договорах с Византией: они особенно ценны потому, что в них нет налета христианской враждебности, характерной для более поздних сведений о восточнославянских богах. Известны три таких договора: Олега в 907 г., Игоря в 945 г. и Святослава в 971 г. Всяду русские князья клянутся Перуном (в договорах 907 и 971 гг. еще и Волосом). Летопись сообщает об этом спокойно, как об обычной юридически узаконенной норме. Этот факт — непреложное доказательство того, что славянский бог Перун был и богом княжеской дружины. Собственно, в этом ничего удивительного нет, и то, что княжеская дружина почитала Перуна, клялась его именем, боялась его гнева и т. д., еще не говорит, о том, что она была славянской по своему составу. «Язычникам неизвестна та нетерпимость к чужим религиям, к чужим богам, которая так характерна для христианской религии: для них „чужие боги“ существуют реально и могут оказаться даже сильнее и могущественнее их собственных».⁹⁵ Поучительно не то, какие боги названы (Перун, Волос), а то, какие не названы. В самом деле, почему Олег, варяг по происхождению, клянется Перуном, а не Тором? Право, это заслуживает того, чтобы задуматься.

⁹² Е. В. Аничков. Язычество и древняя Русь, стр. 322—323.

⁹³ С. А. Токарев. Религиозные верования восточнославянских народов, стр. 113—114.

⁹⁴ В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. II. М., 1956, стр. 453.

⁹⁵ Н. Харузин. Этнография, вып. IV. СПб., 1905, стр. 170.

Высшее божество легко утверждается в новой этнической среде, если оно приходит с победителем. Н. Харузин, рассмотрев большой сравнительный материал, почерпнутый из военной и религиозной истории многих народов, так характеризует взаимоотношения между богами победителей и побежденных: «Боги борются за своих почитателей; если племя победило другое, следовательно, и бог племени победителя подчинил себе божество подчиненного племени. Он господствует над побежденными богами, как и победители властвуют над побежденными... Язычнику нет основания преследовать или уничтожать других, побежденных богов потому, что он верит в их существование. Он охотно присоединяется к их культуре и не изменяет его: прежнее население или жрецы последнего знают лучше его, какими средствами можно обеспечить довольство своего бога».⁹⁶ Однако главенство остается за богом победителя, большее могущество которого наглядно доказывается уже самим фактом победы.⁹⁷

Так почему же Олег клялся не Тором, а Перуном? Очевидно потому, что, какова бы ни была его дружина по своему этническому составу, ни она, ни ее предшественники не «ворвались в страну», вопреки мнению В. В. Арендта и других ученых, «как завоеватели и колонизаторы славянской равнины».⁹⁸ Объективное религиозоведение, имеющее свой предмет и свой метод исследования, занимает оппозиционное положение по отношению к норманской теории.

Что касается того, что Перун был не только богом грозы, но и богом войны, в этом мы не сомневаемся. Военные функции могли ему приписываться даже задолго до появления устойчивой государственности на Руси. Гроза как картина «небесного боя» воспринимается, полагаем, не только глазами современного художника (например, Н. К. Рериха). Такое уподобление вполне естественно и для первобытного сознания. Бог, управляющий грозовой стихией, разбрасывающий стрелы-молнии, которые часто приносили реальные разрушения и смерть, превращался в фигуру сверхъестественного военного вождя. Ему же поклонялись, у него искали покровительства вожди земные. Перун был народным богом, да. Но никем не доказано, что он был главным народным богом. Главным он был для князя и дружины. Отсюда та aberrация, которая послужила одной из причин появления военно-дружинной модели Перуна.

Красный цвет (теперь мы, кажется, получили право это утверждать) был атрибутивным признаком Перуна. В древних семиотических системах красный цвет был не только знаком огня, но и знаком крови. Знак крови, соединенный с представле-

⁹⁶ Там же, стр. 171.

⁹⁷ Там же, стр. 170.

⁹⁸ W. Arndt. Das Schwert der Wikingerzeit in Rußland. Leipzig, 1933, S. 155.

ниями о «небесном бое», вызывал образ военного кровопролития. Бог, воплощавший эти идеи, в условиях классового общества, когда война получала все более важное значение, начинал терять свой чисто земледельческий характер, все больше и больше превращался в бога войны и в качестве такового — в бога княжеского и боярского.⁹⁹

⁹⁹ В военной («ироической») поэме «Слово о полку Игореве» упомянуты почти все боги Владимирова пантеона, за исключением... бога войны. Чем объяснить этот парадокс? Может быть, тем, что военные функции Перуна не столь уж органично были связаны с его образом и «богу грозы» в поэме было просто нечего делать?

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	Стр.
От Редакции	3
<i>Т. А. Бернштам.</i> Роль верхневолжской колонизации в освоении Русского Севера (IX—XV вв.)	5
<i>И. В. Власова.</i> Этнический состав населения в верховьях Северной Двины и ее притоков по переписям XVIII—первой четверти XX в.	29
<i>А. В. Сафьянова.</i> Народное крестьянское жилище Вологодской области. (По материалам экспедиции 1966 г.)	47
<i>Г. С. Маслова.</i> Об особенностях народного костюма населения Верхне-двинского бассейна в XIX—начале XX в.	66
<i>А. А. Лебедева.</i> Северные традиции в материальной культуре русских переселенцев в Забайкалье	86
<i>И. Н. Уханова.</i> Резьба и роспись народных мастеров северо-западного Поморья	105
<i>В. А. Фалеева.</i> Женский персонаж в русской народной вышивке	119
<i>М. Л. Мазо.</i> Об особенностях народно-песенной традиции одного района	132
<i>К. В. Чистов.</i> Текстологические проблемы поэтического наследия И. А. Федосовой	150
<i>Б. Н. Пугилов.</i> Севернорусская былина в ее отношении к древнерусскому эпосу	173
<i>В. Я. Проп.</i> Змееборство Георгия в свете фольклора	190
<i>Г. Г. Шаповалова.</i> Севернорусская легенда об олене	209
<i>Н. И. Савушкина.</i> Записи народной драмы на Онеге	223
<i>А. Ф. Некрылова.</i> Севернорусские варианты «Петрушки»	242
<i>К. Д. Лаушкин.</i> Деревянная фигурка антропоморфного существа из Старой Ладogi	250

ФОЛЬКЛОР И ЭТНОГРАФИЯ РУССКОГО СЕВЕРА

Утверждено к печати

Институтом этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Махлая

Редактор издательства *Т. Н. Богданова-Катъкова*

Художник *Д. С. Данилов*

Технический редактор *В. А. Зябликова*

Корректоры *Н. И. Журавлева* и *Г. И. Суворова*

Сдано в набор 20/III 1973 г. Подписано к печати 21/VI 1973 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆.
Печ. л. 17¹/₂ + 1 вкл. (1/8 печ. л.)=17,63 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 20,31. Изд. № 4931.

Тип. зак. № 1121. М-12991. Тираж 1900. Бумага № 2. Цена 1 р. 50к.

Ленинградское отделение издательства «Наука»

199164, Ленинград, Менделеевская лин., д. 1

1-я тип. издательства «Наука». 199034, 9 линия, д. 12

hr. 50a